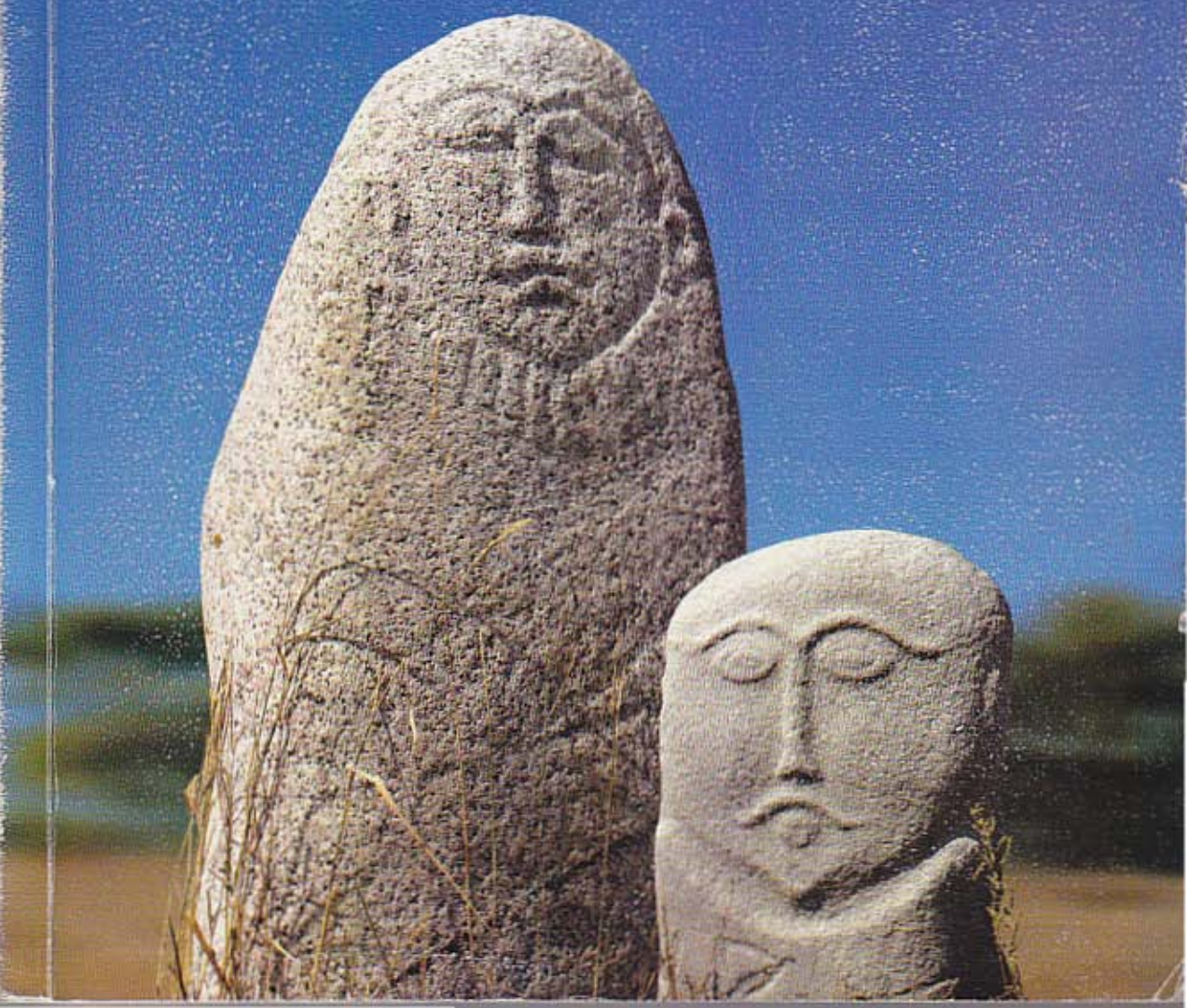

Ю. С. Худяков, К. Ш. Табалдиев

ДРЕВНИЕ ТЮРКИ НА ТЯНЬ-ШАНЕ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Ю.С. ХУДЯКОВ, К.Ш. ТАБАЛДИЕВ

ДРЕВНИЕ ТЮРКИ НА ТЯНЬ-ШАНЕ

Ответственный редактор
академик РАН *В.И. Молодин*

Новосибирск
Издательство Института археологии и этнографии СО РАН
2009

ББК Т51(5)419
Х 982

Рецензенты:

доктор исторических наук *А.И. Соловьев*
- кандидат исторических наук *С.Г. Скобелев*

*Работа выполнена в рамках программы
фундаментальных исследований Президиума РАН
«Адаптация народов и культур к изменениям природной среды,
социальным и техногенным трансформациям»
и тематического плана (НИР 1.5.09) и АВЦП
«Развитие научного потенциала ВШ (2009–2010 годы)»
(проект РНП.2.2.1.1/1822) Рособразования.*

Худяков Ю.С., Табалдиев К.Ш.

Х 982 Древние тюрки на Тянь-Шане. – Новосибирск: Издательство Института археологии и этнографии СО РАН, 2009. – 292 с.

ISBN 978–5–7803–0192–9

В монографии исследуются материалы по истории и культуре древних тюрков в период их проживания на Тянь-Шане (эпоха раннего средневековья). Рассматриваются вопросы происхождения древних тюрков и древнетюркской культуры. Анализируются основные события истории тюркских кочевых государств, в состав которых входила территория Тянь-Шаня. Характеризуются памятники (погребальные и поминальные комплексы, изваяния и наскальные рисунки) и предметы древнетюркской культуры на Тянь-Шане. Приводятся данные о памятниках культуры этого народа в Восточном Туркестане. Изучаются торговые и культурные связи древних тюрков, живших на Тянь-Шане, с населением других районов Центральной Азии. Оценивается значение древнетюркской эпохи в этнокультурной истории Кыргызстана.

Книга адресована археологам, этнографам и всем, кто интересуется средневековой историей Центральной Азии.

ББК Т51(5)419

ISBN 978–5–7803–0192–9

© Худяков Ю.С., Табалдиев К.Ш., 2009
© ИАЭТ СО РАН, 2009

ВВЕДЕНИЕ

В истории Центральной Азии важное, во многом определяющее для всего последующего этнокультурного развития значение имеет древнетюркская эпоха, относящаяся к раннему средневековью (VI–X вв. н. э.). В этот период существенным образом изменился этнический состав и культурный облик кочевого населения, проживавшего на просторах всего Центрально-Азиатского историко-культурного региона, включая западные районы Притяньшанья. С образованием в середине I тыс. н. э. Первого Тюркского каганата по обширным степным пространствам Евразии расселились многочисленные тюркоязычные кочевые племена и широко распространились памятники древнетюркской культуры: погребения по обряду ингумации с конем или бараном; поминальные оградки с каменными изваяниями; петроглифы, выполненные в резной технике; памятники древнетюркской рунической письменности [Грач, 1966].

Одним из районов расселения древнетюркских кочевых племен в середине I тыс. н. э. стали горы и долины Тянь-Шаня, западная часть которого является в настоящее время территорией Кыргызстана. В Притяньшанье мигрировали многочисленные кочевые племена из северных районов Центральной Азии. С началом широкой территориальной экспансии древних тюрков из восточных районов Центральной Азии в Притяньшанье переселяются группы кочевого населения, относящиеся к центрально-азиатским монголоидам; получают распространение тюркский язык и древнетюркская культура; складывается традиция хоронить умерших с конем; появляются поминальные оградки с изваяниями и древнетюркский предметный комплекс, наскальные рисунки, тамги и рунические надписи, характерные для культуры древних тюрков [Табалдиев, 1996, с. 35; Худяков, 1986а, с. 160; 2007а, с. 113]. На протяжении эпохи раннего средневековья территория Тянь-Шаня входила в состав сменявших друг друга государственных образований тюркоязычных кочевников: Первого Тюркского каганата, Западного Тюркского и Тюркешского каганатов, государств карлуков и Караханидов. В IX в. восточные районы Тянь-Шаня были завоеваны кыргызами и стали частью Кыргызского каганата [Худяков, 1980, с. 161]. События политической и военной истории, миграции кочевого населения, процессы взаимодействия и взаимовлияния кочевников и оседлого иранского и тохарского населения Притяньшанья существенным образом повлияли на этнокультурогенез населения этого района. Период раннего средневековья явился важным этапом тюркизации местного населения, образования тюркоязычного этнического массива, который в последующий исторический период вошел в качестве субстрата в состав кыргызского этноса.

Интерес европейской и отечественной науки к средневековой истории кочевого населения Тянь-Шаня был обусловлен важной ролью этого района в этнокуль-

турогенезе современных народов Центральной Азии. В XVIII в. немецкие ученые Г.Ф. Миллер и И.Э. Фишер, опираясь на доступные сведения по истории и этнографии коренного населения Южной Сибири, пытались дать объяснение современной этнической ситуации [Миллер, 1937; 1999, с. 175–176; Фишер, 1774].

Проблемы истории и археологии древних тюрков на Тянь-Шане впервые привлекли внимание ученых, путешественников, любителей древностей во второй половине XIX в. Важное значение для разработки данной темы имел перевод Н.Я. Бичуриным и В. Шоттом содержащихся в китайских источниках сведений о тюрках и кыргызах [Бичурин, 1950, с. 220–300, 350–357]. Во время экспедиций в Прииссыккулье Ч.Ч. Валихановым и П.П. Семеновым-Тянь-Шанским были отмечены древнетюркские каменные изваяния [Валиханов, 1985, с. 268; Семенов-Тянь-Шанский, 1948, с. 274–276]. В 1891 г. А.М. Фетисовым на территории Кочкорской долины проведены первые раскопки древнетюркских погребений с конем [Раскопки..., 1892, с. 112]. Исследованные им в местности Кескен-Таш захоронения по обряду кремации в урне, помещенной в склепе из сырцового кирпича, являются уникальными и при раскопках средневековых памятников Тянь-Шаня в дальнейшем не встречались [Там же, с. 116–117].

Значительным событием стало обнаружение в Монголии поминальных памятников древнетюркской знати с руническими надписями, дешифровка и перевод этих надписей В. Томсеном и В.В. Радловым [Кляшторный, Лившиц, 1978, с. 43–44]. В 1896 г. В.А. Каллауром впервые были найдены тюркские рунические памятники в Таласской долине [1896, 1897, 1899]. В последующие годы рунические надписи Таласа исследовались учеными из Финляндии Г. Гейкелем и К. Мунком [Кляшторный, Лившиц, 1978, с. 45]. Из раскопанных ими средневековых курганов происходит серия предметов вооружения древнетюркского времени. В конце XIX в. таласские рунические надписи были переведены В.В. Радловым [1899] и П.М. Мелиоранским [1899].

Большой вклад в изучение древнетюркского периода истории Кыргызстана внес В.В. Бартольд. Он принимал активное участие в организации и проведении археологических исследований, обнаружил несколько древнетюркских каменных изваяний в Прииссыккулье и на Тянь-Шане [1897, с. 18–44]. В.В. Бартольду принадлежит первый сводный очерк по истории Семиречья, в котором обобщены сведения из разноязычных средневековых письменных источников [1898]. Вопросы этнической истории тюркских племен и народов, проживавших на Тянь-Шане и в Семиречье, освещались и в работах Н.А. Аристова [1896].

С образованием в 1920-х гг. Кыргызской национальной автономии в составе Российской Федерации, а затем республики в составе Советского Союза и созданием в Кыргызстане научно-исследовательских учреждений и учебных заведений изучение средневековой истории кыргызов и других народов Притяньшанья приобрело целенаправленный и приоритетный характер. В 1927 г. В.В. Бартольдом был опубликован сводный очерк по истории кыргызов и Кыргызстана, в котором систематизированы все доступные материалы из китайских, арабо-персидских и древнетюркских источников [1927]. В дальнейшем эта работа дважды переиздавалась [Бартольд, 1943, 1963]. В 1920–30-х гг. продолжалось обследование археологических памятников в Кыргызстане. В ходе работ были открыты и памятники древнетюркской культуры. В 1929 г. А.И. Тереножкин обнаружил в Чуйской

долине несколько древнетюркских каменных изваяний, в том числе скульптурное изображение черепахи, служившее постаментом для стелы [1935]. При исследовании горных выработок в Таласской долине М.Е. Массоном была найдена деревянная палочка с руническими знаками [1936]. Изучением таласских рунических надписей в 1920-х гг. занимался известный тюрколог С.Е. Малов [1936]. С начала 1930-х гг. полевые работы в Кыргызстане проводились А.Н. Бернштамом [1952]. Им было исследовано большое количество погребений и каменных изваяний, оставленных средневековыми кочевниками в различных районах Тянь-Шаня. Он занимался вопросами происхождения древних тюрков и кыргызов, изучал социальные отношения у кочевников. Н.А. Бернштамом была предложена периодизация и этнокультурная интерпретация памятников средневековых кочевников Тянь-Шаня. Ориентируясь на материалы своих раскопок, исследователь выделил погребения тюргешей, чигилей, карлуков. Однако вслед за С.В. Киселевым и Л.А. Евтюховой он отнес погребения с конем, изученные на Тянь-Шане, к культуре енисейских кыргызов [Там же, с. 87–94].

В 1950-х гг. в Кыргызстане работала комплексная археолого-этнографическая экспедиция Академии наук. Одной из ее основных задач был анализ средневековых памятников для научной реконструкции процесса этногенеза кыргызского народа. Древнетюркские захоронения с конем в разных районах Тянь-Шаня исследовались А.К. Кибировым [1959] и Л.П. Зяблиным [1959]. Особый интерес для реконструкции представляет изученный А.К. Кибировым памятник Ичке-Жылга, при раскопках которого выявлены следы использования огня в погребальном обряде. Итоги работы этой экспедиции были подведены на специальной научной сессии Академии наук, посвященной этногенезу кыргызского народа, на которой ученые пришли к выводу, что современные кыргызы сформировались из разных этнических групп, включая местный субстрат и пришедшее кочевое население из Центральной Азии.

В конце 1950-х – начале 1960-х гг. древнетюркские памятники Таласской долины изучались Д.Ф. Винником [1963а]. Им выделено несколько типов средневековых захоронений и описаны каменные изваяния. В те же годы П.Н. Кожемяко и Д.Ф. Винником обнаружено несколько древнетюркских рунических памятников [Винник, 1963б]. В дальнейшем Д.Ф. Винником были обследованы каменные изваяния, обнаруженные в Иссык-Кульской котловине [1975, с. 170]. В это же время были опубликованы новые переводы китайских и древнетюркских источников по истории древних тюрков и кыргызов, что существенно расширило возможности исторического обобщения сведений, касающихся территории Тянь-Шаня и Семиречья. Эти материалы изданы в трудах Н.Я Бичурина [1950], С.Е. Малова [1959] и Н.В. Кюнера [1961, с. 182–194].

В 1960-х гг. древнетюркские каменные изваяния и захоронения на Тянь-Шане исследовались Я.А. Шером. Он отнес к культуре древних тюрков погребения по обряду ингумации с верховым конем [1961, 1963в], разделил антропоморфные каменные изваяния на две группы, согласно хронологии появления, и отнес большинство из них к древнетюркскому, а некоторые к уйгурскому времени [1966, с. 64, 72]. Сводная работа Я.А. Шера по каменным изваяниям Семиречья подвела итоги их предшествующего многолетнего изучения. В эти же годы А.К. Абе-тековым проводились раскопки древнетюркских погребений в Чуйской доли-

не [1967]. В дальнейшем отдельные древнетюркские памятники на территории Ферганы и Западного Тянь-Шаня в разные годы изучались и были введены в научный оборот Ю.А. Заднепровским, И.К. Кожомбердиевым, А.К. Абетековым, В.П. Мокрыниным [Заднепровский, 1967; Абетеков, Кожомбердиев, Мокрынин, 1977]. В 1960–1970-х гг. сведения о кыргызах и тюркских племенах Тянь-Шаня, содержащиеся в арабских и персидских источниках, были проанализированы и опубликованы О.К. Караевым [1968, 1973]. В те же годы вышли в свет материалы по истории средневековых кыргызов, проживавших на территории Средней и Центральной Азии [Материалы..., 1973].

Новая гипотеза об этногенезе кыргызов, в основе которой лежало их переселение с Алтая и из Прииртышья на Тянь-Шань в XIII–XIV вв., была выдвинута К.И. Петровым [1963]. Сведения из древнетюркских рунических источников об истории Средней Азии и взаимоотношениях древних тюрков и согдийцев проанализированы С.Г. Кляшторным [1964].

Результаты многолетних исследований археологических и письменных памятников, связанных с пребыванием древних тюрков на Тянь-Шане, нашли отражение в коллективных трудах по истории Кыргызстана, в которых значительное место уделено древнетюркской эпохе [История Кыргызской ССР, 1968, с. 103–125].

В 1970-х гг. древнетюркские памятники Прииссыккуля исследовались В.П. Мокрыниным, П.П. Гаврюшенко, Д.Ф. Винником [Мокрынин, 1975б; Мокрынин, Гаврюшенко, 1975]. Благодаря их усилиям, большое количество каменных изваяний было сосредоточено в музее на городище Бурана. Отдельным аспектам изучения каменных изваяний посвящены статьи и научно-популярные работы В.П. Мокрынина [1986, с. 107–115]. Древнетюркские погребения с конем были обнаружены В.Д. Горячевой и В.П. Мокрыниным на кладбищах средневековых городов в Чуйской долине [Горячева, 1988, с. 80–83; Мокрынин, 1982].

Новые данные, полученные в результате изучения древнетюркской культуры в Притяньшанье, нашли отражение в ряде разделов обобщающего коллективного труда по истории Кыргызстана, опубликованного в 1984 г. [История Кыргызской ССР..., 1984, с. 220–227]. К этому времени на территории Кыргызстана было зафиксировано и исследовано большое количество древнетюркских каменных изваяний и погребений с конем, изучена серия рунических памятников, что составило солидную источниковую базу для анализа процесса культурогенеза древних тюрков на Тянь-Шане. Важное значение для разработки данной проблемы имели результаты историко-археологического изучения древнетюркских памятников на территории Саяно-Алтая, Монголии, Казахстана [Савинов, 1984, с. 48]. В научной литературе также имелись отдельные сведения о древнетюркских памятниках в Синьцзяне [Итс, 1958].

Однако значительная часть древнетюркских погребений с конем, обнаруженных на территории Кыргызстана, не была введена в научный оборот, а на относящихся к этой культуре поминальных комплексах Тянь-Шаня изучались преимущественно каменные скульптуры. Подробно описывались и классифицировались только каменные изваяния, поэтому у исследователей сложилось ошибочное мнение, что поминальные оградки малохарактерны для Тянь-Шаня.

При характеристике культуры древних тюрков на Тянь-Шане исследователи, как правило, ориентировались на данные о соседних территориях, где памятники древнетюркской культуры изучены более полно.

Поэтому с конца 1980-х гг. К.Ш. Табалдиевым и О.А. Солтобаевым совместно с Ю.С. Худяковым, при поддержке Кыргызского государственного университета, а также Кыргызской ассоциации историков и делового проекта «Мурас», были развернуты целенаправленные исследования древнетюркских памятников в Кочкорской, Нарынской долинах и других районах Внутреннего Тянь-Шаня [Табалдиев, 1991а, б; 1995; 1999; Табалдиев, Худяков, 1991, с. 168–170; 1992а, б, в, г; 1993; 1999а, б; 2000; Худяков, Табалдиев, 1992, 1994; 1999]. В последние годы эти работы проводились совместно с археологами Германского археологического института и Турецкого исторического общества (Турк Тарых Куруму) [Анке и др., 2000, с. 189–190; Табалдиев, Бозер, Москалев, 2000; Anke et al., 1997].

В результате этих работ получены новые, весьма информативные материалы по погребальным и поминальным памятникам древних тюрков. Исследовано несколько десятков курганов, поминальных оградок, изваяний на могильниках в различных районах Тянь-Шаня. Эти данные по возможности оперативно вводились в научный оборот.

В последующие годы К.Ш. Табалдиевым совместно с Ю.С. Худяковым, О.А. Солтобаевым, О.А. Митько, М.И. Москалевым были проведены детальный анализ погребальной и поминальной обрядности, предметного комплекса культуры древних тюрков Тянь-Шаня, сравнительный анализ древнетюркской погребальной и поминальной обрядности, памятников искусства и письменности [Табалдиев, 1996, с. 15–98]. Вооружение и военное дело древнетюркских кочевников При Тяньшанья изучались Ю.С. Худяковым, К.Ш. Табалдиевым, О.А. Солтобаевым и другими исследователями [Худяков, Табалдиев, Солтобаев, 1994, 1996, 1997, 1998; Борисенко, Табалдиев, Худяков, 1999; Борисенко и др., 2006]. В последнее время в Кыргызстане вышли в свет статьи кыргызских и немецких исследователей, в которых представлены результаты раскопок 1990–2000 гг. на памятниках культуры древних тюрков и городского согдийского населения. Среди них необходимо упомянуть публикации В.А. Кольченко, Ф.Г. Ротта [2005; 2007, с. 22–23], А. Жумабева [2005], А.Т. Сулаймановой [2005; 2007], Ч.М. Жолдошева [2005].

Материалы по древнетюркской культуре из Восточного Туркестана были исследованы и введены в научный оборот Ю.С. Худяковым [1990, с. 19–21; 1991; 1995б]. Отдельные аспекты, связанные с изучением вооружения средневековых кочевников Тянь-Шаня, рассматривались в работах И.К. Кожомбердиева и Ю.С. Худякова [1990, 1995]. Вопросы изучения каменных изваяний освещались в работе Д.Ф. Винника. По его данным, на территории Кыргызстана зафиксировано ок. 600 каменных изваяний древнетюркского времени [1995, с. 175]. Каменным изваяниям посвящена и работа Б.А. Дуйшеева [1986]. Переводы рунических надписей Таласа приведены в трудах С.Г. Кляшторного, А.С. Аманжолова и других тюркологов [Кляшторный, 1995, с. 154–159; Аманжолов, 2003, с. 87–94; Кызласов И.Л., 1995, с. 142–152].

В последнее время особенно значимым событием для изучения проблем истории и культуры древних тюрков на Тянь-Шане стало открытие и исследование К.Ш. Табалдиевым и О.А. Солтобаевым в 1998, 2000–2006 гг. и в последующие годы древнетюркских рунических надписей в Кочкорской долине – на местонахождениях Кок-Сай, Бейрек-Булак, Кек-Бука, Тее-Карын [Табалдиев, Солтобаев, 1999, 2001; Худяков, Табалдиев, Солтобаев, 2002; Табалдиев, 2003]. Новые рунические

надписи были выявлены и в Таласской долине [Табалдиев, 2002; Tabaldiyev, 2002; Tabaldiyev, Soltobaev, 2002]. В настоящее время тексты этих надписей переведены С.Г. Кляшторным, А.С. Аманжоловым и другими тюркологами [Кляшторный, 2001; Аманжолов, 2001; 2003, с. 99; Кызласов И.Л., 2005].

Важной проблемой средневековой истории и археологии Кыргызстана, непосредственно связанной с изучением и интерпретацией средневековых археологических памятников кочевников Тянь-Шаня, всегда оставалась тема происхождения и формирования кыргызского народа. На научных конференциях и в публикациях активно обсуждалась гипотеза С.Г. Кляшторного, А.М. Мокеева и В.П. Мокрынина, согласно которой кыргызский этнос складывался в три этапа: жившие на Енисее предки современных кыргызов мигрировали на Алтай, а затем на Тянь-Шань [1988]. Близкие идеи о трехэтапном формировании кыргызского народа и кыргызского языка высказывал Э.Р. Тенишев.

В 1995, а затем в 2001 и 2002 гг., благодаря усилиям сотрудников делового проекта «Мурас», Кыргызско-Турецкого университета «Манас» и Кыргызского национального университета, был организован и проведен ряд научных конференций и семинаров, посвященных истории, в том числе этнической, и этногенетическим связям кыргызов. Участниками научных форумов было высказано мнение о необходимости разработки актуальных проблем исторической тюркологии и кыргызоведения на материалах археологических исследований на Тянь-Шане [Караев, 1989; Караев, Кожобеков, 1989; Молдобаев, 1989а; Савинов, 1989; Худяков, 1989б; 1995а, с. 133–141; Чороев, 1989; Чоротегин, 1995; Москалев, Табалдиев, Митько, 1996]. В 2004 г. была проведена научная конференция, посвященная анализу этнокультурного взаимодействия древних тюрков и согдийцев в эпоху раннего средневековья, на многие столетия определившего особенности развития Среднеазиатского региона [Худяков, 2004]. История и культура древних тюрков на Тянь-Шане составили одно из важных направлений в работе открывшегося в Кыргызско-Турецком университете «Манас» Центра по изучению тюркской цивилизации [Табалдиев, 2006]. Открытие этого центра способствовало проведению тематических научных конференций и изданию материалов экспедиционных исследований [Табалдиев, Жолдошев, 2003].

Важной темой в изучении древнетюркского периода истории Тянь-Шаня остаются вопросы участия тюркоязычных кочевых племен этого района в этнокультурогенезе кыргызов. В последние годы многие ученые высказывают мнение о том, что переселение кыргызов на Тянь-Шань в эпоху раннего средневековья проходило в два этапа, о чем свидетельствуют средневековые письменные источники и археологические материалы. Во времена «кыргызского великодержавия» (IX–X вв.) кыргызы с Енисея достигли восточных районов Тянь-Шаня, а в XV в. переселились дальше на Западный Тянь-Шань. При этом все исследователи, несмотря на различия во мнениях о путях переселения кыргызов на Тянь-Шань, подчеркивают, что тюркоязычное население Кыргызстана вошло в качестве этнического субстрата в состав современного кыргызского народа.

Этой проблеме посвящены отдельные статьи и разделы в монографиях авторов данной книги и других исследователей: О.К. Караева, М.О. Кожобекова, И.Б. Молдобаева, Д.Г. Савинова, Т.К. Чороева, О.А. Митько [Караев, 1989; Караев, Кожобеков, 1989; Молдобаев, 1989а; Савинов, 1989; Чороев, 1989; Худяков, 1989б; Москалев, Табалдиев, Митько, 1996].

Древнетюркский период является важной эпохой в этнокультурной и политической истории кыргызского народа, так же как и других тюркских народов Средней Азии. Главной задачей исследования этого периода в настоящее время становятся введение в научный оборот новых данных по древнетюркской археологической культуре на территории Западного и Восточного Притяньшанья, обобщение и анализ археологических материалов, их этнокультурная атрибуция и получение новых сведений об известных исторических событиях. В настоящей работе авторы опираются на результаты созданной ранее типологической классификации погребальных и поминальных памятников и инвентарного комплекса тюркских кочевых племен на территории Тянь-Шаня. Актуальной задачей изучения древнетюркской эпохи в истории Кыргызстана является обоснование периодизации археологических комплексов, соответствующей этапам развития древнетюркской археологической культуры в данном регионе, учитывающей время существования сменявших друг друга тюркских государственных образований и этнокультурную атрибуцию разных групп памятников. Археологические материалы дают возможность проследить торговые и культурные связи Кыргызстана с другими районами, определить характер и интенсивность взаимодействия тюркского кочевого и оседло-земледельческого согдийского населения.

Анализ имеющихся вещественных и письменных источников дает возможность по достоинству оценить значение древнетюркской эпохи в политической, военной и этнокультурной истории Кыргызстана.

ДРЕВНЕТЮРКСКАЯ ЭПОХА В ИСТОРИИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

1.1. ПРОИСХОЖДЕНИЕ ДРЕВНИХ ТЮРКОВ

Проблема происхождения древнетюркского этноса и его культуры представляет значительный интерес для современной исторической науки. Это связано с ведущей ролью древних тюрков в военно-политической и этнокультурной истории степной Евразии в эпоху раннего средневековья. Возвышение древних тюрков в середине I тыс. н. э. и создание ими могущественного государства – Первого Тюркского каганата, объединившего во второй половине VI в. большинство кочевых скотоводческих племен на обширных пространствах Евразийских степей, стали решающим фактором для широкого, почти повсеместного распространения тюркского языка и культуры, формирования государственных и военных институтов, характерных для всего кочевого мира.

Изучение этой проблемы имеет важное значение для осмысления процессов этнокультурогенеза многих древних и современных тюркоязычных народов Евразии.

Вопросами происхождения древних тюрков занимались многие российские и зарубежные исследователи. Анализу китайских источников и древнетюркских этногенеалогических легенд уделено значительное внимание в трудах Н.Я. Бичурина, Н.А. Аристов, Г.Е. Грумм-Гржимайло, С.В. Киселева, Лю Маоцая, С.Г. Кляшторного, Л.Н. Гумилева, Д.Г. Савинова и др. [Аристов, 1896, с. 279–280; Бичурин, 1950, с. 220–227; Грумм-Гржимайло, 1926, с. 211; Гумилев, 1993, с. 21–25; Киселев, 1949, с. 276–277; Кляшторный, 1965; Савинов, 1984, с. 32]. Работы Н.А. Аристов, П. Пельо, А.Н. Кононова, П. Будберга, С.Г. Кляшторного и других ученых посвящены исследованию происхождения этнонима *тюрк* и названия правящего тюркского рода *Ашина* [Аристов, 1896, с. 279–280; Кононов, 1949; Кляшторный, 1965; Кляшторный, Савинов, 1994, с. 12–14].

Первые попытки определить значение этнонима *тюрк* имели место еще в эпоху развитого средневековья. Согласно Махмуду Кашгари, слово *тюрк* буквально означает *войско* [Бернштам, 1935, с. 46]. В XIX в. Н.Я. Бичурин возводил термин *тюрк* к монгольскому слову *дулга* – шлем и объяснял это сходством очертаний Алтайских гор, где обитали тюрки, со шлемом [1950, с. 220–221]. В настоящее время считается, что это слово произошло от корня со значением *сильный, крепкий*. По мнению известных ученых В. Томсена и Ф.В.К. Мюллера, которое разделял выдающийся российский ориенталист Ю.Н. Рерих, «слово турк (турук) в старотюркском языке означало *сила, мощь*». Первоначально этот термин являлся «названием орды, основанной ханским родом Ашина (Ашэна)», однако со временем оно распространилось на многие тюркские кочевые племена [Рерих, 2007, с. 7–8]. Этого мнения придерживался и Л.Н. Гумилев [1993, с. 22]. Тюрколог А.С. Аман-

жолов трактовал этническое наименование тюрков более широко: по его мнению, оно должно означать также *могущественный* и *главный*, т. е. *господствующий*, или главный народ в древнетюркском государстве [Аманжолов, 2003, с. 37–38].

Хотя первые из названных выше интерпретаций восходят к эпохе средневековья, они довольно хорошо согласуются с широко распространенным в древности у многих народов феноменом – обычаем называть себя просто «люди» в значении «соплеменники» или «мужчины-воины», отличая тем самым «своих» от «чужих».

На этимологию названия правящего рода древних тюрков *Ашина* также существуют разные точки зрения. По мнению П. Будберга, которое приведено в работе С.Г. Кляшторного, это слово произошло от монгольского термина, означающего «десять волков» [Кляшторный, 1965, с. 280]. Л.Н. Гумилев также считал, что слово *ашина* означало «благородный волк» и происходило от монгольского *шоно-чино* – волк [1993, с. 22–23]. Образ волка играл огромное значение в мифологии древних тюрков, веривших, что их правящий род произошел от волчицы. В источниках тюрки иногда называются «расой волков» [Бичурин, 1950, с. 229]; тюркские каганы сравниваются с волками – обращаясь к верховному божеству они воют по-волчьи; «волками» (*бури*) назывались отряды конной панцирной кавалерии – гвардии тюркских каганов [Гумилев, 1993, с. 23], а волчья голова «красовалась на тюркских знаменах» [Худяков, 2007б, с. 51].

Однако С.Г. Кляшторный первоначально высказывал предположение, что слово *ашина* восходит к сакскому *асана* – достойный, благородный [Кляшторный, 1965, с. 281]. Позднее он предложил версию, согласно которой это слово имеет хотанско-сакскую или согдийскую этимологию со значением «синий» [Кляшторный, Савинов, 1994, с. 14]. Калькой этого термина он считает тюркское *кёк* в сочетании *Кёк-тюрки*, что должно означать, по его мнению, не просто «голубые (синие) тюрки», а *кёки* и *тюрки* или *Ашина* и *тюрки* [Там же]. Существовали и иные гипотезы: например, Х. Хауссиг считал, что термин *ашина* восходит к иранскому слову со значением «темноцветный», а Ч. Беквис – что *ашина* является искаженным тюркским словом *арслан* – лев [Там же, с. 13].

В китайских источниках есть прямые указания на то, что древние тюрки происходят из хуннской этнической среды. «Предки тукюевского Дома обитали от Западного моря на запад и одни составляли аймак. Это есть отдельная отрасль Дома Хунну, по прозванию Ашина» [Бичурин, 1950, с. 220]. Говоря современным языком, тюрки «есть особое племя сюнну (хуннов). Их родовое имя Ашина» [Кляшторный, Савинов, 1994, с. 12]. В другом источнике это «особое племя» названо более определенно. «Предками туцзюе были смешанные ху Пиньяляна. Их родовое прозвание было Ашина» [Кляшторный, 1965, с. 279]. Согласно китайским источникам, предки древних тюрков появились в результате «смешения разных родов, кочевавших в Пхин-лянь» [Бичурин, 1950, с. 221]. С.Г. Кляшторный относит начало процесса «смешения разных родов» к первой половине II в. до н. э. – времени проникновения хуннов в Приалашанье (в Пиньянь и Хэси), откуда они вытеснили юэчжей и усуней [1965, с. 279]. В дальнейшем хунны были вынуждены покинуть эту территорию из-за экспансии китайской империи Хань. Именно с этого времени начался процесс ассимиляции местных ираноязычных но-

мадов пришедшими из степных районов Центральной Азии северными (хуннскими и сяньбийскими) кочевниками, говорившими на тюркских и монгольских языках, относящихся к алтайской языковой семье. В I в. н. э. на территорию Хэси переселились вытесненные хуннами племена динлинов, ухуаней и сяньби. Еще через два столетия, в III в. н. э., в этот район началось массовое переселение хуннских племен, стремившихся уйти от власти образовавшейся в степях Центральной Азии Сяньбийской державы. Согласно реконструкции последовательности исторических событий, предложенной С.Г. Кляшторным, предки тюркского племени Ашина до середины III в. н. э. населяли район Си хай – Западного моря (низовья р. Эдзин-гол), где ассимилировали местное ираноязычное население, известное у китайцев под собирательным названием *ху* – кочевники [Там же, с. 279–280]. Автор реконструкции не утверждает в данном случае определенно, что хунны были тюркоязычным или монголоязычным народом, но полагает, что в составе хуннского объединения численно преобладали тюркские племена. Во время массового переселения хуннских племен в 265 г. в Хэси переселились и тюрки Ашина.

В 439 г. хуннское объединение в Хэси было захвачено войсками империи Вэй, во главе которой стояла сяньбийская династия, но хуннские вожди увели 10 тыс. семейств кочевников, включая тюрков Ашина, в районы Лобнора и Гаочана, где, заключив союз с жужанями, «продержались до 460 г.» [Кляшторный, Савинов, 1994, с. 9]. В китайских источниках говорится, что вождь тюрков Ашина «с 500 семейств бежал к жужаньцам», был поселен «по южную сторону Алтайских гор», где «добывал железо для жужаньцев» [Бичурин, 1950, с. 221]. По мнению Л.Н. Гумилева, «500 семейств Ашина» представляли собой не особую этническую группу, а военную дружину, состоящую из «удальцов, почему-либо не ужившихся в многочисленных сяньбийских и хуннских княжествах» [1993, с. 22]. Подобное предположение вполне соответствует приведенному выше объяснению названия *тюрк* Махмудом Кашгари, согласно которому оно означало «войско» [Бернштам, 1935].

Исследователи раннего этапа тюркского этногенеза придавали важное значение древнетюркским этногенеалогическим легендам, сохранившимся в пересказе китайских династийных хроник. Согласно первой легенде, род Ашина «был разбит одним соседним владетелем и совершенно истреблен. Остался один десятилетний мальчик. Ратники, видя его малолетство, пожалели убить его: почему отрубив у него руки и ноги, бросили его в травянистое озеро. Волчица стала кормить его мясом. Владетель, услышав, что мальчик ещё жив, вторично послал людей убить его. Посланные, увидя мальчика подле волчицы, хотели и её убить» [Бичурин, 1950, с. 220]. Волчица укрылась в горах восточнее «Западного моря» и северозападнее Гаочана, в пещере, где у неё родилось от мальчика десять сыновей, потомки каждого из них составили «особливый род». «В числе их был Ашина, человек с великими способностями, и он признан был государем; почему он над воротами своего местопребывания выставил знамя с волчьей головой – воспоминание своего происхождения. Род его мало-помалу размножился до нескольких сот семейств. По прошествии нескольких колен, некто Асянь-ше со всем аймаком вышел из пещеры и признал себя вассалом жужаньского хана» [Там же, с. 221].

По второй легенде, «предки тукюеского Дома происходят из владетельного Дома Со, обитавшего от хуннов на север. Старейшина аймака назывался Апанбу.

Их было 70 братьев. Первый назывался Ичжинин-нишцзлу и родился от волчицы. Апанбу с прочими был от природы глух, почему весь дом его был унытожен. Нишцзлу имел сверхъестественные свойства: мог находить ветры и дожди. Он взял на себя двух жён, из которых одна, как рассказывают, была дочь духа лета, другая – духа зимы. Первая родила четырёх сыновей, из которых первый превратился в Ивиса; другой царствовал между реками Афу и Тянь, под наименованием Цинь; третий царствовал при реке Чуци; а последний жил при горах Басычу-сиши. Это был старший сын. На горах обитал род Апанбуев. Там, по большей части, были холодные росы. Старший сын произвел теплоту и через то всех прочий спас: почему с общего согласия поставили старшего государем над собою под наименованием Тукюе. Это был Надагу-ше. Надагу имел десять жён. Все его сыновья прозявались по дому матери. Ашина был сын младшей жены. По смерти Надагу сыновья десяти матерей хотели избрать одного, чтобы поставить на место отца. Они пришли к большому дереву и положили между собою такое условие: кто выйдет прочь вспрыгнет на дерево, тот и будет поставлен старейшиною. Ашина, хотя был малолетен, но вспрыгнул очень высоко: почему братья и признали его своим государем под наименованием Ахьянь-ше» [Там же, с. 221–222]. Пересказав обе легенды, Н. Я. Вичурин отметил, что хотя «в сказаниях есть разность, но во всех род тукюесцев произведен от волка» [Там же, с. 222].

Неоднократно предпринимались попытки районального толкования реалий, упоминаемых в легендах. «Си хай» – западное море – связывалось с озерами Тяньшун-нор, Сого-нор и дельтой р. Эзин-гол или с Аральским и Каспийским морями [Кляшторный, 1965, с. 278]. Н. А. Аристов пытался сопоставить летаги, упоминающиеся во второй легенде, с Северным Алтаем и р. Лебедь, впадающей в Бую, в районе которой проживали куманджинцы из рода Со [Аристов, 1896, с. 278–280]. С. Г. Кляшторный усматривает в обеих легендах немало сходства и считает их разными вариантами одной и той же легенды, которая в общих чертах шпигуется в ганьсуйско-таочанский и алтайский периоды [Кляшторный, 1965, с. 279]. Он подчеркивает важность мотива «женитьбы на турфанских жемшинах» в первой легенде, что соответствует его гипотезе об иранском происхождении этнонима *Ашина* [Там же, с. 280–281].

Другие исследователи склонны усматривать в названии двух легенд отголоски борьбы внутри тюркского этноса в алтайский период его сложения между пришим родом Ашина и местной алтайской знатью [Гумилев, 1993, с. 23–24; Нестеров, 1979].

«Иллюстрацией к первой легенде» С. Г. Кляшторный и В. А. Лившиц считают наивершие бугутской степи из Центральной Монголии, на котором, по их мнению, изображены волчица и человеческая фигура [Кляшторный, Лившиц, 1971, с. 126].

Мифологический характер обеих легенд не дает оснований для точного отождествления упоминаемых в них реалий с гидронимами р. Лебедь, или называнием куманджинского рода Со. Нельзя согласиться и с интерпретацией наивершин бугутской степи как иллюстрации к генеалогической легенде. На нем нет ни волчицы, ни вскормленного ею мальчика, а рельефно изображен восточно-азиатский дракон – символ императорской и катанской власти [Войтов, 1996, с. 102].

По-видимому, различия в генеалогических легендах могут являться свидетельством в пользу многокомпонентности этнического состава тюркского этноса в начальный период его формирования.

Если принять версию С.Г. Кляшторного, основанную на анализе лаконичных сведений китайских династийных хроник и древнетюркских этногенеалогических легенд, то ранние этапы формирования древнетюркского этноса характеризовались процессами переселения в иноэтническую ираноязычную среду, ее ассимиляции и тюркизации.

Первый этап ассимиляции иноэтнического окружения «смешанных ху» относится ко времени переселения тюрков Ашина из прежнего района обитания в западной части нижнего течения р. Эдзин-гол на территорию Пиньяляна и Хэси. Вероятно, это была не просто миграция кочевого племени, а размещение на покоренной территории отряда военных поселенцев, преимущественно мужчин-воинов, взявших в жены местных «турфанских женщин». В пользу такого предположения может свидетельствовать легендарный сюжет о поголовном истреблении тюрков в период их обитания в районе Си хай. В истории кочевых войн нередко имели место случаи, когда победители уничтожали у побежденных всех мужчин ростом «выше ступицы колеса телеги».

В V в. под давлением войск империи Вэй тюрки были вынуждены переселиться в Гаочан, где вскоре (после 460 г.) попали под власть жужаней. Здесь они оказались в окружении племен, говоривших на иранских и тохарских языках. В результате межплеменных контактов язык и культурные традиции тюрков обогатились иранским влиянием. Именно в Восточном Туркестане, как считает С.Г. Кляшторный, было положено начало «тесным тюрко-согдийским связям, оказавшим огромное влияние на культуру и государственность древних тюрков» [Кляшторный, Савинов, 1994, с. 12].

Вероятно, и в период проживания в Гаочане тюрки представляли собой военную дружину, перешедшую после разгрома хуннов на службу к жужаньским каганам. Тюрки Ашина, подчинившиеся жужаням, насчитывали «500 семейств», т. е. ок. 2500 человек, и пять сотен воинов. Легенда называет тюркского вождя, признавшего себя вассалом жужаньского кагана, – это был Асянь-шад [Бичурин, 1950, с. 221]. В начале V в. н. э. при кагане Шелуне жужане расширили границы своих владений до Яньци – Карашара в Восточном Туркестане [Таскин, 1984, с. 269]. В 411 г. каган Хулюй подчинил себе племена хэвэй и йегу, т. е. уйгуров и кыргызов, обитавших в Притяньшанье [Бичурин, 1950, с. 188]. «Все владения Западного края, такие как Яньци, Шаньшань, Цюцы и Гумо, а также владения вдоль Восточной дороги служат и зависят» от жужаней [Таскин, 1984, с. 289]. Подчинение тюрков жужаням произошло в правление кагана Тэхучжэня. Однако в источниках при описании его правления это событие не упоминается [Бичурин, 1950, с. 193–194]. Возможно, в этот период тюрки представляли собой еще весьма незначительную военную силу, и их подчинение жужаням было оставлено летописцами без внимания. После подчинения жужаням тюрки Ашина добывали для них железо по южную сторону Алтайских гор [Там же, с. 221]. Именно в этот период они получили наименование *тюрк*. По одной из легенд это имя принял для себя их правитель Надулу-шад [Там же, с. 222].

По-видимому, жужане поселили тюрков на Алтае в качестве военных поселенцев, для того чтобы держать в подчинении местные племена. Согласно легенде,

один из братьев Надулу-шада Тюрка «царствовал между реками Афу и Гянь под наименованием Цигу, т. е. «Кыргыз», другой брат «царствовал при реке Чуси, а последний жил при горах Басычу-сиши» [Там же]. Это сообщение можно трактовать как назначение верных жужаньским каганам представителей правящего тюркского рода Ашина правителями вассальных племен – кыргызов, поселенных в междуречье Абакана и Енисея, и других кочевых народов, обитавших на реке Чуе и в горах Басычу-сиши. С.Г. Кляшторный полагает, что тюрки Ашина были поселены на «южных отрогах» Алтая [Кляшторный, 1965, с. 280]. Л.Н. Гумилев и Д.Г. Савинов считают, что они оказались в предгорьях Монгольского Алтая [Гумилев, 1993, с. 24; Кляшторный, Савинов, 1994, с. 93]. Н.А. Аристов, С.В. Киселев, С.П. Нестеров видят место расселения и смешения тюрков Ашина с автохтонным населением в Горном Алтае [Аристов, 1896, с. 278; Киселев, 1949, с. 276–277; Нестеров, 1979, с. 134]. Оригинальной точки зрения придерживался Г.Е. Грумм-Гржимайло, который считал, что тюрки переселились на Алтай из Барабинской лесостепи [Грумм-Гржимайло, 1926, с. 211].

Хотя лаконичные сведения письменных источников не дают достаточных оснований для локализации района, куда были переселены тюрки, можно предполагать, что он охватывал часть Монгольского Алтая, откуда тюрки могли быть привлечены жужанями для подавления восстаний телесцев и для участия в войнах, и Горного Алтая, в южных и восточных районах которого были обнаружены археологические памятники V–VI вв., характеризующие ранний этап формирования древнетюркской культуры.

На территории Горного Алтая тюрки снова оказались в окружении иноэтнических племен, часть которых, генетически связанная с носителями предшествующих булан-кобинской и пазырыкской культур, также, видимо, говорила на иранском языке. Тюрки смогли сохранить свою индивидуальность в иноэтнической среде благодаря тому, что обладали высокоорганизованной военной структурой, были «народом-войском», способным держать в подчинении более многочисленные и воинственные, но менее организованные в военном отношении местные алтайские племена.

Языковая и культурная ассимиляция подвластных племен сравнительно небольшой по численности этнической группой тюрков Ашина оказалась возможной еще и потому, что иноэтническая среда, в которой оказались тюрки на начальном этапе этногенеза, уже длительное время испытывала хуннское влияние. Хунны подчинили кочевые племена Приалашанья, Восточного Туркестана, Западной Монголии и Саяно-Алтая еще в конце III в. до н. э., когда создавалась держава хуннского шаньюя Модэ. В конце I тыс. до н. э. и в первые столетия н. э. хунны неоднократно устанавливали контроль над этими районами; здесь расселялись хуннские и другие, зависимые от них, тюркоязычные племена. Кочевое население данного региона испытало значительное воздействие военно-политических институтов хуннской державы. Местная кочевая знать стремилась заимствовать элементы хуннской культуры, которые считались престижными. Повсеместно распространились луки и стрелы, воинские пояса, украшения, конская сбруя хуннского типа. Вероятно, заимствовалась и титулатура правителей и военных чиновников, а также терминология, связанная с административным устройством, военным делом, престижными занятиями. Западные районы Центральной Азии

в хунно-сяньбийское время неоднократно принимали новые группы монголоидного кочевого населения из центральных и восточных районов хуннской державы. В течение этого периода Западная Монголия и Тува были заселены центрально-азиатскими монголоидами. Приток монголоидного населения ощущался в Горном Алтае, Минусинской котловине, Восточном Туркестане и Средней Азии.

Таким образом, ранний этап этногенеза древних тюрков совпал с более широкими процессами распространения центрально-азиатского влияния на кочевой мир в языковом, культурном и расовом отношении и постепенной трансформации иранских кочевых культур, усваивавших тюркские элементы. Поэтому переселение тюрков происходило, в какой-то мере, в родственной культурной среде, где они являлись носителями прогрессирующей культурной доминанты. Местные кочевники видели в них не просто пришельцев, а хорошо организованную военную силу, способную отстаивать их интересы в постоянном круговороте военно-политических событий. Древние тюрки во главе с правящим родом Ашина смогли не просто подчинить многочисленные алтайские кочевые племена, но и сделать их частью своей военно-административной системы, восприняв при этом основные компоненты культуры местного населения. Они стали господствующей этносоциальной группой среди кочевых племен Алтая.

1.2. РАННЯЯ ИСТОРИЯ ДРЕВНИХ ТЮРКОВ

Период ранней истории древних тюрков, начавшийся с поселения их на «южной стороне Алтайских гор» и завершившийся образованием самостоятельного государства, охватывает около 100 лет. События этого времени очень слабо отражены в источниках.

Древние тюрки во главе с правящим родом Ашина были поселены во второй половине V в. жужанскими каганами на Алтае для того, чтобы «добывать железо» [Бичурин, 1950, с. 221]. Вероятно, тюрки были обязаны поставлять жужаням дань железными изделиями, в т. ч. оружием. Саяно-Алтай на протяжении многих веков служил железоделательной и оружейной базой для центрально-азиатских кочевых империй. В VI в., когда с образованием Первого Тюркского каганата древние тюрки заняли главенствующее положение в Центральной Азии, дань тюркским каганам в виде «оружия, крайне острого» были обязаны поставлять уже енисейские кыргызы [Бичурин, 1950, с. 352]. По сообщениям хронистов, для изготовления оружия местными кузнецами использовалось не только рудное, но и метеоритное железо [Кюпер, 1961, с. 59]. А для кыргызов Енисея в течение всей эпохи средневековья, вплоть до XVIII в., оружие, в свою очередь, делали жившие в Кузнецкой котловине племена кыштымов [Потапов, 1957, с. 20].

По-видимому, в середине I тыс. н. э. в Саяно-Алтай были переселены из Восточного Туркестана не только тюрки Ашина, но и кыргызы, которые ранее обитали в Восточном Притяньшанье [Худяков, 1995а, с. 49]. По мнению В.В. Бартольда, они жили на берегах оз. Кыргыз-Нур [Бартольд, 1963, с. 476–477]. В древнетюркской этногенеалогической легенде Цигу – Кыргыз, «царствующий» в междуречье Абакана и Енисея (Минусинская котловина) – назван братом тюркского правителя Надулу-шада, принявшего для своего племени наименование *Тюрк* [Бичурин, 1950, с. 222]. До своего переселения кыргызы входили в состав конфедерации кочевых

племен гаогюйских динлинов, главных противников жужаньского господства в Центральной Азии. Переселение кыргызов в Минусу и назначение им в качестве правителя одного из представителей рода Ашина может свидетельствовать о стремлении жужаней ослабить коалицию гаогюйских динлинов. Кроме кыргызов и тюрков, в Туву, вероятно, были переселены кочевые племена – носители чаатинской культуры, этноним которых пока точно не установлен. Памятники данной культуры, имеющие аналогии в культурах Притяньшанья и Средней Азии, появляются в Туве в предтюркское время [Худяков, 1993, с. 56]. Они принадлежали европеоидному населению, практиковавшему кольцевую деформацию черепов, характерную для восточно-иранских кочевников Средней Азии. По своему расовому облику чаатинские племена резко отличаются от монголоидов – носителей кокзальской культуры, пришедших в Туву вместе с хуннами в I в. н. э. [Худяков, 1993, с. 52]. В источниках нет прямых свидетельств о миграции кочевых племен из Притяньшанья в Туву в середине I тыс. н. э., но по аналогии с переселением тюрков на Алтай и кыргызов в Минусу можно предполагать, что носители чаатинской культуры также могли быть переселены жужанями, стремившимися укрепить свое господство на севере Центральной Азии.

С.Г. Кляшторный полагает, что Асянь-шад, «признавший себя вассалом жужаньского хана», – реальное историческое лицо, «первый вождь Ашина, с именем которого связано, по одной традиции, само образование племени, а по другой – переселение племени из Восточного Туркестана на Алтай» [Кляшторный, 1965, с. 280]. Его имя в разных вариантах упоминается в обеих легендах [Бичурин, 1950, с. 221–222]. По данным С.Г. Кляшторного, следующий «верховный вождь тюрков», сын Асянь-шада Туу носил титул «великий ябгу» [Кляшторный, 1965, с. 280–281]. В китайских источниках первый тюркский правитель, с именем которого связаны реальные исторические события, назван Или-хан Тумынь [Бичурин, 1950, с. 227]. В тюркских рунических памятниках он именуется Бумын-каган [Малов, 1951].

Первые десятилетия проживания тюрков на Алтае не были освещены в источниках. Видимо, в этот период тюрки укрепляли свое господство над местными кочевыми племенами и поддерживали стабильные отношения с Жужаньским каганатом, исправно поставляя туда дань железными изделиями, в том числе оружием. Тюркские вожди сохраняли по отношению к своим сюзеренам положение вассалов.

Однако период со второй половины V в. по 40-е гг. VI в. в истории Жужаньского каганата был наполнен бурными военно-политическими событиями. Жужаньские каганы вели постоянные войны и подавляли восстания конфедерации телесских племен, боровшихся за свержение жужаньского господства и установление своей гегемонии в степях Центральной Азии. Правители жужаньского каганата то организовывали войны и набеги на северные китайские государства, возглавляемые правителями сяньбийского происхождения, то признавали по отношению к ним свое вассальное положение и присылали дань, то устанавливали союзные отношения, основанные на династийных узах. В Жужаньском каганате периодически вспыхивала борьба за верховную власть между различными претендентами на каганский престол – родственниками правящей каганской фамилии. Иногда события разворачивались таким образом, что жужаньское государство оказывалось на краю гибели. И хотя жужаням каждый раз удавалось избежать

краха и сохранить свое господство над центрально-азиатскими кочевыми племенами, нестабильность внешнеполитического и внутреннего положения, безусловно, значительно ослабляла Жужаньский каганат и открывала возможность для покоренных племен добиваться независимости и принимать участие в борьбе за гегемонию в степях Центральной Азии.

Междоусобицы внутри Жужаньского каганата во многом были спровоцированы дипломатией северных китайских государств, поддерживавших своих ставленников в борьбе за каганский престол. Китайцы стремились сделать напрямую своими вассалами некоторые кочевые племена, подвластные жужаньским каганам, тем самым ослабляя последних. Китайские правители отправляли подарки к вождям кочевых племен, принимали их посланников и дань, заключали с некоторыми из них династические союзы.

Именно с такой дипломатической активностью китайцев связано первое упоминание о тюрках как о самостоятельной силе на политической арене Центральной Азии. По свидетельству китайских источников, «в царствование западного Дома Вэй в одиннадцатое лето правления Да-тхун (535 г. н. э.) Вынь-ди отправил Ань-Нопаньто, кочевое иноземца из Цю-цюань, посланником к Тумыню» [Бичурин, 1950, с. 228]. Л.Н. Гумилев считает его выходцем из Хэси, человеком, знавшим тюркский язык. По его мнению, это указывает на сохранение тюрками связей со своей прародиной [1993, с. 26]. С.Г. Кляшторный считает его согдийцем, выходцем из Ганьсу или из Бухары [Кляшторный, 1965, с. 281; Кляшторный, Савинов, 1994, с. 15]. Однако Цю-цюань, откуда происходил вэйский посол, находится в современной китайской провинции Ганьсу. Вполне вероятно, что Ань-Нопаньто был по своему происхождению цяном, т. е. тибетцем, находившимся на службе в империи Вэй.

По случаю приезда китайского посла в «орде все начали поздравлять друг друга, говоря: ныне прибыл к нам посланник от великой державы: скоро и наше государство возвысится» [Бичурин, 1950, с. 228]. Несмотря на то, что в китайских источниках точно указано время прибытия этого посольства, Л.Н. Гумилев, исходя из сложившейся военно-политической ситуации в Центральной Азии, считает, что это событие произошло десять лет спустя, в 545 г. Император Вэнь-ди, правитель государства Западная Вэй, искал союзников, чтобы противостоять союзу государства Восточная Вэй с тогонами и жужанями. Исследователь полагает, что с этой даты начинается тюркская история [Гумилев, 1993, с. 26–27]. С такой датой «установления дипломатических отношений между тюрками и одним из северокитайских государств» согласен и С.Г. Кляшторный [Кляшторный, Савинов, 1994, с. 15].

Согласно китайским источникам в переводе Н.Я. Бичурина, в следующем, 536 г. н. э., «Тумынь отправил посланника для представления местных произведений» [Бичурин, 1950, с. 228]. Обмен посольствами с империей Западная Вэй со стороны тюркского правителя Бумына, который впервые упоминается в источниках в связи с этими событиями, несомненно означал демонстрацию независимости по отношению к правившему в тот период жужаньскому кагану Анахуаню. Л.Н. Гумилев полагает, что «это не вызвало разрыва с жужанями: по-видимому, переговоры велись в строгой тайне» [1993, с. 27]. Вряд ли эти переговоры могли быть тайными, поскольку сам факт приезда китайского посланника вызвал

ликование всей тюркской орды. Вероятнее всего, в ставке жужаньского кагана Анахуаня, озабоченного отношениями с северными китайскими государствами, просто не обратили внимания на обмен посольствами между древними тюрками и империей Западная Вэй.

Император Западной Вэй Вэнь-ди явно вёл двойную игру, поскольку накануне отправки посольства к древнетюркскому правителю Бумыну, в 533 г. н. э., выдал замуж за брата жужаньского кагана Анахуаня, Таханя, дочь видного китайского сановника, а сам «взял в жены дочь Анагуя, объявив ее императрицей» [Таскин, 1984, с. 291]. Жужаньский каган Анахуань (Анагуй), получив в качестве подарков золото и шёлковые ткани, прервал переговоры с империей Восточная Вэй, задержал и убил посла этого государства, намереваясь вторгнуться в ее земли. Лишь после того, как умерла китайская императрица, дочь Анахуаня, послам империи Восточная Вэй удалось склонить его на свою сторону. В 541 г. он вступил в брак с принцессой из правящей династии империи Восточная Вэй. В 546 г. Анахуань заключил династийный союз с правящим домом империи Ци [Там же, с. 292–293]. В 530–540-х гг. жужани нанесли ряд поражений телесцам, после чего их правитель Цзюйбинь бежал в Китай ко двору императора Ци, где его хотели поставить правителем теле с титулом военачальника-усмирителя севера. Но этот план провалился, поскольку беглец вскоре умер от болезни [Там же, с. 405–406].

Исходя из всего этого, трудно согласиться с мнением Л.Н. Гумилева, что Бумын, заключая династийный союз с империей Западная Вэй, «сознавал, что он слишком слаб, чтобы бороться с жужанями, данником которых он был» [1993, с. 27]. Скорее жужаньский каган, озабоченный заключением династийных союзов с правителями северокитайских государств и победивший несколько раз телесцев, не придавал должного значения обмену посольствами между тюрками и империей Западная Вэй. Начиная с 30-х гг. VI в. жужаньский каган Анахуань на фоне междоусобиц среди китайских государств «чрезмерно усилился» и стал «проявлять высокомерие» по отношению к правителям этих государств. В конце 30-х гг. он «стал еще более заносчивым». После визита в Лоян он установил должности чиновников по китайскому образцу, «незаконно подражая правителям», с точки зрения китайских властей. В этом ему активно помогал живший при его ставке китаец Шуньюй Тань [Таскин, 1984, с. 293–294].

В заботах об укреплении своих позиций в Северном Китае каган Анахуань не заметил опасности, которая возникла в глубоком тылу жужаней, на далеком Алтае.

В это время против жужаньского каганата в очередной раз восстали телесские племена и пошли «войною на Жужань». Тюркский правитель Бумын со «своим войском напал на них наперерез и, разбив их, покорил весь аймак, простиравшийся до 50 тыс. кибиток» [Бичурин, 1950, с. 228].

Л.Н. Гумилев считает, что Бумын «решил добросовестно выполнить долг союзника и вассала» по отношению к жужаньскому кагану [1993, с. 27]. Возможно, он действовал по указанию жужаньского кагана Анахуаня, но подчинение телесцев, безусловно, отвечало и его интересам.

По мнению Л.Н. Гумилева, древние тюрки одержали победу над восставшими телесскими кочевыми племенами благодаря лучшей организации и превосходству в тяжелом защитном вооружении, в то время как телесцы были плохо

организованы, их восстание представляло собой «стихийный взрыв народного негодования» [1993, с. 27–28]. Вероятно, к этому времени (по расчетам Л.Н. Гумилева – к 545 г. н. э.) древние тюрки смогли значительно усилиться, укрепив свою власть над покоренными племенами Алтая и включив их в структуру своей военной организации. Хотя подчинение телесцев формально было актом лояльности по отношению к жужаньскому кагану, оно значительно увеличивало военные силы и политическое могущество тюркского правителя. Бумын стал фактически верховным вождем всех многочисленных тюркоязычных кочевых племен в составе Жужаньского каганата. Каган Анахуань, внимание которого по-прежнему было приковано к северокитайским делам, этого не понял или не заметил.

Значительно усилив свою власть в кочевой среде, Бумын не замедлил заявить о своих правах на более высокое, по сути равное положение с правящим родом жужаньских каганов. «Полагаясь на свою силу и многочисленность, он просил брака у жужаньского государя» [Бичурин, 1950, с. 228]. Это существенным образом нарушало сложившееся статус-кво и не соответствовало центрально-азиатским политическим традициям, согласно которым кочевым населением должен был управляться единый полновластный государь. «Анахуань крайне разгневался и послал нарочного с таким ругательным ответом: “Ты мой плавильщик: как же осмелился сделать такое предложение?”». После такого ответа разрыв между древними тюрками и жужанями стал неизбежен. «Тумынь также рассердился и убил посланного» [Там же]. Судя по реакции Бумына, он был готов к подобному исходу событий и сознательно провоцировал разрыв. Однако, убив посла и сделав войну практически неизбежной, он постарался заручиться союзом с империей Западная Вэй, с которой ранее был совершен обмен послами.

Прервав контакты с Жужаньским каганом, Бумын «просил брака у Западного Дома Вэй». Император Вэнь-ди «согласился, и в седьмое на десять лето, 551 (г. н. э.), в шестой луне, выдал за него Чан-лэ царевну». После смерти этого императора, Бумын в том же году «отправил посланника для утешения и послал 200 голов лошадей для вспоможения в похоронах» [Там же]. Лишь укрепив с помощью династийного брака союз с империей Западная Вэй, Бумын решился на открытое военное столкновение с жужанями. Жужаньский каган на все эти действия никак не отреагировал. Возможно, он недооценивал военные возможности тюрков, ориентируясь на свои былые военные успехи в войнах с телесцами, которые теперь составляли основное войско Бумына. Однако основу боевой мощи древнетюркского войска составляла грозная военная сила – хорошо организованная и прекрасно вооруженная, закаленная в предшествующих боях каганская гвардия, включавшая отряды панцирной кавалерии [Худяков, 1986б, с. 90].

В первый месяц 552 г. древние тюрки нанесли сокрушительное поражение жужаням. «Тумынь послал войско на Жужань и совершенно разбил жужаньцев по северную сторону Хуаймана» [Бичурин, 1950, с. 228]. Каган Анахуань, который, видимо, находился в жужаньском военном лагере и не смог бежать, «предал себя смерти» – покончил жизнь самоубийством [Там же]. «Его старший сын Яньлочень, младший двоюродный брат Дэнчжу-сыли и сын Дэнчжу, Кути, бежали во главе народа к династии Ци. Оставшиеся жуаньжуани поставили правителем младшего сына Дэнчжу-Тефа» [Таскин, 1984, с. 294]. Согласно переводу Н.Я. Бичурина, «оставшийся народ поставил государем Дыншуцзы, Анахуанева младшего дядю по отце» [Бичурин, 1950, с. 228].

И хотя жужани отчаянно сопротивлялись, ведя войну с древними тюрками еще несколько лет, их разгром при Хуаймане был настолько сокрушительным и всеобъемлющим, что вся Центральная Азия оказалась во власти тюркского правителя Бумына. В том же 552 г. он принял титул кагана и «наименование Или-хана» [Там же]. Вероятно, этот титул означает «правитель эля» – тюркского государства. В тюркских рунических текстах Бумын-каган назван победителем всех «четырёх углов мира», которые он «притеснил, повалил, победил, раздавил» [Малов, 1959, с. 9]. Каганы именуются «богоподобными», «небом поставленными» или «угодными Небу» [Там же, с. 20]. В китайских источниках этот титул сравнивался с титулом хуннских правителей *шаньюеюв*, а титул жены кагана *хатун* – с хуннским титулом супруги шаньюя *яньчжи* [Бичурин, 1950, с. 228].

С разгромом жужаней в 552 г., принятием Бумыном титула кагана и образованием Первого Тюркского каганата завершился алтайский период тюркской истории и начался период кочевой империи.

1.3. ГЕНЕЗИС ДРЕВНЕТЮРКСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Анализ исторических сведений о ранних этапах этногенеза древних тюрков позволил установить многокомпонентность состава древнетюркского этноса и его культуры. Согласно сведениям китайских источников, само племя тюрков Ашина восходит к хуннской этнической среде, являясь «отдельной отраслью» хуннов. Вполне возможно, что на начальном этапе этногенеза в их состав вошла группа монголоязычных кочевников. На протяжении ранних периодов своей истории (III – первая половина VI в. н. э.) в Ганьсу, Восточном Туркестане и на Алтае древние тюрки жили в иноязычном окружении, среди иранских и тохарских племен, активно смешиваясь с ними. Однако, благодаря своей военной организации и военному превосходству над покоренными племенами, они сохранили свой язык и смогли ассимилировать подвластных иноязычных кочевников. С образованием Первого Тюркского каганата в середине VI в. в его состав вошли многочисленные телесские и другие тюркоязычные кочевые племена. Этноним *тюрк* приобрел значение политонима. Тюркоязычные кочевые племена расселились по обширной территории степного пояса Евразии, от Черного до Желтого моря и от сибирской тайги до пустынь Средней Азии, Восточного Туркестана и Великой китайской стены. Древнетюркский народ сохранил свое этнокультурное своеобразие и после падения тюркских каганатов. В источниках тюрки упоминаются в качестве самостоятельного этнического образования вплоть до середины X в. [Liu Mau-tsai, 1958, S. 262, 390]. В странах Европы, Передней и Средней Азии термин *тюрк* продолжал широко применяться в качестве собирательного названия в отношении многих, разных по происхождению тюркоязычных племен и народов в течение средних веков, нового и новейшего времени.

Особенности этногенеза и этнической истории древних тюрков отразились на процессе формирования и распространения древнетюркской культуры. Древнетюркская археологическая культура сложилась на рубеже эпохи раннего средневековья из разных культурных компонентов в Центрально-Азиатском историко-культурном регионе. Территория ее распространения в период максимального расширения не вполне соответствует границам древнетюркских каганатов. К на-

стоящему времени памятники древнетюркской культуры выявлены на территории Саяно-Алтая, Монголии, Восточного Туркестана, Кыргызстана, Казахстана, Приуралья [Гаврилова, 1965, с. 54–66; Акишев, Байпаков, 1979, с. 95–99; Худяков, 1985, с. 169–177; Кляшторный, Савинов, 1994, с. 95–129; Костюков, 1994, с. 138–150; Войтов, 1996, с. 9; Табалдиев, 1996, с. 15–98]. В научной литературе тюркам зачастую приписываются многочисленные средневековые памятники в Восточной Европе, Приуралье, Западной Сибири, Забайкалье, принадлежащие, вне всякого сомнения, к иным археологическим культурам [Плетнева, 1967, с. 100–102; Хамзина, 1970, с. 91; Амброз, 1981, с. 22; Гаман, 1992; Мажитов, Султанова, 1994, с. 110–114]. Вполне вероятно, что эти культуры принадлежат тюркоязычным кочевым племенам, но не самим древним тюркам, возглавляемым правящим родом Ашина.

Развитая древнетюркская культура включала погребальные и поминальные памятники, предметный комплекс, петроглифы, тамги, рунические надписи [Абетеков, 1967; Бернштам, 1952, с. 80–83; Винник, 1963б; Горячева, 1988, с. 80–83; Зяблин, 1959; Кибиров, 1959; Мокрынин, 1975б; Мокрынин, Гаврюшенко, 1975; Табалдиев, 1991б; Табалдиев, Худяков, 1991; 1992в; 1992г; 1993; Худяков, 1990; 1991б; 1995б]. Ранний «ганьсуйско-гаочанский» этап древнетюркского культурогенеза на конкретных археологических комплексах в Ганьсу и Синьцзяне пока проследить не удастся. Не представляется возможным выделить «ганьсуйско-гаочанское» наследие и в материалах последующих этапов развития древнетюркской культуры.

В настоящее время наиболее ранним этапом формирования культуры древних тюрков является берельский, соответствующий времени их обитания на Алтае до образования Первого Тюркского каганата в V–VI вв. н. э. Погребальные памятники этого этапа были изучены еще в середине XIX в. В.В. Радловым на могильнике Берель в Рудном Алтае [Гаврилова, 1965, с. 54–57]. Погребальный обряд древних тюрков достаточно подробно описан в китайских династийных хрониках: «в избранный день берут лошадь, на которой покойник ездил, и вещи, которые он употреблял, вместе с покойником сжигают, собирают пепел и зарывают в определенное время года в могилу. Умершего весной и летом хоронят, когда лист на деревьях и растениях начнет желтеть или опадать; умершего осенью или зимой хоронят, когда цветы начинают развертываться». И далее: в «здании, построенном при могиле, ставят нарисованный облик покойника и описание сражений, в которых он находился в продолжение жизни. Обыкновенно если он убил одного человека, то ставят один камень. У иных число таких камней простирается до ста и даже до тысячи. По принесении овец или лошадей в жертву до единой, вывешивают их головы на вехах» [Бичурин, 1950, с. 230]. Более или менее подробные описания данного обряда имеются в разных китайских династийных хрониках. Наличие в них некоторых разночтений заставило И. Эчеди и Л.Н. Ермоленко усомниться в том, что эти сведения относятся именно к древнетюркскому времени [Ермоленко, 1992]. По мнению Л.Н. Ермоленко, некоторые детали в данном сообщении являются результатом переноса китайской заупокойной обрядности на древних тюрков, которые в XI в. исчезли с исторической арены. Ряд исследователей пытались искать точное соответствие сведениям летописей в археологических материалах. М.П. Грязнов, Л.Н. Гумилев, Л.П. Потапов считали древнетюркскими захоронения

по обряду трупосожжения, сопровождаемые оградками с изваяниями и балбалами, в которых иногда встречаются отдельные вещи, сожженные кости и угли [Грязнов, 1940, с. 20; Гумилев, 1959, с. 108–110; Потапов, 1953, с. 87]. В настоящее время этой точки зрения придерживается А.С. Суразаков, который считает, что у древних тюрков мешочек с пеплом вывешивался на дерево, которое устанавливалось в центре оградки [1992, с. 95]. Особенно долго в научной литературе бытовала традиция считать «княжескими могилами» поминальные комплексы с земляными валами на территории Монголии [Войтов, 1996, с. 22]. Однако большинство ученых с полным основанием считают подобные памятники поминальными сооружениями. А.Д. Грач предложил считать древнетюркскими сожжения в кольцевых выкладках с установленными подле них стелами в небольших четырехугольных оградках [Грач, 1968]. Впрочем, нет никаких оснований относить эти памятники к древнетюркскому времени, поскольку в них не обнаружено датирующих находок [Кызласов Л.Р., 1979, с. 78]. И хотя вопрос о древнейших тюркских «сожжениях» нельзя считать окончательно решенным (возможно, они еще будут найдены), в настоящее время очевидно, что основная масса древнетюркских кочевников погребала тела умерших, не подвергая их кремированию. Один из вариантов решения данной проблемы предложил в свое время Н.Я. Бичурин, отметив, что обряд сожжения относится к похоронам высшей знати [Бичурин, 1950, с. 230, прим. 1]. В источниках есть указание о забвении тюрками обычая кремации [Liu Mau-tsai, 1958, S. 203]. Это сообщение нередко воспринималось как свидетельство смены тюрками погребальной обрядности. После падения Первого Тюркского каганата плененный китайцами каган восточных тюрков Хейли после смерти был «по кочевому обычаю сожжен» [Бичурин, 1950, с. 256]. Это может говорить о вариативности древнетюркской погребальной обрядности, что вполне соответствует многокомпонентному характеру их этнического состава.

Наиболее ранние из известных сегодня древнетюркских захоронений, относящиеся к берельскому типу V–VI вв., совершены по обряду трупоположения с конем. Берельский тип памятников был выделен и охарактеризован А.А. Гавриловой, которая отнесла к нему несколько курганов, раскопанных ранее В.В. Радловым, С.И. Руденко и М.П. Грязновым [Гаврилова, 1965, с. 54–56]. По ее мнению, для данного типа памятников характерно широтное расположение могил, восточная или западная ориентировка погребенных, сопроводительные захоронения двух-трех коней, из которых один взнузданный, и своеобразный набор инвентаря, включающий копья, луки, костяные наконечники самострелов, серебряные кольца и бляшки [Там же, с. 57]. Она датировала берельский тип могил IV–V вв. н. э. и отнесла его к культуре племен «тйелэ (теле) до прихода на Алтай тюрков-тугю в конце V в.» [Там же, с. 105].

Благодаря подробной публикации берельских материалов С.С. Сорокиным выяснилось, что ряд памятников был включен А.А. Гавриловой в данный тип ошибочно, а их датировка носит предположительный характер [Сорокин, 1969, с. 234]. Кроме названных А.А. Гавриловой памятников Берель, Катанда I, Кокса и Яконур, Д.Г. Савинов отнес к берельскому типу могилы, раскопанные С.С. Сорокиным на Балыктыюле [Савинов, 1984, с. 29]. Поскольку обряд погребения с конем существовал в Горном Алтае длительное время начиная с периода ранних кочевников, он не может быть связан непосредственно с тюрками «в узком, этническом значении

термина». По мнению Д.Г. Савинова, этот обряд был характерен для юэчжийского населения Горного Алтая, у которого был заимствован динлинами, известными в средние века под названием теле [Там же, с. 29–30]. В отдельный вид он выделил впускное захоронение с конем в кургане Улуг-Хорум в Туве, которое датировал V–VI вв. н. э. [Кляшторный, Савинов, 1994, с. 97].

По данным С.С. Сорокина, берельские курганы представляли собой округлые каменные насыпи, диаметром 6–10,5 м, высотой 1,5–2 м. Под насыпями находились прямоугольные могильные ямы площадью 2×1 и $3 \times 2,5$ м. В южной части ямы на уступе располагалось от 1 до 3 скелетов лошадей, ориентированных головой на восток. В северной части ямы, углубленной на 0,7–1 м, лежал скелет человека в вытянутом положении, головой на восток. В первом погребении найдены накладки для луков разных типов, железные стрелы, костяная трубочка, пряжка и железный палаш. Во втором находился железный палаш с цельнокованным изогнутым перекрестьем и кольцевым навершием, детали панциря, костяная пряжка, серебряный перстень, деревянный стержень в серебряной оправе, два железных ножа в ножнах. У ног погребенного отмечены следы серебряных пластинок. Рядом со скелетом коня лежали железные удила с серебряными обоймами, серебряные бляшки, заклепки и обоймы от узды. Находившиеся здесь костяные пластинки с отверстиями были определены А.А. Гавриловой как «наконечники самострела» [Гаврилова, 1965, с. 55; Сорокин, 1969, с. 234]. Из перечисленных находок датирующее значение имеют длинные массивные накладки лука и палаш с кольцевым навершием, которые позволяют отнести эти материалы к предтюркскому времени. Серебряные украшения узды своеобразны. Они не находят близких аналогий среди предметного комплекса памятников середины I тыс. н. э. Костяные пряжки характерны для периода раннего средневековья.

Таким образом, для обстоятельной характеристики данного культурного комплекса археологических материалов не достаточно. Однако вполне очевидно, что памятники берельского типа имеют сходные черты (особенности погребальной обрядности, захоронение умерших в сопровождении одного или нескольких верховых коней) с памятниками предшествующих культур на территории Горного Алтая: булан-кобинской культуры хунно-сяньбийского времени, пазырыкской и майзмирской культур скифского времени. Иных истоков для раннетюркского погребального обряда в культурах Центральной Азии не просматривается. Это может означать только одно: пришедшие из Восточного Туркестана тюрки Ашина переняли от местных кочевников Горного Алтая их традиционную погребальную обрядность. Вполне вероятно, что зафиксированный китайскими источниками обряд кремации человека и коня, характерный для высшей знати древних тюрков, является результатом слияния разных традиций и может восходить к заупокойной обрядности тюрков Ашина до их переселения на Алтай. Однако пока подобные памятники на территории Центральной Азии не обнаружены.

С образованием Первого Тюркского каганата и расширением границ древнетюркской культуры обряд захоронения с конем получает очень широкое распространение в Центральной Азии, что в целом соответствует историческим сведениям о расселении тюркских кочевников в этот период. Практически повсеместно погребения с конем распространяются в Центрально-Азиатском регионе вместе с другими характерными для древнетюркской культуры типами памятников. Дан-

ный обряд существовал и после падения тюркских каганатов – до конца X в., что совпадает с упоминаниями о тюрках в письменных источниках.

В эпоху раннего средневековья данный обряд, наряду с другими элементами древнетюркской культуры, был заимствован многими тюркоязычными кочевниками, а также некоторыми нетюркскими племенами, и распространился по обширным пространствам степного пояса Евразии.

Вторым важным компонентом древнетюркской культуры являются поминальные памятники, которые включают оградки, каменные стелы и изваяния и ряды каменных столбиков – балбалов. В китайских источниках описание тюркского поминального обряда и создания памятника умершему приводится вместе с характеристикой собственно погребального обряда. С течением времени поминальные памятники видоизменялись и свою законченную форму приобрели в VII в., в период существования Второго Восточного Тюркского каганата. По конструктивным особенностям среди них выделяются поминальные сооружения знати и рядовые поминальные оградки.

Обычаи установки поминальных стел (иногда в оградках) и проведения поминальных тризн по усопшим имеют в культурах Центральной Азии длительную историю и восходят к эпохе бронзы. Наиболее ярким проявлением данной традиции в эпоху поздней бронзы являлось сооружение рядов оленных камней, обращенных лицевой стороной на восток [Худяков, 1987а, с. 156–159]. В памятниках этого периода отчетливо проявилась воинская специфика поминального культа. Поминальные стелы устанавливались центрально-азиатскими кочевниками и в скифское время. В Горном Алтае исследованы квадратные оградки со следами поминальных тризн, относящиеся к пазырыкской культуре [Худяков, 1996, с. 89]. Среди памятников данной культуры имеются и ряды вертикальных каменных столбов, расположенных на восток от некоторых курганов [Кубарев, 1987, с. 11]. Значительное сходство с рядовыми поминальными сооружениями древних тюрков имеют оградки, сопровождаемые рядами каменных столбиков и относящиеся к булан-кобинской культуре хуннского времени. Эти оградки были ориентированы углами по сторонам света, а ряды каменных столбиков расположены в юго-западном или юго-восточном направлении [Мамадаков, 1994, с. 59; Соенов, Эбель, 1996, с. 117]. При раскопках внутри оградок встречались обломки костей животных, угли, предметы вооружения и сбруи [Мамадаков, 1994, с. 59]. В одном случае обнаружен скелет коня. На памятнике Кызыл-таш в одной из оградок были обнаружены миниатюрные копии предметов конской сбруи и вооружения [Соенов, Эбель, 1996]. Эти находки могут свидетельствовать о том, что обряд поминовения умерших воинов на территории Горного Алтая сформировался еще в хунно-сяньбийское время. Данный обряд был воспринят и трансформирован древними тюрками, у которых в эпоху существования каганатов наиболее отчетливо проявился военно-дружинный характер поминальных ритуалов. Некоторые конструктивные особенности поминальных сооружений древнетюркской знати (а именно: установка стелы с надписью и завершением в виде фигуры дракона на каменном постаменте, представляющем собой скульптуру черепахи, а затем скульптур львов, баранов, «плачущих и стонущих» людей – участников траурной церемонии – по обеим сторонам аллеи, ведущей к поминальному храму), вне всякого сомнения, были заимствованы тюркскими каганатами и их приближенными

у китайской высшей знати. Они находят прямые аналогии в деталях оформления мавзолеев китайских императоров династии Тан и должны объясняться исходя из традиций китайской погребальной обрядности, формирование которой восходит еще ко времени императора Цинь Шихуанди. Конечно, не исключена возможность переосмысления этих символов в древнетюркской среде, но в основе такого подражания лежало стремление правителей кочевых государств во всем быть равными императорскому двору Среднего государства. С ослаблением военной мощи и падением тюркских каганатов поминальный культ древних тюрков претерпел известную трансформацию. Его военно-дружинный характер отошел на второй план, уступив место культу предков, не только мужчин-воинов, но и женщин-хранительниц очага [История Киргизской ССР..., 1984, с. 330; Итс, 1958; Мокрынин, 1986, с. 108; Худяков, 2007б, с. 115]. Эти особенности поминального культа в наибольшей степени проявились в культуре западных тюрков, а затем кыпчаков. В трансформированном виде данный культ просуществовал до монгольского времени и исчез только с распространением в кочевой среде мировых прозелитарных религий [Баяр, 1985, с. 158].

Одним из важнейших компонентов древнетюркской культуры является предметный комплекс. Согласно исследованиям Д.Г. Савинова, некоторые из его основных элементов начинают формироваться в хуннское время [Савинов, 1984, с. 126]. В области вооружения это было, прежде всего, оружие дистанционного боя: сложносоставной лук и железные трехлопастные стрелы с костяными свистунками [Худяков, 1986а, с. 26–33]. Однако, насколько можно судить по имеющимся материалам, древние тюрки также принесли на Алтай тяжелое панцирное вооружение и палаши [Худяков, 1986б, с. 87–89]. Вероятно, именно благодаря своему превосходству в наступательном и защитном вооружении для ближнего боя тюрки смогли удержать в подчинении подвластные кочевые племена. И в дальнейшем, во времена тюркских каганатов, панцирная кавалерия (*фули* или *бури* – волки) составляла основную ударную мощь тюркского войска [Кожомбердиев, Худяков, 1990; 1995].

В середине I тыс. н. э. древнетюркская культура испытала приток важных инноваций из Восточной Азии и явилась их ретранслятором в кочевом мире [Кляшторный, Савинов, 1994, с. 101]. Так, в убранстве коня появилось седло с жестким деревянным остовом и стремянами, которое значительно упрочило посадку наездника и расширило его возможности в ближнем бою.

Характерным элементом древнетюркской культуры являлся наборный пояс с металлическими бляшками и подвесными ремешками. Хотя металлические детали применялись для изготовления поясов и ранее, свою наиболее характерную форму воинский наборный пояс с металлическими пряжками и накладками приобрел в древнетюркское время. В отличие от защитных поясов предшествующих периодов, древнетюркский пояс обладал различительной функцией: его оформление соответствовало статусу владельца.

Для древних тюрков была характерна пиршественная посуда из драгоценных металлов, особые виды украшений и предметов туалета. В среде древнетюркской знати очень часто использовались импортные вещи: китайские монеты и бронзовые зеркала, одежда из шелковых тканей, оружие и металлические изделия согдийского производства. Характерные элементы древнетюркского предметного комплекса

в период Первого Тюркского каганата широко распространились по всей территории евразийских степей и даже за пределы кочевого мира.

Для наскальных изображений древнетюркского времени характерно применение техники резной гравировки, постепенно вытеснившей технику точечной выбивки. Это изменение обусловлено появлением металлических, вероятнее всего железных, орудий для резьбы по камню. Начало этому процессу положило перенесение приемов гравировки костяных и роговых изделий на скальные плоскости. К началу эпохи раннего средневековья существенно изменились и сюжеты изображений. Прежние зооморфные образы «звериного стиля» вытеснились антропоморфными персонажами, батальными сюжетами и сценами богатырской охоты. Новая техника позволила заполнить внутреннее пространство изображаемых фигур и обогатить их многими деталями [Худяков, 1987б, с. 188].

К числу памятников древнетюркской культуры относятся родовые тамги, среди которых выделяются тамгообразные изображения горного козла – символ правящего рода Ашина [Грач, 1973, с. 323]. Картографирование тамгообразных изображений дает возможность уточнить ареалы расселения древнетюркских родоплеменных подразделений в Центрально-Азиатском регионе и проследить происхождение некоторых из них. Хотя изображения горных козлов очень широко распространены в Азии и датируются разными периодами начиная с эпохи бронзы, нет оснований связывать их с тюрками.

С образованием государственности у тюрков получила распространение письменность. В Первом Тюркском каганате для прокламативных целей применялась согдийская и некоторые другие виды письменности, заимствованные из оседло-земледельческих государств [Кляшторный, Лившиц, 1971, с. 126]. В конце VII в. во Втором Восточном Тюркском каганате была создана древнетюркская руническая письменность, в дальнейшем получившая распространение и в других государствах тюркоязычных кочевников [Кляшторный, 1964, с. 35–48; Кляшторный, 1973, с. 260; Кляшторный, 1995; Кляшторный, Лившиц, 1978]. И хотя данный вид письменности имел весьма ограниченную сферу применения, рунические памятники являются важнейшим источником по истории древних тюрков, так как содержат сведения об исторических событиях с точки зрения правящих верхов каганата. Рунические надписи на каменных стелах являются характерной чертой поминальных памятников высшей знати Второго Восточного Тюркского каганата.

Основные компоненты древнетюркской культуры, сформировавшиеся в алтайский период ее развития (погребения с конем и поминальные оградки с изваяниями, элементы предметного комплекса), во время переселения значительных масс тюркоязычных кочевников из северных районов Центральной Азии на Тянь-Шань в середине I тыс. н. э. получили распространение и в этом районе. В дальнейшем в Притяньшанье была принесена и руническая письменность [Винник, 1963а; 1995; Табалдиев, 1991а; Табалдиев, Худяков, 1992а; 1992б; Тереножкин, 1935; Худяков, 1990; Худяков, Табалдиев, 1994; Худяков, Табалдиев, Солтобаев, 1994; Шер, 1961; 1963в; 1966, с. 26–62].

История древних тюрков и их культуры на Тянь-Шане является важной и вполне самостоятельной частью древнетюркского этнокультурогенеза. В условиях близости к городским и оседло-земледельческим центрам иранской и тохарской культуры Восточного Туркестана и Средней Азии процесс этнического и культурного развития у тюркских кочевников шел особым, своеобразным путем.

Глава 2

ТЯНЬ-ШАНЬ В СИСТЕМЕ ДРЕВНЕТЮРКСКИХ ГОСУДАРСТВ

2.1. ПЕРВЫЙ ТЮРКСКИЙ КАГАНАТ

Разгромив жужаньское войско и захватив ставку правящего кагана Анахуаня, древнетюркский правитель Бумын занял его место и в глазах всех кочевых владетелей Центральной Азии стал законным владыкой кочевого мира. Принятый им титул Эль-кагана означал «верховный правитель государства». Бумын «продолжил сношения с Домом Ци через посольства» [Бичурин, 1950, с. 228]. Вероятно, он считал необходимым заявить о себе и своей победе над жужанями правителю китайского царства Ци, во главе которого стояла династия Ци, чтобы китайцы прекратили поддерживать жужаней и признали его полноправным правителем всех кочевых племен Центрально-Азиатского региона. Впрочем, сам Бумын не смог в полной мере воспользоваться плодами своих побед, поскольку вскоре после разгрома жужаней и принятия титула Эль-кагана он умер. Произошло это в год образования Первого Тюркского каганата (552 г.). В исторической памяти древних тюрков Бумын-каган остался легендарным героем, основателем государства, защитником тюркского народа. В тексте Онгинского памятника о нем говорится в эпическом, возвышенном тоне. «Наш предок Бумын-каган четыре угла (мира) притеснил, повалил, победил, раздавил. Затем, когда этого хана не стало, народ наш погиб, рассеялся и разбежался» [Малов, 1959, с. 9]. Памятник Цаган-обо в честь мудрого советника нескольких тюркских правителей Второго Восточного Тюркского каганата Тоньюкука соотносит «былинные» времена первых тюркских каганов с сотворением мира, когда на небе засияли небесные светила – Солнце и Луна. Каганы в этой надписи называются «небоподобными», «небородженными», выполняющими «волю неба» [Малов, 1951, с. 33, 37]. Вероятно, в эпоху суровых испытаний для тюркской государственности (VIII в.) именно так древними тюрками осмысливались события, связанные с образованием их первого каганата.

После смерти первого тюркского Эль-кагана Бумына верховную власть в государстве унаследовал его сын Исиги-хан Коло (Кара-каган, Кара Исык-хан) [Бичурин, 1950, с. 228; Гумилев, 1993, с. 28; Кляшторный, Савинов, 1994, с. 15]. Война с жужанями продолжалась. Новый правитель разгромил жужаньское войско во главе с каганом Дыншуцзы в местности, лежащей по «северную сторону Во-йе при горе Лайшань» в Северном Китае, и так же, как и его отец, вскоре умер [Бичурин, 1950, с. 228]. Судя по тому, что после этого был отстранен от престола законный наследник, сын Коло Нйету (Шету), первые тюркские каганы умирали не своей смертью [Гумилев, 1993, с. 28]. В результате его отстранения к власти пришел младший брат прежнего кагана Муюй-хан Кигинь, он же Яньду [Бичурин, 1950, с. 228]. Л.Н. Гумилев именует его Цзушу Сыгинь Мутань-хан, С.Г. Кляштор-

ный – Муган-каган (Му-хан) [Гумилев, 1993, с. 28; Кляшторный, Савинов, 1994, с. 15]. По сообщениям летописцев, Муган-каган имел «необыкновенный» внешний вид. Его лицо «было около фута длиною, и притом чрезвычайно красное, глаза как стеклянные». Кроме того, он «был тверд, жесток, храбр и много ума имел, занимался более войною» [Бичурин, 1950, с. 229]. Именно Муган-каган, устранив соперников в борьбе за каганский престол и сокрушив внешних врагов, сделал Первый Тюркский каганат крупнейшей кочевой державой Евразии, обладающей неоспоримым могуществом. Первой задачей Муган-кагана было окончательное уничтожение остатков государственности жужаней во главе с каганом Дыншуцзы [Там же]. По мнению Л.Н. Гумилева, это событие произошло поздней осенью 553 г. [1993, с. 30]. По сведениям китайских источников, жужаньский каган Дэнчжу (Дыншуцзы) был убит старейшиной Афути, и «народ владения» поставил правителем сына Дэнчжу Кути. Последний был также разбит древними тюрками и бежал под защиту китайской империи Ци. Император Вэнь-сюань отразил натиск древних тюрков, низложил Кути и назначил правителем жужаней Яньлоченя, сына кагана Анахуаня. Однако в 554 г. Яньлочень неожиданно поднял мятеж и был разбит войсками империи Ци. «В плен были захвачены жена и сыновья Яньлоченя, а также свыше 30 тыс. человек» [Таскин, 1984, с. 294–295]. Судя по этим сведениям, жужани в тот период еще сохраняли достаточно крупные военные силы. Однако неудачный мятеж Яньлоченя имел роковые последствия для жужаньской государственности и самого жужаньского этноса. В 555 г. войска империи Ци снова атаковали жужаней. В том же году жужани потерпели несколько поражений от древних тюрков и бежали во владения империи Западная Вэй. Древние тюрки «непрерывно посылали» в империю Западная Вэй своих послов «с просьбой истребить всех жуаньжуаней и этим доставить ей (империи. – *Авт.*) радость. По совету императрицы Чжоу-вэнь, согласившись с этим, император связал более 3 тыс. жуаньжуаней и их правителя и передал туцзюэскому послу, который отрубил всем головы за воротами Цинминь. От казни были избавлены юноши до 16 лет, которых распределили между ванами и гунами» [Там же, с. 295].

Уничтожив жужаней, Муган-каган «на западе разбил Иду, на востоке прогнал Кидань, на севере покорил Цигу, и привел в трепет все владения, лежащие за границею. С востока от Корейского залива на запад до Западного моря до десяти тысяч ли, с юга от Песчаной степи на север до Северного моря, от пяти до шести тысяч ли, – все сие пространство земель находилось под его державою» [Бичурин, 1950, с. 229]. Среди покоренных Муган-каганом владений и народов названы Иу (оазис Хами) на западе, в Восточном Туркестане; кыргызы, проживавшие в этот период в Минусинской котловине; кидани, обитавшие в южной Маньчжурии. Л.Н. Гумилев отмечает, что под владением Цигу можно понимать кыргызов или чиков, и полагает, что Муган-кагану не удалось «форсировать Саяны» [Гумилев, 1993, с. 30]. Л.Р. Кызласов предложил отождествить цигу с одним из телесских племен – чиками, обитавшими на территории Тувы [1969, с. 51]. Д.Г. Савинов считает племена цигу носителями таштыкской культуры в Минусинской котловине [1984, с. 40]. Поскольку в китайских источниках сказано, что один из братьев древнетюркского вождя Ашины, называвшийся Цигу, управлял землями между реками Афу и Гянь, т. е. в междуречье Абакана и Енисея, под этим названием китайцы подразумевали именно енисейских кыргызов [Бичурин, 1950, с. 222].

Стремление Муган-кагана к покорению кыргызов можно объяснить желанием овладеть всем жужаньским наследством в Центральной Азии, поскольку племена цигу были покорены жужаньским каганом Хулюем еще в начале V в. н. э. [Бичурин, 1950, с. 188]. В то же время в китайских источниках имеется указание, что после переселения кыргызов на Енисей ими управлял правитель под именем Цигу – один из представителей древнетюркского правящего рода Ашина [Там же, с. 222]. В этом случае в политике Муган-кагана можно видеть стремление объединить все без исключения тюркоязычные кочевые племена Центральной Азии под одной властью, что вполне соответствовало политической традиции центрально-азиатских правителей. По мнению С.Г. Кляшторного, владения Муган-кагана простирались от Каспийского до Желтого моря и от пустынь Алашань и Гоби до Байкала [Кляшторный, Савинов, 1994, с. 15]. Л.Н. Гумилев полагает, что «Западное море», до которого доходили владения Муган-кагана, – Аральское, а не Каспийское [1993, с. 34]. После покорения всех кочевых племен Центральной Азии Муган-каган настолько усилился, что «стал соперником Среднему царству» [Бичурин, 1950, с. 229]. Но как заметил С.Г. Кляшторный, это признание китайских летописцев «не вполне точно – каганат в эту эпоху фактически превратил оба северокитайские государства – Северное Ци и Северное Чжоу – в своих данников» [Кляшторный, Савинов, 1994, с. 15]. Впервые после падения древних империй хуннов и сяньби все кочевые племена Центральной Азии были объединены под властью одного правителя в рамках единого могущественного государства – Первого Тюркского каганата. Муган-кагану удалось достичь всех основных целей, к которым стремились властители кочевых государств: подчинить все центрально-азиатские кочевые племена, установить контроль над торговлей по Великому Шелковому пути и навязать даннические отношения северным китайским государствам [Худяков, 2007, с. 33].

Основное внимание китайских летописцев в этот период было приковано к политике Муган-кагана в отношении северокитайских государств, к заключению им династийных союзов с правящими династиями Ци и Чжоу, к войнам, которые он вел с тогонцами, и участию древних тюрков в войнах между правителями Северного Китая [Бичурин, 1950, с. 231–233].

Некоторые примеры свидетельствуют о появлении у китайских военачальников во второй половине VI в. стремления к проведению активной военной политики против древних тюрков. Так, раздосадованный неудачей совместного похода против империи Ци, чжоуский полководец Ян Чжун весьма негативно оценил боеспособность тюркских войск и перспективы союза с древними тюрками. «Тукюеские ратники пренебрегают и наградами и наказаниями, мало уважают начальников, и по большей части не соблюдают порядка. Управиться с ними не трудно. Отсюда видно, что напрасно много говорят об их могуществе. Сим желают только побудить правительство щедро награждать посланников их, в надежде самим, отправившись туда, получить сугубое возмездие. Двор получает ложные донесения, а военные начальники при первом слухе о них предаются страху. Неприятеля по наружности показываются мужественными, в самой же вещи (в самом же деле) легко управиться с ними. Ныне, по моему мнению, и прежним, и последним посланникам надлежит всем отрубить головы» [Бичурин, 1950, с. 232].

Однако чжоуский император Ву-ди не согласился с этим мнением и продолжал совместные военные мероприятия с древними тюрками против империи Ци. Зави-

симось северокитайских государств от Первого Тюркского каганата сохранялась и в годы правления следующего кагана Тобо-хана, или Таспара [Кляшторный, Лившиц, 1971, с. 129]. Как отмечено китайским летописцем: «Со времен Кигиня Дом его сделался богатым и сильным. Он имел намерение разгромить Срединное государство, но Двор поспешил заключить с ним союз мира и родства, и ежегодно давал ему сто тысяч кусков шелковых тканей. Тукюесцы, проживавшие в столице, содержимы были с отличными почестями. Они носили шелковое одеяние, ели мясо. Число их иногда простиралось до тысячи человек. Дом Ци страшился их набегов и грабительства, и также истощал свои казнохранилища для платы им. Тобо в счастии очень превозносился, и приближенным своим говорил: только бы на юге два мальчика (т. е. Дома Северный Чжоу и Северный Ци) были покорны нам: тогда не нужно бояться бедности» [Бичурин, 1950, с. 233].

Поддерживая соперничество и противоборство между северокитайскими государствами, первым тюркским каганам удавалось без крупномасштабных войн и сражений держать их в вассальной зависимости, получать обильную дань, заключать династийные союзы.

Другим важным направлением политики тюркских правителей с момента создания Первого Тюркского каганата было расширение владений в западной части степного пояса Евразии. Военные походы тюрков на запад возглавил младший брат Бумын-кагана Истеми-ябгу-каган, известный в китайских источниках под именем Шитеми, в византийских – под именем Сильзибул, в арабских – Синджибу [История Киргизской ССР..., 1984, с. 674]. Истеми был соправителем Бумына, возглавляя народ и войско западного крыла тюркского эля, в которое, вероятно, входили районы от Алтая до Тянь-Шаня. Еще при жизни Бумына он «командовал десятью великими предводителями (или старейшинами), имел десять туменов войска» [Там же, с. 222]. Л.Н. Гумилев считает, что в подчинении у Истеми было десять «североалтайских племен угорского происхождения», и само имя его имеет угорскую этимологию и означает «дух-предок» [1993, с. 34]. Учитывая предшествующую историю рода Ашина, с подобным предположением трудно согласиться. Истеми предпринял поход на запад в погоню за группами жужаней, бежавшими после разгрома войска кагана Анахуаня. По представлениям кочевников, потерпевшие поражение номады должны были подчиниться победителям, поэтому в погоню за беглецами направлялись войска, чтобы вернуть их на прежнее место жительства. Преследуя бежавших противников, которые стали известны в Европе под названием аваров, тюрки завосвали почти все степные пространства Евразии. Впрочем, имеются сведения, что Истеми «отправился усмирять страну ху (согдийцев)» [История Киргизской ССР..., 1984, с. 222]. Поход Истеми, видимо, направлялся вдоль северных склонов Тянь-Шаня из Восточного Туркестана в Семиречье и Среднюю Азию. В Притяньшанье тюрки столкнулись с эфталтами. По мнению В.П. Мокрынина, этот поход начался в 552–553 гг., когда Истеми «сам объявил себя каганом, назвавшись «десятиплеменным», т. е. правителем десяти племен [Там же, с. 222–223]. В то же время Л.Н. Гумилев считает, что поход мог начаться «после решительного разгрома жужаней, происшедшего осенью 553 г. Самая вероятная дата выступления в поход – весна 554 г., когда с жужанями было покончено, а степи покрылись травой, что имело решающее значение для конницы» [1993, с. 34]. В свою очередь, С.Г. Кляшторный полагает, что «в 555 г.

тюркские племена, двигавшиеся на запад, овладели Семиречьем и всей степной зоной Средней Азии, вплоть до Сыр-Дарьи и Приаралья» [Кляшторный, Савинов, 1994, с. 18] (рис. 1).

Завоевание Притяньшанья и Семиречья сопровождалось массовым переселением тюркских кочевых племен в эти районы из северных областей Центральной Азии и ассимиляцией, отчасти вытеснением, местного ираноязычного кочевого населения. Изменение этнокультурной ситуации нашло отражение в резкой смене прежней кенкольской археологической культуры новой для Притяньшанья и Семиречья древнетюркской культурой. Впрочем, ряд исследователей считают, что кочевое население Притяньшанья ко времени прихода древних тюрков уже было тюркоязычным и под их давлением ушло из этих районов на запад вместе с аварами [Там же; Чотонов и др., 1996, с. 50]. Существует мнение, что усунь, обитавшие в Притяньшанье в хунно-сяньбийское время, были тюркоязычным народом [Зуев, 2002].

По мнению Л.Н. Гумилева, владения Истеми в 555 г. доходили до Чача, включали бассейн Сыр-Дарьи, низовья Аму-Дарьи, Хорезм и весь Центральный Казахстан [1993, с. 34]. Расселившееся в Притяньшанье тюркское кочевое население составило *Он Ок Будун* – «народ десяти стрел», поделенный на два крыла – дулу и нушиби, по пять туменов в каждом. Каждая «стрела» обязана была выставить войско численностью 10 тыс. конных воинов во главе с «великим предводителем» (шадом). «Восточная сторона называлась пять племен дулу, во главе которых были поставлены пять великих чоров... Западная сторона называлась пять племен нушиби. Во главе их стояло пять великих иркинов... Позднее каждая стрела стала называться племенем, а великим вождям было дано звание великих предводителей. Пять племен дулу обитали к востоку от Суяба; пять племен нушиби обитали к западу от Суяба» [Кляшторный, Савинов, 1994, с. 19]. Во главе этого тюркского народа и войска стоял правитель, носивший титул ябгу-каган, он же «десятиплеменной» каган. Как отмечает С.Г. Кляшторный, военный титул ябгу или явуга был заимствован тюрками у эфталитов, которые переняли его у своих предшественников – кушан [Там же, с. 18]. Уже в первые годы древнетюркского завоевания в Притяньшанье и Семиречье была создана полностью автономная военно-административная система, включавшая десять туменов войск тюркоязычных кочевников. Она была фактически обособлена от остальной части государственной системы Первого Тюркского каганата, хотя первоначально составляла его западное крыло. Ябгу-каганы считались «младшими» по отношению к каганам Первого Тюркского каганата, а затем, после его разделения, – по отношению к каганам Восточного Тюркского каганата. Как отмечает С.Г. Кляшторный, создание отдельной военно-административной системы создало условия для последующего раздела Первого Тюркского каганата на два самостоятельных государства [Там же, с. 19].

В последующие годы в погоне за аварами древние тюрки в 558 г. подчинили районы Приаралья и дошли до Волги [История Киргизской ССР..., 1984, с. 223]. Основным противником древних тюрков в Средней Азии в этот период было государство эфталитов. По сообщению Менандра, Истеми-ябгу-каган решил разгромить эфталитов, прежде чем продолжить погоню за аварами. «Когда покончу с эфталитами, нападую на аваров, и они не избегнут сил моих». Говорят, после этих

хвастливых слов Сильзибул (Истеми) устремился против эфталитов» [Там же]. Перед наступлением на государство эфталитов Истеми-ябгу-каган заключил против общего врага военный союз с персидским шахом Хосровом I Анушироvanом и скрепил его для верности династийным браком. Спустя несколько лет, в 563 г., древнетюркское посольство во главе с вождем одного из племен нушиби Эскиль Кюль-Иркином было направлено в Византию с целью добиться изоляции аваров [Кляшторный, Савинов, 1994, с. 20]. Согласно представлениям В.П. Мокрынина, изложенным им в коллективном труде по истории Кыргызстана, союз между персами и древними тюрками был заключен уже в 555 г. [История Кыргызской ССР..., 1984, с. 223]. Однако военные действия начались только в 560 г., после того как эфталиты уничтожили древнетюркское посольство, направлявшееся в Персию [Гумилев, 1993, с. 40]. Это событие явилось предлогом для начала войны. Древнетюркские войска перешли в наступление и заняли на территории Средней Азии города Чач, Парак и Маймург. Эфталитский шах Гатифар сосредоточил основные силы у Бухары, где и произошло решающее сражение. По сведениям источников, «самым сильным, отважным и мощным был из тюрков каган Синджибу, и у него было больше всего войска, это он вступил в бой с... царем эфталитов (который в источниках назван В.р.з. – *Авт.*), несколько не утравившись их многочисленности и силы, убил их царя В.р.з. и все его войско, захватил их богатства, овладел их страной, за исключением той ее части, которая ранее была захвачена Хосровом» [История Кыргызской ССР..., 1984, с. 223]. По мнению Л.Н. Гумилева, персы нанесли эфталитам первое поражение в 562 г., захватив часть их земель, а тюрки разгромили их в 565 г. Эфталитский шах Гатифар, сосредоточив свои силы у Бухары, не решился вступать в сражение на открытой равнине, а отступил в горы к Несефу, где его войско было полностью разгромлено в сражении, которое продолжалось восемь дней [Гумилев, 1993, с. 40]. После уничтожения государства эфталитов граница между владениями тюрков и персов прошла по реке Аму-Дарье, т. е. большая часть Средней Азии была покорена правителем западного крыла Первого Тюркского каганата Истеми-ябгу-каганом. Завоевав Среднюю Азию, древние тюрки попытались взять под свой контроль торговлю шелком на западном участке Великого шелкового пути.

Крушение государства эфталитов привело к тому, что древние тюрки и персы стали претендовать на господство над Средним Востоком. В 567 г. в Персию было направлено древнетюркское посольство во главе с согдийским купцом Маниахом, которое привезло с собой большую партию шелка. Послы надеялись выгодно продать этот товар. Однако персы не были заинтересованы в расширении транзитной торговли, стремясь сохранить свою монополию посредника в поставках шелка в Византию. По приказу персидского шаха Хосрова I Анушироvanа вся привезенная согдийцами партия шелка была закуплена и сожжена на глазах у послов. Тем самым он продемонстрировал, что «не хочет ни обижать, ни употреблять привезенного тюрками шелка» [История Кыргызской ССР..., 1984, с. 224]. Почти все члены следующего древнетюркского посольства были отравлены персами, когда оказались на территории Ирана. К Истеми-ябгу-кагану из этой поездки вернулись только три человека. Это послужило поводом к разрыву отношений между Первым Тюркским каганатом и Ираном. По совету согдийца Маниаха, ябгу-каган Истеми направил древнетюркское посольство в Византию через степи Северного

Причерноморья, в обход Ирана. В следующем, 568 г., ответное византийское посольство во главе с наместником Киликии Земархом направилось к Истеми-ябгу-кагану в его ставку у г. Актаг на Тянь-Шане [Там же, с. 225]. Персы пытались перехватить инициативу, направив тюркам свое посольство, но оно не имело успеха. Византийскому послу Земарху был оказан теплый прием [Худяков, 2003а, с. 95–97]. Истеми-ябгу-каган даже подарил послу пленницу «из народа кыргызы» [Гумилев, 1993, с. 54] и направил в Константинополь своего посла Тагма-Тархана. Заключив военный союз с Византией, Истеми-ябгу-каган стремился как можно скорее совершить военный поход в Персию. Он даже предложил Земарху немедленно следовать вместе с ним на войну с персами. Однако этот поход окончился неудачей, поскольку византийцы не смогли выступить против персов одновременно с древними тюрками. Возможно, византийцы сознательно задержали свое выступление, чтобы, воюя между собой, персы и древние тюрки максимально истощили свои силы. Войска Истеми-ябгу-кагана захватили ряд городов, но не были поддержаны византийцами. В 571 г. тюрки были вынуждены заключить мир, по условиям которого граница осталась на Аму-Дарье, но Персия обязана была платить им дань в размере 40 тыс. золотых, которую раньше платила эфталтам [История Киргизской ССР..., 1984, с. 225]. После этого древние тюрки переключили свое внимание на степи Восточной Европы. Они подчинили себе болгар и хазар и овладели степными предгорьями Северного Кавказа. Обеспокоенная Византия направила одно за другим несколько посольств во главе с Евтихием, Иродионом, Павлом Киликийским и Анагастом к Истеми-ябгу-кагану с целью обратить древнетюркскую экспансию на Иран, но безуспешно [Гумилев, 1993, с. 47].

В 575 г. умер могущественный ябгу-каган Истеми, при котором древнетюркские владения, включая западное и восточное крылья, простирались от «Кадырканской черни», т. е. Большого Хингана на востоке до «Железных ворот» – прохода Бузгала в горах Буйсун-Тау на юго-западе и до Крымского полуострова на западе [Кляшторный, Савинов, 1994, с. 18]. В его ставке скопились огромные богатства, поражавшие воображение византийских послов [Гумилев, 1993, с. 56]. Однако в правление преемника Истеми Тарду-Боке-кагана отношения Первого Тюркского каганата с Византией обострились. В 576 г. сын Истеми-ябгу-кагана Турксанф, управлявший западными областями каганата, враждебно встретил византийского посла Валентина, упрекая византийского императора в заключении мира с аварами, которых тюрки считали своими рабами. В том же году древние тюрки взяли Боспор и вторглись в Крым, «и этим обнаружилось, что тюрки ведут борьбу против римлян» [Гумилев, 1993, с. 49–50]. В 580 г. древние тюрки осадили византийскую крепость Херсонес в Крыму [История Киргизской ССР..., 1984, с. 52].

После смерти Таспар-кагана, в 581 г. в главной ставке Первого Тюркского каганата на престол был возведен Нийету Шаболио-хан, названный в Бугутской надписи Нивар-каганом. При Таспар-кагане он был правителем восточного крыла тюркского эля в Центральной Азии [Кляшторный, Лившиц, 1971, с. 130]. Каган Шаболио, которого Л.Н. Гумилев именует Иль-Кулюг-шад Бага Ишбара-ханом, стал правителем Первого Тюркского каганата в трудный для этого государства период [Гумилев, 1993, с. 105–106]. Он пришел к власти в результате острого династического спора [Бичурин, 1950, с. 235]. Чтобы ослабить вспыхнувшие противоречия, других претендентов на каганский престол, своих родственников Яньло и Далобаня, он сделал ханами – правителями отдельных аймаков. В китайских источниках

подчеркивается, что каган Шаболио «был храбр и приобрел приверженность народа». Кочевые племена Центральной Азии, которые в китайских летописях названы «северными иноземцами», «все покорились ему» [Там же]. Однако неудачный поход на Китай, разразившийся в степи страшный голод, когда кочевники «вместо хлеба употребляли растертые в порошок кости», и следовавшие за этим голодом повальные болезни, от которых «великое множество людей померло» [Там же, с. 236], обострили положение в каганате. В результате вспыхнувшей борьбы между Шаболио и Або-ханом Далобянем, первый напал на «Або-ханов аймак, совершенно разбил его и убил мать Або-ханову» [Там же]. Пострадавший бежал в западную часть каганата и заручился поддержкой Тарду Боке-кагана. Против Шаболио выступили и другие его родственники из правящего рода Ашина. В разразившейся в 584 г. междоусобной войне древние тюрки были сильно ослаблены. Шаболио был вынужден признать себя вассалом китайского императора из династии Суй [Там же, с. 237–238]. Вслед за ним подчинился китайцам и правитель западного крыла Первого Тюркского каганата Тарду Боке-каган, которого Л.Н. Гумилев именуется Кара-Чурин-Тюрк [1993, с. 112]. В результате резкого ослабления каганата древние тюрки все чаще терпели поражения во внешних войнах, которые они вели в этот период. Обострились междоусобицы внутри правящей элиты. Крупной неудачей закончился в 588 г. поход в Иран: древнетюркское войско было разгромлено у Герата персами под командованием полководца Бахрама Чубина. В этой битве погиб полководец Савэ, командовавший объединенным войском древних тюрков и их союзников [Кляшторный, Савинов, 1994, с. 21–22].

Междоусобная война в Первом Тюркском каганате продолжалась около 20 лет и привела к окончательному его разделу в 603 г. на два государства: Западный и Восточный Тюркские каганаты [Там же, с. 22]. Западно-Тюркский каганат включал Притяньшанье, Семиречье и часть среднеазиатских владений древних тюрков. Позднее в степях Восточной Европы обособился Хазарский каганат во главе с правителями из рода Ашина.

Восточно-Тюркский каганат объединил тюркских кочевников северных и восточных районов Центральной Азии. За полвека под властью Первого Тюркского каганата на территории Притяньшанья, Семиречья и степей Казахстана расселились древнетюркские кочевые племена и сложилась десятичная военно-административная система, просуществовавшая в течение всего периода раннего средневековья. С середины VI в. на Тянь-Шане постепенно распространяется древнетюркская культура. Между кочевыми тюрками и оседлым согдийским населением складываются отношения тесного взаимодействия.

Раздел некогда могущественной тюркской империи на два государства укрепил сложившуюся этнополитическую ситуацию. С этого времени западные и восточные тюрки стали жить обособленно. Постепенно сформировалось два ареала древнетюркской культуры со своими характерными чертами.

2.2. ЗАПАДНЫЙ ТЮРКСКИЙ КАГАНАТ

После распада Первого Тюркского каганата выделившийся в самостоятельное государство Западный Тюркский каганат стал называться *Он Ок Эли* – «государство десяти стрел». Военно-административная система, объединяющая взрослое кочевое население каганата, как и прежде, называлась *Он Ок Будун* – «народ десяти

стрел» [История Киргизской ССР..., 1984, с. 226]. Она делилась на два крыла: дулу и нушиби, по пять «стрел» (племен) в каждом. Дулу составляло восточное, а нушиби – западное крыло «народа десяти стрел». Каждая «стрела» представляла собой военно-административную единицу, насчитывающую десять тысяч воинов. Кагану западных тюрков подчинялись и некоторые телесские племена, жившие в западных районах Центральной Азии [Бичурин, 1950, с. 279] (рис. 1).

В книге Н.Я. Бичурина первым каганом западных тюрков назван Або-хан «Далобянь, сын Мугань-ханов», который «поссорился с Шаболио и поэтому они разделились на два Дома» [Там же]. В этом случае раздел каганата относился бы к 580 г. Однако, поскольку в последующие десятилетия неоднократно предпринимались попытки объединения всех древних тюрков в единый каганат, большинство современных исследователей считают первым каганом западных тюрков другого правителя, внука Або-хана Далобяня. У Н.Я. Бичурина он назван Нигю Чуло-хан Дамань [Там же, с. 279–283]. Л.Н. Гумилев именуется этого правителя Чуло-хан Таманом и считает ставленником кочевой знати восточного крыла десятистрельного союза – объединения дулу [1993, с. 154–155]. В разделе коллективного труда по истории Кыргызстана, посвященном истории Западного Тюркского каганата, этот правитель именуется Тарман Чора-каган [История Киргизской ССР..., 1984, с. 227]. Как отмечено в китайских источниках, «Чуло-хан не имел постоянного местопребывания, а более жил в прежней Усуньской земле» [Бичурин, 1950, с. 279]. Ставка этого кагана располагалась в Притяньшанье. По мнению В.П. Мокрынина, в состав каганата входили обширные земли Средней Азии, Поволжья, Приуралья, Казахстана, Алтая, Джунгарии, Восточного Туркестана, а «коренным юртом» западных тюрков было Семиречье и Центральный Тянь-Шань [История Киргизской ССР..., 1984, с. 227]. Об Алтае как восточной границе каганата западных тюрков пишет и С.Г. Кляшторный [Кляшторный, Савинов, 1994, с. 22]. Возможно, основанием для предположений о вхождении Алтая в состав Западного Тюркского каганата стали сведения источника: «В каждую пятую и в каждую восьмую луну собирались для жертвоприношения духам. Ежегодно посылал важного сановника приносить жертву предкам в той пещере, где они из рода в род обитали» [Бичурин, 1950, с. 279]. Это сообщение связано с древнетюркскими этногенеалогическими легендами и временем ранней истории древних тюрков из рода Ашина. Вероятно, прежние земли Первого Тюркского каганата, входившие в состав его западного крыла, после распада этого государства считались частью Западного Тюркского каганата. Однако основными районами обитания западных тюрков в период существования Западного Тюркского каганата было Притяньшанье, Семиречье и степи Центрального и Восточного Казахстана.

Чуло-хан «поставил двух малых ханов и дал им в управление части своего ханства. Один из них жил в Шиго на севере и управлял всеми тюркскими княжествами; другой жил от Кучи на севере. Страна сия называется Инсо» [Бичурин, 1950, с. 279]. В.П. Мокрынин определил местопребывание «малых каганов», назначенных «для управления востоком и западом», на р. Юлдуз и к северу от Ташкента [История Киргизской ССР..., 1984, с. 227]. Кроме того, в Западном Тюркском каганате имелись чиновники, носившие титулы «сыфаян и хунда», которые управляли государственными делами; а «прочие были те же, что и в восточных владениях» [Бичурин, 1950, с. 279]. Вероятно, особые чиновники потребовались

в Западном Тюркском каганате для управления оседлым ираноязычным и тохарским населением, которое проживало в городских и земледельческих оазисах на территории Семиречья и Восточного Туркестана.

Основными направлениями внешней политики западных тюркских каганов была постоянная борьба с Восточным каганатом за гегемонию в степях Центральной Азии и поддержание своего господства в оседло-земледельческих районах Средней Азии и Восточного Туркестана, а также установление дипломатических отношений с империей Тан в Китае. С точки зрения китайских властей, Чуло-хан управлял своим народом «беззаконно», поскольку не получил инвеституры от китайского императора. К нему был направлен посол «с утешительной грамотой», в которой угрозами и увещаниями ему предлагалось стать вассалом «Великого Дома Суй» [Там же, с. 280]. Несмотря на согласие Чуло-хана стать вассалом Суйского императора (этому решению, вероятно, способствовали неудачи в войне с телесскими племенами), китайский императорский двор отверг его и поддержал претензии на каганский престол малого кагана западного крыла Он Ок Будун Шегуй-хана. К нему был отправлен посол с бамбуковой стрелой с белым оперением и указанием, чтобы «это дело шло так же скоро, как летает стрела». Заручившись китайской поддержкой, «Шегуй был чрезвычайно рад; напал с войском на Чуло-хана и совершенно разбил его» [Там же, с. 282]. Когда Шегуй-хан «был поставлен, то взял земли: на востоке до Цзиньшаня (Алтая), на западе до моря, тем сравнялся с северными Туцзюэ, учредил (свой) двор на севере от Гуйцзы, в горах Саньмишань» [Кюннер, 1961, с. 191]. Земли западных тюрков включили степные районы от Алтая до Аральского и Каспийского морей.

Л.Н. Гумилев связывает приход к власти Шегуй-хана с усилением объединения племен нушиби внутри народа десяти стрел [1993, с. 155]. Периоды правления Шегуя и его преемника Тун Шеху-хана С.Г. Кляшторный считает временем расцвета Западного Тюркского каганата [Кляшторный, Савинов, 1994, с. 22]. Тун Шеху-хан, он же Тон-ябгу-каган или Тун-джабгу вступил на престол после смерти своего старшего брата Шегуя в 618 г. [Гумилев, 1993, с. 157]. Он «был храбр, имел способность соображать. Каждое его сражение венчалось победою; почему присоединил к себе Тйелэ, покорил Персию и Гибишь» [Бичурин, 1950, с. 283]. В другом варианте перевода китайского источника сказано: «Владения Западного крыла все подчинились Тунйеху, в каждое он отправил своего дутуня наблюдать за управлением, взимать подати» [Кюннер, 1961, с. 191]. Вассальным князьям он присвоил титул «сылифа» – эльтебер (правитель эля), сохранив за ними номинальную власть при «наблюдении» со стороны тюркского наместника – тутука, которому был поручен сбор налогов. Л.Н. Гумилев полагает, что Тун Шеху-хан совершал походы в Закавказье и держал под своим контролем степи Восточной Европы [1993, с. 159]. По представлениям С.Г. Кляшторного, он установил свой контроль над Тохаристаном, наместником которого был назначен сын кагана Тарду-шад, имевший ставку в Кундузе [Кляшторный, Савинов, 1994, с. 22].

Главная ставка самого западно-тюркского Тон-ябгу-кагана была перенесена «от Шиги на север в урочище Цянь-цюань» [Бичурин, 1950, с. 283]. Название этого места означает «тысячи ключей» [Кюннер, 1961, с. 191]. По мнению С.Г. Кляшторного, Тун-Шеху имел свою зимнюю ставку в г. Суяб в долине р. Чу, а летнюю – в Минг-булак близ Испиджаба [Кляшторный, Савинов, 1994, с. 22]. Находясь

в состоянии борьбы с восточными тюрками, Тун-Шеху искал союза с танским Китаем, который стремился заключить через династийный брак. В 625 г. он направил посольство в Китай с просьбой о заключении брачного союза с китайской принцессой из династии Тан, чем привел в «большой страх» кагана восточных тюрков Хйели-хана. Китайская дипломатия пыталась противопоставить друг другу два тюркских государства. Хотя при императорском дворе были сомнения в целесообразности союза с Западным Тюркским каганатом, стремление ослабить восточных тюрков привело к тому, что китайцы решили заключить с ябгу-каганом династийный брак. Следуя совету придворного чиновника, китайский императорский двор стал придерживаться принципа, согласно которому «надлежит с далекими дружить и с близкими воевать» [Кюннер, 1961, с. 191]. Как считали приближенные китайского императора, необходимо было дать согласие на заключение династийного союза с каганом западных тюрков, чтобы «припугнуть» и сделать более сговорчивым восточно-тюркского кагана Хйели-хана. Каган Хйели, узнав об этих намерениях, уведомил противников, что «царевна из Дома Тхан должна проезжать через его земли, и он не преминет задержать ее» [Бичурин, 1950, с. 284]. Китайцы были вынуждены отказаться от своих намерений, поскольку не были уверены в безопасности принцессы. Несмотря на неудачные попытки заключить династийный союз с империей Тан, Тун Шеху-хан оставался могущественным правителем. По свидетельствам современников, «никогда еще западные варвары не были столь могущественны» [Кляшторный, Савинов, 1994, с. 22]. Во времена его правления тюркские династии утвердились в качестве правящих в ряде земледельческих областей Средней Азии и Тохаристана. Среди согдийской знати распространилась мода на тюркские обычаи, одежду и прически [История Киргизской ССР..., 1984, с. 232, 235]. Особенно значительное влияние древних тюрков на согдийцев отмечено в сфере оружия и воинского снаряжения [Распопова, 1980, с. 103–109]. Однако постоянные войны и чрезмерные налоговые сборы усилили недовольство населения правлением Тун Шеху-хана. Он, «полагаясь на свое могущество, не очень был милостив к подчиненным. Народ роптал и многие отложились» [Бичурин, 1950, с. 284]. По данным Л.Н. Гумилева, за одно преступление он брал штраф в несколько тысяч овец, за два – в десятки тысяч [1993, с. 201, прим. 51].

В 630 г. Тун Шеху-хан был убит своим родственником Сыби-ханом Мохэду, который и захватил престол. В «тукюесских владениях на западе произошли возмущения» [Бичурин, 1950, с. 284]. Л.Н. Гумилев называет этого узурпатора Кюлюг Сибир-ханом [1993, с. 202], а С.Г. Кляшторный – Кюлюг Сыби-багатуром [Кляшторный, Савинов, 1994, с. 23]. Вероятно, новый каган опирался на племена восточного крыла. Он «отделил от государства малое ханство, а себя объявил верховным ханом, чем вельможи недовольны были» [Бичурин, 1950, с. 284]. В Западном Тюркском каганате разразилась война между претендентами на каганский престол. Племена нушиби выдвинули каганом шادا Нишу Мохе Ше, а после его отказа – Иби Бололой Шеху-хана. Но китайцы не спешили с поддержкой кого-либо из претендентов, рассчитывая на максимальное ослабление обоих противников. В результате междоусобицы «владения западного края отложились, и тукюесский Дом пришел в великое бессилие» [Там же, с. 285].

Согласно предположению С.Г. Кляшторного, в 630–634 гг. Западный Тюркский каганат утратил все свои среднеазиатские владения к западу от р. Сыр-Дарья

и вступил в полосу затяжного кризиса [Кляшторный, Савинов, 1994, с. 23]. Каган Сыби-хан Мохэду «бежал к Алтайским горам», где был убит [Бичурин, 1950, с. 285]. Власть переходила от одного претендента на каганский престол к другому. В 638 г. в правление кагана Шаболо Хилиши-хана (которого С.Г. Кляшторный именуется Ышбара Хилаш-каганом, а В.П. Мокрынин – Ышбара Эльтериш Шир-каганом) в Западном Тюркском каганате была проведена административная реформа, возрожденная прежнюю десятичную военно-административную систему, которая делила все взрослое мужское население на десять административных единиц – «стрел», объединенных в два крыла – дулу и нушиби [Кляшторный, Савинов, 1994, с. 23; История Киргизской ССР..., 1984, с. 229]. По свидетельству источника, «каждому старшине каждого поколения жаловали по одной стреле, называли их десятью стрелами. Еще разделились на правое и левое крыло. Левое крыло называлась пятью поколениями Дулу. Учредили (для них) пять великих сызцинь, (они) вместе назывались аймаками десяти фамилий» [Кюнер, 1961, с. 192]. Хотя эта реформа только закрепила ранее существовавшее положение, в данный период она еще более обострила междоусобицу и привела к разделу каганата «на два царства» с границей по р. Или [Кляшторный, Савинов, 1994, с. 23]. По мнению В.П. Мокрынина, реформа уравнивала вождей племен дулу и нушиби в правах с шадами (высшими военачальниками), а наличие собственной «стрелы» в качестве символа власти, подобно пайце и печати, ставило их в независимое положение от каганов [История Киргизской ССР..., 1984, с. 229].

Ослабление Западного Тюркского каганата совпало с усилением экспансии китайской империи Тан в Центральную Азию. В 630 г. был разгромлен и сдался в плен каган восточных тюрков Хйели-хан [Бичурин, 1950, с. 255]. В 640 г. танская империя подчинила себе владение Гаочан, создав в Восточном Туркестане китайское наместничество Аньси [История Киргизской ССР..., 1984, с. 236]. В 645 г., после падения каганата Сйеяньто, телесские племена Центральной Азии одно за другим постепенно признали вассальную зависимость от империи Тан [Малявкин, 1980, с. 114]. В 648 г. танские войска нанесли поражение западным тюркам и отрядам восточно-туркестанских правителей [История Киргизской ССР..., 1984, с. 237]. Танскими войсками, состоявшими из восточных тюрков и телесцев, командовал полководец из тюркского правящего рода Ашина Шэни [Гумилев, 1993, с. 233]. Военные действия между западными тюрками и кочевыми вассалами китайских императоров продолжались в течение нескольких лет.

В 656 г. в Притяньшанье совершила поход многочисленная танская армия, состоявшая из вассальных тюркских племен, во главе с китайским полководцем Су Динфаном. Каган «десяти стрел» Шаболо-хан Ашина Хэлу, он же Нивар-ябгу-каган, в этот период также располагал довольно многочисленной армией [Кляшторный, Савинов, 1994, с. 23]. Однако в сражении на р. Или, несмотря на десятикратное превосходство над противником, западные тюрки потерпели жестокое поражение. Племена дулу и нушиби покорились танским военачальникам – князьям, происходившим из древнетюркского правящего рода Ашина [Бичурин, 1950, с. 291]. Несмотря на неблагоприятные погодные условия в горах, танский полководец Су Динфан решил продолжить преследование отступивших войск Ашина Хэлу. Продолжая «поход день и ночь, забирали в проходимых местах людей и скот» [Там же, с. 292]. Пока отступившие западные тюрки занимались «звериной охотой»,

чтобы добыть себе пропитание, Су Динфан внезапно напал со своим войском на каганскую ставку-орду и разбил ее защитников. Кагану Ашина Хэлу удалось бежать, и он пытался «укрепиться палисадом», но был снова разбит и бежал в город Чач, правитель которого выдал беглецов преследующим их танским войскам [История Киргизской ССР..., 1984, с. 237]. Танский полководец Юаньшуань, князь из рода Ашина, «спрашивал жителей» покоренных земель об их «нуждах и все награбленное Хэлу-ханом возвратил народу» [Бичурин, 1950, с. 292]. Эти меры должны были укрепить доверие к новой власти. Каган Ашина Хэлу был отправлен в качестве пленника в столицу империи Тан. Он был прощен, избавлен от казни, но лишен каганского достоинства. На землях каганата были созданы танские наместничества, во главе которых поставлены танские полководцы – тюркские князья из рода Ашина. Одним из них, наместником пяти племен нушиби, был назначен Ашина Бучжень [Там же, с. 292–293]. Однако, хотя эти тюркские князья, бывшие китайские вассалы, отличились на войне, закончившейся разгромом Западного Тюркского каганата, они «не имели способности к управлению» и постоянно интриговали друг против друга в надежде подчинить себе все десять племен западных тюрков [Там же, с. 293]. Одним из претендентов на каганский престол был Асколь Кюль-эркин Тюмэн, подчинивший себе часть тюркских племен, некоторые города Восточного Туркестана и другие кочевые народы, названные в китайских источниках племенами «различных ху» [Малявкин, 1984, с. 141]. Для его «усмирения» танскому правительству пришлось специально посылать войска [Там же, с. 142]. После смерти этих китайских наместников танские власти попытались привлечь на свою сторону правителя племени чумугунь Ашина Дучжи. Несмотря на это, в 676 г. он провозгласил себя каганом десяти племен, заключил соглашение с тибетцами и напал на наместничество Аньси [Там же, с. 142–143].

Однако и эта попытка восстановления Западного Тюркского каганата не удалась, поскольку Ашина Дучжи попал в плен к китайцам и был отправлен в столицу империи Тан. Танские власти в последующие годы использовали для поддержания своего контроля над племенами дулу и нушиби потомков каганского рода Ашина Мише и Ашина Бучжэня [Там же, с. 146–150]. Часть западных тюрков перешла на сторону тибетцев, активизировавших свою завоевательную политику в Восточном Туркестане [Малявкин, 1992, с. 48]. Активную политику сотрудничества с Тибетом проводил вождь Ашина Туйцзы, который был провозглашен каганом десяти племен в 693 г. [Малявкин, 1984, с. 151]. Как считает А.Г. Малявкин, использование марионеточных правителей из рода Ашина танскими и тибетскими властями не дало им сколько-нибудь ощутимых результатов для укрепления своих позиций в Притяньшанье и Семиречье. Тюркские кочевые племена Притяньшанья сохраняли свою независимость [Там же, с. 154]. Среди них продолжалась междоусобная борьба, которая в конце концов завершилась победой тюргешей и образованием Тюргешского каганата.

Период существования Западного Тюркского каганата стал временем этнической консолидации тюркоязычных кочевых племен Притяньшанья. В отличие от эпохи Первого Тюркского каганата, когда тюрки расселились по всему степному поясу Евразии, в VII в. западные тюрки обитали преимущественно в Семиречье и на Тянь-Шане. Менее плотно ими были заселены степи Центрального и Восточного Казахстана.

К эпохе существования Западного Тюркского каганата относится большая часть памятников древнетюркской культуры, обнаруженных на территории Кыргызстана, Казахстана и Восточного Туркестана. Памятники западных тюрков имеют особые черты, отличающие их от археологических комплексов восточных тюрков.

Важным фактором этнокультурогенеза западных тюрков являлись этнические и культурные контакты с оседлым иранским и тохарским населением на территории Средней Азии и Восточного Туркестана, которые способствовали формированию своеобразного тюрко-согдийского культурного симбиоза [Кляшторный, 1964, с. 78–136]. По данным этнографа Д.Х. Кармышевой, в составе современного тюркоязычного населения Средней Азии до настоящего времени сохранилась этническая группа с самоназванием «тюрки» [Кармышева, 1960, с. 4]. Их можно считать потомками западных тюрков.

В течение VII в., в период существования Западного Тюркского каганата, тюркоязычные кочевые племена, входившие в состав военно-административной системы *Он Ок Будун* – «народа десяти стрел», постепенно обособились от восточных тюрков не только в военно-политическом, но и в этническом и культурном отношениях.

2.3. ТЮРГЕШСКИЙ КАГАНАТ

Затяжной кризис, междоусобные войны и иноземные вторжения привели к ослаблению авторитета правящего рода Ашина среди десяти племен западных тюрков. Зависимость марионеточных западно-тюркских каганов от империи Тан и Тибета дискредитировала представителей каганского рода в глазах знати и рядовых кочевников. В 704 г. последний западно-тюркский каган Ашина Синь был убит в г. Кулане тюргешским вождем Мохэ Даганем Учжилэ, который провозгласил себя каганом [История Киргизской ССР..., 1984, с. 238]. С гибелью Ашина Синя «пресекся Западный тукюесский дом» [Бичурин, 1950, с. 296].

Тюргеши являлись одним из десяти племен народа *Он Ок Будун*, входили в состав его восточного крыла *дулу*. В свою очередь, сами тюргеши также делились на два крыла – «желтых» и «черных» тюргешей. Цветовая символика этих наименований, как считал Л.Н. Гумилев, имеет определенный социальный смысл. Желтый цвет символизирует знать, черный – простой народ [Гумилев, 1993, с. 353]. Основатель тюргешского каганата Учжилэ, он же Уч-Элиг, был представителем знатного рода из желтых тюргешей [Чотонов и др., 1996, с. 55]. Возвышение тюргешей сопровождалось уходом части западно-тюркских племен вместе с представителями рода Ашина в Бешбалык, под защиту танского наместника. Каган Уч-Элиг учредил две ставки в городах Суябе и Кюнгуте [Кляшторный, Савинов, 1994, с. 29]. Все кочевое население было поделено на двадцать военно-административных единиц во главе с главноначальствующими, каждый из которых «имел семь тысяч войска» [Бичурин, 1950, с. 296]. Вероятно, военно-административная система тюргешского каганата включала два крыла по десять семитысячных отрядов в каждом.

Земли Тюргешского каганата охватывали в основном Притяньшанье. В подчинении у тюргешских каганов были тюркоязычные племена, входившее ранее в военно-административную систему Западного Тюркского каганата, поэтому

их по-прежнему называли «народом десяти стрел» [История Киргизской ССР..., 1984, с. 239] (рис. 1).

После смерти Уч-Элига, в 706 г. на каганский престол вступил его сын Согэ или Сакал-каган [Кляшторный, Савинов, 1994, с. 29]. Он располагал большой армией в 300 тыс. воинов, Танское правительство направило к нему послов во главе с марионеточным каганом Ашиной Хуайдао «с бунчуком и грамотой» и четырьмя «дворцовыми девицами» [Бичурин, 1950, с. 297]. Это означало официальное признание Тюргешского каганата империей Тан. В 708 г. Сакал-каган направил в Китай ответное посольство с благодарностью императору Чжун-цзуну. Однако против кагана выступил один из тюркских предводителей Кюечжо Чужун-цзйе, который направлял послов к китайцам и тибетцам. Это привело к сражению армии тюргешей с войсками китайского наместничества Аньси, в котором последние потерпели жестокое поражение. В бою погиб наместник Нью Шицзян [Кляшторный, Савинов, 1994, с. 29]. Несмотря на унижительное поражение, великий наместник Го Юаньчжень представил свои соображения Императорскому Двору, «что Согэ силен; надобно прямо простить его» [Бичурин, 1950, с. 297]. Император вынужден был согласиться. Вскоре после этих событий тюргешам вместе с согдийцами пришлось воевать с арабами [История Киргизской ССР..., 1984, с. 240]. Против Сакал-кагана выступил его брат Чжену, недовольный тем, что при разделе народа-войска ему было слишком «мало народа дано». Видимо, Чжену получил в управление одно из крыльев военно-административной системы тюргешей, численность которой была меньше, чем войска, непосредственно подчинявшегося Сакал-кагану.

Чжену «отложился» и обратился за помощью к кагану восточных тюрков Капагану. Он просил Капагана «употребить его вожаком при нападении на старшего брата». Однако у Капагана имелись свои планы в отношении тюргешей. Он «удержал Чжену» в плену, а сам «с 20 тысячами войска» напал на армию тюргешского Сакал-кагана [Бичурин, 1950, с. 297]. С.Г. Кляшторный считает, что Капаган в 711 г. не сам возглавил войско, а назначил во главе его своего сына Инеля и полководца Тоньюкука [Кляшторный, Савинов, 1994, с. 29].

В надписи на памятнике Бильге-кагану руководство походом приписано ему самому: «В этом же году я ходил с войском на тюргешей, перейдя через Алтунскую чернь (Алтай. – *Авт.*) и переправившись через Иртыш. Тюргешский народ я победил во время (их) сна. Войско тюргеш-хана подступило как огонь и вихрь. Мы сразились при Болчу. Хана, его ябгу и шада я там убил и покорил его народ (государство)» [Малов, 1959, с. 20–21]. Дополнительные подробности сообщает надпись на памятнике Тоньюкука: «Я без дороги перевалил Алтунскую чернь. Мы переправились без брода через реку Иртыш, и не делая остановки на ночь, рано утром достигли Болучу... На второй день (враги) пришли; они пришли, пламенея, как пожар. Мы сразились. Сравнительно с нами их два крыла наполовину были многочисленнее. По милости неба, мы не боялись, говоря, что их (врагов) много... Мы прогнали (врагов), их кагана мы схватили, а их ябгу и шада там умертвили» [Он же, 1951, с. 60, 68].

Решительное сражение произошло на берегу р. Болучу в Джунгарии. Несмотря на значительное численное превосходство тюргешей, тюркское войско нанесло им сокрушительное поражение. Тюргешский каган был взят в плен. По возвращении в свою ставку Капаган-каган обратился к младшему брату плененного тюргеш-

ского кагана, Чжену, со словами: «Вы, будучи родными братьями, не могли жить в согласии между собою; можете ли с совершенною преданностью служить мне?» [Бичурин, 1950, с. 297]. Сомневаясь в этом, он «обоих предал смерти» [Там же, с. 297]. Возможно, Капаган-каган руководствовался не только своими сомнениями, но и стремлением объединить под своей властью все тюркские племена, восстановив единый тюркский каганат.

По мнению С.Г. Кляшторного, в результате этой войны Тюркешский каганат был на какой-то период фактически уничтожен [Кляшторный, Савинов, 1994, с. 29]. Остатки племени тюркешей во главе с Чабыш-чуром Сулуком бежали за Сырдарью, на юг Средней Азии, в Тохаристан. Их преследовало войско восточных тюрков во главе с Тоньюкуком, Кюль-Тегиним и Могилянмом. В надписи в честь Тоньюкука говорится: «Небольшое число народа (тюркешей) убежало. Я повел в поход войско «десяти стрел». Мы еще воевали и гнали их... Мы преследовали (врагов) до Темир-капыг (Железных ворот). Мы заставили (их) оттуда возвратиться». В разыгравшейся битве Кюль-Тегин, сев «на белого коня Алп-Шалчы... напал (на врага), всю массу народа тюркешей там перебил и покорил» [Малов, 1951, с. 41, 64]. Возможно, именно об этом походе говорится в надписи в честь Кюль-Тегина: «назад (т. е. на запад) мы ходили войною до Темир-капыга» [Там же, с. 38]. Потерпев неудачу в войне с арабами в 712–713 гг., восточные тюрки вынуждены были вернуться в Монголию. После этого Чабыш-чур Сулук, «собрав остатки народа», провозгласил себя каганом тюркешей. По сведениям китайских источников, Сулук «хорошо обращался со своими подчиненными. Роды мало-помалу соединялись, и народ его умножился до 200 тыс. душ; посему опять сделался сильным в Западном крае» [Бичурин, 1950, с. 297]. Каган Сулук происходил из крыла черных тюркешей – вероятно, в прошлом социально зависимых родов. Поэтому для упрочения своей власти ему приходилось заботиться о своей популярности среди рядовых кочевников. «После каждого сражения добычу всю отдавал подчиненным: почему роды были довольны и служили ему всеми силами» [Там же, с. 298–299]. В 717 г. каган Сулук сам приехал во главе тюркешского посольства ко Двору династии Тан. Хотя его дары, привезенные в Китай, по непонятной причине не были приняты китайским императором, он получил военный чин и титул «главноуправляющего» тюркешей. Чтобы «привязать его», император дал ему титул Чжунь-шунь хана и выдал за него дочь Ашины Хуайдао, породнив с тюркешским каганским родом. Впрочем, как замечает летописец, Сулук «был коварен и лукав, не искренне служил Дому Тхан» [Там же, с. 298]. В результате активных дипломатических шагов кагану Сулуку удалось заключить династийные союзы с правящими родами восточных тюрков и тибетцев. Оба правителя выдали замуж за него своих дочерей. Поэтому он «дочерей трех царствующих домов сделал ханьшами, а сыновей произвел в Шеху (шадов. – *Авт.*)» [Там же, с. 299]. Об этом сообщается и в надписи на памятнике Бильге-кагана. «Тюркешскому кагану я дал с большими почестями (в жены) мою дочь (княжну). Дочь тюркеш-хана я дал в жены с большими почестями своему сыну...» [Малов, 1959, с. 23]. Каганы восточных тюрков воспринимали тюркешей в качестве вассалов. При танском дворе восточно-тюркский посол назвал тюркешского кагана «мелким владельцем» и «тюркешским вассалом», отказавшись сесть за стол ниже тюркешского посла [Бичурин, 1950, с. 298]. В надписи на памятнике Кюль-Тегину послы тюркешей

и называются представителями «народа десяти стрел» и «сына моего, кагана тюргешского» [Малов, 1951, с. 43]. Иногда правители восточных тюрков обращаются в своих прокламативных надписях на поминальных памятниках к «народу десяти стрел» и его вождям как к «своим подданным» [Малов, 1959, с. 24].

Тюргешскому каганату пришлось вступить в нелегкую борьбу с арабским халифатом за господство в Средней Азии. В 720 г. каган Сулук направил на помощь согдийскому царю Гуреку, воюющему с арабами, свое войско. Несколько походов тюргешей в Согдиану и Тохаристан были успешными. Один из них возглавил сам каган. В 730 г. он потерпел поражение от арабов на р. Аму-Дарье [История Киргизской ССР..., 1984, с. 245–247]. Война продолжалась, но вызывала недовольство тюргешской знати. В 738 г. один из вождей желтых тюргешей организовал заговор и убил кагана Сулука. В каганате вспыхнула междоусобная война между черными и желтыми тюргешами. Сын и преемник Сулука, имя которого С.Г. Кляшторный реконструировал как Тухварсен Куточор [Кляшторный, Савинов, 1994, с. 30], объединив черных тюргешей, дал сражение желтым, но потерпел поражение и был взят в плен.

Ослаблением тюргешей воспользовались китайцы, которые подчинили ряд тюркских племен, поставили правителем Хиня из рода Ашина [Бичурин, 1950, с. 300]. В то же время, несмотря на серию неудач, тюргеша продолжали борьбу с арабами, но их каган Кюль-чор бага-тархан попал в плен и был казнен в 744 г. Его труп сожгли, что «считалось еще более тяжким ударом, чем сама смерть» [История Киргизской ССР..., 1984, с. 250]. В 746 г. под давлением уйгуров в Семиречье из Монголии переселились карлуки. Об этом упоминается в Терхинской надписи уйгурского кагана Моюн-Чура. «В год собаки уч-карлуки, замыслив измену, бежали. На западе в страну народа десяти стрел они пришли» [Кляшторный, 1980, с. 94].

Ослабление тюргешей способствовало продвижению в Семиречье арабов с запада и китайцев с востока. В 751 г. в решающем сражении на р. Талас сошлись войска Арабского халифата и империи Тан. Битва продолжалась пять дней. Китайцы были разбиты благодаря вмешательству карлуков и вытеснены из Семиречья, но и арабы не смогли воспользоваться плодами своей победы [Гумилев, 1993, с. 368]. В Семиречье продолжалась междоусобная война между черными и желтыми тюргешами. В 756 г. тюргеша находились в состоянии «бессилия». «Желтые и черные роды поставили у себя ханов и начали междоусобную войну». В 758 г. хан черных тюргешей направил посольство в империю Тан, надеясь заручиться ее поддержкой. Но танская империя была ослаблена восстанием Ань Лушаня и не могла вмешаться в события, происходившие в Притяньшанье [Гумилев, 1993, с. 393]. В 766 г. Семиречье полностью подчинили карлуки. Они заняли г. Суяб. «Тюргешские роды стали вассалами Гэлолу Хусэло – карлукских правителей-ябгу, а «прочие поколения» западных тюрков подчинились уйгурам [Бичурин, 1950, с. 300].

В период существования Тюргешского каганата на территории Притяньшанья проживали тюркские племена, которые ранее входили в состав «народа десяти стрел». Существенные этнические изменения произошли лишь в середине VIII в., после переселения на эти земли карлуков. Карлуки являлись этнически одной из наиболее близких тюркам групп тюркоязычных племен [Гумилев, 1993, с. 368].

Можно полагать, что в период существования Тюргешского каганата значительных изменений в «народе десяти стрел» от замены правящего рода Ашина

каганами из желтых и черных тюргешей не произошло. В культурном отношении тюргеша были близки остальным племенам западных тюрков. Во внешней политике тюргешские каганы стремились следовать традиционным для правителей Западного Тюркского каганата целям: установлению отношений с Китаем и Восточным Тюркским каганатом, поддержанию своего господства над Средней Азией. В период существования Тюргешского каганата Притяньшанье было важным участком караванных торговых путей между Китаем, Восточным Туркестаном, Средней Азией и Южной Сибирью. Тюргешские монеты встречаются в археологических памятниках Приобья и Притомья. Высказывались гипотезы о миграции тюргешей в Притомье, что, впрочем, маловероятно, поскольку отсутствуют конкретные свидетельства такого переселения [Илюшин, 1992, с. 54]. К тюргешскому времени относится распространение среди тюркоязычных кочевников Тянь-Шаня таласского варианта древнетюркской рунической письменности [Кляшторный, 1995, с. 158]. Культура тюркоязычного кочевого населения Тянь-Шаня в период существования Тюргешского каганата не имеет существенных отличий от культуры западных тюрков.

2.4. ГОСУДАРСТВО КАРЛУКОВ

Карлуки известны в тюркских рунических памятниках под названием *карлук бодун* и *уч-карлук*, т. е. «три племени карлуков» [История Киргизской ССР..., 1984, с. 250]. Китайские летописцы относили их к «гаогтойским поколениям» – к группе телесских племен, но в то же время указывали, что карлуки произошли от «тукюесского Дома», т. е. от древних тюрков [Бичурин, 1950, с. 347]. В середине VII в. кочевые племена карлуков обитали в Верхнем Прииртышье и Джунгарии, к северо-западу от Бешбалыка и к западу от Алтая. Они делились на три племени: «моуло, чжисы и ташили», названия которых были реконструированы как булак, чигиль и ташлык [Чотонов и др., 1996, с. 59]. Л.Н. Гумилев считает их этнически наиболее близкими к собственно древним тюркам [1993, с. 368]. В то же время С.Г. Кляшторный отмечал, что в языковом отношении они отличались от соседних тюркских племен, так как для карлукского языка было характерно так называемое «джеканье» в произношении некоторых тюркских слов [Кляшторный, Савинов, 1994, с. 35]. В VI в. часть карлуков принимала участие в военных походах в Среднюю Азию в составе древнетюркских войск и осела в Тохаристане, где их правитель носил титул *джабгу* [История Киргизской ССР..., 1984, с. 251]. В середине VII в. карлуки, обитавшие в Джунгарии, оказали поддержку войскам империи Тан в войне с древними тюрками, которых возглавлял Чеби-хан. Карлукские аймаки были номинально включены в состав империи и переименованы, а их вожди были «поставлены правителями областей» [Бичурин, 1950, с. 347]. В 715 г. джунгарские карлуки потерпели поражение от восточных тюрков. В надписи в честь Бильге-кагана говорится: «На тридцать первом году (моей жизни) карлуки, когда они были привольно кочующими, стали нам врагами, и я сразился с ними у священного источника (или у вершины) Тамаг. Я победил народ карлуков и захватил их» [Малов, 1959, с. 21]. Однако поражение было неполным. В следующем году столкновения возобновились. «(На тридцать втором году) народ карлуков собрался, их войско я победил и уничтожил» [Там же]. О военных столкновениях с карлуками говорится

и в надписи на памятнике Кули-Чура: «...К семи годам Кули-Чура ...когда карлуки враждовали и сражались в Тезе... Бильгя Кули-Чур затем карлукам... на лошадь сев, бросился в атаку, победил, лошадь погибла, еще сев (на другую)... войско он вел, карлуки... к карлукам... пойдя... еще до (своего) дома довел войну, карлуки сели на лошадей, с таким войском ...гнедой ...карлуки... карлуки...» [Там же, с. 29]. Хотя подробности этих военных столкновений неизвестны, очевидно, что в первой половине VIII в. карлукам приходилось довольно часто воевать с восточными тюрками.

В 744 г. в результате совместных действий басмылов, уйгуров и карлуков был уничтожен Второй Восточный Тюркский каганат. Затем совместными действиями уйгуров и карлуков был разгромлен каганат басмылов, и возник Уйгурский каганат. Вожди карлуков не стали ждать разгрома со стороны уйгуров и в 746 г. во главе своих племен мигрировали в Семиречье. Об этом свидетельствует Терхинская надпись уйгурского кагана Моюн-Чура: «В год собаки уч-карлуки, замыслив измену, бежали. На западе в страну народа десяти стрел они пришли» [Кляшторный, 1980, с. 94].

В китайских источниках об этих событиях говорится очень лаконично: «Впоследствии подались на юг, и сами приняли название Шеху трех родов. Войска их были сильны и склонны к войне» [Бичурин, 1950, с. 347]. Ослабленные тюркешские правители не смогли воспрепятствовать переселению или подчинить себе карлуков, правители которых, согласно китайским источникам носившие титул *шад*, самостоятельно направляли послов ко двору империи Тан. Китайские наместники Западного края попытались установить полный контроль над Семиречьем. В 742–749 гг. китайские войска совершили ряд походов в Тараз, Суяб и Чач. Во главе тюркских племен они пытались поставить марионеточного кагана из династии Ашина, но их ставленник Ашина Сянь был убит в 742 г. [Кляшторный, Савинов, 1994, с. 36].

В 751 г. против китайцев выступило арабское войско. Ожесточенная битва в долине р. Талас продолжалась пять дней. В решающий момент в тыл китайской армии ударили карлуки. Китайцы были разбиты наголову [Гумилев, 1993, с. 368]. Однако, когда в 752 г. против китайцев восстал тюркский ябгу Абусы, карлуки выступили против него. Карлуки разгромили Абусы и выдали его китайцам [Там же, с. 369]. В китайском источнике говорится, что карлукский «Шеху Тунь Пицъ-сйе связал тукюеского отложившегося старейшину Абусы и представил Двору, за что получил высшее княжеское достоинство» [Бичурин, 1950, с. 347]. Китайцы наградили карлукского правителя титулом *Алтай-гюнь Ван* (правитель Алтая) [Там же, прим. 3]. В последующие годы карлуки несколько раз направляли послов ко двору империи Тан. В 756 г. карлукский правитель «нечувствительно усилился и вступил в состязание с хойху. Он овладел бывшими землями хана Десяти родов и взял города Хынлос и Суйечен» [Там же, с. 347]. В другом месте источника сказано, что усиление карлуков произошло в 766 г., когда их правитель «перенес местопребывание к реке Суийе». При этом «два рода» тюркешей «по бессилию сделались вассалами Дома Гэлोलу Хусэло. Прочие поколения поддались ойхорам (хойху)» [Там же, с. 300]. Как считает Л.Н. Гумилев, в 766 г. карлуки закончили подчинение Семиречья, Таласа, долины Чу и дошли до Западного Тянь-Шаня [1993, с. 369]. По мнению Т. Чоротегина, переселение на Тянь-Шань и в Семиречье

карлуков, а также родственных им племен – чигилей и ягма – серьезно изменило этническую ситуацию в Притяньшанье [1995, с. 31] (рис. 1).

В то время как карлуки стремились к самостоятельности и образованию собственного государства, племя ягма было согласно служить тюркешскому кагану, за что их правитель получил титул *йагма-тутук* [Там же, с. 34–35]. В процитированном автором источнике сказано, что после гибели «хакана» тюркешей власть «оказалась в руках халлухов». Первым правителем карлуков назван Илмалмасын-джабуге, он же Элетмиш-джабгу [Там же, с. 36]. По мнению С.Г. Кляшторного, в середине VIII в. уйгуры, воспользовавшись ослаблением империи Тан, охваченной восстанием Ань Лушаня, подчинили населявшие Восточный Туркестан кочевые тюркоязычные племена, среди которых были ягма. А карлуки, завоевав Семиречье во второй половине VIII в., вытеснили с его территории огузов в низовья р. Сыр-Дарья [Кляшторный, Савинов, 1994, с. 37]. В течение VIII–X вв. карлуки расселились на большей части территории Тянь-Шаня, в Чуйской долине, Иссык-Кульской котловине и ряде районов Восточного Туркестана [История Киргизской ССР..., 1984, с. 254]. Западная граница их расселения проходила «от Исфиджаба до отдаленнейших мест Ферганы» [Материалы по истории туркмен, 1939, с. 178].

В средневековом источнике «Худуд Ал-Алам» говорится: «Эта область (халлухов) – заселенная и самая богатая среди всех тюркских областей. В ней есть проточные воды, а климат умеренный. Правителей халлухских называли в давние времена джабгу, а также йабгу. И халлухи частью охотники, частью земледельцы, частью пастухи. Доход их – от овец, лошадей, (а также) от различных мехов. Люди они воинственные и склоны к набегам» [Материалы по истории киргизов, 1973, с. 42]. По-видимому, средневековый автор «Худуд Ал-Алам» подразумевал под карлуками не только кочевников, но и оседлое население Притяньшанья. К западу и северу от карлуков обитали племена чигилей, которые «по своему происхождению относятся к халлухам». Они живут «в шатрах и палатках, а городов и деревень у них мало, и (основные статьи) их благосостояния и дохода – это коровы, овцы и лошади» [Там же, с. 43]. К югу от карлуков жили племена ягма. В неопределенные «древние времена» правители из этих племен (ягма и карлуков) управляли г. Кашгаром в Восточном Туркестане [Там же, с. 41]. Кроме племен, переселившихся на Тянь-Шань в VIII вв. вместе с карлуками, на территории Семиречья проживали тюркские племена, которые ранее входили в состав объединения «десяти стрел». Среди них выделялось племя тухси, обитавшее к северу от карлуков и к западу от чигилей [Там же, с. 43].

Судя по карте арабского географа Ал-Идриси, которая относится к IX–XI вв., карлуки населяли территорию Кыргызстана и Восточного Туркестана, по соседству с кыргызами и кимаками [Караев, 1973, с. 8]. По мнению Б.Е. Кумекова, земли карлуков на востоке граничили с владениями уйгуров и кимаков [Кумек, 1981а, с. 7]. Карлуки-кочевники обитали в пустыне и селились «в шатрах из шерсти, подобно бедуинам» [Там же, с. 8]. Резиденция царя карлуков находилась в крепости Хайхам. По свидетельствам Ал-Идриси, «царь имеет хорошо вооруженное и многочисленное войско и плодородную страну» [Кумек, 1981, с. 15].

Однако по мнению В.П. Мокрынина, в Притяньшанье карлукам не удалось создать мощного, централизованного государства, и власть карлухских ябгу была номинальной [История Киргизской ССР..., 1984, с. 255]. Отдельные правители

кочевых племен и областей практически не зависели от власти ябгу, что ослабляло карлукское государство в войнах с внешними врагами. В то же время, во второй половине VIII в. карлуки активно боролись с уйгурами. Из-за враждебности уйгуров карлукские послы не могли попадать в империю Тан, и поэтому о карлуках сравнительно мало сведений в танских источниках.

В 791 г. карлуки в союзе с тибетцами воевали против уйгуров в Восточном Туркестане, но проиграли решающее сражение под г. Бешбалыком [Там же, с. 256]. В 818 г. уйгуры вновь разгромили карлуков и преследовали их вплоть до Ферганы. Карлукский ябгу вынужден был признать себя вассалом уйгурского кагана [Чотонов и др., 1996, с. 62]. В начале IX в. карлуки потерпели ряд поражений от арабов. В 812 г. полководец Фадл ибн Сахл разгромил войска карлуков под г. Отраром. В плен попали жена и сыновья ябгу, а сам он бежал к кимакам [История Киргизской ССР..., 1984, с. 256]. В то же время карлуки находились в союзных отношениях с тибетцами и кыргызами. Государство енисейских кыргызов «было всегда в дружественных связях с Даши, Туфанию и Гэлолу» [Бичурин, 1950, с. 355]. Послы из Тибета, воевавшего с Уйгурским каганатом, могли достигать земель кыргызов на Енисее через государство карлуков с помощью «проводящих из Гэлолу». В начале IX в. между правящими родами кыргызов и карлуков был заключен династийный союз. Женою кыргызского правителя Ажо стала дочь карлукского правителя «Гэлу-шеху» (карлук-шад) [Там же]. В 840 г. кыргызы разгромили Уйгурский каганат, что для карлуков означало ослабление угрозы с востока. Кыргызские войска достигли Восточного Тянь-Шаня и заняли города Бешбалык и Куча. Теперь их земли стали граничить на юге с Тибетом, а на юго-западе с государством карлуков [Там же, с. 354]. Поводом для этой войны с уйгурами стало то, что правитель кыргызов Ажо провозгласил себя каганом, свою мать, «урожденную Туциши, – вдовствующую ханьшою, жену, дочь Гэлу-шеху, – ханьшою» [Там же, с. 355].

В том же 840 г. карлукский ябгу Бильге Кюль Кадыр-хан также заявил о своих претензиях на верховную власть над кочевыми народами Центральной Азии и провозгласил себя каганом. Однако ему пришлось вести войну с согдийскими правителями Средней Азии – Саманидами, принявшими ислам. В 840 г. правитель Самарканда Нух ибн Асад взял г. Исфиджаб и принудил карлукского кагана платить ему дань. В 893 г. Исмаил ибн Ахмед Сомани осадил г. Тараз. После падения города в плен попало большое количество воинов и жена карлукского кагана. Сам карлукский каган Огулчак Кадыр-хан бежал в г. Кашгар и продолжил войну с государством Саманидов [История Киргизской ССР..., 1984, с. 257]. Под властью Саманидов оказались Таласская и часть Чуйской долины до г. Мерке. Правители из династии Саманидов сделали эти районы центром распространения ислама среди кочевых племен [Чотонов и др., 1996, с. 63].

Несмотря на неудачи в войнах, карлукские правители претендовали на власть над всеми тюркоязычными кочевниками. По сообщению Ал-Масуди, из карлуков происходит «каган каганов», который обладает властью над всеми тюркскими племенами [Кляшторный, Савинов, 1994, с. 38]. Эти претензии были идеологической основой для объединения тюркских племен вокруг каганов из династии Караханидов и создания Караханидского каганата. С.Г. Кляшторный считает родоначальником караханидской династии карлукского ябгу, провозгласившего себя каганом в 840 г., – Бильге Кюль Кадыр-кагана. Основу каганата составляли тюрко-

язычные кочевые племена Притяньшанья: карлуки, ягма, чигили, тухси и остатки орхонских древних тюрков, которые вошли в карлукский племенной союз [Там же, с. 39]. О. Караев считает основателем династии и государства Караханидов внука Бильге Кюль Кадыр-хана, Сатука Абд ал-Керима, который, по его мнению, происходил из племени чигилей [История Кыргызской ССР..., 1984, с. 291]. Он первым из караханидских правителей принял ислам. В 955 г. правителя Сатука сменил на каганском престоле его сын Муса, который объявил ислам государственной религией [Там же]. В 960 г. в государстве Караханидов было обращено в ислам 200 тыс. семей тюркоязычных кочевников [Кляшторный, Савинов, 1994, с. 40]. Это событие коренным образом изменило облик культуры кочевого населения Притяньшанья, его погребальную и поминальную обрядность и должно считаться рубежом, ограничивающим период существования древнетюркской культуры на Тянь-Шане.

В период существования государства карлуков этническая ситуация в Притяньшанье характеризовалась притоком новых масс тюркоязычного монголоидного кочевого населения из Центральной Азии. В течение VIII–X вв. на Тянь-Шане и в Семиречье расселились и стали численно преобладать кочевые племена карлуков, чигилей, ягма. В то же время сохранили свою этническую специфику некоторые тюркские племена, ранее входившие в состав объединения «десяти стрел». В этот период племя тухси приобрело самостоятельность, став равноправным членом карлукского союза. Как считает С.Г. Кляшторный, «чигили и ягма, а также одно из тюркешских племен – тухси и остатки орхонских тюрков вошли в карлукский племенной союз, и история этих племен, во всяком случае с IX в., неразрывна» [Там же, с. 39].

Однако, судя по археологическим памятникам карлукского периода, полной ассимиляции карлуками и другими тюркоязычными племенами потомков местного кочевого населения Тянь-Шаня в VIII–X вв. еще не произошло. В.П. Мокрынин выделяет по археологическим материалам три группы кочевого населения Притяньшанья, в погребальной обрядности которых сохранились традиции сакской и кенкольской культур [1986, с. 102–103]. А.Н. Бернштам пытался соотнести некоторые из исследованных им на Тянь-Шане археологических памятников с захоронениями по обряду ингумации к культурам чигилей, карлуков и тюркешей [Бернштам, 1952, с. 88].

Однако предложенная им этническая атрибуция кочевнических погребений Притяньшанья сделана без достаточных оснований. Особая группа памятников с захоронениями по обряду ингумации в каменных гробницах на горизонте была обнаружена А.К. Кибировым в долине р. Чаткал. По мнению В.П. Мокрынина, данная группа восходит к своеобразным погребениям в курумах Северной Ферганы [Мокрынин, 1986, с. 103].

В VIII–X вв. на территории Притяньшанья продолжала существовать древнетюркская культура, к которой относятся захоронения с конем и поминальные оградки с каменными изваяниями. К этому времени принадлежат и погребения с конем, и одиночные ингумации с характерным набором сопроводительного инвентаря [Табалдиев, 1996, с. 88–89]. К концу I тыс. н. э. относятся находки предметов торевтики с орнаментацией, которая имеет аналогии в культурах енисейских кыргызов и кимаков [Там же, с. 90]. К VIII–X вв. должно относиться исследованное

А.К. Кибировым захоронение по обряду кремации в могильнике Ичке-Жылга, которое может свидетельствовать о проникновении в Центральный Тянь-Шань снисейских кыргызов [Там же, с. 89, 97]. По-видимому, у тюркоязычных кочевников Тянь-Шаня – потомков племен, входивших в состав «народа десяти стрел», до принятия ислама в X в. сохраняла свое значение и традиционная поминальная обрядность, характерная для древнетюркской культуры.

В VIII–X вв. в Притяньшанье продолжалось развитие городской и оседло-земледельческой культур. Бурный рост городов связан с развитием торговли, горно-рудных промыслов, освоением новых участков земли. В этот период происходит переход части тюркоязычного кочевого населения к оседлому образу жизни [История Киргизской ССР..., 1984, с. 268]. Протекают активные процессы тюркизации городского населения и приобщения кочевых тюрков к городской и оседло-земледельческой культуре [Горячева, 1988, с. 83]. По мнению С.Г. Кляшторного, в это время тюркоязычные кочевники Тянь-Шаня продолжали употреблять таласский вариант древнетюркского рунического алфавита для нанесения надписей на скалы и валуны [Кляшторный, 1995, с. 156].

В течение VIII–X вв. территория Притяньшанья и Семиречья являлась своеобразным перекрестком трансконтинентальных торговых путей из Китая в Среднюю Азию и из Средней Азии в Южную и Западную Сибирь. Тюркоязычное население карлукского государства стало основой Караханидского каганата.

Глава 3

ПАМЯТНИКИ ДРЕВНЕТЮРКСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА ТЯНЬ-ШАНЕ

3.1. ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ

Погребальные памятники являются важным источником для изучения истории и культуры древних тюрков. Первые сведения о средневековых захоронениях на Тянь-Шане относятся к концу XIX в. [Табалдиев, 1996, с. 8]. Большая часть известных сегодня на территории Кыргызстана древнетюркских могил была изучена археологами в середине и второй половине XX в. [Бернштам, 1952, с. 81; Кибилов, 1959, с. 77–130; Зяблин, 1959, с. 139–154; Шер, 1961, с. 280–282; 1963в, с. 163; Винник, 1963а, с. 97–93]. Отдельные захоронения древних тюрков исследовались в разных районах Кыргызстана во второй половине 1960-х – в 1980-х гг. В этот период были обнаружены древнетюркские погребения в сопровождении верховых коней на кладбище Караснореческого городища [Горячева, 1988, с. 80–83]. Новые материалы из раскопок погребальных комплексов культуры древних тюрков были получены в результате работ авторов настоящей книги в районах Внутреннего Тянь-Шаня в 1989–2003 гг. [Табалдиев, 1996, с. 15–24; Табалдиев, Худяков, 1999а, с. 55–64].

Погребальные комплексы древнетюркской культуры исследовались археологами в разных районах Тянь-Шаня (рис. 2). Комплексы расположены в горных долинах, на возвышенностях, у подножья скальных выходов, в лощинах и на надпойменных террасах по берегам рек. Древнетюркские погребения встречаются в составе разновременных и обособленных могильников. Как правило, древние тюрки располагали курганы, в которых хоронили своих умерших сородичей, цепочками или несколькими рядами, вытянутыми с востока на запад. Однако в некоторых могильниках ряды курганов тянутся с севера на юг. Есть могильники, где древнетюркские курганы расположены беспорядочно [Табалдиев, 1996, с. 16]. В составе одних и тех же памятников встречаются погребальные и поминальные комплексы. Расположение поминальных оградок по отношению к курганам может быть различным. В большинстве раскопанных памятников их количество не соответствует числу погребенных в том же могильнике. Как правило, оградок соорудилось меньше, чем погребений. Однако имеются памятники, в составе которых число оградок превышало количество погребальных комплексов. На некоторых памятниках отмечены одиночные древнетюркские погребения, не сопровождавшиеся поминальными оградками (рис. 2, 3, 4, 5).

Погребальные памятники древних тюрков, исследованные в течение последних десятилетий на Тянь-Шане, представляют собой курганы с каменными и земляными насыпями, перекрывавшими могильные ямы с захоронениями по обряду ингумации в сопровождении верхового коня, реже барана. Среди раскопанных к настоящему времени погребальных памятников встречены одиночные захоронения взрослых и детей по обряду ингумации и захоронения лошадей. Во время раскопок сред-

невековых городищ в Чуйской долине отдельные древнетюркские погребения с лошадьми были обнаружены и на городских кладбищах.

Конструкции надмогильных сооружений наиболее детально были прослежены в процессе раскопок древнетюркских курганов, проводившихся археологическими экспедициями Кыргызского национального университета в течение 1980–1990-х гг. в Нарынской и Кочкорской долинах Тянь-Шаня (рис. 3, 4, 5).

Насыпи большей части древнетюркских курганов сооружались из камней, речных валунов или скальных обломков. Некоторые каменные насыпи по периметру укреплялись крупными камнями, образуя крепиду. Внутренняя часть крепид сложена из мелких камней. Надмогильные сооружения из земли, без каменного покрытия, встречаются достаточно редко. Большая часть насыпей имеет округлую в плане форму. Со временем центральная часть некоторых насыпей просела в могильную яму, поэтому они приобрели уплощенную или кольцевую форму с пологой западиной в центре. Поверхность каменных насыпей частично задернована. Помимо округлых, встречаются насыпи овальной и подпрямоугольной формы (рис. 7; 11; 14, 2; 15; 17; 19; 22; 25; 27–28; 31; 33; 35, 1; 36).

Курганы с округлой в плане каменной насыпью являются наиболее типичной и распространенной формой надмогильного сооружения культуры древних тюрков на Тянь-Шане. Среди них численно доминируют округлые насыпи без крепиды в основании. Такие насыпи встречены почти повсеместно в Кетмень-Тюбинской, Кочкорской, Таласской и Чуйской долинах Кыргызстана. Они зафиксированы на памятниках Беш-Таш-Короо I, Жаныш-Булак, Кулан-Сай, Сокулук I [Табалдиев, 1996, с. 17].

Среди округлых в плане надмогильных сооружений выделяются каменные насыпи с крепидой из массивных валунов. Насыпи такой конструкции характерны для Кочкорской и Кетмень-Тюбинской долин. Они отмечены при раскопках древнетюркских погребальных комплексов на памятниках Бел-Саз II, Беш-Таш-Короо I, Беш-Таш-Короо II в Кочкорской долине и на могильнике Теке-Таш в Кетмень-Тюбинской долине.

Курганы с кольцевой каменной оградой без засыпки в центральной части среди древнетюркских надмогильных сооружений на Тянь-Шане встречаются редко. Такие курганы были исследованы на площади разновременного могильника Ала-Мышик в Орто-Нарынской долине Кыргызстана.

Каменные насыпи округлой и кольцевой формы различаются и своими размерами. Диаметр таких насыпей составляет от 3 до 6,5 м. Среди курганов с округлыми насыпями в отдельный тип следует выделить земляные надмогильные сооружения. Подобные курганы были зафиксированы на памятнике Чон-Ноо в Орто-Нарынской долине Тянь-Шаня. Диаметр насыпей этих курганов составлял от 6 до 12 м.

Особую группу составляют надмогильные конструкции овальной в плане формы. Среди них встречаются пологие овальные каменные выкладки из камней. Такие сооружения зафиксированы на памятниках Айгыр-Жал в Орто-Нарынской, Беш-Таш-Короо I в Кочкорской и Кызыл-Сай в Таласской долинах Кыргызстана. Надмогильные конструкции в виде овальной оградки без засыпки в центральной части зафиксированы на памятниках Ара-Куль и Беш-Таш-Короо II в Кочкорской долине на Тянь-Шане. Их размеры составляют 3,5 на 2,5 м [Табалдиев, 1996, с. 17–18].

Среди надмогильных сооружений имеются конструкции подпрямоугольной формы. У таких курганов насыпи были сооружены из окатанной гальки. Подобные курганы отмечены на памятнике Ара-Куль в Кочкорской, Алтын-Арык в Жумгальской и Ала-Мышик в Орто-Нарынской долинах, на могильниках Карой и Кой-Суу в Иссык-Кульской котловине. Размеры насыпей составляют от $2,6 \times 2,6$ до $3,3 \times 3,7$ м. Некоторые курганы с подпрямоугольной насыпью имеют по периметру ограждение и крупные камни по углам. Такие насыпи зафиксированы на памятниках Кой-Суу, Долинка и Дархан в Иссык-Кульской котловине. Их размеры – от $4,8 \times 6,2$ до $5,6 \times 8$ м [Табалдиев, 1996, с. 18].

Хотя различия в конструкции и размерах надмогильных сооружений древнетюркских погребальных памятников Тянь-Шаня достаточно заметны, курганы разных типов не образуют устойчивых территориальных или хронологических групп. Насыпи разных форм имеются в одних и тех же древнетюркских могильниках. Наибольшим разнообразием отличаются памятники Беш-Таш Короо I и II в Кочкорской долине Центрального Тянь-Шаня, среди которых представлены насыпи округлой, кольцевой и овальной формы. Специфичными можно считать земляные насыпи памятника Чон-Ноо в Орто-Нарынской долине, поскольку в других районах распространения древнетюркской культуры на Тянь-Шане они пока не выявлены, и подпрямоугольную форму насыпей на нескольких памятниках в Иссык-Кульской котловине, так как в других районах такие сооружения встречаются достаточно редко.

В насыпях древнетюркских курганов, исследованных на Тянь-Шане, иногда фиксировались остатки поминальных триз или других ритуальных действий. На памятниках Беш-Таш-Короо I и II были обнаружены остатки древесного угля и обломки бараньих костей, на памятнике Карой – кости лошади, на могильнике Кой-Суу – фрагменты керамики [Табалдиев, 1996, с. 18].

Умерших хоронили в обычных грунтовых могильных ямах и в подбойных могилах. Как правило, эти ямы расположены непосредственно под насыпью, в центральной части кургана. Иногда могильная яма располагается ближе к краю надмогильного сооружения. Размеры могильных ям и подбоев зависели от особенностей обряда захоронения. Если в могилу хоронили только тело умершего человека, то ширина могильной ямы составляет около 1 м, длина – 2 м, а глубина – от 0,8 до 1,4 м. В погребениях человека в сопровождении верхового коня размеры могильных ям были почти вдвое больше, чем у одиночных захоронений. Наибольшая глубина могильных ям характерна для памятника Чон-Ноо в Орто-Нарынской долине. Она составляла от 4,5 до 5 м. Для этого памятника характерно совершенно особенное, перпендикулярное расположение катакомбной могильной ямы по отношению к дромосу и столь же необычное расположение скелета коня во входовой части, головой в сторону погребенного человека [Табалдиев, 1996, с. 19].

В заполнении могильных ям иногда встречаются угли и зола от кострища, кости и в одном случае – целый скелет собаки, а также впускное захоронение ребенка. Назначение этих захоронений и ритуальных действий могло быть различным. Кострище может быть связано с очистительной силой огня и ритуалами охранительной магии. Захоронения собак также, вероятнее всего, связаны с обрядами охранительного ритуального цикла. Сложнее судить о впускном захоронении

ребенка. Следует ли считать его подхоронением в могилу умершего ранее взрослого родственника или жертвенным захоронением, сказать трудно.

В процессе раскопок перекрытия могильных ям не всегда можно было отчетливо проследить, поскольку они полностью совпадают с забутовкой могильной ямы. Вероятно, могильные ямы заполнялись землей, забутовывались валунами и скальными обломками и поверх заполнения перекрывались каменными плитами и скальными обломками.

Для перекрытия входа подбойных могил использовались плиты из скальных обломков или, реже, небольшие деревянные бревна. Плиты и бревна устанавливались вертикально, с незначительным наклоном верхней части в сторону подбоя. На памятниках Беш-Таш-Короо I и II в Кочкорской долине зафиксированы перегородки между захоронением человека и сопроводительным погребением коня. Для сооружения этой перегородки применялись вертикально или наклонно установленные каменные плиты и скальные обломки. В одном из захоронений такой перегородкой служила циновка, сплетенная из тростника (чия). Вероятно, наличие разделительной стенки в могильной яме свидетельствует о стремлении каким-то образом подчеркнуть статус погребенного человека. Возможно, что в некоторых случаях такая стенка должна фиксировать наличие подбоя, который не был выявлен в процессе раскопок.

Всех своих умерших сородичей жившие на Тянь-Шане древние тюрки хоронили по обряду труположения. Тело умершего укладывалось на дно могильной ямы в полный рост, на спине, руки вдоль туловища, ноги вытянуты (рис. 6; 7; 8; 9; 10, 1; 12; 13; 14, 1; 16; 18; 20; 21, 1; 23; 24; 26; 29; 30; 32; 34; 35; 37; 38, 1).

Наиболее распространенным способом захоронения у древнетюркского населения Тянь-Шаня является погребение человека в сопровождении верхового коня. Тушу коня обычно укладывали на животе, с подогнутыми ногами, или на боку во входной яме, параллельно с телом человека. Среди исследованных на Тянь-Шане древнетюркских захоронений с лошадьми в количественном отношении преобладают погребения с разнонаправленным положением человека и коня. Такие погребения с лошадьми были раскопаны на памятниках Ала-Мышик, Айгыр-Жол, Бел-Саз II, Беш-Таш-Короо II, Жаныш-Булак, Кой-Суу на Внутреннем Тянь-Шане, а за его пределами – на кладбище Краснореченского городища и в долине р. Тон. Тела умерших людей были ориентированы головой на восток, северо-восток или юго-восток. Лошади размещались в могилах головой на запад.

Значительно реже древние тюрки клали погребенных и лошадей в могилы в меридиональном направлении. Такое положение было зафиксировано на могильнике Кызыл-Сай. Тело умершего человека ориентировано головой на север, а туша коня – на юг. На памятнике Беш-Таш-Короо I в Кочкорской долине тела умерших древних тюрков и лошадей были размещены головами в одну и ту же сторону, на север, с некоторыми небольшими отклонениями. Туша коня помещалась в яму слева от тела человека, на левом боку, голова лошади была повернута в сторону умершего. Отдельные захоронения с ориентацией людей и лошадей в одну и ту же сторону имеются и на других древнетюркских могильниках Тянь-Шаня. Правда сама ориентировка в этих могилах различается. На памятниках Беш-Таш-Короо II и Кулан-Сай люди и лошади ориентированы на запад. На могильнике Таш-Тюбе

они ориентированы на юго-запад. Это единичный для Тянь-Шаньского региона случай ориентации умершего и коня в направлении южного сектора горизонта. Во всех этих памятниках конь помещен в могильную яму справа от погребенного человека (рис. 5, 8, 10, 13, 18, 20, 24, 29, 34, 37).

На многих древнетюркских памятниках были прослежены отличия в уровнях расположения человека и коня. Нередко в пределах одного и того же могильника встречаются три варианта расположения тела человека и туши коня. Например, в могильнике Беш-Таш-Короо I в Кочкорской долине в четырех могилах погребенные были размещены на одном уровне с лошадьми, в одной могиле умерший находился на уступе, выше коня, еще в одной он был положен в подбой ниже лошади. На соседнем могильнике Беш-Таш-Короо II четверо погребенных были уложены на уступах могильных ям, а лошади – ниже, двух других умерших положили на дно ям, а лошадей – на уступы. В большей части могил высота уступа была сравнительно невелика, он возвышался над полом могильной ямы на 15 см. В этом отношении заметно выделяется памятник Таш-Тюбе, где скелет коня лежал на уступе, а погребенный – на дне могилы, которое было ниже уступа на 65 см.

На городском кладбище средневекового города Невакета было обнаружено древнетюркское парное погребение мужчины и женщины в сопровождении верхового коня. Тела умерших людей были помещены в подбое и ориентированы головами на восток, а туша коня находилась на уступе и была уложена головой на запад. Скелет погребенного мужчины находился в вытянутом положении, неполный скелет женщины располагался с левой стороны от него. Череп и кости конечностей женщины частично перекрывали кости мужского скелета. Можно предположить, что тела умерших намеренно положили таким образом, «в обнимку».

Хотя такой вариант захоронения, безусловно, отличается от стандартного древнетюркского канона заупокойной обрядности, можно отметить, что его основные требования в данном случае были соблюдены, а отличия, видимо, были продиктованы влиянием согдийской городской культуры.

Несмотря на большое разнообразие расположения умерших и сопроводительных захоронений лошадей в древнетюркских курганах Тянь-Шаня, оно не дает оснований для выделения каких-либо устойчивых вариантов заупокойной обрядности, поскольку эти различия прослеживаются в соседних курганах на одних и тех же могильниках. Вероятнее всего, сам канон древнетюркской погребальной обрядности в эпоху раннего средневековья был достаточно вариабелен и допускал определенные отклонения от нормы.

Как было отмечено выше, в могилах памятника Чон-Ноо в Орто-Нарынской долине тело человека помещалось на дно катакомбы, а туша коня – в дромосе, перпендикулярно телу умершего [Табалдиев, 1996, с. 21]. Такое расположение умершего и лошади совершенно необычно не только для погребальной практики древних тюрков на Тянь-Шане, но и для всего ареала распространения древнетюркской культуры в Центрально-Азиатском регионе. Памятник Чон-Ноо отличается от остальных древнетюркских погребальных комплексов Тянь-Шаня особенными конструкциями надмогильных и внутримогильных сооружений, что дает основания считать его примером самостоятельного варианта заупокойной обрядности.

В предшествующие исторические периоды обряд погребения человека с конем совершенно не был характерен для Тянь-Шаня. Имеются только отдельные

сведения о погребальных памятниках предшествующих культур древних кочевников Тянь-Шаня, согласно которым рядом с телом человека в могилы помещали отдельные части туши коня. Например, в некоторых курганах сакского времени на Тянь-Шане рядом с погребенным был найден крестец лошади, а в кургане гуннского времени вход катакомбы был перекрыт плитами, на которых лежали два черепа лошади [Бернштам, 1952, с. 23]. В памятниках хуннского времени в Восточном Туркестане на могильнике Чауху в качестве одного из вариантов заупокойной обрядности представлены погребения по обряду ингумации в подбое с конем на уступе [Худяков, Комиссаров, 2002, с. 78]. Однако между памятниками культуры Чауху и древнетюркскими комплексами Тянь-Шаня имеется определенный хронологический разрыв и существенные отличия в обрядности и составе сопроводительного инвентаря, чтобы в настоящее время можно было говорить о культурном родстве между ними. Возможно, в процессе дальнейшего изучения памятников культуры Чауху удастся выявить соответствие отмеченного в единичном случае обряда погребения с конем с подобными синхронными погребальными комплексами в Горном Алтае.

Погребения с конем на территории Тянь-Шаня и Семиречья появляются только в середине I тысячелетия н. э., после образования Первого Тюркского каганата и начала расселения древних тюрков с территории Саяно-Алтая, где эта культура сформировалась в предшествующий период [Худяков, 2007а, с. 19–21].

Распространение погребального обряда ингумации в сопровождении верхового коня на Тянь-Шане и сопредельных районах Казахстана и Средней Азии с середины VI в. н. э. имеет важное значение для его этнокультурной атрибуции во всем Центрально-Азиатском регионе. Поскольку на Тянь-Шане и в Семиречье, по сведениям исторических источников, в эпоху раннего средневековья не проживало телесских племен, данный обряд можно соотнести только с древними тюрками.

Древнетюркский обряд погребения с конем на Тянь-Шане сохраняется на протяжении почти всего раннего средневековья, включая периоды Первого Тюркского, Западного Тюркского и Тюркешского каганатов, а у части тюркоязычного населения государства карлуков – вероятно, вплоть до эпохи Караханидов. Лишь после принятия ислама в качестве государственной религии, под сильным влиянием мусульманских религиозных запретов в отношении заупокойной обрядности, этот обычай исчезает, и позднее X в. погребения коня не встречаются. Но трансформация этого погребального обряда происходила на Тянь-Шане далеко не одновременно. В течение последующего периода развитого средневековья отдельные элементы обряда погребения с конем сохраняются в измененном виде. В XI–XIV вв. на территории Тянь-Шаня практиковался погребальный обряд ингумации в сопровождении конской сбруи (седел со стременами и узды с удилами), который многие исследователи считают результатом трансформации обряда погребения с конем [Табалдиев, 1996, с. 115]. Есть основания предполагать, что в этот период предметы конской сбруи замещали или символизировали коня в могиле. Видоизменение погребального обряда происходит и в других регионах Центральной Азии. Во II тысячелетии н. э. в среде тюркоязычных кочевников Саяно-Алтая распространяется обряд погребения со шкурой или чучелом коня (погребения с костями конечностей и головой) [Худяков, Мороз, 1987, с. 187–189].

Своеобразную группу погребений древних тюрков Тянь-Шаня представляют захоронения по обряду ингумации с бараном. В качестве сопроводительного жи-

вотного в могилу умершего человека помещалась целая туша барана и предметы конской сбруи. Такие захоронения были раскопаны на нескольких древнетюркских могильниках в Центральном Тянь-Шане и Алайской долине [Бернштам, 1952, с. 81; Худяков, Табалдиев, Солтобаев, 1997, с. 142–147]. Одно из таких захоронений было исследовано на могильнике Ала-Мышик в Орто-Нарынской долине. Курган представлял собой кольцевую выкладку из крупных камней. Надмогильное сооружение перекрывало могилу с широким дромосом и подбоем. В дромосе находился скелет барана на левом боку, ориентированный головой на запад. Здесь же обнаружены железные стремена, удила, железная пряжка, обломок бронзового кольца и костяные накладки лука со штриховкой по внутренней стороне. Погребение взрослого человека располагалось в подбое, отделенном от дромоса крупными камнями. Скелет погребенного лежал на спине, в вытянутом положении, головой на восток. У черепа обнаружена бронзовая серьга, на поясе – нож [Бернштам, 1952, с. 81]. Погребение с бараном на памятнике Суттуу-Булак I в Центральном Тянь-Шане представляло собой пологую, слабо задернованную округлую выкладку из речных валунов. Под насыпью находилась могильная яма, на дне которой лежал в вытянутом положении, головой на юго-запад скелет взрослой женщины. При погребенной имелись костяные пластины с гравированными рисунками. Рядом с ней лежал скелет барана. Вдоль стенки могильной ямы находился в разобранном виде деревянный остов седла [Худяков, Табалдиев, Солтобаев, 1997, с. 142–143]. В древнетюркской погребальной обрядности погребения с бараном представлены по большей части захоронениями детей и подростков. Одно детское захоронение с бараном исследовано в Алайской долине Кыргызстана. Захоронения взрослых людей с бараном встречаются довольно редко. Наличие в погребениях Центрального Тянь-Шаня предметов конской сбруи свидетельствует, что баран в этих захоронениях заменял верхового коня (рис. 38, 1).

Кроме погребений по обряду ингумации с конем или бараном на Тянь-Шане имеются различные варианты погребений человека без сопровождения коня (рис. 7, 12, 16, 23, 26, 30, 32). В ходе раскопок древнетюркских могильников на территории Внутреннего Тянь-Шаня неоднократно исследовались курганы с одиночными захоронениями по обряду ингумации. Нередко такие захоронения находятся рядом, иногда даже в одной цепочке, с курганами, содержащими погребения человека с конем. Эти погребения имели сходные конструкции надмогильных и внутримогильных сооружений, одинаковую ориентацию самих захоронений и близкий по облику сопроводительный инвентарь, что свидетельствует об их синхронности и культурной близости.

Для средневековых погребений по обряду ингумации без лошадей были характерны насыпи округлой формы, которые сооружались из камней. Под насыпями находились могильные ямы подпрямоугольной формы. Тела умерших людей помещались на дне могильной ямы в вытянутом положении, на спине, руки вытянуты вдоль туловища. Большая часть таких погребений – одиночные. Однако встречаются также и захоронения двух и трех человек в одной могиле.

Погребения по обряду ингумации без сопроводительных захоронений животных отмечены как в отдельных курганах, так и в могильниках, содержащих захоронения с лошадьми. Одиночные захоронения без коня исследованы на памятниках Бел-Саз II, Беш-Таш-Короо I и Беш-Таш-Короо II в Кочкорской долине. Они входят в цепочки курганов, где есть и с погребения с лошадьми.

В то же время, на некоторых могильниках были обнаружены только одиночные захоронения без коня. Такие погребения исследованы на памятниках Ара-Куль и Алтын-Арык во Внутреннем Тянь-Шане, на могильнике Чакмак-Суу в Западном Тянь-Шане, на могильниках Карой и Кок-Булак в Иссык-Кульской котловине.

Ориентация погребенных по обряду одиночной ингумации в разных могильниках различна. Однако в тех памятниках, на которых такие захоронения встречаются вместе с погребениями с лошадьми, она соответствует преобладающему направлению. На памятниках Ара-Куль, Бел-Саз II, Беш-Таш-Короо I, Беш-Таш-Короо II, Тура-Суу I для одиночных захоронений присуща меридиональная, северная или северо-западная ориентация погребенных. На могильниках Ала-Мышик, Алтын-Арык и Карой одиночные захоронения ориентированы в западном направлении. На памятнике Кок-Булак одиночные захоронения ориентированы по-разному, мужчин хоронили головами на запад, женщин – на восток.

Сопроводительный инвентарь в одиночных захоронениях не имеет особых отличий от рядовых погребений с лошадьми, за исключением принадлежностей конской сбруи. Только в одном таком погребении на памятнике Бел-Саз II при погребенном было обнаружено седло и стремя. В большей части исследованных одиночных захоронений были обнаружены отдельные украшения, принадлежности костюма и бытовые вещи.

Парные и тройные захоронения взрослых и детей отмечены на Тянь-Шане в нескольких памятниках. На могильнике Ара-Куль было исследовано парное погребение взрослого человека и ребенка. Оно находилось под каменной выкладкой в могильной яме и было ориентировано в северном направлении. На памятнике Тура-Суу I было раскопано погребение взрослого человека, в котором находился и череп ребенка [Табалдиев, 1996, с. 21–22].

На могильнике Ала-Мышик было исследовано захоронение взрослой женщины с двумя детьми. Тела умерших располагались в подбое. Они находились в вытянутом положении и были ориентированы головами на запад. При погребенных имелись украшения и керамический сосуд. Во входную яму этой могилы были помещены часть туши барана и железный нож [Бернштам, 1952, с. 84].

Во время раскопок древнетюркских могильников Тянь-Шаня обнаруживались и погребения только коня, без человека. Вероятнее всего, это древнетюркские кенотафы. Судя по всему, захоронения лошадей с конской сбруей и вещами, характерными для предметного комплекса древнетюркских всадников, совершались в тех случаях, когда человек погиб, а его тело не смогли найти и предать земле [Нестеров, 1990, с. 77]. Такие захоронения лошадей раскопаны на памятниках Бел-Саз II и Беш-Таш-Короо II в Кочкорской долине и Теке-Таш в долине Кетмень-Тюбе. Их внешние надмогильные сооружения почти не отличались от курганов с погребениями с конем. Эти захоронения были перекрыты каменными насыпями, окаймленными крепидами из массивных валунов. Размеры курганов в диаметре составляли от 4,5 до 5 м. Под насыпями находились могильные ямы, глубиной от 0,5 до 1,2 м. В погребении коня на могильнике Бел-Саз II под скелетом лошади располагался скелет собаки. Лошади лежали на дне могильных ям на животе с подогнутыми ногами и были ориентированы на запад. В погребениях лошадей, как правило, встречаются принадлежности конской сбруи. Судя по этим находкам, лошадей хоронили взнузданными и оседланными. В отдельных могилах с лошадей-

ми имелись кости барана – остатки мясной пищи и предметы, принадлежавшие человеку, что подтверждает предположение о том, что это кенотафы. В двух захоронениях лошадей на памятниках Бел-Саз II и Беш-Таш-Короо II предметов сопроводительного инвентаря не было.

Иногда рядом со скелетами лошадей находились остатки ритуальной пищи и предметы конской сбруи. Из соседних территорий близкое по характеру погребение коня было обнаружено во время раскопок на памятнике Куль-Тобе на юге Казахстана. Обезглавленный конь лежал на боку, с плотно поджатыми ногами, ориентация на запад. Рядом обнаружены стремя, удила, гладкая серебряная наременная накладка, а также кости задних конечностей овцы [Смагулов, Григорьев, Итенов, 1998, с. 88, рис. 11].

Предположение о кенотафах в определенной степени находит подтверждение в этнографических материалах, относящихся к заупокойной обрядности современных тюркоязычных народов Центрально-Азиатского региона. Из сведений о похоронных обрядах некоторых групп современных кыргызов известно, что в случае невозможности предать земле тело умершего человека, его заменяют тушей домашнего животного. Правда, кыргызы в могиле хоронили не коня, а барана черной масти.

Описание различных вариантов погребальной обрядности, характерных для культуры древних тюрков на территории Тянь-Шаня, отчетливо свидетельствует, что исследованные погребальные памятники тюркоязычных кочевников имеют несомненное сходство с захоронениями древних тюрков в других районах Центральной Азии. Среди погребальных комплексов древнетюркской культуры, раскопанных в Саяно-Алтае и Монголии, обнаружены погребения взрослых людей и подростков с конем или бараном, а также одиночные захоронения лошадей. Сложнее судить о принадлежности к древнетюркской культуре захоронений по обряду одиночной ингумации без сопроводительного погребения животного, поскольку подобные погребения были характерны для самых разных народов и культур. Для территории Тянь-Шаня принадлежность таких захоронений к древнетюркской культуре доказывается их расположением в составе могильников и поминальных древних тюрков, характерными особенностями заупокойной обрядности и обликом сопроводительного инвентаря.

Древнетюркские кочевники расселились по территории Тянь-Шаня, Семиречья и сопредельных районов Восточного Туркестана, Средней Азии и Казахстана в самом начале эпохи раннего средневековья.

В период существования Первого Тюркского каганата древнетюркская заупокойная обрядность, как и культура древних тюрков в целом, была единой, но находилась в стадии своего формирования. На Тянь-Шане древним тюркам пришлось столкнуться с древними номадами – носителями кенкольской культуры. Эти контакты отразились на погребальной обрядности некоторых групп кочевого населения Тянь-Шаня.

На могильнике Чон-Ноо, расположенном в Орто-Нарынской долине Центрального Тянь-Шаня, на памятнике Алмалуу в Западном Тянь-Шане конструктивные особенности надмогильных и внутримогильных сооружений исследованных курганов с земляными насыпями, дромосами, катакомбами и погребениями в сопровождении коня свидетельствуют об этнокультурном взаимодействии и вза-

имопроникновении предтюркского кочевого населения кенкольской культуры и пришлых древнетюркских номадов. Судя по этому памятнику, часть кенкольских кочевников ассимилировалась среди пришлых древних тюрков и переняла от них древнетюркскую заупокойную обрядность.

В тоже время часть кенкольских номадов сохранила свою традиционную погребальную обрядность. На могильнике Уч-Ат в Ошской области исследованы погребения по обряду ингумации под земляными курганами в катакомбах [Табалдиев, 1996, с. 24].

После распада Первого Тюркского и обособления Западного Тюркского, а затем Тюргешского каганатов в VII–VIII вв. заупокойная обрядность западных тюрков и тюргешей, наряду с общетюркскими, приобрела черты определенного культурного своеобразия. Они были обусловлены, в первую очередь, этнокультурным окружением тюркского кочевого населения Тянь-Шаня и Семиречья, оказавшегося в условиях тесных контактов с оседлым городским и земледельческим согдийским населением. Часть древних тюрков осела в согдийских городах Чуйской долины, о чем свидетельствует обнаружение двух древнетюркских захоронений, в том числе одного парного погребения с конем, на городском кладбище Краснореченского городища – средневекового города Невакета. В парном захоронении вместе с древним тюрком была погребена европеоидная женщина, вероятно согдианка. Эти находки свидетельствуют о трансформации традиционной заупокойной обрядности под влиянием контактов с согдийцами. Определенные отличия прослеживаются и в сопроводительном инвентаре древнетюркских захоронений, в которых появляется керамическая посуда и другие изделия местного ремесленного производства.

Вероятно, этнокультурные контакты с иными этническими группами населения Тянь-Шаня сказались и на некоторых особенностях заупокойной обрядности тех групп древних тюрков, которые хоронили умерших по обряду одиночной ингумации. Следствием таких контактов могло стать появление парных и тройных захоронений и использование сопроводительного инвентаря, нехарактерного для самой древнетюркской культуры.

Помимо древних тюрков, потомков древних номадов и согдийцев, в эпоху раннего средневековья на территории Тянь-Шаня проживали и другие этнические группы. В Западном Тянь-Шане, в долине Чаткала на могильниках Чакмак-Суу, Тулеберди и Жергетал были раскопаны курганы с захоронениями по обряду ингумации в каменных ящиках на горизонте. Эта группа населения сохранила свои этнокультурные особенности и в эпоху развитого средневековья. На кладбище, расположенном близ городища Чанчархан были исследованы курганы с захоронениями на горизонте в цистах, сложенных из сырцового кирпича [Мокрынин, 1986, с. 103].

Значительным своеобразием отличается захоронение в кургане на памятнике Ичке-Жылга в Кочкорской долине, содержащее остатки сожжения, золы, обгоревшей ткани и прутьев чия, в которых были найдены железные удила, кинжал, наконечник стрелы, бронзовые бляшки и пряжка [Табалдиев, 1996, с. 23].

Археологу А.Н. Бернштаму принадлежит одна из первых попыток этнической атрибуции разных вариантов погребальной обрядности кочевого населения Тянь-Шаня эпохи раннего средневековья. Памятники, расположенные на юго-западном

побережье озера Иссык-Куль, в том числе могильник Ара-Куль, Кок-Булак и Кок-Мойнак, на которых были исследованы курганы с одиночными захоронениями по обряду ингумации, он отнес к племени чигилей [Бернштам, 1952, с. 87–88]. Группу могильников из Центрального Тянь-Шаня, включая Алтын-арык, Джаргелан и Кырчин, а также грунтовые могилы на памятнике Аламышик, содержащие преимущественно одиночные захоронения по обряду ингумации, А.Н. Бернштам определил как карлукские, а погребение с бараном отнес к культуре енисейских кыргызов [Там же, 1952, с. 83–84]. В третью группу исследователь выделил «грунтовые могилы с каменными изваяниями», исследованные на северо-восточном побережье озера Иссык-Куль. В эту группу вошли погребения по обряду ингумации на памятниках Карой, Ой-Булак, а также часть погребений в могильниках Джаргелан и Кырчин. Эти захоронения приписаны тюргешам. В особую группу А.Н. Бернштамом выделены погребения в подбоях на могильнике Аламышик, которые он связывал с племенами чубань [Там же, 1952, с. 88].

К настоящему времени такая этническая атрибуция, основанная на недостаточно четких признаках, безусловно устарела. Более обоснованными представляются наблюдения, сделанные во время раскопок в 1980–1990-х гг. в Кочкорской и Нарынской долинах, которые проводились авторами данной монографии. Очевидно, что захоронения по обряду ингумации с лошадьми или баранами, а также одиночные погребения лошадей, должны относиться к древнетюркской культуре, поскольку им соответствуют аналогичные захоронения на памятниках этой культуры в Центрально-Азиатском регионе. Памятники второй половины VI в. н. э., относящиеся к периоду Первого Тюркского каганата, соответствуют единой культуре древних тюрков до ее разделения на два территориальных варианта. Они отличаются характерными элементами предметного комплекса, среди которых важное место принадлежит художественно обработанным металлическим изделиям, выполненным в геральдическом стиле. К этой же эпохе должны относиться погребальные памятники, конструктивные особенности которых типичны для предшествующих кочевнических культур. Основная часть исследованных к настоящему времени на Тянь-Шане древнетюркских захоронений с лошадьми и баранами и кенотафов, судя по сопроводительному инвентарю, в составе которого представлены предметы тюреттики катандинского облика, должна относиться к западному варианту древнетюркской культуры, получившему распространение в Восточном Туркестане, на Тянь-Шане, в Семиречье, в Средней Азии и Казахстане в VII–VIII вв. Вероятно, и после падения тюргешского государства и завоевания его территории карлуками потомки западных тюрков и тюргешей продолжали населять этот район, хотя древнетюркские захоронения этого периода на Тянь-Шане и в Семиречье пока не выявлены. Возможно, часть западных тюрков и тюргешей вошла в состав кимакского объединения, о чем свидетельствует сходство в основных элементах погребальной и поминальной обрядности части тюркоязычных племен Кимакского каганата и кочевого населения предшествующих тюркских государств Среднеазиатского региона.

В состав объединения западных тюрков в течение всего периода раннего средневековья входили тюркизированные кочевые племена, потомки древних кочевников Среднеазиатского региона, которым могут принадлежать одиночные, парные и тройные захоронения без коня, составляющие обособленные могильники,

исследованные в разных районах Тянь-Шаня. Значительная их часть, вероятно, уже ко времени существования Западного Тюркского каганата ассимилировалась в тюркской среде и вошла в состав этносоциального объединения Он Ок Будун. Поэтому они хоронили своих умерших на одних и тех же родовых кладбищах, что и западные тюрки. Однако в некоторых районах на западе и юге Тянь-Шаня в течение эпохи раннего средневековья эти этнические группы сохраняли свое культурное своеобразие, что выразилось в существовании особых вариантов заупокойной обрядности: учатского и чакмаксайского [Мокрынин, 1986, с. 103].

Существенные изменения в заупокойной обрядности кочевого населения Тянь-Шаня отчетливо видны начиная с рубежа эпох раннего и развитого средневековья, когда из повседневной практики исчезает обряд захоронения человека в сопровождении верхового коня или барана, а также сооружения кенотафов с лошадьми.

Период существования карлукского государства на Тянь-Шане и в Семиречье частично совпал с «эпохой кыргызского великодержавия», последовавшей за разгромом енисейскими кыргызами Уйгурского каганата и завоеванием Центральной Азии. Эти события являются наиболее значимыми в средневековой истории кыргызского народа и непосредственно связаны с последующим расселением на территории Восточного Тянь-Шаня. Проблема соотношения этих исторических событий с исследованными археологическими материалами неоднократно привлекала внимание специалистов. Одним из первых предложил ее решение А.Н. Бернштам. Ученый детально изложил свои соображения в обобщающем труде по истории и археологии Тянь-Шаня, Алая и Памира [1952, с. 88]. Он ссылается на предположение археологов, изучавших памятники енисейских кыргызов в Минусинской котловине, С.В. Киселева, Л.А. Евтюховой и В.П. Левашовой, согласно которому в IX в. кыргызы перешли от обряда кремации умерших на трупоположение с конем [Киселев, 1949, с. 342]. Опираясь на гипотезу своих коллег, А.Н. Бернштам отнес к культуре енисейских кыргызов погребение по обряду трупоположения с бараном, раскопанное им на могильнике Аламышик [1952, с. 83–84]. К числу свидетельств проникновения енисейских кыргызов на Тянь-Шань исследователь отнес серебряные орнаментированные украшения конской сбруи, найденные местными жителями в Кочкорской долине в конце XIX в. [Там же, с. 89–93]. Однако последующие раскопки кыргызских погребений IX–XIV вв. в Саяно-Алтае убедительно доказали несостоятельность предположения о смене кыргызами традиционного для них погребального обряда кремации.

Существование разных точек зрения на этническую принадлежность средневековых погребальных памятников по обряду ингумации с верховым конем в Центральной Азии, в определенной степени, было вызвано несоответствием принятой в современной археологической науке этнокультурной интерпретации погребальных памятников, содержащих захоронения по обряду ингумации с конем, и сведений письменных источников о погребальном обряде тюрков-тугу. В китайской династийной хронике Синь Таншу о заупокойной обрядности древних тюрков говорится: «Тело покойника полагают в палатке. Сыновья, внуки и родственники обою пола закалывают лошадей и овец и, разложив перед палаткою, приносят в жертву; семь раз объезжают вокруг палатки на верховых конях, потом перед входом в палатку ножом надрезают себе лица и производят плач; кровь и слезы совокупно льются. Таким образом, поступают семь раз и оканчивают. По-

том в избранный день берут лошадь, на которой покойник ездил, и вещи, которые он употреблял, и все вместе с покойником сжигают. Собирают пепел и зарывают в определенное время года в могилу. Умершего весной и летом хоронят, когда лист на деревьях начинает желтеть или опадать; умершего осенью и зимой хоронят, когда цветы начинают развертываться» [Вичурин, 1950, с. 230]. Переводчик китайской летописи Н. Я. Вичурин, ссылаясь на необходимые отметить, что «здесь описываются похороны хана, и по нем знатных и богатых людей» [Там же, 1950, с. 230, прим. 1].

Судя по данным китайских источников, во времена падения Восточного Тюркского каганата тюрки-туго постепенно оставили старый обряд сожжения покойников и перешли к обряду трупоположения вместе с принятием кавказскими потребностями конем и инвентарем. Обряд трупоположения прилагался лишь в каганской верхушке. После смерти в китайском плену кагана Хиели, его труп был «по кобы воу обьяно сожен», а его могила была «насыпана по восточную сторону реки Бау» [Там же, с. 256]. Обряд сожжения у древних тюрков был сходен с запуюкойной обрядностью кыргызов, о чем упоминается в том же китайском источнике [Там же, с. 353]. Поэтому можно предполагать древнее родство правящего рода тюрков Ашина и кыргызов. В одной из древнетюркских этногенетических легенд говорится, что брат первоуредка Ичжини-нишдыл «царствовала между реками Афу и Тянь под наименованием Литю» [Там же, с. 222]. Однако все попытки выделить среди археологических памятников Центральной Азии «ранние тюркские сожжения» пока не привели к успеху [Там же, с. 190]. Наиболее древние тюркские памятники берельского типа содержат захоронения по обряду ингумации с лошадьми [Таврилова, 1965, с. 54–55].

Риток древнетюркского коочевого населения из Сайно-Алтая и восточных районов Центральной Азии на Тянь-Шане и в Смиречье существенным образом изменил этнокультурные процессы в данном регионе, что способствовало значительным изменениям в запуюкойной обрядности. Часть местного коочевого населения, по всей вероятности, постепенно ассимилировалась в древнетюркской среде и в повседневной запуюкойной практике перешла к обряду потреблении умерших в сопровождении верхового коня. Некоторые этнически группы коочевого населения Тянь-Шаня сохранили свои традиционные варианты захоронения по обряду одиночной ингумации без коня. К числу памятников этих групп можно отнести упомянутые выше памятники терекско-казахского, чакмак-суйского и уятского типов. Эти группы населения Тянь-Шаня по своему происхождению могут быть связаны с древними племенами саков, усуней и эфталитов. В то же время, местное коочье население Тянь-Шаня и При Тянь-Шанья не только воспринимало древнетюркские запуюкойные традиции, но и само оказало определенное воздействие на ритуальную практику пришлых центрально-азиатских тюрков. Об этом можно судить по тому, что большинство потреблений с конем на Тянь-Шане были совершены в подбоях, которые были характерны для культуры При Тянь-Шанья и Смиречья предтюркского времени. Влияние запуюкойной традиции населения кенкозской культуры прослеживается на материалах могильника Чон-Ноо. В одном из раскопанных курганов на этом памятнике к катакомбе перпендикулярно примыкала входная яма, что характерно для курганов кенкозской культуры. Во входной яме находились скелет коня [Таврилова, 1996, с. 21]. Это захоронение свидетельствует о взаимовлиянии местного кенкозского и пришлого древнетюркского населения.

Погребения с конем, датированные II тысячелетием н. э., пока на Тянь-Шане не обнаружены. В курганах монгольской эпохи (XIII–XIV вв.), вместо коня рядом с покойным укладывали детали конской сбруи [Там же, с. 115]. Эти находки свидетельствуют о сохранении некоторых элементов древнетюркской заупокойной традиции у кочевого населения Тянь-Шаня монгольского времени.

Отдельные детали древнетюркского заупокойного ритуала сохранились в погребально-поминальном обряде тянь-шаньских кыргызов почти до периода этнографической современности. Они засвидетельствованы в этнографических исследованиях кыргызской заупокойной обрядности, проводившихся известными специалистами С.М. Абрамзоном, Т.Д. Баялиевой, Б.Б. Акмолдоевой и другими учеными. Сведения об обряде погребения с лошадью у кыргызов по материалам эпоса «Манас» приводятся в работах известного фольклориста и этнографа И.Б. Молдобаева [1989б, с. 95].

Этнограф Т.Д. Баялиева в своем исследовании отмечает, что для поминок по умершему кыргызы обязательно закалывали именно коней (одного или нескольких), так как считалось, что они пригодятся ему на том свете. По существующей традиции хвост лошади, на которой умерший ездил при жизни, всегда подрезали. По предположению этой исследовательницы, данный обряд генетически связан с более древним обычаем закалывания любимой лошади покойного во время похорон и вывешивания ее хвоста на могиле. В то же время, во время обряда «доорон» у кыргызов полагалось отдавать мулле лошадь покойного с седлом за отпущение грехов [Баялиева, 1972, с. 95]. Описание подготовки жертвенного коня с упряжью содержится в кыргызском эпосе «Манас». Этот конь известен в эпосе под названием *Бурак-ат*. В Кыргызско-русском словаре К.К. Юдахина этот термин переводится как «конь в полном убранстве, приготовленный для подарка на поминках; *бурак аты болсун!* пусть станет (покойнику) бураком! (говорили на похоронах мулле, приводя ему коня с верховой сбруей)» [1965, с. 160].

Опираясь на результаты анализа, проведенного И.Б. Молдобаевым по соответствующим сюжетам эпоса «Манас», и полевые наблюдения, которые были осуществлены одним из авторов настоящей книги во время экспедиций в Кочкорской долине Тянь-Шаня, можно утверждать, что сведения о Бурак-ате связаны с обычаем жертвоприношения лошади и погребения ее вместе с покойником, бытовавшим у древних тюрков. После принятия кочевниками Тянь-Шаня исламской религии, которая запрещала захоронение животных в могиле покойного, этот обычай сохранился в несколько измененном виде при обряде «доорон» [Молдобаев, 1989, с. 95].

Имеются этнографические сведения об использовании лошади в погребально-поминальном обряде не только у кыргызов, но и казахов и саяно-алтайских тюркских народов [Табалдиев, 1996, с. 30–33]. Так, например, лошадь приносилась в жертву на похоронах, на поминках; отдельные части тела лошади (череп, хвостовые позвонки) встречались в поминальных памятниках. Несомненно, что многие из этих обычаев являются отголосками средневекового древнетюркского погребального обряда. В жизни кочевников роль лошади настолько важна, что даже отдельные предметы конской упряжи наделялись священным смыслом. Камча (нагайка), узда и в настоящее время используются кыргызскими народными лекарями (бакшы) и старожилами высокогорных районов Тянь-Шаня при оказании помощи больным людям.

Схожие обычаи запечатлены в фольклоре народов Саяно-Алтая. Известный исследователь алтайской культуры Л.П. Потапов приводит такой пример из устного народного творчества алтайцев:

«Умрем – кости будут в одном месте,
Живы будем – жизнь у нас одна»

[1977, с. 172].

По мнению этнографа, в этом высказывании выражена слитность судьбы богатыря и его коня. Вместе с тем, эта формула отражает древнейший обычай кочевников – погребение коня вместе с умершим хозяином.

Схожесть судеб кочевников ярко видна в арабоязычном трактате о тюрках, составленном в IX в. Ал-Джахизом: «Если бы ты изучил длительность жизни тюрка и сосчитал дни её, то нашел бы, что он сидел на спине своей лошади больше, чем на поверхности земли... Тюрк – он (одновременно) пастух, конюх, объезжающий лошадей, торговец лошадьми, ветеринар и всадник. Один тюрк (целый) народ в одном (человеке)» [Мандельштам, 1956, с. 231–232].

В этнографических материалах о кыргызах Тянь-Шаня также сохранилось немало свидетельств об использовании барана в погребальном и поминальном обрядах.

Использование туши барана или отдельных ее частей в погребально-поминальном обряде на территории Средней Азии известно еще с эпохи поздней бронзы. В конце II – начале I тыс. до н. э. местными племенами широко практиковался обычай класть около погребенных определенные части туши барана, а в исключительных случаях совершались ритуальные захоронения баранов и совместные захоронения человека с бараном [Аскарлов, Ионесов, 1991, с. 22–32]. На каждом этапе развития древнеземледельческой культуры Средней Азии прослеживались некоторые различия использования жертвенного животного в погребальной практике. Учеными высказаны предположения об активном проникновении элементов степных скотоводческих традиций в среду древних земледельцев, что благоприятствовало развитию практики жертвоприношения животных; о зарождении частной собственности на скот; о культе животных, прочно закрепившемся в религиозном сознании оседлых жителей; а также о связи положения погребального инвентаря и жертвенного животного или его отдельных частей с половозрастным и социально-имущественным положением погребенных [Там же, с. 30–31].

Схожий обычай принесения в жертву барана на похоронах, существовал у древних тюрков в Туве и Минусинской котловине в эпоху раннего средневековья. Поддерживая мнение других исследователей, С.П. Нестеров относит эти захоронения к «погребениям с конем». Согласно другой точке зрения, коня кладут в могилу в качестве личной собственности умершего [Нестеров, 1990, с. 83–84]. Использование туши барана в погребально-поминальной обрядности зафиксировано в этнографических опросах в среде кыргызов. Известный этнограф С.М. Абрамзон писал: «В далеком прошлом в могилу богатого покойника клали зарезанного барана, а у бедных ставили горшок с приготовленным из ячменя напитком – жармой» [Абрамзон, 1946, с. 53].

В результате опроса старожилов Иссык-Кульской области Кыргызстана одним из авторов данной работы был получен ряд интересных сведений. Согласно сви-

детельству очевидцев, в Тонском районе Кыргызстана при захоронении умершего человека на его могиле зарезали барана черной масти. При этом кровь барана должна была обязательно пролиться в могилу. После этого тушу клали рядом с умершим и закапывали могилу. Этот обряд совершался в тех случаях, когда считалось, что покойный был грешен перед Богом. В данном конкретном случае, его грех состоял в том, что он при жизни убил несколько человек.

В остальных расспросных сведениях речь шла о захоронении барана в той могиле, где должны были похоронить человека, вместо него. Например, когда не было найдено тело умершего или когда по каким-то причинам человека хоронили на другом кладбище, а не в первоначально подготовленной для него могиле. В обоих случаях это предпринималось для того, чтобы не оставлять могилу пустой. По поверью оставление могилы пустой воспринималось как ожидание очередного покойника, что считалось плохой приметой. Поэтому зарезанного барана черной масти клали в могилу вместо тела человека. В остальном обычай соблюдался, как и при обычных похоронах умершего человека [Табалдиев, 1996, с. 33–35].

Аналогичные действия практиковались в среде кыргызов, когда по какой-либо причине приходилось перезахоранивать останки умершего. Первоначальная могила умершего не должна была оставаться пустой, туда хоронили зарезанного барана черной масти или козла. В этих сведениях, полученных от информаторов – жителей Внутреннего Тянь-Шаня, на наш взгляд, прослеживаются определенные параллели с древнетюркской заупокойной обрядностью.

Во время раскопок древнетюркских курганов на Тянь-Шане был зафиксирован еще один важный элемент заупокойной обрядности, который получил свое развитие в кочевнических культурах в последующие исторические периоды. Именно в культуре древних тюрков формируется обряд расположения рядом с телом погребенного человека задней ноги барана. При раскопках в могилах древних тюрков, как правило, фиксируется большая берцовая кость с костями заплюсны.

Опираясь на материалы, полученные в результате раскопок курганов древних и средневековых кочевников Тянь-Шаня, относящихся к I и II тысячелетиям н. э., можно утверждать, что кости домашних животных иногда характеризуют социальные и поло-возрастные различия погребенных людей. На каждом этапе развития кочевнических культур на Тянь-Шане преобладали определенные правила положения этих костей домашних животных в могилах умерших людей [Там же, с. 111–115].

Материалы раскопок курганов древних кочевников сакского и усуньского времени на Тянь-Шане говорят о том, что в этот период было принято помещать около погребенных людей крестец и хвостовые позвонки барана. В курганах знатных людей этого периода нередко клали крестец лошади.

Эта традиция в трансформированном виде сохранилась у скотоводов Тянь-Шаня до этнографической современности. У современных кыргызов существует традиция угощать во время застолья почетных гостей самой ценной частью туши заколотой лошади – крестцом. Крестец барана подается самому старшему мужчине или женщине. Эта кость часто помещалась в качестве заупокойной пищи в женских погребениях древних кочевников Тянь-Шаня.

В гуисское время (в период существования на Тянь-Шане кенкольской культуры) были распространены подбойные катакомбные захоронения, в которых

около умерших часто укладывали позвонки барана, а бараньи крестцы стали класть значительно реже, чем прежде. Для некоторых погребений было характерно сопроводительное захоронение черепа барана или лошади. Во время археологических раскопок курганов гуннского времени в долине Сон-Куль рядом с костями ног барана были зафиксированы специально отрубленные половины тазовой кости этого животного.

Выше было отмечено, что с приходом древнетюркских племен на Тянь-Шань в эпоху раннего средневековья распространяется новый похоронный обряд погребения человека с конем. В качестве ритуальной пищи около погребенных укладывают большую берцовую кость задней ноги барана.

В монгольскую эпоху, в погребениях XIII–XIV вв., как и в предшествующее время, рядом с умершим человеком было принято помещать большую берцовую кость барана. Иногда рядом с этой костью клали также лопатку и поясничные позвонки барана.

Лишь с распространением среди кочевого населения Тянь-Шаня исламской религии и переходом к мусульманскому обряду погребения из ритуальной практики уходит обычай класть в могилу части туши барана.

Однако в этнографических материалах имеются свидетельства использования бараньих костей в традиционных ритуальных процедурах кыргызов, не связанных непосредственно с погребальным обрядом, например, при лечении детей от различных болезней, при распределении туши домашних животных в традиционной трапезе [Там же, 1996, с. 114].

В целом, использование туш домашних животных или их отдельных частей в погребальном обряде на территории Кыргызстана и сопредельных территорий Центральной Азии имело место не только в культуре древних тюрков, но и практически во всех других кочевнических культурах.

Формирование и значение этих обрядов на разных этапах исторического развития и в различных культурах у кочевников Тянь-Шаня, естественно, различаются.

В конце I тыс. н. э. кочевое население Тянь-Шаня постепенно переходит к мусульманскому обряду захоронения с сохранением некоторых традиционных черт в заупокойной обрядности. По материалам погребений XI–XIV вв. видно, что прежний древнетюркский обряд погребения с конем принял другую форму – вместо коня в могилу стали укладывать конскую сбрую, символизирующую верхового коня.

По материалам раскопок городищ X–XII вв. в Семиречье установлено, что переход к мусульманскому похоронному обряду сначала происходит в городских (ремесленных и торговых) центрах, где было сильно влияние мусульманского духовенства на местное население. В то же время в высокогорных районах Тянь-Шаня значительная часть кочевого скотоводческого населения продолжала придерживаться своих прежних, традиционных обрядов и обычаев. Однако обряд погребения у кочевников в этот период претерпел существенную трансформацию. С X в. на Тянь-Шане не встречается погребений с конем. До настоящего времени не известны и мусульманские погребения за пределами ареалов городских центров. В памятниках монгольского времени (XIII–XIV вв.), раскопанных в межгорных долинах Тянь-Шаня, обнаружены погребения по обряду одиночной ингумации

с деталями конской сбруи. Их наибольшее распространение в это время было связано с началом нового этапа массового проникновения тюрко-монгольских кочевых народов на территорию Тянь-Шаня. Судя по материалам XIII–XIV вв. с других территорий Центральной Азии, аналогичная трансформация погребального обряда была характерна и для многих тюркских кочевников евразийских степей. Она происходила под влиянием заупокойной обрядности монгольских племен. На определенную связь между заупокойной обрядностью древнетюркских кочевников и кочевников монгольского времени косвенно указывает наличие берцовой кости барана в древнетюркских погребениях с конем VI–IX вв. и в погребениях монгольского времени XIII–XIV вв.

Кочевое население Тянь-Шаня раннего и развитого средневековья в дальнейшем составило ядро современного кыргызского народа. Поэтому, несмотря на все изменения заупокойных обрядов и обычаев, которые происходили под влиянием разных факторов у кочевников, населявших Тянь-Шань в последующие столетия, в традиционной культуре современных кыргызов сохранились отдельные элементы древнетюркской обрядности.

3.2. ПОМИНАЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ

Поминальные комплексы, включающие каменные изваяния и оградки, являются наиболее характерным для культуры древних тюрков видом памятников на всей территории ее распространения в степях Евразии. В разных районах у поминальных памятников имеются свои особенности. В Саяно-Алтае и Монголии, где у древних тюрков преобладал обычай посмертного прославления героев-воинов, в составе поминальных комплексов присутствуют мужские изваяния и каменные столбики-балбалы, установленные по числу врагов, убитых воином при жизни. В западном ареале распространения древнетюркской культуры, в том числе на Тянь-Шане и в Семиречье, поминальный культ сохранил свою первоначальную основу в виде культа родовых предков. Поэтому среди древнетюркских каменных изваяний, обнаруженных на Тянь-Шане, наряду с мужскими, достаточно часто встречаются и женские, а иногда даже детские изваяния, и отсутствуют балбалы.

Исторически сложилось так, что на Тянь-Шане, как, впрочем, и в других районах Евразийского пояса степей, в поле зрения ученых первоначально попали именно каменные изваяния. В пределах Тянь-Шаньского региона они исследуются более двух столетий. Как правило, изваяния фиксировались учеными и любителями старины вне связи с поминальными оградками, которые многие исследователи просто не замечали.

3.2.1. Каменные изваяния

В прошлом на территории Тянь-Шаня было известно большое количество каменных изваяний, на которых рельефом или контуром были выполнены изображения человеческой головы, лица, иногда показаны руки, держащие ритуальную чашу, детали одежды, пояс, оружие и другие реалии. Обычно такие скульптуры

устанавливались вертикально у поминальных оградок. Возможно, некоторые из них изначально были установлены одиночно, без оградки. В последующие исторические периоды изваяния своим видом неоднократно привлекали внимание местных жителей и путешественников. Их могли перемещать с места первоначальной установки и ставить в других местах, не связанные с поминальным культом. В период распространения среди кочевого населения Тянь-Шаня исламской религии (позднее средневековье и этнографическая современность) часть изваяний пострадала от ревнителей новой веры. У скульптур скалывали лица, головы, разбивали на части, поскольку мусульманские каноны запрещают изображать людей.

История изучения каменных изваяний в Притяньшанье подробно освещена в работе Д.Ф. Винника [1995]. Первые сведения о каменных изваяниях на территории Кыргызстана появились в начале XIX в. [Там же, с. 160–162]. В середине этого столетия о них писал в своем сочинении известный казахский путешественник, ученый-этнограф и фольклорист, исследователь истории и культуры народов Казахстана и Средней Азии, офицер Русской армии Ч.Ч. Валиханов. Во время своей поездки в 1856 г. на оз. Иссык-Куль он осмотрел, описал и зарисовал несколько каменных изваяний. Ученый отметил: «Не определено до сих пор, что означали эти бабы и кем поставлены. Виденные мною изображали лицо с огромными усами. В правых руках болванов было что-то вроде чашки. Облик лица и глаза напоминают монгольский тип» [Валиханов, 1985, с. 268]. Спустя год каменные изваяния в окрестностях Иссык-Куля осмотрел российский географ П.П. Семенов-Тянь-Шаньский, который кратко их описал: «Здесьние каменные изваяния были грубо высечены из сиенита, глубоко врыты в землю и имели плоские широкие лица, хотя мужские и с длинными усами» [1948, с. 274]. Исследователь приписывал эти памятники древним усуням. Он считал, что каменные изваяния, обнаруженные в окрестностях Иссык-Куля в долине р. Тюп, представляют собой «единственные следы усуньского периода» [Винник, 1995, с. 161]. Позднее каменные статуи в долине Тюпа, в окрестностях древнего городища осмотрел А.Ф. Голубев. Он считал эти статуи надгробными, установленными на кладбище обнаруженного им городища [1861, с. 120].

Краткие сведения о каменных изваяниях, найденных на северном побережье Иссык-Куля и на р. Кутурга, приведены в статье Г.А. Колпаковского. Одно изваяние он обнаружил в самом озере Иссык-Куль [1870].

Каменные изваяния на побережье Иссык-Куля привлекали и других любителей старины. В сочинении А.В. Селиванова, изданном в 1889 г., говорится, что таких памятников довольно много в Иссык-Кульской котловине и Семиреченской области. Автор упомянул, что только в одном селении он насчитал 12 изваяний. Согласно его наблюдениям, все осмотренные им изваяния «большой частью принадлежат к двум типам: воина с усами, который держит в правой руке сосуд, а в левой меч, и женщины, держащей в обеих руках сосуд. Попадают также просто одни головы без рук, с усами или без усов» [Селиванов, 1889, с. 220].

Посетивший эти места в конце XIX в. ученый-садовник Пишпекского ботанического сада А.М. Фетисов также осмотрел несколько каменных изваяний на южном берегу Иссык-Куля, происхождение которых он приписал монголам

[Плоских, Галицкий, 1975, с. 19]. Упоминания о нахождении каменных изваяний в разных районах Кыргызстана содержатся в работах Ф.В. Пояркова, Д.Л. Иванова, В.А. Каллаура, И.И. Аничкова, В.А. Мустафина, И.А. Кастанье, Н.Н. Пантусова и других любителей археологии Казахстана и Средней Азии [Винник, 1995, с. 163–167; Мокрынин, 1986, с. 105–106]. Краеведы и любители старины, как правило, лишь упоминали о нахождении изваяний в том или ином районе Притяньшанья и Семиречья, иногда описывали их и высказывали свои предположения об этнокультурной принадлежности памятников. Нередко они именовали все каменные изваяния «калмыцкими». В основе этого предположения лежит кыргызское народное название изваяний «калмак-таш» – калмыцкие камни.

В 1893 г. известный ученый-востоковед В.В. Бартольд собрал сведения о каменных изваяниях, обнаруженных в окрестностях оз. Иссык-Куль и в долине р. Нарын [1897, с. 44–58]. Изучая памятники древней и средневековой истории Семиреченского края, он высказал свое мнение о хронологии, назначении и этнокультурной принадлежности каменных изваяний Средней Азии.

Одним из первых ученый обратил внимание на то, что каменные изваяния устанавливались рядом с четырехугольными оградками, которые он считал могилами. В.В. Бартольд упомянул изваяния и оградки в районе с. Атбаши и ключа Талды-Суу. При раскопках в одной из оградок было обнаружено погребение человека, вероятно впускное. Ученый приводит мнение В.М. Успенского, который считал, что обычай устанавливать «такие фигуры» существовал в Китае с III в. до н. э. и был заимствован кочевниками у китайцев. В.В. Бартольд отметил, что у древних тюрков такие статуи ставились в VI–VIII вв., а в последующий период, в IX–X вв., они устанавливались карлуками». Опираясь на материалы исследований Хушо-Цайдамских памятников в Монголии, он высказал предположение о том, что каменные статуи изображали «не самих умерших, но лиц, принимавших выдающееся участие в похоронной процессии». Хотя некоторые из высказанных им предположений в дальнейшем не подтвердились, именно В.В. Бартольд впервые соотнес каменные изваяния Тянь-Шаня с древнетюркской культурой в Среднеазиатском регионе, что открыло возможность для их дальнейшего всестороннего изучения.

В 1920-х гг. отдельные каменные изваяния на территории Кыргызстана зафиксировали Ф.А. Фиельструп и А.И. Тереножкин. Среди памятников, обнаруженных в тот период, особый интерес представляет каменная скульптура черепахи с пазом для крепления стелы, найденная у с. Сан-Таш, которая свидетельствует о наличии в Притяньшанье поминальных комплексов древнетюркской знати [Винник, 1995, с. 169].

В последующие годы изучением каменных изваяний Тянь-Шаня и Семиречья занимался А.Н. Бернштам и его сотрудники. Ими были обнаружены и обследованы изваяния в разных районах Кыргызстана. Исследователь более аргументировано обосновал принадлежность статуй к древнетюркской культуре и датировал их VI–VIII вв. Он попытался классифицировать эти памятники и сопоставить с погребальными комплексами [Бернштам, 1952, с. 79–81]. Первоначально А.Н. Бернштам считал, что изваяния представляют собой балбалы – изображения «наиболее могущественных врагов», хотя часть из них передавала «образ покойного». Он

предположил, что «каменная скульптура была заимствована древними тюрками из буддийской иконографии», но в то же время довольно неожиданно высказался в пользу того, что «центром происхождения балбалов является страна древних кыргызов – Минусинский край». В 1950-е гг. отдельные каменные статуи были обнаружены в разных районах Кыргызстана А.К. Кибировым и Л.П. Зяблиным.

В дальнейшем, в начале 1960-х гг., изучением каменных изваяний Семиречья занимался Я.А. Шер. Им было обнаружено около 40 не известных ранее каменных скульптур, обобщены результаты всех предшествующих исследований, проведена классификация изваяний, дано объяснение их назначения и семантики изображений [1966, с. 66–72]. Я.А. Шером были привлечены для анализа результаты исследований древнетюркских каменных изваяний в Южной Сибири и Монголии, чего ранее археологи, работавшие в Кыргызстане, не делали. Автор высказался в пользу того, что большая часть изваяний с сосудом в одной руке изображает самих поминаемых древних тюрков. В тоже время скульптуры с сосудом в обеих руках были отнесены им к уйгурскому времени.

В те же годы и позднее каменные изваяния Притяньшанья изучали Д.Ф. Винник, А.К. Абетеков, В.П. Мокрынин и другие исследователи. В работах В.П. Мокрынина были внесены некоторые дополнения в разработанную ранее Я.А. Шером классификацию статуй. Особое внимание он уделил изучению женских изваяний в трехрогих головных уборах. Некоторые скульптуры он отнес к культуре эфталитов. Отдельные суждения о реалиях каменных изваяний были высказаны Н. Оморовым, который отмечает сходство с буддийской иконографией [1991].

В течение последних десятилетий изучением древнетюркских каменных изваяний Тянь-Шаня занимались авторы настоящего сочинения, а также М.И. Москалев и О.А. Солтобаев [Москалев, 2008, с. 23–27; Москалев, Солтобаев, 2008]. Их усилиями выявлено несколько каменных изваяний в Кочкорской, Нарынской и Атбашинской долинах Тянь-Шаня.

Анализируя публикации многих археологов и краеведов, можно проследить насколько широко эти памятники были распространены на территории Кыргызстана, выделить области их наибольшей концентрации на Тянь-Шане [Табалдиев, 1996, с. 61–63].

В связи с интенсивным освоением земельных площадей в Притяньшанье в советский период и отсутствием целенаправленных работ по их сохранению, многие каменные изваяния исчезли из древнетюркских поминальных комплексов.

До современности каменные изваяния на местах почти не сохранились. В наши дни их можно встретить большей частью только в музеях. За период с 1978 по 1981 г. Д.Ф. Винником было собрано и доставлено в музей Кыргызстана ок. 130 фигур [1995, с. 175]. К сожалению, при этом, как правило, не производилось раскопок в местах первоначальной установки изваяний. Далеко не всегда точно фиксировалось, откуда были взяты статуи. Как показывают результаты исследований последних лет, только в отдаленных и труднодоступных горных местностях каменные изваяния встречаются в местах их первоначальной установки – около поминальных оградок.

Естественно, что изучение изваяний в составе поминальных комплексов является наиболее ценным и информативным для археологической науки.

Вопросы классификации изваяний рассмотрены в работах нескольких археологов. Наиболее подробная классификация была предложена Я.А. Шером [1966,

с. 40], который разделил изваяния в соответствии с изобразительным каноном на следующие группы:

- 1) мужские изваяния с сосудом в правой руке и с оружием;
- 2) мужские и неопределимые по полу изваяния с сосудом в правой руке, без оружия;
- 3) изваяния с изображением только лица или головы человека;
- 4) изваяния с птицами;
- 5) мужские изваяния с сосудом в обеих руках;
- 6) женские изваяния с сосудом в обеих руках.

Выделенные группы образуют два типа, которые, по мнению Я.А. Шера, связаны с разными обрядами: первый (группы 1–3) – с обрядом поминовения конкретных умерших или погибших людей, второй (группы 4–6) – со значительно более широким культом обожествленных предков.

В.П. Мокрынин дополнительно к этой классификации выделил группу редких каменных изваяний с трилистником, зеркалом и музыкальным инструментом в руках. Он, рассмотрев отдельно каменные изваяния в «трехрогих головных уборах и в мантиях-накидках», пришел к выводу, что они передают образ женщины [1975, с. 113–116].

По данным Д.Ф. Винника, всего на территории Кыргызстана за период изучения изваяний зарегистрировано не менее 600 статуй. Наибольшее число памятников этого типа приходится на Иссык-Кульскую область, Чуйскую долину и Нарынскую область. На остальной территории Кыргызстана выявлено всего семь изваяний: в Алае, Узгене, Кетмень-Тюбе – по два, в Ала-Букинском районе – одно [Винник, 1995, с. 160–175].

Каменные изваяния, обнаруженные нами в течение последних десятилетий в различных долинах Внутреннего Тянь-Шаня, в целом, соответствуют классификации, ранее предложенной Я.А. Шером и дополненной В.П. Мокрыниным. Однако предложенный этими исследователями типологический ряд необходимо расширить. Среди найденных в Атбашинской, Кочкорской и Нарынской долинах скульптур выделяются мужские изваяния с сосудом в правой руке и оружием, мужские изваяния с сосудом в правой руке без оружия, мужские изваяния с сосудом в обеих руках без оружия, женские изваяния с сосудом в обеих руках, мужские изваяния с изображением только головы или лица, женские изваяния с изображением только головы или лица, неопределимые изваяния с изображением головы или лица (рис. 50–56).

Среди исследованных каменных скульптур вполне самостоятельный интерес представляют мужские изваяния с сосудом в правой руке и оружием на поясе, которые в наибольшей степени насыщены реалиями, соответствующими предметному комплексу культуры древних тюрков на Тянь-Шане. В их числе выделяется изваяние с местонахождения Калмак-Таш, расположенного к югу от с. Кара-Сас в Кочкорской долине. Оно было перемещено местными жителями с места первоначальной установки и в настоящее время находится в черте села, на обочине дороги. Высота изваяния 145 см, ширина – 50 см, толщина – 40 см. Оно изготовлено из светло-серого окатанного гранитного монолита. Голова изваяния выполнена объемно, со всех четырех сторон, что сближает эту фигуру с объемной скульптурой. На голове показан плотно облегающий головной убор с округлым

верхом, вырезами над ушами и длинным, достигающим до середины шеи, назатыльником. Вероятно, это башлык особой формы. На лице показаны изогнутые брови, соединенные с прямым широким уплощенным носом, узкие глаза, выступающие скулы, тонкие, изогнутые и слегка подкрученные на концах усы, маленький рот с выступающей нижней губой. По обеим сторонам лица выделены рельефные уши, в которых показаны кольцевые серьги с шарообразными подвесками. Овал лица и приостренный подбородок отделены от шеи и плеч широкой углубленной в каменный монолит полосой. Детали одежды никак не обозначены. Правая рука согнута в локте и поднята к груди. Этой рукой воин держит сосуд, который напоминает чашу на ножке с шаровидным расширением и низким широким поддоном. По своим пропорциям сосуд похож на фужер. Левая рука изваяния показана слегка согнутой в локте и опущенной вниз. Ее ладонь покоится на рукояти сабли, которая показана прямой, без навершия. Перекрестье сабли также изображено прямым с ромбическими расширениями на концах и в центре. Клинок – в ножнах. Он имеет плавный изгиб по длине от рукояти к острию. Выше сабли, с левой стороны фигуры воина показан кинжал с прямой рукоятью без навершия, с прямым перекрестьем и слабоизогнутым клинком. Кинжал также в ножнах, на которых выделена полукруглая пластинчатая петля для подвешивания к поясу. И сабля, и кинжал изображены с левого бока воина в наклонном положении. Однако пояс, к которому они могли быть подвешены, не обозначен. Ниже сабли весь каменный монолит опоясан горизонтальной линией [Табалдиев, Худяков, 2000, с. 69–70] (рис. 54, 1).

Еще одно изваяние этого типа, также происходящее с местонахождения Калмак-Таш, в настоящее время хранится во дворе средней школы с. Кара-Сас. Высота изваяния 125 см, ширина – 30 см, толщина – 20 см. Скульптура изготовлена из гранитного монолита серого цвета. Большая часть изображений нанесена на одной, окатанной, поверхности. В верхней части монолита на гладкой лицевой стороне невысоким рельефом отмечены изогнутые брови, соединенные с прямым носом, близко посаженные узкие глаза, щеки, длинные с опущенными вниз концами усы, маленький рот с выделенной нижней губой. По обеим сторонам головы намечены ушные раковины. Овал лица и заостренный подбородок отделены от туловища узкой глубокой полосой. Ниже этой линии показан верхний край халата с отворотами на груди. Правая рука согнута в локте и поднята к груди. На кисти выделено три пальца, которые держат за дно глубокую чашу. Левая рука слегка согнута в локте, ладонь с тремя пальцами находится несколько выше рукояти сабли. Сабля изображена на левом боку воина, в наклонном положении, в ножнах с двумя полукруглыми петлями. Клинок прямой. Рукоять изогнута под тупым углом к лезвию. Перекрестье показано прямым, узким, вероятно пластинчатым [Там же, с. 68] (рис. 53, 3).

Еще несколько каменных изваяний с сосудом в правой руке и оружием на поясе в последние годы было обнаружено в Кочкорской, Кара-Куджурской и Атбашинской долинах, у перевала Кегеты, близ с. Кум-Добе, в окрестностях с. Кара-Булуи. У этих изваяний изображена крупная голова, на лице – пышные усы. У карабулуиного изваяния голова отбита. В правой руке воина держат сосуд. Это может быть широкая пиала, глубокая чаша, кубок на поддоне. На кегетинском изваянии фигурирует простой пояс, а на карабулуином – наборный с квадратными бляхами. К поясу с правой стороны или спереди подвешена сабля в ножнах с полукруглыми

петлями, а на кум-добинском и кара-булунском изваяниях имеется еще кинжал. У некоторых воинов рука лежит на рукояти сабли или кинжала [Табалдиев, 1996, рис. 27, 3, 5–6; Москалев, 2008, с. 25–26; Москалев, Солтобаев, 2008, с. 33].

Скульптуры, изображающие мужчин с сосудом в правой руке, но без оружия, также были обнаружены на Тянь-Шане в последние годы (рис. 52, 4; 55, 1, 2). Одно из таких изваяний происходит из Кочкорской долины. Его непропорционально крупная голова занимает не менее трети всего каменного монолита. На лице показаны изогнутые брови, прямой нос, близко посаженные крупные миндалевидные глаза, выделены щеки, тонкие изогнутые усы, маленький рот. По обеим сторонам лица изображены уши и серьги с шарообразными подвесками. Овал лица и подбородок окаймлены тонкой глубокой линией. Ниже изображены непропорционально маленькие ручки, согнутые в локтях. В правой руке поминаемый держит чашу на узкой ножке. Ладонь левой руки изображена чуть ниже. По всем основным элементам оформления, за исключением усов, это изваяние очень похоже на женские скульптуры [Табалдиев, 1996, рис. 27, 1] (рис. 52, 4). Еще одно мужское изваяние, в правой руке которого находится чаша на короткой ножке, а левая расположена чуть ниже, найдено на р. Чалай в Кочкорской долине. Его высота 105 см, ширина – 30 см, толщина – 15 см. У этого изваяния в ушах показаны необычные серьги с шестилучевой звездообразной подвеской [Москалев, 2008, с. 26]. Более детально выполнена скульптура из местности Усуп-Бек в Кочкорской долине. Ее высота 115 см, ширина – 35 см, толщина – 18 см. Показана крупная голова, широкие изогнутые брови, длинный прямой нос, миндалевидные глаза, длинные усы, маленький рот, под нижней губой – бородка клинышком. В ушах у мужчины – серьги с шарообразными подвесками. На груди изображены широкие отвороты халата с шарообразными пуговицами на концах. В правой, согнутой в локте, руке мужчина держит чашу на короткой ножке с расширенной подставкой. На обеих руках выделены все пять пальцев [Там же, с. 27].

В работах современных исследователей Внутреннего Тянь-Шаня отмечено только три изваяния, изображающие мужчин с сосудом в обеих руках. Одно из них обнаружено в ущелье Талды-Булак в Кочкорской долине. Высота изваяния 90 см, ширина – 45 см, толщина – 22 см. У этой скульптуры непропорционально крупная голова. На лицевой стороне показаны изогнутые брови, прямой нос, крупные миндалевидные глаза, тонкие прямые усы, маленький рот. Уши без серег. Овал лица и приостренный подбородок показаны узкой линией. Под этой линией в центральной части груди выделена ромбическая подвеска. Обе руки согнуты в локтях под прямым углом и держат небольшой сосудик с шаровидным туловом [Там же, с. 27]. Еще одно, значительно хуже сохранившееся изваяние происходит из с. Сары-Соо в Атбашинской долине. Оно выставлено в Кошой-Коргонском музее. В руках у мужчины – кувшин с шаровидным туловом и широкой горловиной [Москалев, Солтобаев, 2008, с. 33]. Довольно необычное мужское изваяние хранится в школе с. Первое Мая в Ат-Талинском районе. У этого изваяния в руках показан сосуд, напоминающий флягу с узким горлышком. Ниже на скульптуре изображен фаллос [Москалев, 2007, с. 62].

Среди мужских изваяний, найденных в последние годы, немало таких, у которых намечено только лицо или голова. Одно из них было обнаружено у поминальной оградки на могильнике Аламышик в Орто-Нарынской долине. Его высота

100 см, ширина – 40 см, толщина – 25 см. Изваяние изготовлено из окатанного красноватого песчаникового монолита. На лице изображены дугообразные брови, длинный узкий нос, миндалевидные глаза, прямые усы, маленький рот и заостренный подбородок [Табалдиев, Худяков, 2000, с. 66–67] (рис. 53, 2). Еще одно подобное изваяние было обнаружено рядом с разрушенной поминальной оградкой на памятнике Боз-Бей к северу от с. Кара-Кунгей в Кочкорской долине [Там же, с. 70] (рис. 54, 2). Изваяние с непропорционально крупной головой и большими усами было обнаружено в местности Чейчек в Кочкорской долине [Москалев, 2008, с. 25]. Личина с длинными висячими усами выявлена на поминальном комплексе Балта-Бейит в Кара-Куджурской долине [Табалдиев, 1996, рис. 32, 4]. Еще несколько скульптур было зафиксировано в Кочкорской и Орто-Нарынской долинах Тянь-Шаня [Там же, рис. 26, 4, 5, 8–10] (рис. 50, 1–3; 52, 2; 56, 4).

Среди женских изваяний представляет интерес каменная скульптура, которая также происходит с местонахождения Калмак-Таш в Кочкорской долине. В настоящее время она находится во дворе средней школы с. Кара-Сас. Высота скульптуры 90 см, ширина – 40 см, толщина – 18 см. Оно изготовлено из окатанного гранитного монолита серовато-желтоватого цвета. В верхней части на широкой стороне камня изображен трехрогий головной убор, характерный для женских изваяний Тянь-Шаня и Семиречья. На калмак-ташской скульптуре этот головной убор показан с коническим возвышением в центре и изогнутыми выступами с обеих сторон. В таком виде головной убор похож не на «корону» или «тиару», как обычно его принято интерпретировать, а скорее на островерхий колпак с двумя боковыми клапанами, загнутыми кверху. Под головным убором – лицо женщины с длинными узкими изогнутыми кверху бровями, тонким носом, узкими миндалевидными глазами, пухлыми щеками, маленьким приоткрытым ртом. По обеим сторонам широкого лица намечены небольшие рельефные уши. Под острым подбородком изображена верхняя часть халата с широкими отворотами на груди. Руки женщины в узких рукавах халата согнуты в локтях на уровне живота. В правой руке она держит за поддон кубок, ладонь левой руки расположена рядом с сосудом. Кисти рук очень маленькие. Ниже расположено овальное углубление. Возможно, что таким образом показан пупок. Изваяние отличается большой тщательностью проработки деталей [Табалдиев, Худяков, 2000, с. 68–69] (рис. 53, 4).

Еще одно женское каменное изваяние этого типа находилось в с. Ак-Тала в Ат-Башинской долине. По некоторым сведениям оно происходит из местности Босого, расположенной в той же высокогорной долине. В настоящее время это изваяние установлено во дворе Кошой-Коргонского историко-краеведческого музея. Высота скульптуры 115 см, ширина – 40 см, толщина – 27 см. Голова увенчана трехрогим головным убором с невысоким центральным куполом и загнутыми с обеих сторон боковыми клапанами. На лице обозначены изогнутые брови, крупные миндалевидные глаза, прямой нос, маленький рот с пухлыми губами. Овал лица и заостренный подбородок подчеркнуты широким углублением. На шее изображено ожерелье из квадратных бусин с крупной ромбической подвеской спереди по центру. Ниже показаны широкие отвороты халата. Руки женщины согнуты в локтях, в правой руке она держит конический бокал с уплощенным дном, а левой рукой поддерживает правую руку [Москалев, Солтобаев, 2008, с. 32]. Одно изваяние с изображением женских грудей и сосуда в обеих руках хранится в школе с. Первое Мая в Ак-Талинском районе [Москалев, 2007, с. 62].

На Тянь-Шане было найдено несколько женских изваяний с изображением головы, лица и груди. Одно такое изваяние было обнаружено на памятнике Беш-Таш-Короо III внутри поминальной оградки. Оно изготовлено из окатанного гранитного монолита. Лицо изваяния сильно повреждено. Сохранилось изображение трехрогого головного убора, левой брови, носа, рта, правого уха с серьгой, овала лица с отворотами халата на груди [Табалдиев, 1996, рис. 26, 1] (рис. 50, 4). Личина в трехрогом головном уборе выбита на каменном валуне на поминальнике Балта-Бейит в Кара-Куджурской долине [Там же, рис. 32, 2] (рис. 56, 2). На двух изваяниях, хранящихся в музее школы с. Первое Мая, помимо безусого лица показаны груди [Москалев, 2007, с. 62–63].

Некоторые изваяния, передающие лица взрослых людей, не имеют явно выраженных признаков для определения пола (рис. 52, 1; 53, 1; 56, 1, 3). Таково изваяние с хорошо проработанным крупным лицом и зачесанными назад волосами, которое находилось у поминального комплекса с захоронением лошади на могильнике Беш-Таш-Короо I в Кочкорской долине. К числу подобных личин можно отнести изображения на каменных монолитах, находившихся у оградок на памятнике Балта-Бейит в Кара-Куджурской долине, лицевые изваяния из с. Кызыл-Туу, выставленные во дворе Кошой-Коргонского музея [Табалдиев, 1996, рис. 26, 6; 32, 1, 3; 33, 2; Москалев, Солтобаев, 2008, с. 31–32].

Необходимо также отметить очень редкую находку – изваяние, изображающее ребенка, которое было найдено при раскопках поминальной оградки на памятнике Беш-Таш-Короо III в Кочкорской долине. У него изображено лицо и отвороты халата на груди [Табалдиев, 1996, рис. 26, 3] (рис. 51).

Практически каждое найденное каменное изваяние отличается некоторым своеобразием и обладает особенностями, которые зависели от назначения каменного изваяния, времени и условий его создания, смыслового подхода и мастерства скульптора. Различные типы изваяний встречаются на одном и том же местонахождении.

Наиболее сложным в изучении древнетюркских каменных изваяний Тянь-Шаня является определение их хронологии и эволюции в пределах существования государств тюркских кочевых народов в этом районе. Обычно каменные изваяния датируются путем сопоставления предметов, изображенных на них, с реальными вещами из соответствующих погребений. Однако даже в тех случаях, когда отмечаются достаточно близкие параллели, точность такой датировки весьма относительна, поскольку и время бытования самих предметов далеко не всегда определяется надежно [Шер, 1966, с. 40].

Однако некоторые предметы, изображенные на изваяниях, бытовали у разных народов в течение раннего и развитого средневековья. Например, на одном из изваяний, найденном в западной части Кочкорской долины, на боку была показана сумочка пятиугольной формы. На ее поверхности выгравировано кресало [Табалдиев, 1996, рис. 27, 5]. Подобные сумочки использовались кочевниками в течение длительного периода, включая монгольское время.

Важным источником для определения хронологии изваяний могли бы послужить предметы, найденные в поминальных оградках, рядом с которыми устанавливались изваяния. К сожалению, большая часть каменных скульптур была вывезена в музеи, при этом оградки, у которых они стояли, не раскапывались. Но некоторая

часть каменных изваяний исследована вместе с поминальными оградками – на том месте, где они обычно устанавливались. Такие раскопки были проведены в Кочкорской долине и на оз. Соп-Куль. В ходе раскопок оградок с изваяниями и без них были найдены захоронения лошадей, железные пряжки, бронзовые сбруйные накладки. В одной из оградок на памятнике Балта-Бейит в Кара-Куджурской долине был обнаружен бронзовый кинжал, относящийся к эпохе развитой бронзы [Табалдиев, 1996, рис. 28; 32, 5; 33, 3, 4].

Для определения хронологии и эволюции каменных изваяний на Тянь-Шане необходимо комплексное изучение всего погребально-поминального комплекса, частью которого они являются. В настоящее время можно утверждать, что начало традиции установки изваяний на Тянь-Шане должно восходить к завершающему периоду существования Первого Тюркского каганата, иначе трудно объяснить, каким образом она могла параллельно возникнуть в двух тюркских каганатах после распада единого государства. Большая часть изваяний относится к VII–VIII вв., ко времени существования Западного Тюркского и Тюркешского каганатов, когда культура тюркских кочевников Тянь-Шаня и Семиречья оформилась в самостоятельный вариант древнетюркской культуры [Худяков, 2007а, с. 113–119]. Своеобразие поминальной обрядности состояло в том, что у западных тюрков не прижилась традиция установки балбалов, а сам обряд был посвящен культу предков, как мужчин, так женщин, поэтому среди изваяний немало женских.

Большая часть каменных изваяний на Тянь-Шане изображает мужчин. Для этих изваяний характерно наличие усов и пояса с оружием. Женские каменные изваяния на территории Тянь-Шаня встречаются значительно реже. К ним относятся скульптуры в трехрогих головных уборах и с изображением женской груди. Нередко на изваяниях изображено лишь человеческое лицо без усов, которое может быть как мужским, так и женским. В очень редких случаях изваяния передавали образ ребенка.

Особую группу среди женских скульптур составляют «трехрогие» каменные изваяния. По поводу их семантики среди ученых возникали дискуссии. К настоящему времени на территории Кыргызстана обнаружено 11 «трехрогих» каменных изваяний [Табалдиев, 1996, с. 68–70]. Только два из них были исследованы у поминальных оградок.

Как свидетельствуют данные археологии и письменные источники, в разные эпохи и на различных территориях степного пояса Евразии «трехрогие» головные уборы изображались как у женщин, так и у мужчин. Широко известно изображение женщины в подобном головном уборе на валуне из могильника Кудыргэ на Алтае, на которое неоднократно обращали внимание исследователи [Могильников, 1981б, рис. 21, 9; Шер, 1966, с. 60–61]. Подобная деталь костюма встречается у мужских фигур на серебряных сосудах в Северной Азии и у женских фигур на камне в других регионах Евразии [Даркевич, 1976; Шер, 1966, с. 60–61].

В.П. Мокрынин предложил считать женскими каменные изваяния Северного Кыргызстана, на которых нет признаков мужского пола и оружия и которые облачены в мантии-накидки без рукавов или увенчаны «трехрогим» головным убором. Высказывалось также мнение о том, что «трехрогие» каменные изваяния передают образ древнетюркского божества Умай [Мокрынин, 1975б, с. 113–116; Ахинжанов, 1978, с. 79; Длужневская, 1978]. Мужские фигуры в рогатых «коронах»,

изображенные на блюдах и на ковше из Кодского городка на Урале, считаются изображениями шаманов [Длужневская, 1978].

С.М. Ахинжанов, давая интерпретацию «трехрогих» каменных изваяний, писал, что «немногочисленные типы изваяний в “трехрогих” головных уборах можно считать изображениями шаманок, о чем свидетельствуют водруженные на их головы рогатые навершия. Возможно, такие статуи несли на себе двойную смысловую нагрузку: почитание культа предка по женской линии и изображения шаманок, которым поклонялись племена кимако-кипчацкой группировки» [Ахинжанов, 1978, с. 79].

По мнению А.А. Чарикова, изваяния в «трехрогих» головных уборах за «пределами семиреченского ареала ... пока не встречены, если не считать миниатюрную каменную женскую фигурку (неизвестного происхождения), хранящуюся в Тюменском музее, и изображения женщины на кудыргинском валуне. Для данной территории трехрогий головной убор является традиционным» [1979, с. 179–189]. Согласно схеме А.А. Чарикова, на территории, где распространены памятники кимаков и кипчаков, каменные изваяния в «трехрогом» головном уборе не встречаются. Но, судя по данным последних лет, подобные изваяния имеются в Северном Прибалхашье [Курманкулов, Жаныбеков, 1992; Ермоленко, 1995].

При изучении этого типа каменных изваяний исследователи нередко принимали их головной убор за «корону» или «тиару», что существенно влияло на интерпретацию самих женских образов. Если же обратить внимание на более реалистичное изображение этого головного убора на женском изваянии с местонахождения Калмак-Таш в Кочкорской долине, то становится очевидным, что на голове у женщины изображена высокая островерхая шапка с двумя загнутыми вверх боковыми клапанами. Такой головной убор не является чем-то исключительным, он вполне вписывается в ряд головных уборов кочевнической традиции, в котором были и высокие шапки и прически женщин-кочевниц скифского времени, и знаменитые монгольские бокки.

В отличие от поминального обряда восточных тюрков, посвященного посмертному прославлению мужчин-воинов (о чем свидетельствует традиция установки балбалов по числу убитых воином врагов), у западных тюрков прославлялись предки как по мужской, так и по женской линии, а иногда даже дети.

Данный вывод убедительно подтверждается изображением женщины в трехрогом головном уборе на костяной накладке, найденной в древнетюркском женском захоронении на могильнике Суттуу-Булак на Тянь-Шане. На этой пластинке женщина изображена в орнаментированном трехрогом головном уборе и халате с оторочкой, что подчеркивает её весьма значимую роль не только в поминальном обряде, но и в других сферах духовной культуры [Табалдиев, 1996, с. 60, 69–70].

Судя по материалам археологических исследований памятников развитого средневековья, у кочевого населения Тянь-Шаня обычай устанавливать каменные изваяния на поминальных комплексах был прерван проникновением к тюркоязычным кочевникам исламской религии, что произошло в Карлукском государстве в правление династии Караханидов.

Несколько иная ситуация прослеживается в этот период на соседней территории Семиречья, где в IX–XII вв. продолжали устанавливаться каменные скульптуры, относящиеся к кимако-кипчацкой культурной традиции, среди которых значи-

тельно увеличилось количество женских изваяний [Чариков, 1979, с. 179–189]. Среди каменных изваяний соседней Джамбульской области, помимо древнетюркских изваяний, не отличающихся от синхронных тянь-шаньских, отчетливо выделяются своеобразные поздние каменные изваяния с сосудом в обеих руках [Бойбосынов, 1996]. Развитие кимакско-кипчацкой традиции установки каменных скульптур, безусловно, происходило вне сферы влияния исламской культуры.

На Сандыкском плато в горах Кыргызского Ала-Тоо в Южном Казахстане обнаружено значительное количество изваяний, однако на них ни разу не показаны пояс или оружие. На некоторых статуях изображен сосуд в обеих руках у человека. Все каменные скульптуры этого района, оставшиеся непо потревоженными, установлены с восточной стороны или в центре каменных выкладок круглой или квадратной формы. По мнению Э.А. Новгородовой, изучавшей этот памятник, он представляет собой промежуточное звено между центрально-азиатскими древнетюркскими каменными бабами и половецкими изваяниями в степях Восточной Европы [1989, с. 152–154].

К настоящему времени на поминальных комплексах – «святилищах», расположенных в долине Мерке и Сандыкского плато обнаружено более 60 каменных статуй, из которых около половины изображают женщин [Досымбаева, 2002, с. 51].

На территории Тянь-Шаня также встречаются поминальники и скульптуры, характерные для традиции развитого средневековья. Однако они единичны. Одно такое, очень схожее с южно-казахстанскими, каменное изваяние сосудом в обеих руках, установленное на восточном краю каменной выкладки округлой формы, было исследовано в местности Таш-Тулга, в окрестностях оз. Сон-Куль. Этот тип каменного сооружения существенно отличается от «классических», квадратных и прямоугольных, поминальных оградок древнетюркского времени. Поминальный памятник Таш-Тулга входит в число поминальных комплексов, обнаруженных на Кыргызском Ала-Тоо. Таш-Тулга расширяет ареал распространения поминальников и погрудных, с сосудом в обеих руках каменных изваяний, названных Л.Н. Ермоленко изваяниями «кыпчацкого иконографического облика» [Ермоленко, 1991, с. 12; Ермоленко, 2004, с. 31].

Как уже отмечалось выше, традиция совершения поминального обряда с установкой каменных изваяний была прервана после проникновения к кочевникам Тянь-Шаня исламской религии. В процессе раскопок на могильнике Суттуу-Булак было исследовано погребение в подбой, совершенное по мусульманскому обряду. Вход в подбой был перекрыт каменными плитами, среди которых находилось древнетюркское каменное изваяние, установленное наклонно, вниз головой. Погребение было совершено по обряду одиночной ингумации, в вытянутом положении, лицевая часть черепа ориентирована на запад. Конструкция надмогильного и внутримогильного сооружения характерна для памятников первой половины и середины II тысячелетия н. э. [Табалдиев, 1996, с. 157].

Вторичное использование каменных изваяний было характерно не только для кочевников, принявших ислам. Сами древние тюрки также иногда вторично использовали более древние изваяния и стелы. В Монголии и Саяно-Алтае на древнетюркских поминальных комплексах встречаются «оленные камни» – стелы, изображавшие воинов, характерные для культуры херексуров и оленных камней

позднего бронзового века [Худяков, 1987а, с. 156]. Подобные случаи вторичного использования оленных камней для изготовления древнетюркских изваяний известны и на территории Восточного Туркестана [Худяков, Комиссаров, 2002, с. 93]. Есть такие изваяния и в Кыргызстане. Одно из изваяний в музее-заповеднике Бурана, привезенное с берегов оз. Иссык-Куль или Нарынской области, передает облик древнетюркского мужчины. На лице показаны усы, в ушах – подвесные украшения. Шею украшает ободок, состоящий из однотипных продолговатых подвесок. На обратной стороне каменного монолита изображена прическа из девяти кос. Однако на противоположном конце плиты с двух сторон нанесены округлые знаки, на плоскости между ними – косые параллельные линии, а ниже изображен кинжал, что характерно для оленных камней.

Каменные изваяния являются одним из наиболее значимых явлений в наследии древнетюркской культуры, сохранившихся до настоящего времени.

3.2.2. Поминальные оградки

В древнетюркских поминальных комплексах на Тянь-Шане важное место принадлежит каменным оградкам, внутри которых совершались ритуальные действия, связанные с обрядом поминок. Однако в данном районе распространения древнетюркской культуры оградки изучены в значительно меньшей степени, чем каменные изваяния, вместе с которыми они составляют единый поминальный комплекс. Многие исследователи, изучавшие каменные скульптуры, не обращали должного внимания на оградки. Отдельные упоминания об оградках, рядом с которыми установлены каменные изваяния или стелы, содержатся в трудах исследователей конца XIX – середины XX вв. Одним из первых об оградках упомянул В.В. Бартольд. Со слов художника С.М. Дудина он кратко описал находившиеся на южном берегу оз. Иссык-Куль «четырёхугольные, обнесенные камнями могилы», с западной стороны от которых были установлены каменные изваяния, «обращенные лицом к западу» [1897, с. 55]. Одна четырёхугольная оградка с изваянием в окрестностях с. Ат-Баши «возвышения не имела, а, напротив, была слегка вогнута и обложена рядом камней». В этой оградке грабитель обнаружил захоронение человека, вероятно впускное. Еще одна такая же разрытая оградка, с западной стороны которой стояло каменное изваяние, находилась около ключа Талды-Суу [Табалдиев, 1996, с. 62–63]. Упоминание об оградках на оз. Сон-Куль, одна из которых была раскопана, имеется в работах Я.А. Шера [1964, с. 66–71; 1966]. Об оградках на берегах Иссык-Куля с установленными около них каменными стелами и изваяниями упомянул в своей работе Д.Ф. Винник [1975, с. 170]. С конца 1980-х гг. изучением поминальных оградок древних тюрков на Тянь-Шане стали заниматься авторы этой книги [Табалдиев, 1996, с. 70–77; Табалдиев, Худяков, 2000, с. 67–68]. В разные годы в работах принимали активное участие О.А. Солтобаев и А.Т. Сулайманова [Сулайманова, 2005, с. 11–18; Сулайманова, 2007]. К настоящему времени на территории Внутреннего Тянь-Шаня выявлено более 100 оградок, из которых ок. 40 объектов раскопано [Табалдиев, 1996, с. 70].

Поминальные оградки представляют собой сооружения, составленные из каменных плит, специально подобранных уплощенных речных галек или валунов, либо скальных обломков. Как правило, на Тянь-Шане они расположены на одной

и той же площади совместно с курганами древнетюркского времени. На таких памятниках курганы и оградки с каменными изваяниями составляют единый погребально-поминальный комплекс. Взаимное расположение курганов и поминальных сооружений на разных памятниках имеет существенные различия. Оградки всегда расположены на могильном поле обособленной группой, западнее, севернее или южнее древнетюркских курганов. В исследованных могильниках древнетюркского времени количество поминальных оградок, как правило, было значительно меньше, чем количество курганов с захоронениями. На территории восточного ареала древнетюркской культуры, в Саяно-Алтае и Монголии, поминальные оградки нередко встречаются в виде отдельных поминальничков, без курганов. В тех случаях, когда они сооружены на одном могильном поле с курганами, количество оградок может быть большим, меньшим или равным числу курганов [Овчинникова, 1990, с. 16].

Исследователями древнетюркских поминальных комплексов неоднократно предпринимались попытки классификации оградок по особенностям их конструкции. Большинство из них основаны на материалах изучения оградок на территории Саяно-Алтая и Монголии, где представлено большое количество типов и вариантов таких памятников. Одна из первых попыток была предпринята А.А. Гавриловой на материалах оградок в Горном Алтае [1965, с. 16]. Более дробное деление поминальных оградок Горного Алтая предложил В.Д. Кубарев, который добавил еще несколько типов к прежней классификации [1979, с. 148]. Однако выделенные им отличительные признаки имеются у оградок разных типов, поэтому для исследовательской работы такая классификация не пригодна. Одним из авторов настоящей книги было предложено классифицировать оградки в соответствии с иерархией формальных признаков [Худяков, 1985, с. 180–182].

Оградки, исследованные на территории Тянь-Шаня, отличаются значительно меньшим разнообразием конструктивных особенностей, чем в Саяно-Алтае и Монголии. Их можно разделить на одиночные и коллективные. Коллективные оградки, в свою очередь, делятся на смежные и стоящие очень близко друг к другу [Табалдиев, 1996, с. 71].

Одиночные оградки наиболее распространены и составляют более 94 % от числа изученных на Тянь-Шане поминальных комплексов. Форма сооружений – квадратная или прямоугольная. Размеры от 0,70 x 0,80 до 3,40 x 3,80 м. Серия оградок была исследована в течение последнего десятилетия на памятнике Коборгон-Таш в Ат-Башинской долине, на памятниках Аламышик и Байказак в Орто-Нарынской долине, на комплексах Балта-Бейит, Туура-Суу, Чийу-Булак в Кара-Куджурской долине, на памятниках Акылуу-Булак, Бел-Саз II, Беш-Таш-Короо I–III, Буркут-Уя, Калмак-Таш, Уч-Эмчек в Кочкорской долине, а также на памятниках Кечмелик и Суттуу-Булак в районах Внутреннего Тянь-Шаня [Там же, с. 70–71]. Большая часть одиночных поминальных оградок расположена в разных условиях горного рельефа, чаще всего, на ровной, открытой местности, у подножия горных хребтов, на террасах рек, на увалах и возвышенностях, в ложбинах, поблизости от водных источников.

Помимо одиночных в составе поминальных комплексов встречаются оградки, расположенные рядами. Такие оградки исследованы на памятниках Балта-Бейит, Беш-Таш-Короо I и II, Буркут-Уя, Кечмелик, Чондобо [Там же, с. 71; Сулайманова, 2005, с. 14]. В каждом ряду бывает по две-три, редко четыре оградки. Они

выстроены в ряд по линии север – юг или запад – восток. Конструктивно такие оградки не отличаются от обычных одиночных оградок. Однако в одном и том же ряду оградки, как правило, различаются размерами. Наиболее крупные оградки, чаще всего, расположены на южном конце ряда. Сооружения могут находиться на разном расстоянии: иногда они построены вплотную друг к другу, иногда расстояние между стенками соседних оград может составлять от 5 до 30 см [Табалдиев, 1996, с. 72] (рис. 39, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 46, 47).

На Тянь-Шане смежные оградки зафиксированы только на двух памятниках в Кочкорской долине. Одна такая оградка с внутренней разделительной стенкой исследована на могильнике Бел-Саз II, другая – на памятнике Беш-Таш-Короо I. Эти оградки имели прямоугольную форму, их площадь составляла от 2,0 × 5,0 м до 1,4 × 3,6 м. На памятнике Беш-Таш-Короо I внутри одной из камер смежной оградки была установлена вертикальная каменная стела [Там же, с. 71]. И одиночные, и групповые, и смежные оградки сооружались на одних и тех же поминальных памятниках, хотя преобладают поминальнички, на которых представлены только одиночные объекты.

Оградки сооружались из специально подобранных каменных плит, а в случае их отсутствия – из других камней, валунов, галек, скальных обломков. Древние тюрки стремились устанавливать плиты оградок вертикально, хотя с течением времени они могли наклониться в ту или другую сторону. В Кара-Куджурской долине строители оградок, по-видимому намеренно, устанавливали их с наклоном наружу. Иногда, чтобы удержать плиты в наклонном положении, с наружной стороны к ним подставляли каменные подпорки [Там же, с. 71]. Боковые стенки оградок ориентрованы по странам света, иногда с отклонением. В некоторых случаях с наружной стороны одиночных оградок сооружались небольшие каменные ящики, в которых не обнаружено никаких находок.

Пространство внутри оградки, как правило, бывает выложено камнем в один или несколько слоев. Однако встречаются оградки и без каменного настила. В центре оградок иногда встречаются вертикально установленные каменные плиты или стелы. За стенками оградок также воздвигались каменные стелы и изваяния. На Тянь-Шане большинство выявленных при оградках изваяний были расположены с западной стороны от оградки, лицевой частью на запад. Реже встречались оградки, у которых изваяния стояли с восточной стороны и были обращены лицом на восток, что является традиционным расположением для места установки статуй восточных тюрков в Саяно-Алтае и Монголии.

В некоторых раскопанных оградках не было обнаружено никаких находок и, следовательно, признаков каких-либо ритуальных действий. Но во многих оградках имеются различные находки и захоронения животных.

Внутри нескольких оградок на памятниках Беш-Таш-Короо I и II были найдены захоронения лошадей. В одной из оградок на могильнике Беш-Таш-Короо II, ог. 51, лошадь была захоронена в полном убранстве: взнузданная и заседланная (рис. 49). При лошадях были обнаружены кости овец и железная пряжка. Лошади лежали на животе, с подогнутыми ногами, головой на запад. В других оградках были найдены кости ног баранов и угли [Там же, с. 73–74; Сулайманова, 2007, с. 36].

На памятнике Коборгон-Таш в оградке найден скелет ягненка, кости животных и фрагменты керамических сосудов (рис. 48).

На могильнике Аламышик внутри одной из оградок, под каменными плитами были обнаружены кости ног и лопатка барана. В другой оградке находился керамический сосуд. В центральной части некоторых оградок имелись углубления, внутри которых находились следы истлевшего дерева. В одном случае такая ямка была забутована валунами и галькой. В одной из оградок, раскопанных на оз. Сон-Куль, были обнаружены остатки сожжения. На памятнике Балта-Бейит, в долине Кара-Куджур, в насыпях оградок были найдены кости овец и лошадей. В одной из оградок, под камнями найден бронзовый кинжал, в другой оградке, в яме, находились кости лошади и бронзовая бляшка-распределитель от конской сбруи. На памятнике Чийлуу-Булак внутри оградки помещался каменный ящик с фрагментами керамики внутри [Табалдиев, 1996, с. 73–74].

Оградки крупных размеров (площадью 8×8 м) встречаются на Тянь-Шане очень редко. Такая оградка была исследована на памятнике Чондобо близ оз. Сон-Куль [Сулайманова, 2005, с. 12]. Она была сооружена вместе с другой оградкой меньших размеров на овальной площадке $14,7 \times 16,8$ м, окаймленной пологим кольцевым рвом. Оградка была сооружена из специально подобранных массивных плоских каменных плит, установленных с наклоном наружу. Площадь внутри была забутована тремя-четырьмя слоями камней. Вдоль внутренней стороны стен горизонтально уложены каменные плиты. В центре оградки находилось пологое углубление, заполненное камнями. Снаружи, у северо-восточной и юго-восточной стенок, было вертикально вкопано по одному бревну. Внутри этой оградки были найдены зубы, ребра и кости конечностей лошади. За северо-восточной стенкой находилась нижняя челюсть лошади. У второй оградки меньших размеров была установлена каменная стела. В ходе раскопок внутри оградок найдены обломки зубов лошади [Там же, с. 12–13].

В научной литературе упоминаются случаи, когда в оградках обнаруживали захоронения людей, вероятно, более поздние, впускные в средневековые поминальные комплексы [Бартольд, 1897, с. 55].

На памятнике Сары-Джон в долине Кетмень-Тюбе рядом с изваянием, которое стояло одиночно, в земле был найден фрагмент панциря, состоявший из нескольких железных пластин с полукруглыми вырезами [Кожомбердиев, Худяков, 1990]. В оградках, исследованных на памятниках Актерек, Жайсан-1, Жайсан-14, Исык, Момбай-Сазы в Семиречье, найдены наконечник копыя, наконечники стрел и панцирные пластины [Григорьев, Загородний, 1995, рис. 2; Мотов, 2001, с. 147–148; Самашев, Григорьев, Жумабекова, 2005, с. 139, 142; Досымбаева, 2006, рис. 8, 4, 5; 9, 6].

Конструктивные особенности, характер обрядности и наличие каменных изваяний не оставляют сомнения в том, что изученные на Тянь-Шане поминальные комплексы должны относиться к культуре древних тюрков.

Характерными признаками древнетюркских поминальных памятников этого района, отличающих их от поминальных комплексов Саяно-Алтая и Монголии, являются довольно широкое распространение женских изваяний и, возможно, отсутствие балбалов. Хотя в ходе проведенных в прошлые годы исследований древнетюркских поминальных комплексов на Тянь-Шане, авторами данной книги не были обнаружены балбалы, нельзя сказать, что таких памятников в этом районе вообще не существовало. Ряды каменных столбиков были в свое время зафиксированы

А.К. Кибировым на могильнике Туура-Суу в долине р. Кара-Куджур [Табалдиев, 1996, с. 80]. О наличии балбалов на Иссык-Куле писал А.Н. Бернштам, который считал их «межевыми знаками» [1952, с. 79]. Эти упоминания могут свидетельствовать о том, что традиция установки рядов каменных столбиков – балбалов имела место и на Тянь-Шане, хотя, по-видимому, существовала недолго.

Различия в конструкции оградок и поминальной обрядности могут объясняться причинами хронологического, демографического, социального или иного порядка. Важным источником для их определения являются каменные изваяния, находившиеся рядом с оградками.

На памятнике Беш-Таш-Короо III при оградках находились каменные изваяния. Рядом с одной несколько более крупной оградкой располагалась поврежденная женская скульптура в трехрогом головном уборе. В соседней, самой маленькой оградке в процессе раскопок было обнаружено небольшое детское изваяние [Табалдиев, 1996, рис. 26, 1, 3]. Отсутствие у подавляющего большинства поминальных оградок балбалов и довольно широкое распространение женских изваяний безусловно отличает поминальную обрядность древних тюрков Тянь-Шаня и Семиречья от обрядности восточных тюрков. Эта черта может быть важным свидетельством в пользу того, что у западных тюрков поминальная обрядность не приобрела характер воинского культа, как это произошло у восточных тюрков, а сохранила традиции почитания родовых предков, как мужских, так и женских.

Для районов Тянь-Шаня и Семиречья не характерны памятники в честь представителей высшей знати, которые были широко распространены в Монголии и Саяно-Алтае в периоды существования Первого Тюркского и Второго Восточного Тюркского каганатов. Правда, отдельные свидетельства того, что такие памятники имели некоторое распространение в Семиречье, в настоящее время выявлены. В 1929 г. А.И. Тереножкиным в с. Юрьевка была обнаружена поврежденная скульптура черепахи с пазом для установки вертикальной стелы на панцире. Эта скульптура ранее была найдена на городище Сын-Таш близ ущелья Иссык-Ата [Табалдиев, 1996, с. 78]. Она выполнена из местного серого гранита. У скульптуры черепахи отбита голова и хвост. Панцирь и ноги черепахи оформлены глубоким рельефом. На спине выдолблен глубокий ступенчатый паз для установки вертикальной стелы. Длина сохранившейся части скульптуры 55 см, ширина – 44 см, высота – 22 см. Нет сомнения в том, что эта находка относится к поминальной традиции древнетюркской знати, заимствованной из заупокойного культа высшей знати китайской империи Тан. Обнаружение этой скульптуры может свидетельствовать, что на городище Сын-Таш, или в его окрестностях, в эпоху раннего средневековья функционировал поминальный комплекс в честь одного из представителей высшей знати Первого Тюркского или Западного Тюркского каганатов. Как отметил Я.А. Шер, скульптура «уступает своим монгольским прототипам, но смысл и назначение, в сочетании с изваяниями, не вызывают никаких сомнений в принадлежности к сооружению типа орхонских памятников» [1966, с. 71]. Правда, необходимо иметь в виду, что мастер, изготовивший сын-ташскую черепаху, мог иметь в качестве исходного образца не орхонские, а непосредственно китайские прототипы таких скульптур.

К числу сооружений в честь менее знатных лиц по древнетюркской этносоциальной иерархии можно отнести описанный выше памятник в комплексе Чондобо, который отличается более крупными размерами, по сравнению с рядо-

выми оградками, а также конструкцией стен и рвом, окружающим эту и соседнюю оградки [Сулайманова, 2005, с. 12–13]. Похожие по некоторым конструктивным элементам оградки зафиксированы в Семиречье, в Горном Алтае, в Монголии [Досымбаева, 2006, с. 30; Войтов, 1996, с. 27; Кубарев, 1984, с. 52, 54]. Все другие оградки, изученные к настоящему времени на Тянь-Шане, можно отнести к числу поминальных рядовых древнетюркских кочевников. Некоторые отличия между ними могут объясняться хронологией. Традиция сооружения поминальных комплексов, включающих оградки со стелами, изваяниями и балбалами, была принесена древними тюрками из северо-восточных районов Центральной Азии на Тянь-Шань и в Семиречье в ходе завоевания этого района в середине VI в. Ко времени существования Первого Тюркского каганата можно отнести те поминальные комплексы, которые имеют сходство с синхронными поминальниками, изученными в Монголии и Саяно-Алтае. В их число можно включить оградки со стелами и балбалами, а также с изваяниями, установленными с восточной стороны от оградок [Табалдиев, 1996, с. 79–81]. Оградки с мужскими и женскими изваяниями, установленными с западной стороны, вероятнее всего, должны относиться к периоду существования Западного Тюркского и Тюркешского каганатов. С этим периодом (VII–VIII вв.) связано подавляющее большинство тянь-шаньских оградок и каменных изваяний. В это время среди древних тюрков появились настоящие мастера-камнерезы, изготавливавшие каменные изваяния. На облике древнетюркских статуй этого района отразилось определенное влияние согдийского искусства. Вероятно, какая-то часть памятников может относиться и к карлукскому времени. Более определенно, IX–X вв., можно датировать жертвенники и изваяния кимакско-кыпчакского облика, случаи обнаружения которых на Тянь-Шане единичны, но широко известны в Семиречье.

Изменения, произошедшие в древнетюркском поминальном культе на Тянь-Шане в период обособления культуры западных тюрков и тюркешей, способствовали эволюции самой поминальной обрядности, которая приобрела черты почитания родовых и семейных предков, что отразилось на конструктивных особенностях поминальных комплексов и облике изваяний.

Именно в период формирования самостоятельного западно-тюркского варианта древнетюркской культуры, на Тянь-Шане получили распространение оградки, сооруженные в ряд от двух до четырех объектов, и смежные конструкции.

По предположению А.А. Гавриловой, исследовавшей поминальные памятники древнетюркских кочевников Горного Алтая, смежные оградки являются семейными памятниками, а пристроенные малые ящики сооружены для детей [1965, с. 16]. О «семейно-родовом характере этих культовых памятников» высказывали предположения и некоторые другие археологи [Кубарев, 1979, с. 157]. В этом плане представляют интерес результаты исследования некоторых групп оградок с изваяниями на Тянь-Шане. Обращают на себя внимание три поминальные оградки, пристроенные одна к другой на могильнике Балта-Бейит (рис. 43). В южной оградке находилось два лицевых изваяния, на одном из них – изображение мужчины с усами, половая принадлежность второго изваяния неясна. В центральной оградке находилось женское изваяние в «трехроговом» головном уборе. В северной оградке также находилось лицевое изваяние без усов и бороды. Можно предполагать, что каменные изваяния изображают мужчину, женщину и детей, что соответствует

фамильному характеру этого памятника [Табалдиев, 1996, с. 72]. Подобные изображения, изображающие женщину и ребенка, были исследованы на памятнике Беш-Таш-Короо III [Там же, рис. 26, 1, 3].

Следы ритуальных действий, связанных с поминальными обрядами древних тюрков, довольно разнообразны даже в пределах одной группы оградок. При раскопках поминальных оградок встречаются кости домашних животных, лошадей и баранов, керамические сосуды или их фрагменты, остатки древесного угля, следы кострищ, металлические предметы конской сбруи и оружия, кальцинированные кости, истлевшее дерево [Там же, с. 73–75]. Среди необычных находок, обнаруженных в древнетюркских поминальных оградках на Тянь-Шане, можно отметить бронзовый кинжал андроновской культуры развитого бронзового века, найденный при раскопках на памятнике Балта-Бейит в Кара-Куджурской долине. Вероятно, этот кинжал был найден случайно кем-то из тюркских кочевников, и, как необычный предмет, был преподнесен в качестве символического дара поминаемому родственнику [Там же, с. 75–76].

Среди других находок в поминальных оградках на Тянь-Шане значительный интерес представляют захоронения лошадей. Впервые скелеты лошадей в анатомическом порядке были обнаружены в ямах, расположенных в центре оградок, на могильниках Беш-Таш-Короо I и II. В одной из оградок лошадь была взнуздана и оседлана, с двух сторон от нее найдены стремяна восьмерковидной формы. Она лежала на животе с подогнутыми ногами, череп находился в вертикальном положении с опущенной вниз мордой. Во всех оградках лошади ориентированы головой на запад или с небольшим отклонением на север (рис. 49) [Там же, с. 74; Сулайманова, 2007, с. 36–37].

Погребения лошадей в поминальных оградках известны и на других территориях распространения древнетюркской культуры. Одиночные захоронения лошадей исследованы на Алтае. Скелеты находилась в неглубоких ямах внутри оградки [Соенов и др., 1992, с. 90].

Захоронения лошадей в поминальных комплексах свидетельствуют о принесении их в качестве жертвы поминаемому родственнику. Формы жертвоприношения могли быть разными. В большей части поминальных оградок это была жертвенная пища и питье. Предназначенное поминаемому мясо животных сжигали на жертвенном костре. Однако сосуды с питьем иногда помещали в оградку, минуя костер. В качестве подношения поминаемому клались различные вещи. Это могли быть поясные и сбруйные принадлежности, предметы вооружения, которые соответствовали основной деятельности поминаемого при жизни. В траурных церемониях немаловажная роль принадлежала огню. При изучении поминальных памятников древних тюрков Горного Алтая, Тувы, Монголии исследователи не раз обращали внимание на следы кострищ, в которых найдены обгоревшие кости животных – остатки пищи, употребляемой для кормления душ умерших.

Судя по этнографическим материалам, у тюркских народов Саяно-Алтая огонь считался своеобразным «мостом» от мира живых к миру умерших. Поэтому вещи, которые родственники хотели бы передать душе умершего, сжигали на поминальном огне, считая, что в процессе сожжения они попадут в другой мир, к умершему [Дьяконова, 1975, с. 59; Шатинова, 1981, с. 103].

Археологические материалы свидетельствуют о том, что поминальные комплексы древних тюрков на Тянь-Шане не имели столь значительных конструктивных

различий, в соответствии с которыми можно было бы сделать выводы о социальной иерархии внутри разных групп коевого населения. Зато о наличии социальной иерархии внутри тюркского общества можно судить по наиболее выразительным и высокохудожественным каменным изваяниям, на которых наиболее реалистично передавались реалии: летали оленя, предметы вооружения и украшения. Вероятно, такие изваяния воздвигались отдельным лицам, отличившимся при жизни в глазах своих соплеменников в силу своих боевых качеств или по имущественному положению, что требовало особого отношения со стороны лиц, сооружавших изваяние в честь такого человека. В пользу этого предположения свидетельствует наличие большого количества схематичных лицевых фигур и стел, наряду со сравнительно реалистичными высокохудожественными изваяниями в одной и той же местности.

Как было отмечено выше, на Тянь-Шане каменные изваяния устанавливались, как правило, на западной, северо-западной или восточной сторонах отрядки. Преобладает размещение каменных изваяний с западной и северо-западной стороны отрядки, что отличает древнетюркские поминальные памятники Тянь-Шаня от подобных памятников Горного Алтая, Тувы и Монголии. В редких случаях изваяния устанавливались в центре круговой отрядки. На местности изваяния, большей частью, ориентированы лицевой стороной к ближайшему ущелью, открытому остепенному просторству или высокому горам.

Со времени принятия коевниками Тянь-Шаня исламской религии в правление династии Караханидов, обычной сооружение поминальных отрядок с изваяниями постепенно забывается. Однако сами образы поминания умерших, почитания духов предков сохраняют свое значение. С этого времени они существуют в измененной форме. Практика возведения поминальных сооружений продолжала кое-где существовать в качестве пережиточного явления традиционной культуры. Примером сохранения прежней традиции может служить памятник из местности Коборгон-Таш в Ат-Башинской долине (рис. 48). Здесь при раскопках ритуальной отрядки было обнаружено множество фрагментов керамических сосудов. Эта посуда имеет аналогии с керамикой горюлиш караханидского времени. Кроме того, в отрядке были найдены кости домашних животных и скелет агненка. Скелет находился в небольшой каменной яшнике. Судя по его конструкции, к первоначальной отрядке, где найден скелет агненка, со временем пристраивались другие каменные сооружения. При этом первоначальная отрядка составляла лишь часть одной стенки большого объекта, где совершались ритуальные действия.

Таким образом, исследование поминальных памятников древнетюркских племен Тянь-Шаня выявило некоторые признаки эволюции, постепенной трансформации этого образа.

В памятниках предшествующего хуннского времени на Тянь-Шане полюбил поминальные комплексы не известны. Это подтверждает предположение о том, что данная разновидность поминального образа была привнесена в этот район древними тюрками.

Глава 4

ПРЕДМЕТНЫЙ КОМПЛЕКС ДРЕВНИХ ТЮРКОВ ТЯНЬ-ШАНЯ

Важными с точки зрения этнокультурной и хронологической интерпретации древнетюркских памятников Тянь-Шаня являются предметы конского убранства, бытовая утварь и вещи, применявшиеся в повседневной жизни, а также детали одежды и украшения, найденные при раскопках курганов и поминальных оградок. Интересны с этой точки зрения и комплексы предметов из средневековых городищ Чуйской долины.

4.1. ПРЕДМЕТЫ КОНСКОГО УБРАНСТВА

Убранство верховых коней являлось важной составной частью предметного комплекса культуры древних тюрков Тянь-Шаня. В древнетюркских погребениях с лошадьми или баранами обнаружены деревянные остовы седел, стремяна, удила, сбруйные ремни, рукоятки нагаек. Отдельные элементы сбруи найдены и при раскопках древнетюркских поминальных оградок.

4.1.1. Сёдла

Большое значение для изучения и реконструкции конского убранства имеют хорошо сохранившиеся деревянные остовы седел и сбруйные ремни с бронзовыми бляшками и накладками. Они обнаружены в древнетюркских захоронениях, исследованных при раскопках памятников Внутреннего Тянь-Шаня. Так, в 1954 г. в погребении с конем на могильнике Кара-Куджур найден деревянный остов седла, а в 1990-х гг. на памятниках Беш-Таш-Короо II и III в Кочкорской долине обнаружено несколько хорошо сохранившихся седел и седельных ремней. Это позволило реконструировать конскую сбрую древних тюрков Тянь-Шаня [Худяков, Табалдиев, 1999, с. 50]. К настоящему времени седла или их остатки найдены на памятниках Айгыр-Жал, Бел-Саз II, Беш-Таш-Короо II, Кулан-Сай и Таш-Тюбе [Табалдиев, 1996, с. 35].

В могилах седла на скелетах лошадей располагались передней лукой к голове животного, а задней – в сторону крупа. Только в одном женском захоронении седло было помещено передней лукой в сторону крупа, а задней – к голове коня [Худяков, Табалдиев, 1999, с. 51].

В нескольких случаях седла найдены в могилах в разобранном виде. В женском погребении с бараном на памятнике Суттуу-Булак (Внутренний Тянь-Шань) части седла – передняя и задняя луки, а также полки ленчика – лежали разрозненно, будучи прислонены к юго-восточной стенке могильной ямы [Худяков, Табалдиев, Солтобаев, 1997, с. 51]. В одиночном женском захоронении могильника Беш-Таш-

Короо II (кург. 37) обнаружена только одна правая полка ленчика седла. Она была прислонена к каменной перегородке на дне могильной ямы. Коня в могиле не было, но при погребенной найдена рукоятка плети [Худяков, Табалдиев, 1999, с. 52]. На памятнике Бел-Саз II (кург. 19) остатки деревянного остова седла лежали во входной яме, хотя сопроводительного захоронения коня в могиле нет [Табалдиев, 1996, с. 22]. В одном случае седло со стременом располагалось на скелете коня, захороненного в яме поминальной оградки 51 памятника Беш-Таш-Короо II [Худяков, Табалдиев, 1999, с. 52].

Обнаруженные деревянные остовы седел однотипны. Они состоят из четырех частей – двух седельных лук и двух полок ленчика. Высокая дугообразная передняя лука крепилась к полкам вертикально, а задняя – наклонно. Передние луки могли делать из цельной деревянной заготовки или из нескольких деталей (рис. 62; 63; 78; 80; 82; 83, 2; 87). Большая часть передних лук имела гладкую внешнюю поверхность. В редких случаях лицевая сторона орнаментировалась. В женском захоронении на могильнике Суттуу-Булак (кург. 54) на лицевой поверхности передней луки седла вырезаны барельефные волотообразные фигуры с растительными трехлепестковыми завитками и полосы из окружностей, соединенных между собой общей линией [Худяков, Табалдиев, Солтобаев, 1997, с. 143]. Задние луки делали из цельных деревянных заготовок. На двух концах у них выполнены вырезы для скрепления лук и полок ленчика с нижней частью опускающейся лопасти. Также на двух концах лук просверлены отверстия для их наклонного крепления к полкам.

Полки ленчика имеют полукруглую лопасть в нижней части и врезы, образующие вертикальный уступ в передней части и наклонный – в задней. К этим уступам крепились передняя и задняя луки. Внешняя поверхность полок вогнутая, удобная для сидения всадника. В полках ленчика есть отверстия для крепления кожаного седельного покрытия, ремней и тороков. Кожаные покрытия седел прикреплялись на луки при помощи костяных накладок (рис. 63, 1).

Седла из древнетюркских погребений с конем в Кочкорской долине очень близки по конструкции и оформлению деревянным седлам, обнаруженным в памятниках древних тюрок Саяно-Алтая. Похожие деревянные остовы седел найдены в древнетюркских захоронениях с лошадьми могильника Кокэль в Туве [Вайнштейн, 1966а, с. 326–329]. Их можно отнести к типу «кокэльских» седел, которые получили широкое распространение у кочевых народов степного пояса Евразии во второй половине I тыс. н. э. Аналогичные по форме седла были известны в раннем средневековье населению империи Тан и Восточного Туркестана. Наибольшее сходство они имеют с седлами третьего и четвертого типов из могильника Кокэль и экземпляром из памятника Янху в Синьцзяне [Вайнштейн, 1966а, с. 68–71; Крюков, Малявин, Сафронов, 1984, с. 164, рис. 41]. Исследователи считают, что в период возвышения Тюркского каганата, в конце VI в., этот тип седел был заимствован китайцами. Рисунки подобных седел присутствуют на многочисленных китайских изображениях VII–XI вв. Через Китай седла попали и в Японию [Крюков, Малявин, Сафронов, 1984, с. 164–165].

Основные элементы конструкции древнетюркских седел сохранились у кочевников Тянь-Шаня и в последующий период. В начале II тыс. н. э. седла имели более высокую переднюю и более широкую заднюю луки [Табалдиев, 1996, с. 48–49]. Истоки формирования седел с жестким остовом в Центральной Азии прослежены С.И. Вайнштейном [1991, с. 214–228]. Он проанализировал матери-

алы из Пазырыкских курганов Горного Алтая (I тыс. до н. э.), где в линзе вечной мерзлоты найдены трупы десяти лошадей с полностью сохранившейся упряжью. Седло состояло из двух набитых шерстью кожаных подушек, соединенных между собой, которые укладывали на спину коня таким образом, что они свешивались с двух сторон. Деревянный остов у таких мягких седел отсутствовал. Ярким свидетельством появления в сяньбийское время седел на жесткой деревянной основе является находка из погребения IV в. провинции Хэнань в Китае.

Вероятно, в это время подобные седла получили распространение и в Средней Азии. На статуэтке лошади со следами ног всадника из Мерва, датированного III–IV вв., изображено жесткое седло с плоскими вертикальными луками. По мнению Г.А. Пугаченковой, рассматриваемые коллекции характеризуют связи местного населения с кочевнической средой [1967, рис. 75]. На статуэтке из Маргианы, датированной I–III вв., изображен потник [Усманова, Филанович, 1985, с. 240, табл. ХСVIII].

Седла закрепляли на теле лошади при помощи кожаных ремней – нагрудного, подпружного и подхвостного. В древнетюркских памятниках Тянь-Шаня найдены отдельные фрагменты таких ремней. Они украшены бронзовыми бляшками сферической формы с гладкой неорнаментированной поверхностью. Ремни фиксировались на теле лошади посредством пряжек. В качестве подпружных использовались массивные роговые или железные пряжки с округлой или прямоугольной рамкой и подвижным язычком [Табалдиев, 1996, с. 40; Худяков, Табалдиев, 1999, с. 54]. Вероятно, седла размещали на теле лошади поверх потников, остатки которых в погребальных комплексах древних тюрков Тянь-Шаня не обнаружены.

4.1.2. Пряжки от конской сбруи

В древнетюркских захоронениях с конем, исследованных на Тянь-Шане, нередко находили роговые и железные пряжки, служившие для затягивания седельных ремней на теле животного.

Железная пряжка, обнаруженная на памятнике Беш-Таш-Короо I (кург. 10), имела массивную округлую рамку, подвижной язычок и небольшой трапецевидный щиток. Диаметр рамки составлял 5 см [Табалдиев, 1996, с. 40, рис. 5, 11] (рис. 61, 11, 12). Несколько необычно, что подпружная пряжка имела щиток. Железные пряжки из памятника Беш-Таш-Короо II (кург. 3) имели подпрямоугольную рамку со скругленными углами и подвижной язычок. Размеры пряжек 6,5 × 5,0 см [Табалдиев, 1996, с. 40, рис. 12, 5].

Роговые и костяные подпружные пряжки найдены в памятниках Беш-Таш-Короо II (кург. 21) в Кочкорской долине, Кулан-Сай в Таласской долине, Кой-Суу в Иссык-кульской котловине [Табалдиев, 1996, с. 40]. Они имеют прямоугольные очертания, полукруглое или приостренное завершение. В центральной части такой пряжки имеется Т-образный проем, служивший для крепления костяного или железного подвижного язычка. Еще один прямоугольный проем использовался для крепления пряжки на ремне. Некоторые пряжки снабжены неглубокие боковыми вырезами с обеих сторон [Табалдиев, 1996, рис. 17, 4] (рис. 21, 4).

Железные и роговые подпружные пряжки, применявшиеся древними тюрками Тянь-Шаня, почти не отличаются от аналогичных изделий древнетюркских кочевников северных районов Центральной Азии.

4.1.3. Стремена

К седлам посредством подвесных ремней подвешивались стремяна. Железные стремяна обнаружены в большей части древнетюркских захоронений с конем. Как правило, в могилах находилось по два однотипных стремяна. Значительно реже встречаются разнотипные стремяна или одно стремя. В некоторых захоронениях даже при наличии сопроводительного захоронения коня и седла нет стремян. Отсутствие стремян в могилах с разобранными седлами можно объяснить тем, что сбруйные принадлежности помещены в нее не полностью, а частично. Отсутствие стремян при наличии седел, вероятно, продиктовано какой-то особенностью погребального ритуала.

Железные стремяна, найденные в древнетюркских памятниках Тянь-Шаня, довольно разнообразны по форме проема, подножки и петли для продевания путлища.

По форме проема они делятся на две группы.

Группа 1. Стремяна с округлым проемом и провисающей подножкой. По форме дужки и петли среди них выявлено несколько типов.

Тип 1. Стремяна с округлой петлей без шейки. Включает три экземпляра из памятника Беш-Таш-Короо II (кург. 20, 30, 39) в Кочкорской долине [Табалдиев, 1996, с. 38, рис. 23, б]. Высота каждого стремени равна 15,5 см, ширина – 13 см. Изделия выполнены с округлой кольцевой петлей, цельнокованой дужкой, округлым проемом и широкой провисающей подножкой (рис. 65, 3; 74, 2; 75; 86).

Тип 2. Стремяна с округлой петлей и шейкой. Включает два экземпляра из памятников Беш-Таш-Короо II в Кочкорской долине и Кулан-Сай в Таласской долине [Табалдиев, 1996, с. 38]. Высота изделий 15 см, а ширина – 12 см. Стремяна с округлой кольцевой петлей, суженной шейкой, округлым проемом и прямой подножкой (рис. 64).

Тип 3. Стремяна с округлой петлей и несомкнутой шейкой. Включает шесть экземпляров из памятников Ала-Мышик в Орто-Нарынской долине, Беш-Таш-Короо II (кург. 7, 13) и Беш-Таш-Короо III в Кочкорской долине, Кой-Суу в Иссык-кульской котловине, Таш-Тюбе, Тура-Суу на Внутреннем Тянь-Шане [Табалдиев, 1996, с. 38, рис. 14, 3; 16, 1–2; 23, 2]. Высота изделий 16 см, ширина – 12 см. Стремяна с округлой кольцевой петлей, несомкнутой шейкой, округлым проемом и прямой подножкой. Такие стремяна иногда называют «восьмеркообразными», учитывая форму петли и проема [Табалдиев, 1996, с. 38; Худяков, Табалдиев, 1999, с. 54] (рис. 14, 4).

Тип 4. Стремяна с пластинчатой петлей и выделенной шейкой. Включает 4 экземпляра с памятников Беш-Таш-Короо II (кург. 37) и Беш-Таш-Короо III в Кочкорской долине, Теке-Таш в Кетмень-Тюбинской долине, а также местонахождений в Чуйской долине [Табалдиев, 1996, с. 39, рис. 23, 1; Худяков, Табалдиев, 1999, с. 54]. Высота изделий составила 16 см, ширина – 14 см. Стремяна имеют прямоугольную пластинчатую петлю с узким горизонтальным отверстием, округлый проем и прямую подножку (рис. 65, 4; 84).

Своеобразная система крепления у стремян, обнаруженных в ходе раскопок памятника Беш-Таш-Короо II (кург. 3) в Кочкорской долине [Табалдиев, 1996, с. 38, рис. 13, 1–2; Худяков, Табалдиев, 1999, с. 54]. Высота изделий составила 22 см,

ширина – 15 см. Стремена с высокой уплощенно-цилиндрической петлей с поперечной перекладиной внутри, округлым проемом и прямой подножкой. Ремень путлища пропускался в отверстие в верхней части петли, оборачивался вокруг поперечной перекладины и возвращался наверх в вертикальное отверстие петли. Их можно выделить в самостоятельный отдел, группу и тип (рис. 66, 1, 2).

Группа 2. Стремена с проемом арочной формы. Представлена тремя типами.

Тип 1. Стремена с овальной петлей, соединенной с дужкой. Включает два экземпляра из памятника Бел-Саз II в Кочкорской долине [Табалдиев, 1996, с. 39, рис. 3, 4–5]. Высота изделия равна 13 см, ширина – 12,5 см. Стремена с овальной петлей, горизонтальным отверстием для путлища, арочным проемом и прямой подножкой (рис. 76, 1, 2).

Тип 2. Стремена с пластинчатой петлей и выделенной шейкой. Включает два экземпляра из памятника Беш-Таш-Короо I (кург. 7) в Кочкорской долине [Табалдиев, 1996, с. 39, рис. 7, 4]. Высота изделий составила 18 см, ширина – 13 см. Стремена имеют прямоугольную пластинчатую петлю с выделенной шейкой и горизонтальным отверстием для путлища, а также арочный проем и прямую подножку.

Тип 3. Стремена с прямоугольной петлей, соединенной с дужкой. Включает один экземпляр из памятника Бел-Саз II в Кочкорской долине [Табалдиев, 1996, с. 39, рис. 23, 3]. Высота изделия равна 17 см, ширина – 14 см. Стремя с невысокой прямоугольной пластинчатой петлей, горизонтальным отверстием для путлища, арочным проемом и прямой подножкой (рис. 74, 1).

Типы стремян, характерные для культуры древних тюрков Тянь-Шаня, за исключением отличающегося оригинальной формой крепления путлища, входят в число широко распространенных изделий раннего средневековья. Основные формы стремян с округлой и пластинчатой петлей и прямой подножкой бытовали во многих кочевнических культурах VI–X вв. [Овчинникова, 1990, с. 123; Могильников, 1981б, с. 37]. Подобные стремяна часто находят в памятниках древнетюркской культуры Саяно-Алтая и Монголии [Савинов, 1984, с. 132–133]. В IX–X вв. стремяна с прямоугольной петлей, соединенной с дужкой, были характерны для кимаков и карлуков, унаследовавших основные компоненты культуры западных тюрков и тюркешей [Могильников, 1981а, рис. 26, 11].

4.1.4. Удила

В большей части древнетюркских захоронений с конем, исследованных на Тянь-Шане, обнаружены железные удила. Обычно они находились между челюстями лошади или под ее нижней челюстью, либо рядом с черепом животного.

Все удила, применявшиеся древними тюрками Тянь-Шаня, были двусоставными, с равными по длине звеньями. По особенностям оформления звеньев среди них выделены два типа.

Тип 1. Удила с однокольчатыми окончаниями звеньев. Включает восемь экземпляров из памятников Ала-Мышик в Орто-Нарынской долине, Беш-Таш-Короо I и II (кург. 13, 20) в Кочкорской долине [Табалдиев, 1996, с. 37; Худяков, Табалдиев, 1999, с. 55]. Длина звеньев 10 см, длина стержневых псалиев достигает 10 см, диаметр кольчатых псалиев 9 см. Удила с кольчатым соединением, равными звеньями

и кольчатыми окончаниями. Они представлены двумя вариантами: 1) удила с кольчатыми псалиями; 2) удила со стержневыми псалиями. Среди первых встречаются удила с псалиями в виде больших массивных колец (рис. 14, 3; 65, 1; 68, 9; 72, 1; 73, 6). Ко второму варианту относятся изделия с прямыми роговыми псалиями, слегка скошенными к концам, или прямыми деревянными.

Тип 2. Удила с двукольчатыми окончаниями звеньев. Включает 4 экземпляра из памятников Беш-Таш-Короо I и II в Кочкорской долине, Теке-Таш на Западном Тянь-Шане [Табалдиев, 1996, с. 37–38, рис. 2, 4; 21, 6; Худяков, Табалдиев, 1999, с. 55, рис. 4, 2]. Длина звеньев 12 см, длина стержневых псалий 12 см, диаметр кольчатых псалий 4 см. Удила с кольчатым соединением звеньев, равными звеньями, двукольчатыми окончаниями и дополнительными, свободно вращающимися кольцами. Среди них можно выделить два варианта: 1) удила с кольчатыми псалиями; 2) удила с железными стержневыми изогнутыми S-образными псалиями (рис. 21, 6; 58, 3; 65, 2; 70, 3; 77).

Для культуры древних тюрков Тянь-Шаня более ранними, относящимися к периоду существования Первого Тюркского и Западного Тюркского каганатов (VI–VII вв.), являются удила с однокольчатыми окончаниями звеньев и с роговыми и деревянными псалиями. Они соответствовали древней традиции изготовления железных удил позднескифского и хуннского-сарматского времени. Удила с роговыми стержневыми псалиями встречены в памятниках, оставленных кочевниками Центральной Азии в хуннское время [Савинов, 1984, с. 135]. В последующие века распространились S-образные псалии и другие детали, о чем свидетельствуют материалы различных кочевых культур Евразии [Кляшторный, Савинов, 1994, табл. III, 2; Соенов, 1998, рис. 1, 5]. Удила подобных форм были широко известны в культурах кочевников раннего средневековья [Савинов, 1984, с. 134]. Удила с массивными кольчатыми псалиями на Саяно-Алтае появились в древнетюркское время [Гаврилова, 1965, с. 80–81]. Однако в большей степени они были характерны для кочевников Центральной Азии эпохи развитого средневековья [Савинов, 1977, с. 38].

Уздечные ремни хорошей сохранности в древнетюркских погребениях с конем на Тянь-Шане встречаются достаточно редко. В памятниках, раскопанных в 1990-х гг. в Кочкорской долине, обнаружены два частично сохранившихся уздечных набора, состоявших из кожаных ремней с бронзовыми бляшками. Наборы различаются конструкцией и декоративным оформлением.

В погребении женщины на могильнике Беш-Таш-Короо II (кург. 20) на черепе лошади частично сохранились детали конского оголовья: нащечные, наносный, подчелюстной и подшейный ремни с декоративными подвесными ремешками. Все ремни обильно украшены бронзовыми бляшками. Судя по сохранившимся частям, узда состояла из двух нащечных, наносного, налобного, затылочного, подчелюстного и подшейного ремней. Нащечные ремни соединялись с удилами при помощи петель. Между собой уздечные ремни правой и левой стороны оголовья соединялись по-разному. В местах соединения ремни или прошивались между собой, или продевались один в другой, или связывались узлами. С левой стороны нащечный ремень перекрещивался с наносным и подчелюстным ремнями, а с подшейным ремнем завязан узлом. С правой стороны подчелюстной ремень продет в нащечный, а тот продет в наносный ремень и перекрещивается с под-

шейным ремнем. К нащечному, подшейному и затылочному ремням крепились декоративные подвесные ремешки. С обеих сторон узды сохранилось по четыре таких ремешка. Некоторые из них завязаны узлом на подшейном ремне. Способ крепления остальных ремешков к ремням оголовья не совсем понятен, поскольку места соединения не сохранились.

К ремням узды и подвесным ремешкам с обеих сторон оголовья крепились бронзовые бляшки различных форм. Они соединялись с ременной основой при помощи шпеньков и заклепок. С левой стороны на нащечном ремне, в местах его соединения с наносным и подчелюстным ремнями, и рядом с петлей для крепления удила размещались две большие уплощенные бляхи округлой формы. На нащечном ремне с этой стороны узды находились четыре округлые сферические бляшки. Еще по одной бляшке сферической формы располагались на наносном и подчелюстном ремнях. Сферические бляшки размещены симметрично со всех четырех сторон вокруг большой округлой бляхи, прикрепленной в месте соединения нащечного ремня с наносным и подчелюстным ремнями. На подвесных ремешках к нижнему концу крепились по две сферических бляшки и одной прямоугольной, с рифлеными краями. Они образуют схожую композицию из соединенных в ряд бляшек на нижних концах подвесных ремешков. Одна сферическая бляшка помещена на место соединения подвесного ремешка с узлом-распределителем нащечного и подшейного ремней узды (рис. 70, 2). С правой стороны узды, на нащечном ремне, в месте соединения с подшейным, налобным и затылочным ремнями, находилась большая круглая уплощенная бляха. Вокруг нее, на нащечном, затылочном и подшейном ремнях, размещалось по одной округлой сферической бляшке. На двух подвесных ремешках, которые должны были крепиться к затылочному ремню, находилось по две округлых сферических бляшки, а между ними – по одной прямоугольной бляшке с рифлеными краями. На одном из ремешков, завязанных узлом с подшейным ремнем, сохранилась только одна округлая сферическая бляшка. На другом подобном ремешке бляшек нет (рис. 70, 1, 2). Оформление этого оголовья выполнено асимметрично.

По-разному соединены между собой ремни правой и левой сторон узды. На них имеется различное количество бронзовых бляшек. На левой стороне расположено больше бляшек разной формы. При этом они размещены по всей длине нащечного ремня. На правой стороне бляшки сгруппированы вокруг места соединения нащечного, налобного, затылочного и подшейного ремней. Возможно, такая асимметрия в оформлении узды обусловлена тем, что с левой стороны всадник садился в седло, поэтому она считалась «парадной» и украшалась обильнее, нежели правая сторона [Худяков, Табалдиев, 1999, с. 54–56].

Более простая по конструкции и оформлению узда с бляшками обнаружена в ходе раскопок могильника Баш-Таш-Короо II (кург. 30) в Кочкорской долине. От нее сохранились два нащечных и наносный ремни, на которых очень тесно прикреплены бронзовые округлые сферические бляшки. На левом ремне насчитывалось четырнадцать сферических бляшек, а на правом – восемь. На налобном ремне семь сферических бляшек размещались довольно необычно. Полоса ремня была сложена вдвое по вдоль и накрывала бляшки таким образом, что они оказывались внутри ременной полосы. Подобное расположение совершенно непонятно, если считать, что бляшки крепились к ремням для украшения, чтобы блестеть

и привлекать внимание (рис. 70, 3; 77). Эта узда состояла из двух нащечных, на-носного, налобного, затылочного, подшейного и подчелюстного ремней (рис. 70, 4). Характерно, что количество бляшек на нащечном ремне с левой стороны больше, чем с правой. Это может свидетельствовать в пользу асимметрии сторон по их значимости, «парадности» (рис. 71).

Подобные сферические и прямоугольные бляшки с рифлеными концами ранее встречались в памятниках средневековых кочевников степного пояса Евразии. Они обнаружены в составе уздечных наборов в памятниках культуры древних тюрков Саяно-Алтая. Есть такие бляшки и в инвентаре древнетюркских захоронений могильника Кудыргэ в Горном Алтае и Озен-Ала-Белиг в Туве [Гаврилова, 1965, с. 23; Вайнштейн, 1966б, с. 313]. Аналогичные по конструкции уздечки, только без декоративных подвесных ремешков, изображены на фресках Пенджикента VII–VIII вв. [Расопова, 1980, с. 99].

К числу сбруйных украшений должны относиться плоские овальные костяные пластинки с приостренными концами. На двух из них вырезаны треугольники, соединенные вершинами, а обнаружены они на крупе коня в кургане 3 могильника Беш-Таш-Короо II в Кочкорской долине [Табалдиев, 1996, с. 54].

Во всех других раскопанных на Тянь-Шане древнетюркских памятниках уздечные ремни не сохранились. Они не имели металлических украшений, которые позволили бы реконструировать узду.

4.2. ПРИНАДЛЕЖНОСТИ КОСТЮМА

Важным показателем этнографического облика древних тюрков была их одежда, приспособленная для ношения в условиях подвижного, кочевого образа жизни в условиях горной и степной местности и ведения скотоводческого хозяйства. Для изучения и реконструкции мужского и женского костюма древних тюрков Тянь-Шаня существенное значение имеют находки из погребальных и поминальных комплексов – детали наборных поясов и одежды, украшения. Их дополняют изображения головных уборов и деталей одежды древнетюркских кочевников на петроглифах, гравировках костяных и роговых предметов, согдийских фресках и каменных скульптурах.

4.2.1. Наборные пояса

В раннем средневековье важнейшей частью мужского костюма древних тюрков были наборные пояса. Они состояли из кожаного ремня, подвесных ремешков, металлической пряжки, бляшек и ременных наконечников. В материалах с памятников Тянь-Шаня встречаются поясные наборы, характерные для разных этапов развития древнетюркской культуры.

Древнетюркские источники свидетельствуют, что юноши получали право называться настоящими мужчинами лишь после того, как приняли участие и отличились в своем первом бою. Для их обозначения даже существовал специальный термин – *Jettik er* [Кляшторный, 1981, с. 128]. В течение последующей взрослой жизни мужчина-воин носил наборные пояса, соответствующие его социальному, административному и военному статусу. Чем выше положение он занимал, тем

богаче становился его наборный пояс. В одной из рунических эпитафий говорится, что поминаемый в ней мужчина благодаря своей доблести «достиг пряжки (чиновничьего пояса)» [История..., 1984, с. 322]. Пояса представителей каганов, членов правящего каганского рода и других родов высшей тюркской знати изготавливались из благородных металлов и украшались вставками из драгоценных камней. Поясами награждали отличившихся в сражениях военачальников и богатырей. Их можно было дарить, преподносить в качестве дани и дипломатических даров.

Металлические детали поясных наборов – пряжки, бляшки, накладки, наконечники ремней – найдены в древнетюркских курганах Тянь-Шаня и сопредельных районов Средней Азии. Принадлежности поясов обнаружены в составе тюркских древностей в Восточном Туркестане. Они столь высоко ценились своими владельцами, что на поясные бляхи иногда наносили родовые тамги и надписи, подтверждающие принадлежность пояса определенному лицу. Наборные пояса иногда упоминаются в посмертных эпитафиях древнетюркских воинов.

В раннем средневековье мода на тюркские пояса вышла за пределы древнетюркской культуры. Детали наборных поясов найдены при раскопках согдийских городов в Семиречье и Мавераннахре, что свидетельствует о влиянии древних тюрков на их согдийских подданных. В согдийских комплексах есть детали наборных поясов, изготовленные из благородных металлов с целью сбыта древним тюркам [Распопова, 1965, с. 82]. Важным источником для реконструкции поясных наборов являются изображения на древнетюркских каменных изваяниях и согдийских фресках. На протяжении существования древнетюркской культуры в Центральной Азии мода на оформление поясных наборов неоднократно менялась. Эти изменения носят стадиальный характер, что очень важно для датирования древнетюркских погребальных комплексов Тянь-Шаня и Семиречья.

В VI–VII вв. среди кочевого населения степного пояса Евразии получили широкое распространение пояса с бляшками и накладками, оформленными в геральдическом стиле. В рамках культуры древних тюрков Саяно-Алтая и Центральной Азии такие пояса относятся к кудыргинскому этапу [Гаврилова, 1965, с. 89; Савинов, 1984, с. 126]. Для подобных бляшек характерна гладкая поверхность. Украшением для них служила форма, фигурные выступы и вырезы. В то же время были распространены ажурные и прорезные бляхи и накладки со стилизованными изображениями животных и декоративным обрамлением из полос сферических выступов.

Подобный пояс обнаружен в древнетюркском погребении Таш-Тюбе (рис. 92, 1–3, б). Он состоял из основного поясного ремня и коротких подвесных ремешков, которые были украшены большим количеством бляшек и накладок. Бляшки имели гладкую поверхность, завитки, направленными в разные стороны, в верхней части и приостренный щиток – в нижней. Одна из таких бляшек снабжена двумя удлиненными щитками. Они вертикально располагались на основном ремне. Между ними на поясе крепились зооморфные бляхи в виде головы и передних ног кабана с раздвоенными копытами. Согласно другой интерпретации, эти бляшки выполнены в форме передней части фигуры медведя [Добжанский, 1992, с. 31]. На поясном ремне присутствует также бляшка-роsetка и небольшие сферические бляшки. На подвесных ремешках крепился удлиненный ремешковый наконечник с приостренным концом, а также щиток с раздвоенным окончанием [Могильников, 1981б, рис. 20, 25; 23, 5, 5а-б].

Аналогичные по конструкции пряжки с овальной или прямоугольной рамкой, подвижным язычком, прямоугольным проемом или неподвижным прямоугольным щитком с пристенным окончанием, а также прямоугольная обойма и прямоугольный наконечник ремня найдены при раскопках древнетюркского погребального комплекса Бел-Саз II в Кочкорской долине [Табалдиев, 1996, рис. 24, 4–7] (рис. 57, 4–7; 92, 10, 14).

К этому же периоду относятся поясной набор, состоящий из бронзовой пряжки с овальной рамкой, подвижным язычком и неподвижным щитком, округлых и треугольных бронзовых бляшек, прямоугольного щитка со сферическими выпуклостями по периметру, прямоугольной накладки с профильным изображением крылатого кошачьего хищника в обрамлении полосы сферических выпуклостей. Набор обнаружен при раскопках древнетюркского погребения с конем в Самарканде (рис. 92, 4, 5, 7–9). По мнению В.И. Распоповой, это захоронение должно принадлежать одному из древнетюркских воинов, поселенных первыми тюркскими каганами Бумыном и Истеми в Согде после завоевания Средней Азии в середине VI в. [Распопова, 1980, с. 98].

Схожие по форме и декору ажурные бляхи с профильным изображением кошачьего хищника и рамкой с полосой растительного обрамления найдены вместе с фрагментами кожаных ремней на могильнике Беш-Таш Короо II (кург. 13) [Табалдиев, 1996, рис. 16, 7, 8] (рис. 73, 5, 7).

К VI–VII вв. относится поясной набор из погребения древнетюркского воина с конем, исследованного на памятнике Алатау в Семиречье. Набор включал: пряжку с овальной рамкой, подвижным язычком и неподвижным щитком, на поверхности которого низким барельефом изображено лицо человека анфас; пять ажурных прямоугольных накладок с не вполне отчетливо выполненным орнитоморфным орнаментом; вытянутый прямоугольный наконечник ремня с двумя рядами округлых отверстий и приостренным концом [Курманкулов, 1980, с. 193–195, рис. 3, 1, 2, 6] (рис. 92, 11–13).

Изображения древних тюрков, подпоясанных поясами кудыргинского облика, имеются на согдийских фресках [Могильников, 1981б, рис. 22, 1, 8].

В древнетюркских памятниках Тянь-Шаня обнаружены наборные пояса с бляхами-оправами, характерные для катандинского этапа древнетюркской культуры Саяно-Алтая и Центральной Азии, соответствующего периоду существования Второго Восточного Тюркского каганата. В состав поясных наборов катандинского облика входили пряжки с овальной рамкой, подвижным язычком и полуовальным щитком или проемом, прямоугольные и полуовальные бляхи-оправы с прорезью в нижней части, полуовальные наконечники ремней. Поверхность пряжек, блях и наконечников была гладкой и не орнаментировалась.

В Притяньшанье такие пояса были распространены в VII–VIII вв. у древнетюркских кочевников Западного Тюркского и Тюргешского каганатов. В захоронении с конем на могильнике Беш-Таш-Короо II (кург. 3) обнаружена железная пряжка с округлой рамкой, подвижным язычком и обломанным щитком, а также бронзовые бляхи-оправы прямоугольной и полуовальной формы с прорезью для подвесных ремешков (рис. 92, 16–18). Прямоугольные бляхи крепились к ремешковой основе четырьмя шпеньками по углам, а полуовальная – при помощи трех шпеньков [Табалдиев, 1996, рис. 12, 2–5].

Два поясных набора с гладкими бляхами-оправами хранятся в музейных собраниях Дуньхуана и Курли (рис. 104, 1–21). Дуньхуанский набор происходит с памятника Шоу-Чхан. Такая же полуовальная бляха-оправа с прорезью найдена на памятнике Темин-гуай в Восточном Туркестане [Худяков, 1997, с. 236–237].

Судя по составу находок, наборные пояса западных тюрков и тюргешей были снабжены одной пряжкой и двумя-тремя бляхами-оправами, которые крепились к основному ремню с двух сторон. Через прорези этих блях пропускались подвесные ремешки. Облик таких поясов хорошо передают изображения на некоторых древнетюркских каменных изваяниях, обнаруженных в Притяньшанье, Семиречье и Восточном Туркестане [Москалев, Солтобаев, 2008, с. 33; Худяков, 1994, с. 72–74] (рис. 110, б). Изображены пояса катандинского облика и на согдийских фресках Афрасиаба и Пенджикента [История..., 1984, с. 233; Распопова, 1980, с. 95–96, рис. 67].

Помимо наборных поясов у западных тюрков и тюргешей бытовали пояса с металлическими, бронзовыми или железными пряжками, но без накладок и других металлических деталей.

В VIII–X вв., на курайском этапе развития древнетюркской культуры, среди кочевников Центральной Азии получила широкое распространение мода украшать детали наборных поясов разнообразным орнаментом. Поясные пряжки, накладки, бляхи-оправы, лировидные бляхи, решмы и наконечники ремней декорировали растительным, зооморфным, орнитоморфным и другими видами орнамента. Многие предметы тюркетики, в том числе и богато украшенные наборные пояса, производились в согдийских и восточно-туркестанских ремесленных центрах для продажи кочевникам.

На Тянь-Шане и в Семиречье в этот период существовало государство карлуков. В материалах из древнетюркских памятников Тянь-Шаня есть предметы поясной фурнитуры с растительной орнаментацией, которые могут относиться к карлуковскому времени. Так, на памятнике Май-Чабыр в Кочкорской долине найдены детали поясного набора: бронзовая пряжка с овальной рамкой и неподвижным щитком, поверхность которой украшена стилизованным изображением виноградной лозы с завитками; бронзовые пятиугольные бляшки растительным орнаментом в виде лепестков и завитков; округлая бляха-тройник с тремя прорезями для ремней и сферической выпуклостью в центре, украшенной крестообразной розеткой с трехлепестковыми окончаниями [Табалдиев, 1996, с. 51, рис. 25, 1–3] (рис. 91, 3–5; 92, 19–21).

В местности Боз-Бешик на оз. Иссык-Куль обнаружены детали поясного набора, состоявшего из позолоченных бронзовых деталей. Набор включал пряжку с овальной рамкой и неподвижным щитком, полуовальные накладки, лировидную подвесную бляху и другие детали (рис. 92, 22–25). Пряжка, накладки и бляха были богато украшены прорезным орнаментом в виде стилизованных извивающихся побегов виноградной лозы с листьями и завитками [Памятники..., 1983, с. 68, рис. 262, 263, 266]. В составе другого поясного набора с Иссык-Куля были прямоугольные и полуовальные бляхи-оправы с прорезями, сердцевидные, полукруглые и полуовальные бляшки, обоймы. На таком поясе с каждой стороны было по четыре подвесных ремешка, снабженных обоймами и бляшками [История..., 1984, с. 322].

В Кочкорской долине найдена коллекция ажурных позолоченных серебряных блях прямоугольной, полуовальной и сердцевидной формы. Они богато украшены орнаментом в виде стилизованных побегов виноградной лозы с листьями и завитками. Все бляхи окаймлены рамками, которые украшены пуансонным орнаментом. В верхней части орнаментального поля прямоугольных блях выполнена профильная фигура стоящего кошачьего хищника, а в нижней части – фигура стоящего канисового хищника, повернувшего голову назад. По мнению А.Н. Бернштама, на бляхах среди переплетений растительных побегов изображены головы козлов и чудовищ [1952, с. 92]. На орнаментальном поле полуовальной бляхи выполнены фигуры двух птиц с развернутыми крыльями, в геральдической позе. В центральной части большой прямоугольной бляхи с округлым концом изображен буддийский символ – *улзий*. А.Н. Бернштам назвал эти изделия сбруйными накладками, сравнил их декор с орнаментом находок из Копенского Чаа-таса в Минусинской котловине, а изготовителями счел кыргызских мастеров [1952, с. 90–93]. Схожие по характеру оформления ажурные накладки каптаргаков и уздечные бляхи есть в составе сопроводительного инвентаря древнетюркского одиночного захоронения могильника Аргалыкты I в Туве. Ю.И. Трифонов датировал его X в. [2000, с. 146–147].

В период развитого средневековья у тюркоязычного кочевого населения При-тяньшанья и Семиречья получили распространение наборные пояса, в оформлении которых использовались мусульманские изречения, выполненные арабской графикой в куфическом стиле, а также украшенные серебряными или нефритовыми накладками [Байпаков, Настич, 1981, с. 29; Буряков, Крамаровский, 1974, с. 258–263].

4.2.2. Украшения, фрагменты одежды и предметы туалета

В состав украшений, характерных для древних тюрков Тянь-Шаня, обнаруженных при раскопках погребений эпохи раннего средневековья, входят серьги, подвески, бусы, браслеты, кольца и перстни.

Серьги

В древнетюркских памятниках Тянь-Шаня и Семиречья найдены серьги разных типов. Они встречены как в женских, так и в некоторых мужских захоронениях. По форме их подразделяют на два типа.

Тип 1. Серьги кольцевые. Включает шесть экземпляров из памятников Бел-Саз II (кург. 18), Беш-Таш-Короо I (кург. 3, 7, 10) и II (кург. 20). Диаметр изделий от 1,4 до 1,6 см, толщина – 0,2 см. Серьги имеют вид сомкнутого кольца, изготовленного из тонкой проволоки. К одной из серег, обнаруженных на памятнике Бел-Саз II, крепилась подвеска – бусина, изготовленная из стеклянной пасты. В отверстие подвески была продета тонкая проволока, ее окончание закручено, а конец продет обратно в отверстие бусины. В большей части исследованных могил найдено по две серьги. Они располагались с обеих сторон от черепов погребенных людей. Однако в двух мужских захоронениях было по одной серьге, находившейся с левой стороны от черепа [Табалдиев, 1996, с. 55] (рис. 58, 11; 59, 2; 61, 9, 10; 68, 10).

Тип 2. Серьги кольцевые с отростком. Включает пять экземпляров из памятников Ала-Мышик (кург. 69) в Орто-Нарынской долине, Беш-Таш-Короо II (кург. 60) и III (кург. 5) в Кочкорской долине, Кулан-Сай в Таласской долине (рис. 35, 3; 90, 9). Высота серьги с отростками до 4 см, ширина – до 1,5 см. Серьги имеют вид сомкнутого овального кольца с небольшим отростком в верхней части и ступенчатым отростком-стерженьком – в нижней.

В погребении могильника Беш-Таш-Короо II (кург. 60) найдены серьги, на нижних стерженьках которых крепились полые бронзовые подвески-бусинки. Бронзовая серьга из памятника Кулан-Сай была позолочена [Табалдиев, 1996, с. 554, рис. 19, 3]. Обломок подобной серьги обнаружен при раскопках древнетюркского одиночного захоронения на памятнике Таимбулак в Центральном Казахстане [Бейсенов, Кожаков, 2001, с. 153].

На могильнике Бел-Саз II в разграбленном древнетюркском захоронении найдена золотая *подвеска-кулон* в виде гнезда полуовальной формы с петелькой. Изделие декорировано полосками пуансонного орнамента, образующими зигзагообразную фигуру. В гнезде укреплен вставка из слоистого цветного стекла фиолетового цвета [Табалдиев, 1996, с. 55–56, рис. 24, 2]. Возможно, это украшение служило подвеской серьги (рис. 57, 2).

Бусы

Ожерелья из каменных, стеклянных бусин и раковин каури обнаружены в погребении женщины с двумя детьми на памятнике Ала-Мышик (кург. 102) в Орто-Нарынской долине. На шее погребенной было ожерелье, состоявшее из девяти бипирамидальных сердоликовых бусин, одной биконической стеклянной бусины и четырех округлых пастовых бусин. Поверхность одной из пастовых бусин была гофрированной. Еще несколько бусин найдено у локтя правой руки и колена правой ноги женщины. На шею погребенного подростка было надето ожерелье из девяти раковин каури и бронзовая китайская монета эпохи династии Тан [Бернштам, 1952, с. 84].

Браслеты

Браслет в виде несомкнутого кольца, изготовленного из бронзовой проволоки, обнаружен на запястье правой руки женщины в групповом погребении могильника Ала-Мышик (кург. 102) в Орто-Нарынской долине. Диаметр браслета 7 см [Бернштам, 1952, с. 84].

Перстни и кольца

Бронзовый перстень был найден в мужском погребении на памятнике Беш-Таш-Короо I (кург. 15) в Кочкорской долине. Диаметр кольца 2 см. Перстень имеет щиток с тремя выпуклостями. Он был надет на средний палец правой руки погребенного мужчины [Табалдиев, 1996, с. 56].

Три бронзовых цельнолитых кольца обнаружены у женского скелета в групповом погребении могильника Ала-Мышик (кург. 102) в Орто-Нарынской долине. Одно из них находилось у запястья правой руки, два других – у запястья левой руки. Диаметр колец 1,3 см [Бернштам, 1952, с. 84]. Еще два бронзовых кольца найдены в погребениях на памятниках Айгыр-Жал и Туура-Суу на Тянь-Шане. Точных сведений об их расположении в могилах нет [Табалдиев, 1996, с. 56].

Фрагменты и изображения одежды

В некоторых древнетюркских погребениях Тянь-Шаня сохранились незначительные фрагменты одежды. На памятниках Беш-Таш-Короо I и II в Кочкорской долине в области черепа двух погребенных найдены небольшие кусочки ткани, которые могут относиться к головным уборам или верхней одежде умерших. На могильнике Таш-Тюбе обрывки шелковой материи обнаружены в области грудной клетки и тазовых костей погребенного. Фрагменты ткани найдены на костях погребенного в могильнике Чон-Ноо [Табалдиев, 1996, с. 56]. Эти находки подтверждают свидетельства источников об использовании древними тюрками шелковых китайских тканей для изготовления одежды. О покрое мужской и женской одежды, формах головных уборов и причесок можно судить по изображениям на петроглифах, гравировках костяных предметов, фресках и каменных изваяниях.

На каменных изваяниях, изображающих мужчин, показаны элементы верхней одежды, которые могут быть интерпретированы как длиннополые запашные халаты. В частности, отчетливо выделены детали верхней одежды на каменном изваянии с памятника Ичке-Суу на Тянь-Шане. На некоторых показаны треугольные или ромбические отвороты на груди, в углах которых выделены шаровидные пуговицы. На наиболее детально изваянных фигурах показаны наборные пояса с пряжками, бляшками, подвешенными каптаргаками и клинковым оружием [Шер, 1963, с. 47–48; Ермоленко, 2004, с. 25–27]. Подобные халаты с узкими рукавами и обшлагами, треугольными отворотами и полосой вдоль борта верхней полы надеты на мужчинах-воинах, изображенных на костяных пластинах из памятника Суттуу-Булак [Худяков, Табалдиев, Солтобаев, 1997, с. 145, рис. 2, 1, 2] (рис. 102, 1, 2). Еще более реалистичным выглядит рисунок древнего тюрка в халате с треугольными отворотами на согдийской фреске Афрасиаба. Судя по этому рисунку, халат запахивался справа налево [Могильников, 1981б, рис. 22, 1]. На фресках есть изображения древних тюрков в халатах без отворотов [История..., 1984, с. 233].

На каменных изваяниях Притяньшанья, Семиречья и Восточного Туркестана изображены и головные уборы древних тюрков. Они имеют коническую или сферическую форму. Вероятно, это колпак или шапка, либо шапка с назатыльником [Шер, 1963а, с. 46; 1963в, рис. 1, 3; Табалдиев, Худяков, 2000, с. 69; Досымбаева, 2002, рис. 14, 6; 18, 9]. Л.Н. Ермоленко выделяет на некоторых изваяниях Тянь-Шаня «низкие шапочки, присборенные по краю» [2004, с. 26]. На изваянии из Чуйской долины показан обернутый двумя жгутами материи цилиндрический головной убор, напоминающий феску с чалмой [Шер, 1963б, с. 240–241, рис. 1; Ермоленко, 2004, рис. 10, б]. На каменных изваяниях из долины р. Или в Восточном Туркестане изображены разные виды шапок. На скульптуре из Унчена выполнен конический головной убор с плоским верхом, а на статуе из Чжунмачана – сферическая шапка с выступом спереди [Худяков, 1997, с. 243–244] (рис. 107, 2, 3). Головной убор, напоминающий колпак, нарисован на каменном изваянии с памятника Тура-Суу в долине р. Тон. На петроглифах Тик-Булака тоже изображен головной убор, который можно интерпретировать как колпак. О ношении древними тюрками подобных головных уборов упоминается в китайских источниках. Так, в одном из них говорится, что тюркский хан сидел в юрте в «тюркском колпаке и красном кафтане» [Бичурин, 1950, с. 313].

На некоторых мужских изваяниях из Притяньшанья, Семиречья и Восточного Туркестана изображены серьги с шаровидными подвесками, а также нашейные украшения – подвески или амулеты [Худяков, 1997, рис. 4, 1; Ермоленко, 2004, с. 28]. Встречаются также изваяния и фрески, где древние тюрки нарисованы обутом в сапоги. Судя по этим изображениям, западные тюрки носили мягкие кожаные сапоги с острыми носками [Могильников, 1981б, рис. 22, 1, 8; Худяков, 1997, рис. 4, 1].

Этнографический облик западных тюрков дополняют длинные волосы, заплетенные в косы, которые носили мужчины. Такие косы показаны на нескольких каменных изваяниях, гравированных рисунках и фресках Тянь-Шанья, Семиречья, Согда и Восточного Туркестана [Могильников, 1981б, рис. 22, 1, 3, 4, 8; Табалдиев, 1996, рис. 22, 1, 2; Худяков, 1997, рис. 4, 2, 3; Ермоленко, 2004, с. 26]. Судя по этим изображениям, западные тюрки отпускали длинные волосы, разделяли их на пучки, которые в нижней части заплетали в косы. На изваяниях можно насчитать по шесть-семь таких кос [Могильников, 1981б, рис. 22, 3, 4] (рис. 107, 3).

Изображения на гравировках и каменных изваяниях позволяют составить представление и о женском костюме западных тюрков. Судя по всему, тюркские женщины носили плотно облегающие тело халаты с отворотами и косым разрезом в верхней части. Женский халат запахивался справа налево. Правая пола полностью закрывала туловище спереди. Отвороты, полоса вдоль верхнего борта и обшлага рукавов были оторочены [Худяков, Табалдиев, Солтобаев, 1997, рис. 2, 2]. На некоторых женских каменных изваяниях Тянь-Шанья и Семиречья изображены треугольные, полуовальные и ромбические отвороты халатов, а также серьги и ожерелья с крупной ромбической подвеской-кулоном [Табалдиев, 1996, рис. 26, 1–3; Табалдиев, Худяков, 2000, рис. 1, 4; Ермоленко, 2004, с. 27–29; Москалев, Солтобаев, 2008, рис. 1, 3].

Характерным элементом древнетюркского женского костюма были «трехрогие» головные уборы. Изваяния с подобными шапками известны на Тянь-Шане и в Семиречье. На наш взгляд, для их интерпретации важны наиболее реалистичные изображения, выполненные на пластине из Суттуу-Булака и изваяниях с памятников Калмак-Таш в Кочкорской долине, Ак-Тала в Ат-Башинской долине, Балхаш в Центральном Казахстане. Они со всей очевидностью свидетельствуют, что данный головной убор представляет собой не «корону» или «тиару», а шапку с коническим верхом и загнутыми вверх клапанами [Худяков, Табалдиев, Солтобаев, 1997, рис. 2, 2; Табалдиев, Худяков, 2000, рис. 1, 4; Ермоленко, 2004, с. 81, рис. 6, 17; Москалев, Солтобаев, 2008, рис. 1, 3] (рис. 53, 4; 101, 2).

Зеркала

В нескольких женских захоронениях Тянь-Шанья обнаружены бронзовые зеркала. По форме диска и наличию петли среди них выделены две группы и три типа.

Группа I. Зеркала с загнутым бортиком. Представлена одним типом.

Тип 1. Дисквидные зеркала. Включает два экземпляра из памятников Бел-Саз II (кург. 19) и Беш-Таш-Короо II (кург. 37) в Кочкорской долине [Табалдиев, 1996, с. 58]. Диаметр изделий 11 см, а толщина – 0,2 см. Это тонкие дисквидные зеркала без ручки, с загнутым краем вдоль бортика (рис. 85, 5).

Группа II. Плоские зеркала. В составе этой группы два типа.

Тип 1. Дискovidные зеркала. Включает один экземпляр из памятника Беш-Таш-Короо II (кург. 8) в Кочкорской долине [Табалдиев, 1996, с. 58]. Это плоское дискovidное зеркало без ручки.

Тип 2. Дискovidные зеркала с зооморфной ручкой. Включает один экземпляр из памятника Бел-Саз II в Кочкорской долине [Табалдиев, 1996, с. 584, рис. 24, 1]. Диаметр изделия 9 см, а толщина – 0,2 см. Это плоское дискovidное зеркало с ручкой в центре тыльной стороны. Поверхность тыльной стороны зеркала декорирована гравированным циркульным орнаментом. Петельчатая ручка оформлена в виде литой фигурки стоящей козули (рис. 57, 1).

Подобное зооморфное оформление ручки зеркала для древнетюркской эпохи не характерно. Дискovidные зеркала с циркульным орнаментом на тыльной стороне диска обнаружены при раскопках Пенджикента. Однако у них либо есть простая ручка в виде сферической петельки с узким сквозным отверстием, либо она вообще отсутствует [Расопова, 1980, рис. 79, 6, 7]. Простые дискovidные зеркала могут быть местными репликами китайских зеркал.

Гребни

В нескольких древнетюркских женских захоронениях Тянь-Шаня обнаружены деревянные гребни. По форме они однотипны.

Тип 1. Гребни двусторонние. Включает три экземпляра из памятника Беш-Таш-Короо II (кург. 15, 37 и 60) в Кочкорской долине [Табалдиев, 1996, рис. 19, 2; Табалдиев, Худяков, 2000, рис. 13, 6]. Высота такого изделия 6 см, а ширина – 4 см. Оно представляет собой двусторонний прямоугольный гребень с крупными зубцами с одной стороны и мелкими – с другой. Одна из находок повреждена (рис. 35, 2; 68, 6; 85, 3).

Деревянные гребни встречаются в древнетюркских памятниках Саяно-Алтая. Однако для восточных тюрков были характерны односторонние гребни [Вайнштейн, 1966б, табл. VI, 4; Кызласов, 1979, рис. 95, 2].

В числе женских туалетных принадлежностей можно отметить бронзовую цилиндрическую *туалетную коробочку*, найденную в групповом захоронении могильника Ала-Мышик (кург. 102) в Орто-Нарынской долине [Бернштам, 1952, с. 84, рис. 47, 1]. Она имела плоскую дискovidную крышку с округлым отверстием в центре.

4.2.3. Орудия труда, утварь, бытовые вещи

В погребениях древних тюрков Тянь-Шаня обнаружены различные предметы, использовавшиеся в хозяйстве и повседневном обиходе.

Ножи

В мужских и женских погребениях нередко находят железные ножи. Все они однотипны: железные черешковые однолезвийные ножи с прямой спинкой и плавным сужающимся к острию лезвием. Длина клинка достигает 14 см, ширина – 2 см,

а длина черешка – 5 см. У некоторых ножей сохранились остатки деревянных рукоятей и ножен [Бернштам, 1952, с. 81; Табалдиев, 1996, с. 58–59; Табалдиев, Худяков, 2000, с. 62] (рис. 59, 3; 72, 2; 85, 2).

Для заточки лезвий ножей использовались каменные *оселки*.

Пряслица

В инвентарном комплексе женских захоронений древнетюркских могильников Тянь-Шаня встречаются каменные и керамические пряслица. Они однотипны: дисковидные пряслица с округлым отверстием в центре (рис. 68, 7, 8; 72, 4; 85, 4). Изготавливали их из камня или стенок керамических сосудов. Обнаружены пряслица на памятниках Ала-Мышик (кург. 102) в Орто-Нарынской долине, Беш-Таш-Короо II (кург. 8, 13, 20) в Кочкорской долине, Кок-Булак (кург. 22) в Иссык-кульской котловине [Бернштам, 1952, рис. 47, 5; 48, 4; Табалдиев, 1996, рис. 15, 5; Табалдиев, Худяков, 2000, 13, 7, 8]. В нарушенном одиночном женском захоронении памятника Беш-Таш-Короо II (кург. 8) каменное пряслице было надето на деревянное веретено [Табалдиев, Худяков, 2000, с. 62].

Посуда

В памятниках древних тюрков на Тянь-Шане найдены керамические и деревянные сосуды. Их изображения есть на каменных изваяниях.

Керамические сосуды. Изделия, обнаруженные в древнетюркских захоронениях Притяньшанья, разнотипны.

Тип 1. Горшки. Включает два экземпляра с памятников Беш-Таш-Короо II (кург. 34) в Кочкорской долине, Карой (кург. 2) в Иссык-кульской котловине [Бернштам, 1952, рис. 48, 1; Табалдиев, 1996, с. 57–58, рис. 18, 2]. Высота изделий составляет 14 см, а диаметр тулова – 10 см. Это лепные сосуды со слегка отогнутым венчиком, суженной горловиной, пологими плечиками, раздутым туловом, сужающимся к плоскому или слегка вогнутому дну. Под венчиком на шейке горшка из детского погребения могильника Баш-Таш-Короо II имеются вертикальные налеты (рис. 79). Аналогичный по форме лепной горшок обнаружен при раскопках одиночного погребения древнетюркского времени на памятнике Жарлы-1 в Центральном Казахстане [Бейсенов, Кожаков, 2001, с. 150].

Тип 2. Горшки с ручками. Включает один экземпляр из памятника Ала-Мышик (кург. 102) в Орто-Нарынской долине [Бернштам, 1952, рис. 48, 3]. Высота изделия составляет 13,5 см, а диаметр тулова – 13 см. Это лепной сосуд с прямым венчиком, суженной горловиной, пологими плечиками и раздутым туловом, сужающимся к плоскому дну. На горловине, от венчика до расширенной части тулова, имеется боковая дугообразная ручка.

Тип 3. Котловидные сосуды. Включает один экземпляр из памятника Беш-Таш-Короо I (кург. 7) в Кочкорской долине [Табалдиев, 1996, рис. 7, 1]. Высота изделия равна 11 см, а диаметр тулова – 15 см. Это сосуд с отогнутым венчиком, декорированным полосой сферических выпуклостей, раздутым туловом и плоским дном. На плечиках сосуда с двух сторон имеются вертикальные уплощенные ручки с округлыми отверстиями для подвешивания (рис. 59, 1).

Тип 4. Круглодонные сосуды с ручкой. Включает один экземпляр из памятника Карой (кург. 2) в Иссык-кульской котловине [Бернштам, 1952, рис. 48, 2]. Высота изделия составляет 12 см, а диаметр тулова – 13 см. Это сосуд с прямым венчиком, раздутым туловом и сферическим дном. На тулове имеется боковая вертикальная уплощенная ручка без отверстий.

В большей части раскопанных древнетюркских захоронений найдено по одному керамическому сосуду. Даже в могиле, где захоронена женщина с подростком и ребенком (Ала-Мышик, кург. 102), был только один сосуд [Бернштам, 1952, с. 84]. Однако в одиночном мужском погребении на могильнике Карой (кург. 2) обнаружены два сосуда [Бернштам, 1952, с. 78].

Фрагменты керамических сосудов, в том числе лепных и изготовленных на гончарном круге, встречены в насыпях и заполнении могильных ям древнетюркских погребений Беш-Таш-Короо II. На памятнике Бел-Саз II керамика обнаружена в яме с захоронением быка.

Вероятно, в повседневном быту тюрки достаточно часто пользовались керамической гончарной посудой, которую изготавливали согдийские мастера в городских ремесленных центрах Чуйской долины.

Деревянные сосуды. В нескольких древнетюркских захоронениях Центрального Тянь-Шаня обнаружены деревянные сосуды. По форме они могут быть отнесены к разным типам.

Тип 1. Круглодонные чаши. Включает два экземпляра из памятника Беш-Таш-Короо II (кург. 15 и 20) в Кочкорской долине [Табалдиев, Худяков, 2000, рис. 14, 1, 2]. Высота каждого изделия составляет 5 см, а диаметр тулова – 8 см. Это сосуды с прямым венчиком, раздутым или цилиндрическим туловом, сферическим дном. Венчик одной из чаш скреплен бронзовой пластинчатой обоймой (рис. 69, 1, 2).

Тип 2. Бокалы. Включает один экземпляр из памятника Беш-Таш-Короо II (кург. 5) в Кочкорской долине [Табалдиев, Худяков, 2000, рис. 14, 3]. Высота изделия составляет 5 см, а диаметр тулова – 5 см. Это сосуд с прямым венчиком, слегка сужающимся к днищу цилиндрическим туловом и плоским дном (рис. 69, 3).

Тип 3. Горшки. Включает один экземпляр из памятника Беш-Таш-Короо II (кург. 13) в Кочкорской долине [Табалдиев, 1996, рис. 15, 2]. Высота горшка 12 см, а диаметр тулова – 10 см. Это сосуд с прямым венчиком, раздутым туловом и плоским дном.

Тип 4. Кувшины с ручкой. Включает один экземпляр из памятника Беш-Таш-Короо II (кург. 3) в Кочкорской долине [Табалдиев, 1996, рис. 12, 1]. Высота изделия составляет 6,5 см, а диаметр тулова – 10 см. Сосуд с отогнутым венчиком, раздутым туловом, выделенным плоским дном и боковой полукруглой ручкой (рис. 88).

Древние тюрки, жившие на Тянь-Шане, чаще всего ставили керамические или деревянные сосуды за головой погребенного [Табалдиев, 1996, рис. 9; 14, 1; 15, 1; 18, 1]. Так, оба сосуда, найденные в одном захоронении погребения Карой (кург. 2), стояли за головой погребенного мужчины, в углу могильной ямы [Бернштам, 1952, рис. 42]. Исключение составляет групповое захоронение могильника Ала-Мышик (кург. 102), где сосуд стоял между ног погребенной женщины [Бернштам, 1952, рис. 46].

Внутри сосудов или рядом с ними обычно находят кости овец – остатки мясной пищи. В тех случаях, когда мясо не лежало внутри сосуда, можно предположить наличие какой-то не сохранившейся подстилки. Только в детском захоронении могильника Беш-Таш-Короо II (кург. 34) внутри керамического горшка оказались кости рук погребенного ребенка [Табалдиев, 1996, с. 58].

Пользовались древние тюрки Тянь-Шаня и Семиречья и сосудами из металла. Однако в погребальных и поминальных комплексах они пока не обнаружены. Среди металлической пиршественной посуды, найденной в Кыргызстане в пос. Кара-Куль, можно отметить кованую латунную чашу полусферической формы, украшенную полосой циркульного орнамента. По оценке специалистов, она изготовлена в Иране в IX–X вв. [Памятники..., 1983, с. 70].

Сосуды нередко изображены на каменных изваяниях Тянь-Шаня, Семиречья и Восточного Туркестана. Как правило, он находится в одной или обеих руках мужчины или женщины (рис. 52, 4; 53, 3, 4; 54, 1; 55, 1). На рисунках чаще всего можно встретить кубки на поддонах или высоких ножках, а также кувшинчики или кружки с ручками [Ермоленко, 2004, с. 23–24; Худяков, 1997, рис. 3, 2, 5; 4, 1, 2; Худяков, Табалдиев, 2000, рис. I, 4; II, 1]. Изображались также чаши, пиалы, плоские горшки и бокалы [Шер, 1963а, табл. I, 1, 5; II, 7, 8; III, 6; Табалдиев, 1996, рис. 27, 3, 6; Худяков, 1997, рис. 3, 4]. Иногда по рисунку точно определить тип сосуда невозможно.

Изображение посуды в руках поминаемых людей, на наш взгляд, подтверждает мнение, что, согласно представлениям древних тюрков, умерший должен был символически участвовать в поминальной трапезе, во время которой употреблялись крепкие напитки [Кызласов, 1969, с. 41–42].

В целом предметный комплекс культуры древних тюрков Тянь-Шаня достаточно полно характеризует их внешний облик и основные направления жизнедеятельности.

Глава 5

ВООРУЖЕНИЕ И ВОЕННОЕ ДЕЛО ДРЕВНИХ ТЮРКОВ ТЯНЬ-ШАНЯ

Изучение вооружения и военного дела древних тюрков, населявших в эпоху раннего средневековья горы и долины Тянь-Шаня и соседние районы Семиречья, представляет большой научный интерес, поскольку тюркские кочевники смогли завоевать и в течение ряда столетий удерживать эти территории, прежде всего, благодаря силе оружия. Анализ предметов вооружения значим для определения относительной хронологии памятников. Предметы вооружения служат важным источником при оценке уровня развития военного дела и железодельного ремесла у тюркских кочевников. Найденное в захоронениях оружие позволяет точнее определить социальный статус погребенных.

Тюркские номады Тянь-Шаня были именно той частью кочевого населения, из которой формировалась военная организация Западного Тюркского и Тюркешского каганатов. *Он Ок будун* – «десять стрел», составлявших два крыла войска. Помимо тюркских воинов, в войске этих государств были отряды из зависимого городского и земледельческого согдийского населения – *татов*. На вооружении у западно-тюркских и тюркешских воинов было немало оружия, изготовленного согдийскими мастерами-оружейниками в городских и ремесленных центрах Семиречья. Постоянные военные контакты западных тюрков и тюркешей с войсками Сасанидского Ирана и Арабского халифата существенным образом повлияли на развития военного дела у кочевников Тянь-Шаня.

К изучению вооружения древних тюрков в течение последних десятилетий обращались многие исследователи. Отдельные предметы вооружения, найденные при раскопках памятников древнетюркской культуры в Кыргызстане, были введены в научный оборот в 1950–1960-х гг. [Абетеков, 1967, с. 46; Бернштам, 1952, с. 81; Бубнова, 1963, с. 239–250; Винник, 1963а, с. 79–88; Шер, 1961, с. 280–282]. Некоторые соображения по поводу изображения оружия на каменных изваяниях высказали А.Н. Бернштам [1952, с. 79–81], Я. А. Шер [1963, с. 158–160; 1966, с. 71–118] и В.П. Мокрынин [1986, с. 107–111]. На особенности фортификации средневековых горных крепостей обратил внимание К.И. Петров [1980, с. 97–110]. Проблему взаимовлияния западных тюрков и согдийцев в области развития военного дела затронула в своих работах В.И. Распопова [1970, с. 88–90; 1980, с. 103–109]. Отдельные находки оружия из древнетюркских памятников Казахстана и Кыргызстана описал В.А. Могильников [1981б, с. 36, 46].

В результате раскопок древнетюркских памятников, проводившихся на территории Внутреннего Тянь-Шаня, обнаружены новые предметы вооружения [Кожомбердиев, Худяков, 1990, с. 48–52; 1995, с. 110–119]. Эти материалы проанализированы, обобщены и введены в научный оборот в нескольких публикациях

[Табалдиев, 1996, с. 43–50; Борисенко, Худяков и др., 2006, с. 70–86]. Все это позволило дать всестороннюю характеристику комплекса вооружения и военного дела кочевников Тянь-Шаня в древнетюркское время [Худяков, 1990, с. 8–9].

Предметы вооружения при раскопках древнетюркских захоронений с лошадьми на Тянь-Шане обнаружены только в мужских погребениях. Сравнительно редко их находили в непосредственной близости от каменных изваяний.

5.1. ОРУЖИЕ ДИСТАНЦИОННОГО БОЯ

Основными видами оружия, которыми тюркские воины, жившие в эпоху раннего средневековья на Тянь-Шане, пользовались для поражения противника в дистанционном бою, были сложносоставные луки с костяными и роговыми накладками и стрелы с железными наконечниками.

5.1.1. Луки

Судя по результатам раскопок и изображениям, древнетюркские воины на Тянь-Шане были вооружены сложносоставными луками, которые имели деревянную кибить, склеенную из нескольких частей, и костяные или роговые накладки. По количеству и местоположению накладок среди них выделено несколько типов.

В древнетюркских погребениях с лошадьми на Тянь-Шане и в Семиречье найдены преимущественно срединные боковые и фронтальные, реже – концевые накладки. Деревянная основа луков в могилах, как правило, не сохранялась.

Однако в могильнике Беш-Таш-Короо II удалось найти кибить лука, изготовленную из цельного куска дерева [Табалдиев, 1996, с. 47–48, рис. 10, 2; Борисенко, Худяков и др., 2006, с. 72]. Этот лук можно выделить в самостоятельный тип – со срединными боковыми и фронтальной накладками (рис. 93, 1–5, 7–9). Длина его кибити составила около 125 см. Она выполнена из одной деревянной заготовки. Середина и концы кибити сужены и ориентированы торцами по направлению стрельбы, а плечи расширены и уплощены. При натяжении тетивы плечи должны были сгибаться, исполняя роль пружины, посылающей стрелу в цель. С обеих сторон середина накладки была обклеена срединными боковыми накладками, а с третьей стороны – фронтальной накладкой. Срединные боковые накладки имели скошенные в одну сторону и срезанные по диагонали концы. Вдоль длинной стороны каждой накладки, обращенной к спинке кибити, сделан длинный узкий вырез, в который вставлялась длинная и узкая срединная фронтальная накладка. По внутренней стороне накладок и на обоих концах с внешней стороны на поверхность нанесены косые резные линии, служившие для прочного приклеивания к деревянной основе кибити и оплетке из сухожилий [Борисенко, Худяков и др., 2006, с. 72].

По предложенной ранее классификации древнетюркских луков [Борисенко, Худяков и др., 2006], данное оружие относится к шестому типу. Такие луки со срединными боковыми и фронтальной накладками бытовали в северных районах распространения древнетюркской культуры, в Минусинской котловине и Туве [Худяков, 1986а, с. 141].

В древнетюркских захоронениях на могильниках Аламышик, Беш-Таш-Короо I, II и III, Таш-Тюбе на Внутреннем Тянь-Шане, а также на памятнике Красный Фронт в Чуйской долине обнаружены остатки сложносоставных луков – срединные боковые накладки (рис. 10, 2, 3; 58, 10; 61, 1, 2; 93, 6, 11, 12). Они имеют вытянутую трапециевидную форму и скошенные концы. На внутренней стороне накладок и на концах нанесена косая нарезка, служившая для более прочного приклеивания к деревянной основе кибиты и обмотки сухожилиями. Поверхность накладки из памятника Таш-Тюбе декорирована резной гравировкой. Это сцена охоты лучника, стреляющего с колена в двух бегущих ланей. По краям накладки проходит прерывистая полоса орнамента в виде ломаных линий [Могильников, 1981б, с. 36, рис. 20, 26] (рис. 93, б).

Данные изделия относятся к лукам со срединными боковыми накладками, наиболее распространенными на катаинском этапе развития древнетюркской культуры. По упомянутой выше сводной классификации они могут быть соотнесены с седьмым типом. Такие луки получили широкое распространение среди древнетюркских воинов в период существования Второго Восточного Тюркского каганата [Худяков, 1986а, с. 141]. Судя по находкам с Тянь-Шаня, они являлись наиболее употребительным типом лука у западных тюрков и тюркешей [Борисенко, Худяков и др., 2006, с. 72].

В древнетюркском погребении с конем могильника Ала-Мышик на Тянь-Шане обнаружены обломки концевых, срединных боковых и фронтальной накладок от сложносоставного лука. Концевые накладки были длинными, узкими и слабо-изогнутыми, а срединная фронтальная накладка – короткой и узкой. Срединные боковые и фронтальная накладки полностью не сохранились. По внутренней стороне накладок нанесена сетчатая нарезка для приклеивания к деревянной основе кибиты лука [Бернштам, 1952, с. 81]. Близкий по конструкции лук найден в древнетюркском погребении с конем на памятнике Алатау в Семиречье [Курманкулов, 1980, с. 191–193]. Такие изделия относятся к типу луков с концевыми, срединными боковыми и фронтальной накладками [Худяков, 1986а, с. 139]. Они были широко распространены в хуннское время [Баруздин, 1961, рис. 12; Худяков, 1986а, с. 26; Кожомбердиев, Худяков, 1987, с. 78] и продолжали бытовать в раннем средневековье, хотя в древнетюркских памятниках встречаются достаточно редко. Для восточных тюрков подобные луки не характерны. Западные тюрки применяли луки данной конструкции в VI–VII вв. [Курманкулов, 1980, с. 74].

В погребении подростка на могильнике Беш-Таш-Короо II в Кочкорской долине на Тянь-Шане найдена полностью сохранившаяся цельнодеревянная кибить лука. Ее длина составила 60 см. Лук имел суженную середину и концы, а также уплощенные плечи. Возможно, в могилу положили не настоящий лук, а его вотивную модель [Борисенко, Худяков и др., 2006, с. 74]. Данный лук можно отнести к самостоятельному типу, который не был характерен для восточных тюрков (рис. 81, л).

Луки нередко изображены на наскальных рисунках и выгравированы на костяных предметах, относящихся к культуре древних тюрков Тянь-Шаня. На петроглифах Жалтырак-Таша в руках у древнетюркских легковооруженных пеших и конных воинов и охотников изображены сложносоставные луки. Они показаны с круто загнутыми плечами и натянутой тетивой [Шер, Миклашевич и др., 1987,

рис. 8, 2, 3]. Схематичное изображение сложносоставного лука в руках охотника, стреляющего с колена в бегущих ланей, выгравировано на костяной накладке из памятника Таш-Тюбе [Могильников, 1981б, рис. 20, 26] (рис. 102, 1).

На батальной сцене с костяной пластины из памятника Суттуу-Булак в руках у древнетюркских воинов изображены сложносоставные луки с укороченной серединой, круто загнутыми плечами и прямыми удлиненными концами, расположенными под углом к окончаниям плеч [Худяков, Табалдиев, Солтобаев, 1997, с. 145]. Такие «кушано-сасанидские» луки были характерны для ираноязычных кочевников Средней Азии в кушанскую эпоху, а также применялись персидскими воинами в период существования державы Сасанидов [Хазанов, 1971, с. 34]. Вероятно, они могли быть заимствованы древними тюрками у эфталитов и персов в ходе военных конфликтов (рис. 101, 1; 102, 2).

По типологическому составу луки западных тюрков и тюргешей отличаются определенным своеобразием. У них бытовали четыре типа луков. У восточных тюрков насчитывается семь таких типов [Худяков, 1986а, с. 139–141]. Однако самым распространенным типом у западных и восточных тюрков был один – луки со срединными боковыми накладками. Различия объясняются тем, что западным тюркам и тюргешам приходилось на протяжении нескольких веков вступать в военные действия с войсками оседлых народов Средней Азии и Переднего Востока – согдийцами, персами и арабами. Луки западных тюрков были ориентированы на стрельбу по хорошо защищенному противнику. Они изменялись под воздействием постоянных военных контактов с войсками оседлых соседей [Борисенко, Худяков и др., 2006, с. 74].

Вероятно, древнетюркские воины носили свои луки в походном положении в налучьях. Какие-либо детали этого вида снаряжения в древнетюркских памятниках Тянь-Шаня пока не обнаружены. Однако на петроглифах, помимо луков, иногда изображались налучья. На петроглифах Жалтырак-Таша налучье показано у всадника, скачущего верхом на лошади с копьем в руке [Шер, Миклашевич и др., 1987, рис. 8, 1]. Судя по этому рисунку, налучья древнетюркских всадников представляли собой узкие, длинные чехлы, сшитые по размеру кибити. В таких чехлах луки носили со снятой тетивой.

5.1.2. Наконечники стрел

В раннем средневековье у западных тюрков и тюргешей имелось на вооружении большое количество различных железных наконечников стрел. Древнетюркские лучники поражали врагов в дистанционном бою стрелами, предназначенными для обстрела легковооруженного или защищенного доспехом противника. У них были стрелы с наконечниками двух-, трех- и четырехлопастного, а также плоского сечения. Бронепробивные проникатели делали с трехгранным, трехгранно-трехлопастным, четырехгранным, ромбическим и круглым пером. Обширный спектр стрел разной формы свидетельствует о высоком уровне развития военного дела [Ведерников, Худяков, Омелаев, 1995, с. 74–76].

В древнетюркских курганах на Тянь-Шане найдено несколько десятков *железных наконечников стрел*, различающихся сечением и формой пера. При характеристике наконечников стрел они разделены по этим признакам на группы и типы.

Среди стрел, предназначенных для поражения незащищенных металлических доспехами противников, выделяются трехлопастные наконечники.

Группа I. Трехлопастные наконечники. Они имеют трехлопастное в сечении перо, по форме которого подразделяются на несколько типов.

Тип 1. Удлиненно-ромбические наконечники. Включает 9 экземпляров из памятников Беш-Таш-Короо I (кург. 3, 10), Беш-Таш-Короо II (кург. 15) и Май-Чабыр в Кочкорской долине, Кулан-Сай (кург. 12) в Таласской долине, Актерек и Жайсан-14 в Семиречье. Есть такие наконечники и среди случайных находок из Кыргызстана [Винник, 1963а, с. 93; Табалдиев, 1996, с. 44; Борисенко, Худяков и др., 2006, с. 76; Самашев, Григорьев, Жумабеков, 2005, с. 139; Досымбаева, 2006, рис. 9, 6]. Длина пера составляет 5 см, ширина – 3 см, а длина черешка – 11 см. Наконечники имеют остроугольное острие, широкие лопасти и покатые плечики. Изредка встречаются изделия с отверстиями на лопастях при подходе к плечикам. Имеются наконечники, насад которых снабжался полым костяным шариком – свистункой с тремя отверстиями (рис. 10, 4; 61, 4, 6, 7; 91, 1; 94, 3, 8).

Тип 2. Удлиненно-шестиугольные наконечники. Включает 3 экземпляра с памятников Беш-Таш-Короо I (кург. 10), II (кург. 3) и III (кург. 5) на Тянь-Шане [Табалдиев, 1996, с. 44; Борисенко, Худяков и др., 2006, с. 76]. Длина пера достигает 5 см, ширина – до 3,3 см, а длина черешка – до 9 см. Наконечники имеют перо шестиугольных очертаний, остроугольное острие, широкие лопасти и пологие плечики. Лопаста пера при подходе к плечикам снабжены отверстиями округлой формы. На насадах некоторых наконечников есть костяные шарики-свистунки с тремя отверстиями (рис. 61, 5; 90, 1; 94, 1, 2, 10).

Тип 3. Вытянуто-пятиугольные наконечники. Включает 3 экземпляра из памятников Беш-Таш-Короо II (кург. 3) в Кочкорской долине на Тянь-Шане, Капчагай и Тастыбулак (кург. 25) в Семиречье [Археологическая карта..., 1960, табл. VIII, 179; Табалдиев, 1996, рис. 11, 5; Борисенко, Худяков и др., 2006, с. 76; Самашев, Григорьев, Жумабеков, 2006, с. 141]. Длина пера у наконечников данного типа достигает 5 см, ширина – 3 см, а длина черешка – 10 см. Наконечники имеют тупоугольное острие, параллельные стороны и прямые плечики. В лопастях имеются округлые отверстия. На черешки насажены костяные шарики – свистунки с тремя отверстиями (рис. 94, 5).

Тип 4. Удлиненно-треугольные наконечники. Включает 2 экземпляра из памятника Капчагай в Семиречье [Археологическая карта..., 1960, табл. VIII, 175, 176]. Подобные стрелы есть среди случайных находок из Кыргызстана [Борисенко, Худяков и др., 2006, с. 76]. Длина пера у таких наконечников составляет 6,5 см, ширина – 2 см, а длина черешка – 5 см. Наконечники с остроугольным острием, прямыми плечиками и черешком.

Тип 5. Асимметрично-ромбические наконечники. Включает 2 экземпляра из памятника Капчагай в Семиречье [Археологическая карта..., 1960, табл. VIII, 177]. Длина пера составляет 6 см, ширина – 3 см, а длина черешка – 4 см. Наконечники с тупоугольным острием и пологими плечиками [Борисенко, Худяков и др., 2006, с. 76].

Трехлопастные железные наконечники стрел получили широкое распространение в кочевнических культурах Центральной и Средней Азии в хунно-сарматское время [Худяков, 1986а, с. 31; Ведерников, Худяков, Омеласв, 1995, с. 67–72].

На Тянь-Шане в первой половине I тыс. н. э. стрелы с такими наконечниками входили в комплекс боевых средств воинов кенкольской культуры [Кожомбердиев, Худяков, 1987, с. 81]. В раннем средневековье они были у многих кочевников, в том числе у древних тюрков, основным средством поражения противника в дистанционном бою. Стрелы с трехлучевым сечением пера отличались наилучшими баллистическими свойствами, высокой эффективностью, дальностью полета и точностью поражения цели [Худяков, 1986а, с. 143–145; Ведерников, Худяков, Омелаев, 1995, с. 64]. В комплексе боевых средств дистанционного боя у древних тюрков такие стрелы преобладали. В составе оружия восточных тюрков представлены 10 типов трехлопастных стрел, среди которых наиболее многочисленны удлинненно-шестиугольные и вытянуто-пятиугольные наконечники [Худяков, 1986а, с. 145]. В комплексе стрел западных тюрков и тюргешей подобные стрелы есть, но им предпочитали стрелы с удлинненно-ромбическими наконечниками [Борисенко, Худяков и др., 2006, с. 76].

Помимо трехлопастных стрел, западные тюрки применяли для стрельбы по легковооруженному противнику стрелы с плоскими железными наконечниками.

Группа II. Плоские наконечники. Включает один тип.

Тип 1. Асимметрично-ромбические наконечники. Представлен экземпляром с памятника Беш-Таш-Короо II (кург. 3) [Табалдиев, 1996, с. 44; Борисенко, Худяков и др., 2006, с. 76]. Длина пера этого наконечника 3,3 см, а ширина – 1,3 см. Черешок обломан. Наконечник имеет тупоугольное острие и пологие плечики (рис. 58, 9; 94, 14).

Плоские железные наконечники появились на вооружении у кочевников Центральной Азии в хуннское время [Худяков, 1986а, с. 31]. Особенно они были характерны для кочевников восточных районов Центральной Азии [Худяков, Юй Су-Хуа, 2000, с. 39]. Встречаются такие наконечники и в комплексе вооружения восточных тюрков, хотя достаточно редко [Худяков, 1986а, с. 146]. В отличие от восточных тюрков, в составе комплекса вооружения которых семь типов плоских наконечников стрел, у западных тюрков такие наконечники представлены лишь одним типом [Борисенко, Худяков и др., 2006, с. 76]. Вероятно, это обусловлено разным враждебным окружением. Восточным тюркам приходилось постоянно воевать с монгольскими кочевниками, для которых плоские стрелы были привычным оружием дистанционного боя.

Довольно широкий набор наконечников западных тюрков включал изделия, предназначавшиеся для пробивания металлической защиты. Среди них выделяется несколько групп и типов.

Группа III. Трехгранно-трехлопастные наконечники. В ее составе только один тип.

Тип 1. Удлинненно-треугольные наконечники. Включает один экземпляр из местонахождения Кум-Арык на Тянь-Шане [Кожомбердиев, Худяков, 1995, с. 112]. Длина пера этого наконечника 6 см, ширина – 1,2 см, а длина черешка – 4,3 см. Изделие имеет остроугольное острие с полого расширяющимися сторонами, прямые плечики и упор. На гранях от плечиков до середины пера выполнены узкие выемки [Борисенко, Худяков и др., 2006, с. 76] (рис. 94, 17).

Группа IV. Трехгранные наконечники. Включает два типа.

Тип 1. Вытянуто-пятиугольные наконечники. Представлен одним экземпляром из памятника Беш-Таш-Короо I (кург. 3) в Кочкорской долине на Тянь-

Шане [Табалдиев, 1996, с. 44, рис. 2, 12; Борисенко, Худяков и др., 2006, с. 76]. Длина пера этого наконечника 3,5 см, а ширина – 1 см. Черешок обломан. Изделие имеет остроугольное острие, параллельные стороны и прямые плечики (рис. 58, 6; 94, 15).

Тип 2. Удлиненно-ромбические наконечники. Включает один экземпляр из памятника Беш-Таш-Короо I (кург. 3) в Кочкорской долине на Тянь-Шане [Табалдиев, 1996, с. 44, рис. 2, 13]. Длина пера 3,5 см, а ширина – 1 см. Наконечник имеет остроугольное острие и покатые плечики (рис. 58, 7; 94, 16).

Тип 3. Боеголовковые наконечники. Представлен одной случайной находкой из Кыргызстана [Борисенко, Худяков и др., 2006, с. 76]. Длина пера 5 см, ширина – 1 см, а длина черешка – 5 см. Наконечник с остроугольным острием, удлиненно-треугольной боевой головкой, короткой шейкой и упором.

Трехгранно-трехлопастные и трехгранные наконечники бытовали у кочевников культуры Тянь-Шаня в течение первой половины I тыс. н. э. [Кожомбердиев, Худяков, 1987, с. 81–84]. Распространение таких наконечников среди древних тюрков в раннем средневековье связано с усилением средств защиты у их противников [Баруздин, 1961, рис. 12].

Группа V. Четырехгранные наконечники. К ней относится один тип.

Тип 1. Вытянуто-пятиугольные наконечники. Включает два экземпляра из местонахождения Торткуль в долине р. Чаткал и памятника Тастыбулак (кург. 25) в Семиречье [Кожомбердиев, Худяков, 1995, с. 112; Борисенко, Худяков и др., 2006, с. 78; Самашев, Григорьев, Жумабекова, 2005, с. 141]. Длина пера этого наконечника 3,5 см, ширина – 1 см, а длина черешка – 1,3 см. Наконечник с остроугольным острием (конец которого обломан), параллельными сторонами, прямыми плечиками и упором (рис. 94, 6).

Железные четырехгранные наконечники стрел кочевники Центральной Азии стали применять в хуннское время [Худяков, 1986а, с. 31]. В материалах раскопок памятников восточных тюрков подобные наконечники представлены различными типами [Худяков, 1986а, с. 146], однако вытянуто-пятиугольные среди них отсутствуют. Такие наконечники характерны для кимакского комплекса бронестрел [Худяков, 1986а, с. 186].

Группа VI. Круглые наконечники. К этой группе относятся изделия двух типов.

Тип 1. Удлиненно-ромбические наконечники. Включает два экземпляра из памятника Беш-Таш-Короо I (кург. 10, 15) в Кочкорской долине на Тянь-Шане [Табалдиев, 1996, с. 44; Борисенко, Худяков и др., 2006, с. 78]. Длина пера составляет 3,5 см, ширина – 1,3 см, а длина черешка – 7,5 см. Наконечники имеют остроугольное острие и покатые плечики (рис. 10, 7; 61, 3; 94, 9, 11).

Тип 2. Боеголовковые наконечники. Включает один экземпляр из памятника Беш-Таш-Короо I (кург. 15) в Кочкорской долине на Тянь-Шане [Табалдиев, 1996, с. 44; Борисенко, Худяков и др., 2006, с. 78]. Длина пера составляет 3,5 см, ширина – 1 см, а длина черешка – 7 см. Наконечник имеет остроугольное острие, выделенную боевую головку, короткую шейку и упор (рис. 10, 6; 94, 12).

Железные наконечники с округлым в сечении пером применялись кочевниками северных районов Центральной Азии в сяньбийскую эпоху [Худяков, 1986а, с. 71, 115]. В древнетюркских памятниках они встречаются достаточно редко.

Один такой наконечник обнаружен в погребении древнетюркского времени в Восточном Казахстане [Арсланова, 1969, с. 103–111]. Возможно, подобные изделия применялись для раздвигания колец кольчуги [Борисенко, Худяков и др., 2006, с. 78].

Группа VII. Овальные наконечники. К данной группе относится один тип.

Тип 1. Удлиненно-ромбические наконечники. Включает два экземпляра из памятников Беш-Таш-Короо I (кург. 10) и II (кург. 3) в Кочкорской долине на Тянь-Шане [Табалдиев, 1996, с. 44; Борисенко, Худяков и др., 2006, с. 78]. Длина пера составляет 5,5 см, ширина – 1,5 см, а длина черешка – 2,5 см. Наконечники с остроугольным острием и покатыми плечиками (рис. 61, 8; 94, 13).

Наконечники с овальным сечением пера кочевники Центральной Азии использовали достаточно редко. В сянбийский период стрелы с подобными наконечниками применялись номадами кокзельской культуры [Худяков, 1986а, с. 71].

В древнетюркскую эпоху типологическое разнообразие броневых стрел по сравнению с предшествующим периодом заметно увеличилось. Лучники западных тюрков и тюркешей получили возможность поражать противников стрелами, предназначенными для пробивания панцирной брони, рассечения и раздвигания кольчужных колец. По групповому и типологическому разнообразию набор броневых стрел западных тюрков и тюркешей почти не уступает подобному комплексу восточных тюрков. Рост численности и типологическое разнообразие броневых наконечников в VI–VIII вв. у западных тюрков и тюркешей связан с усилением защитных средств противника [Худяков, 1986а, с. 150].

Помимо стрел с железными наконечниками, западные тюрки изредка пользовались *стрелами с костяными наконечниками*. Их можно отнести к одной группе.

Группа I. Трехгранные наконечники. Представлена одним типом.

Тип 1. Удлиненно-ромбические наконечники. Включает два экземпляра из памятника Беш-Таш-Короо II (кург. 35) в Кочкорской долине на Тянь-Шане [Борисенко, Худяков и др., 2006, с. 80]. Длина пера составляет 3 см, ширина – 1 см, а длина черешка – 3 см. Наконечники с остроугольным острием и покатыми плечиками (рис. 81, 4, 5).

В раннем средневековье костяные наконечники стрел номадами Центральной Азии использовались достаточно редко. У восточных тюрков известны три типа таких стрел [Худяков, 1986а, с. 147].

Из кости изготавливались также полые шарики с отверстиями – *свистунки*. Такие изделия найдены в памятниках древних тюрков Тянь-Шаня.

В могильнике Беш-Таш-Короо II (кург. 3) в Кочкорской долине обнаружены железные наконечники с костяными шариками-свистунками [Табалдиев, 1996, рис. 11]. Длина свистунков достигала 2,2 см, а диаметр – 2 см. Они были полыми внутри, имели шарообразное тело с тремя небольшими округлыми отверстиями (рис. 94, 2, 4, 5). В полете такие шарики издавали пронзительный свист. Вероятно, свистунки улучшали баллистические свойства стрел.

Появились свистунки у номадов Центральной Азии в хуннское время и продолжали бытовать в средневековье [Худяков, 1986а, с. 37, 150].

Иногда в памятниках древних тюрков Тянь-Шаня находят сохранившиеся обломки деревянных древков стрел. Их изготавливали из разных пород дерева. Древки стрел представляли собой длинные, цилиндрические, хорошо отцентри-

рованные деревянные стержни, на нижних концах которых оформлялись арочные вырезы – *ушки*, служившие для натягивания тетивы (рис. 81, 2, 3; 90, 2–4, 6; 94, 7). Иногда ушко специально насаживалось на нижний конец древка. Кроме того, встречаются специально изготовленные концевые части стрел с ушками для насаживания в камышовые древки. Аналогичные окончания древков обнаружены также на памятниках Северной Ферганы, датируемых серединой I тыс. н. э. [Матбабаев, 1999, с. 124–140, рис. 4, 16, 18, 20]. Подобная техника оформления ушек для стрел применялась на Тянь-Шане в период распространения кенкольской культуры [Кожомбердиев, Худяков, 1987, с. 88]. Различия в оформлении древков стрел свидетельствуют об использовании западными тюрками и тюркешами не только центральноазиатских, но и местных, среднеазиатских традиций их изготовления.

Изображения стрелы встречаются на петроглифах и гравированных рисунках костяных предметов древнетюркского времени. Обычно на них стрелы показаны в виде прямой линии, по которой можно судить о соотношении длины древка, кибити и тетивы лука. Судя по рисункам, длина древка стрелы немного уступала размаху плеч кибити лука с натянутой тетивой. Однако на изображении всадника с луком в руках с местонахождения Жалтырак-Таш настороженная стрела показана с наконечником овальной формы, а на стрелах, заткнутых за пояс стрелка, имеется двухлопастное оперение [Шер, Миклашевич и др., 1987, рис. 8, 2]. Вероятно, подобная манера держать несколько стрел заткнутыми за пояс продиктована стремлением ускорить процесс стрельбы. На костяных пластинах из памятников Таш-Тюбе и Суттуу-Булак выгравированы стрелы с ромбическими наконечниками, которые держат в руках лучники [Борисенко, Худяков и др., 2006, рис. 1, 2].

5.1.3. Колчаны

В нескольких древнетюркских погребениях, исследованных на Тянь-Шане, обнаружены детали оформления и части приемников колчанов, служивших футлярами для хранения и ношения стрел. По материалу изготовления они относятся к двум классам – берестяные и деревянные.

К первому из них относятся *колчаны с берестяным приемником*. Судя по сохранившимся частям, они имели каркас из деревянных планок, обтянутый полотнищами бересты, и деревянное дно. По сечению приемника колчаны относятся к группе изделий с цилиндрическим приемником. Все они могут быть отнесены к одному типу – открытые колчаны с карманом и расширяющимся к днищу приемником.

Данный тип насчитывает 5 экземпляров. Такие колчаны найдены в могильниках Ала-Мышик, Беш-Таш-Короо I (кург. 15) и II (кург. 39), Таш-Тюбе на Тянь-Шане [Табалдиев, 1996, с. 46; Борисенко, Худяков и др., 2006, с. 80]. Общая длина приемника составляет 80 см, ширина горловины – 10 см, ширина днища – 20 см, высота кармана – 17 см. Приемник колчана расширяется к днищу. У горловины и днища он дополнительно укреплен слоями бересты. На внешней поверхности приемника колчана, обнаруженного в древнетюркском захоронении на памятнике Беш-Таш-Короо II, сохранились остатки каркаса из прутьев. Днище изготовлено из дерева и украшено резным растительным орнаментом в виде листьев и завитков [Табалдиев, 1996, рис. 11, 2]. Во всех найденных колчанах сохранились наконечники и остатки древков стрел, которые были помещены в приемник наконечниками вверх (рис. 67, 1; 89).

Деревянные колчаны, обнаруженные в древнетюркских погребениях на Тянь-Шане, не дошли до нас в виде целых экземпляров. Судя по сохранившимся частям, они могут быть отнесены к типу закрытых колчанов с расширяющимся к днищу приемником. Длина приемника деревянного колчана, найденного в могильнике Беш-Таш-Короо II, составила 90 см, ширина горловины – 15 см, ширина днища – 18 см, толщина – до 1 см. Днище имело овальную форму. На его внешней стороне выполнен резной орнамент в виде изогнутых фигур [Табалдиев, 1996, рис. 11, 2] (рис. 67, 2). Вероятно, колчан имел и такой же формы крышку, но без орнамента, о чем свидетельствуют остатки дерева на горловине.

На памятнике Беш-Таш-Короо III (кург. 5) обнаружены остатки деревянного колчана (сохранившаяся длина 60 см) [Борисенко, Худяков и др., 2006, с. 80]. Стрелы в таких колчанах помещались в приемниках наконечниками вверх.

Кроме остатков самих колчанов, в древнетюркских памятниках Тянь-Шаня находят металлические детали к ним – портупейные пряжки и колчанные крюки, изготовленные из бронзы или меди. Один такой крюк обнаружен на памятнике Беш-Таш-Короо II в Кочкорской долине [Табалдиев, 1996, с. 47]. Его общая длина составляет 4 см. Верхняя часть крюка пластинчатая, прямоугольная (2,0 × 1,5 см), с узким щелевидным отверстием (1,0 × 0,5 см). Нижняя часть изделия изогнутая, с шаровидным окончанием. Крюки служили для подвешивания колчана к поясу и закрепления в наклонном положении [Худяков, 1980, с. 112]. Аналогичные крюки найдены в памятниках Согда [Якубов, 1979, рис. 13].

На Тянь-Шане и сопредельных территориях в памятниках кенкольской культуры первой половины I тыс. н. э. встречены железные колчаные крюки с округлой или овальной петлей и раздвоенным окончанием [Кожомбердиев, Худяков, 1987, с. 88, рис. 2, 10, 11].

Различия в оформлении колчанов могут свидетельствовать о сохранении древними тюрками кочевнических традиций и использовании местных, среднеазиатских приемов их изготовления.

Колчаны иногда изображены на рисунках древнетюркских воинов. Так, на одном из петроглифов Жалтырак-Таша за спиной конного лучника, в области пояса, показан длинный, слегка расширяющийся к днищу колчан. Однако все стрелы, имеющиеся в распоряжении лучника, находятся не в колчане, а в руках или заткнуты за пояс [Шер, Миклашевич и др., 1987, рис. 8, 2].

5.2. ОРУЖИЕ БЛИЖНЕГО БОЯ

Предметы вооружения ближнего и рукопашного боя в памятниках древнетюркской культуры на Тянь-Шане встречаются очень редко. К настоящему времени известны единичные находки клинкового и древкового колющего оружия, обнаруженные при раскопках древнетюркских погребальных комплексов.

5.2.1. Сабли

В археологических памятниках культуры древних тюрков Тянь-Шаня найдено несколько сабель и их обломков. По сечению клинка их можно отнести к одной группе – трехгранные сабли с обоюдоострым острием. По форме клинка и перекрестья наиболее хорошо сохранившаяся сабля может быть выделена в самостоятельный тип.

Тип 1. Слабоизогнутые сабли без перекрестья. Включает один экземпляр из могильника Беш-Таш-Короо II (кург. 3) в Кочкорской долине [Табалдиев, 1996, с. 49, рис. 10, 1]. Длина клинка составляет 85 см, ширина – 3 см, а высота рукояти – 17 см. Сабля имеет длинный, слабоизогнутый однолезвийный клинок, острие которого расковано на два лезвия. Рукоять сабли цельнокованая с клинком. Она имела деревянную обкладку, обшитую кожей. Сабля была вложена в деревянные ножны. На нижнем конце ножен укреплен железный наконечник, а на верхнем находилась железная обойма. В центральной части к ножнам крепилась полукруглая кожаная петля. Вдоль ножен и рукояти сохранились остатки портупейного ремня с железными накладками (рис. 95, 1).

В разграбленном кургане могильника Беш-Таш-Короо II обнаружен обломок клинка еще одной сабли. По сечению и форме сохранившейся части эта сабля похожа на оружие из кургана 3. Имеются сведения о находке в окрестностях г. Кара-Балта в Чуйской долине еще одной сабли с перекрестьем. Данные об использовании западными тюрками и тюргешами рубяще-колющего клинкового оружия могут быть дополнены деталями изображений древнетюркских воинов на петроглифах, гравированных костяных предметах и фресках. На этих рисунках в руках или поясных ножнах древнетюркских воинов изображены прямые длинные палаши. На батальной сцене, выгравированной на костяной пластине из памятника Суттуу-Булак на Тянь-Шане, в руках одного воина показан палаш, которым он замахнулся для удара. Это оружие имеет длинную прямую рукоять и прямое перекрестье [Худяков, Табалдиев, Солтобаев, 1997, с. 145–146]. Прямые клинки, вложенные в ножны и подвешенные к поясу воинов, изображены на многих древнетюркских каменных изваяниях Тянь-Шаня, Семиречья и Восточного Туркестана (памятники Калмак-Таш, Курменты, Аэркатэ, Или и др.) [Бернштам, 1952, с. 80–81; Табалдиев, Худяков, 2000, с. 68]. Рисунки палашей в ножнах, подвешенных к поясам, есть на фресках Пенджикента [Могильников, 1981б, рис. 22, 8]. Сабли с изогнутыми клинками, пластинчатыми или ладьевидными перекрестьями и прямыми рукоятями, вложенные в ножны и подвешенные к поясу, часто изображены на каменных древнетюркских изваяниях Тянь-Шаня и Семиречья. О широком использовании сабель западными тюрками и тюргешами свидетельствуют находки с памятников Калимак-Таш в Кочкорской долине, Кара-Куджур в Центральном Тянь-Шане, Курменты на оз. Иссык-Куль, Коржайлыу в долине р. Мерке в Семиречье и др. [Бернштам, 1952, с. 80; Досымбаева, 2002, с. 44; Табалдиев, 1996, рис. 27, 2, 6; Табалдиев, Худяков, 2000, с. 70]. На ножнах палашей и сабель иногда показаны детали обоймы с петлями и наконечники.

5.2.2. Кинжалы

В качестве оружия рукопашного боя западные тюрки и тюргешы могли использовать и кинжалы, которые иногда встречаются в составе сопроводительного инвентаря древнетюркских захоронений Тянь-Шаня. По сечению клинка они делятся на две группы.

Группа 1. Двулезвийные кинжалы. Представлена одним типом.

Тип 1. Удлиненно-треугольные кинжалы. Включает один экземпляр из памятника Терскол (кург. 4) в Таласской долине [Винник, 1963а, с. 79]. Длина сохранившейся части клинка составляет 19,5 см, ширина – 4 см. Двулезвийный прямой

клинок полого сужается к остроугольному острию. Рукоять и острие обломаны (рис. 95, 6).

Группа II. Однолезвийные кинжалы. Представлена одним типом.

Тип 1. Удлиненно-треугольные кинжалы. Включает 4 экземпляра из памятников Беш-Таш-Короо II (кург. 4 и 5) и Май-Чабыр в Кочкорской долине, а также Терскол (кург. 4) в Таласской долине [Винник, 1963а, с. 80; Табалдиев, 1996, рис. 25, 5; Борисенко, Худяков и др., 2006, с. 81]. Длина клинка 17 см, ширина – 3 см, а длина черешка – 6 см. Прямые однолезвийные клинки с остроугольным острием, без перекрестья. Иногда их находили вложенными в деревянные ножны (рис. 95, 7–10).

Кинжалы в ножнах, подвешенные к поясу, нередко изображены на каменных изваяниях Тянь-Шаня, Семиречья и Восточного Туркестана. Они имеют прямой, изогнутый или коленчатый клинок, выделенное шипастое крестообразное или ладьевидное перекрестье, прямую или изогнутую, иногда ребристую рукоять, а иногда и фигурное навершие. Кинжалы вложены в ножны с двумя петлями. На изваянии из Аэргатэ к ножнам кинжала подвешена кисточка [Борисенко, Худяков и др., 2006, рис. 5, 2].

5.2.3. Копья

Основным видом древкового колющего оружия у западных тюрков и тюркшей было копье. В памятниках древнетюркской культуры Тянь-Шаня подобные изделия встречаются редко. По сечению пера копья делятся на две группы.

Группа I. Копья с округлым сечением пера. Представлена одним типом.

Тип 1. Удлиненно-треугольные копья. Включает один экземпляр из памятника Беш-Таш-Короо II (кург. 10) в Кочкорской долине [Табалдиев, 1996, рис. 4, 2]. Длина пера составляет 16,5 см, ширина – 2,5 см, а длина втулки – 6 см. Наконечник имеет остроугольное острие, удлиненно-треугольное перо, коническую втулку с округлым бордюром и шплинтом с кольцевой петлей (рис. 95, 2).

В древнетюркских памятниках, исследованных в других районах Центральной Азии, подобные копья или пики не обнаружены. Близкие по конструкции пики, но без такого крепления, есть в комплексе вооружения енисейских кыргызов Минусинской котловины и Тувы эпохи Кыргызского Великодержавия (IX–X вв.) [Худяков, 1980, с. 55].

Группа II. Копья с линзовидным сечением пера. Включает один тип.

Тип 1. Удлиненно-треугольные копья. Представлен одним экземпляром с памятника Сары-Булак в Чуйской долине [Кожомбердиев, Худяков, 1995, с. 117]. Длина пера составляет 7 см, ширина – 1,7 см, а длина втулки – 7 см. Изделие имеет затупленное острие, перо удлиненно-треугольных очертаний и конусовидную втулку (рис. 95, 3).

Схожие по конструкции наконечники копий существовали у кочевников Центральной Азии в хуннское время [Худяков, 1986а, с. 44]. Подобные копья бытовали у центральноазиатских номадов до развитого средневековья [Худяков, 1986а, с. 173].

Такие копья предназначались для пробивания металлической защиты. Они могли использоваться для нанесения удара в ходе таранной атаки всадников

в плотно сомкнутом строю. На древнетюркских петроглифах Тянь-Шаня и Семиречья есть изображения всадников с длинными копьями в руках [Шер, Миклашевич и др., 1987, с. 75, рис. 8, 1]. На древках копий прикреплены знамена, флаги и бунчуки, которые служили для передачи сигналов воинам в ходе сражения [Жолдошев, 2005, рис. 1, 1, 6; II].

Аналогичные изделия описаны в средневековом арабском источнике, где сравниваются копья арабских воинов и тюрков (карлуков или тюргешей): «Копье хариджитов длинное и цельное; копье тюрков – короткое и полое. А короткие полые копья пронзают с большей силой и более легки для ношения» [Мандельштам, 1956, с. 233].

В ближнем бою западные тюрки и тюргешы могли пользоваться также боевыми топорами или секирами, изображения которых имеются на петроглифах местонахождения Кок-Сай в Кочкорской долине [Жолдошев, 2005, рис. III, 4].

Комплекс оружия ближнего боя древнетюркских воинов Тянь-Шаня был достаточно разнообразным, что позволяло им эффективно атаковать и одерживать победы над противником.

5.3. ЗАЩИТНОЕ ВООРУЖЕНИЕ

Для эффективного противостояния противнику на поле боя западные тюрки и тюргешы использовали средства металлической защиты.

5.3.1. Панцири

На памятнике древнетюркской культуры Сары-Джон в Кетмень-Тюбинской долине рядом с каменным изваянием обнаружен фрагмент панцирного доспеха [Кожомбердиев, Худяков, 1990, с. 48–52; 1996, с. 120–123]. Пластины располагались в виде небольшого скопления и относились к одному доспеху. Все они плоские, удлинённые, слегка изогнутые по длине или ширине. По форме пластины разделены на следующие типы.

Тип 1. Пластины со скошенными концами и трехзубчатым краем. Обнаружено пять целых и обломанных пластин. Средняя длина изделий составила 9 см, а средняя максимальная ширина – 3 см (рис. 95, 4). Ряды из подобных пластин могли крепиться вертикально, например, на рукава или подол панциря, или горизонтально на верхнюю часть нагрудника.

Тип 2. Пластины с прямыми концами и многозубчатым краем. Длина изделий составляет 10,5 см, а максимальная ширина – 3,5 см (рис. 95, 5). Такие пластины входили в состав горизонтальных рядов нагрудника и наплечников панциря.

Тип 3. Пластины со скошенными концами и прямыми краями. Длина наиболее сохранившегося фрагмента 6,5 см, ширина – 2,5 см.

Согласно предпринятой реконструкции, фрагмент сары-джонского панциря относится к изделиям типа запашного халата и соответствует верхней части левой полы. Он является фрагментом сплошного защитного покрытия. По особенностям оформления пластин и покрою данный панцирь аналогичен согдийским и тохарским образцам ламеллярного защитного доспеха. Это может свидетельствовать об активных контактах западных тюрков и тюргешей с оседлым согдийским насе-

лением [Кожомбердиев, Худяков, 1996, с. 122]. Подобные ламеллярные панцири, составленные из пластин с зубчатыми краями, в раннем средневековье применялись китайскими, тохарскими и согдийскими воинами Восточного Туркестана и Средней Азии. Панцири имели разный покрой. У согдийцев встречаются панцири-халаты [Распопова, 1980, рис. 55, 1, 3; 57]. Для китайских воинов были характерны ламеллярные панцири, составленные из зубчатых пластин, образующих оплечья и жилет с подолом [Соловьев, 1987, табл. XII, 4]. Пластины с зубчатым краем найдены в северных периферийных районах кочевого мира Центральной Азии [Соловьев, 1987, табл. XI, 3, 4].

У западных тюрков и тюркешей такие панцири могли получить распространение в результате торговых контактов с согдийскими оружейниками из городских ремесленных центров Средней Азии, входивших в состав Западного Тюркского и Тюркешского каганатов.

На древнетюркском памятнике Актерек в Семиречье найдены железные прямоугольные пластины с одним округлым краем и отверстиями по сторонам, а также узкие прямоугольные пластины, характерные для ламеллярных панцирей [Самашев, Григорьев, Жумабекова, 2005, с. 139, 142].

На петроглифах и гравированных рисунках древнетюркского времени изображены древнетюркские воины в доспехах. На костяной пластине из Суттуу-Булака два тюркских воина показаны в длиннополых ламеллярных доспехах: они стреляют в противников с колена [Борисенко, Худяков и др., 2006, рис. 4, 2]. Среди петроглифов Жалтырак-Таша есть изображение пешего воина, облаченного в длиннополый доспех. Вся его фигура заштрихована, включая голову, корпус, руки и юбку с длинным и широким подолом. С помощью сетчатой штриховки передано защитное покрытие доспеха [Борисенко, Худяков и др., 2006, рис. 4, 6].

Вероятно, на вооружении у древнетюркских воинов Тянь-Шаня были и другие металлические средства индивидуальной защиты: шлемы, кольчуги и щиты. На петроглифах Жалтырак-Таша на голове одного из всадников показано перо, что можно трактовать как изображение шлема с плюмажем из перьев. На другом рисунке пеший воин в панцирном доспехе изображен в островерхом головном уборе с пучком волос наверху, что напоминает конический шлем с плюмажем из конских волос [Борисенко, Худяков и др., 2006, рис. 4, 4, 6]. Других данных о подобных средствах защиты изобразительные источники не содержат.

Судя по имеющимся материалам, комплекс вооружения тяжеловооруженных панцирных всадников, составлявших наиболее боеспособные военные отряды западного крыла Первого Тюркского, Западного Тюркского и Тюркешского каганатов, а также Государства карлуков, включал луки и стрелы, ударные копья и пики, палаши, сабли и кинжалы, панцири и шлемы. В дистанционном бою воины могли использовать для стрельбы разные типы луков. Для поражения легковооруженного противника применялись стрелы с трехлопастными или плоскими железными, а иногда костяными наконечниками. Для пробивания панцирной и кольчужной брони подходили разные типы бронебойных стрел. Их хранили и носили в берестяных и деревянных колчанах разных типов. В ближнем и рукопашном бою воины атаковали противника копьями, палашами, саблями и кинжалами. Для защиты применялись ламеллярные панцири и шлемы (рис. 96–100).

Все мужчины тюркских кочевых племен, входивших в состав Западного Тюркского и Тюркешского каганатов, обязаны были нести воинскую повинность. Еще

со времени существования западного крыла Первого Тюркского каганата воинов разделили на десятитысячные отряды, составлявшие *Он Ок будун* – «народ десяти стрел». Все войско разбивалось на два крыла – *дулу* и *нушиби*. В каждом из них насчитывалось по пять «стрел». Начальник каждой «стрелы» получал в качестве символа властных полномочий настоящую стрелу [Гумилев, 1993, с. 150].

В период существования Тюркешского каганата тюркского кочевого населения стало недостаточно для восполнения численности десятитысячных отрядов. Войско было разделено на десять отрядов, насчитывающих по семь тысяч воинов [Бичурин, 1950, с. 296]. Помимо тюркских кочевников, в составе войск Западного Тюркского и Тюркешского каганатов служили представители подвластного иранского и тохарского оседлого населения, *таты* – данники. Из их числа формировались вспомогательные отряды пехоты и конницы. В Тюркешском каганате таты составляли значительную часть населения [Кляшторный, 1964, с. 122–125]. Воины вспомогательных отрядов были вооружены своим оружием и снаряжением, применяли традиционные приемы ведения боевых действий. В сражении между тюрками и персами при Герате в составе древнетюркского войска был даже отряд боевых слонов [Гумилев, 1993, с. 128, 131]. Основу войска в период существования Тюркешского каганата составляла каганская гвардия. Она представляла собой наиболее боеспособную, ударную часть армии. Каждый из семитысячных отрядов имел свое воинское знамя [Худяков, 2003б, с. 115].

Для военного искусства западных тюрков и тюркешей были характерны традиционные для средневековых кочевников Центральной Азии приемы ведения конного боя. Атаку начинали обстрелом из луков с дистанции полета стрелы. В нем основную роль выполняли отряды легкой конницы, оснащенные луками и стрелами. Они атаковали построение вражеской войск в рассыпном строю и стремились охватить его по фронту и с флангов. Лучники вели интенсивный обстрел вражеского войска, стремясь нанести как можно больший урон, изнурить, принудить к отступлению и обратить в бегство или спровоцировать на поспешную, неподготовленную атаку. В решающий, переломный момент сражения в бой вступали отряды тяжеловооруженной конницы. Они атаковали противника копьями в плотно сомкнутом строю, стремясь вынудить его вступить в ближний бой. Как правило, такая атака позволяла решить участь сражения в свою пользу. Противник не выдерживал и отступал. Панцирные всадники продолжали атаковать его и довершали разгром. Участие в сражении отрядов вспомогательной пехоты позволяло применить приемы комбинированного боя и встретить атаку противника обстрелом отрядов пехоты, набранных из числа татов [Худяков, 2000, с. 104]. Войска западных тюрков и тюркешей должны были активно взаимодействовать с отрядами согдийской пехоты на поле боя. Особое значение для их войск имели навыки, приобретенные в ходе осады и штурма крепостей.

Постепенное накопление материала по вооружению древних тюрков Тянь-Шаня дает возможность проводить сравнительный анализ комплексов вооружения западных и восточных тюрков [Худяков, Табалдиев, Солтобаев, 1998, с. 296–298]. Во время существования Первого Тюркского каганата (VI–VII вв.) военные успехи тюркских каганов в степном поясе Евразии базировались на высоком для того времени уровне развития вооружения, военной организации и военного искусства. Комплекс вооружения древних тюрков в своей основе восходил к традиционному

набору оружия центральноазиатских кочевников хунно-сарматского времени. После разделения в VII в. единого тюркского государственного образования на Западный и Восточный каганаты развитие военного дела в каждом из них приобрело свои особенности. Это было связано с различиями в структуре военной организации, в составе подвластного населения и иноэтничного окружения.

На протяжении нескольких столетий войскам западных тюрков и тюргешей удавалось успешно сдерживать экспансию на подвластные им земли персов, арабов и китайцев. Однако главную опасность для существования этих государств составляли не агрессивные действия соседних государств, а внутренние усобицы, в результате которых распались Западный Тюркский и Тюргешский каганаты, а земли Притяньшанья и Семиречья были завоеваны карлуками.

ПАМЯТНИКИ ИСКУССТВА ДРЕВНИХ ТЮРКОВ ТЯНЬ-ШАНЯ

Важной частью культуры тюркских кочевников Притяньшанья раннего средневековья являются памятники изобразительного, монументального и прикладного искусства. Они служат основным источником для характеристики духовной культуры средневековых тюркоязычных кочевников этого района. В ходе изучения археологических комплексов раннего средневековья, оставленных кочевниками Семиречья и Тянь-Шаня, данной теме уделялось особое внимание исследователей.

В середине XX в. изучением различных видов искусства древнетюркского кочевого населения Притяньшанья занимался А.Н. Бернштам [1952, с. 132–160]. Он считал искусство периода существования тюркских и тюркешского государств синкретичным, отмечал большое влияние на тюрков со стороны согдийцев, выразившееся в распространении в Семиречье согдийской коропластики и атрибутов зороастрийского культа. Определенное воздействие на художественное творчество населения Притяньшанья оказали китайское, буддийское гандхарское и даже византийское искусства [Бернштам, 1952, с. 139–141]. Карлукский период в искусстве средневековых кочевников Тянь-Шаня связан, по мнению А.Н. Бернштама, с «победой орнаментализма» [1952, с. 150]. Он называл карлукское искусство «переходным» от «местной согдийской традиции» к получившему распространение на рубеже эпохи развитого средневековья мусульманскому влиянию [Бернштам, 1952, с. 159]. Необходимо отметить, что А.Н. Бернштам рассматривал в качестве образцов «тюркского» и «карлукского» искусств преимущественно предметы декоративно-прикладного и монументального творчества населения городов и оседлых поселений Притяньшанья, бывшего преимущественно согдийским.

Особый интерес представляет предпринятый А.Н. Бернштамом анализ происходящих из Кочкорской долины ажурных серебряных сбруйных накладок с прорезным зооморфным и растительным орнаментом. Он считал их образчиком прикладного искусства енисейских кыргызов [Бернштам, 1952, с. 92–94]. Ряд соображений высказаны ученым по поводу периодизации памятников наскального искусства Тянь-Шаня. На крупнейшем из известных к тому времени местонахождении петроглифов Саймалы-Таш он выделил рисунки «гунно-тюркского» слоя, которые датировал III–VIII вв. [Бернштам, 1952, с. 128].

А.Н. Бернштам уделил некоторое внимание и изучению древнетюркских каменных изваяний. Он подчеркивал, что некоторые из них отличаются «великолепной техникой обработки» и «художественным вкусом», а реалии передают «типично кочевническую одежду», отмечал значительное сходство средневековых тянь-шаньских и алтайских изваяний [Бернштам, 1952, с. 91].

С 1960-х гг. изучением древнетюркских каменных изваяний Тянь-Шаня и Семиречья занимался Я.А. Шер. Он предпринял попытку классифицировать изваяния, определить их хронологию и этнокультурную принадлежность, выделить стилистические особенности, характерные для разных групп и типов. Важнейшим хронологическим и этнокультурным признаком исследователь считал присутствие на изваяниях изображений оружия и сосуда в одной или в обеих руках, а относительно скульптур VIII–X вв. отмечал уйгурское влияние. Изваяния Я.А. Шер датировал в пределах VI–X вв. [Шер, 1966, с. 38].

Некоторые исследователи без должных оснований пытались расширить хронологию бытования изваяний и выделить среди них «эфталитские» скульптуры. Например, Л.И. Альбаум отнес часть изваяний к V–VI вв. и определил среди них «эфталитские» и «согдийские», исходя из предположения, что статуи изображают «врагов» древних тюрков [1960, с. 99]. Позднее В.П. Мокрынин связал некоторые женские изваяния Притяньшанья с огузами, входившими, по его мнению, в эфталитское политическое объединение в конце V – начале VI в. [1975, с. 118]. В дальнейшем он определял хронологию бытования древнетюркских каменных изваяний в пределах VI–IX вв. [Мокрынин, 1986, с. 108]. В коллективном труде по истории Кыргызстана В.П. Мокрынин выделил стилистические особенности изваяний и отметил, что наиболее совершенные образцы приближаются к объемной скульптуре [История..., 1984, с. 330].

Новая серия каменных изваяний из Кочкорской долины во Внутреннем Тянь-Шане описана К.Ш. Табалдиевым [1996, с. 61–70]. Хотя изучение каменных изваяний Притяньшанья было длительным, оно ограничивалось вопросами классификации, хронологии, этнокультурной принадлежности и функционального назначения. Их характеризовали в качестве памятников монументального искусства, указывая на некоторые стилистические и иконографические особенности.

Одним из наиболее распространенных видов изобразительного искусства кочевников, живших на Тянь-Шане в древности и раннем средневековье, являются петроглифы. В этом районе наиболее активно исследовались наскальные рисунки эпохи бронзы и раннего железного века. Средневековые петроглифы изучены в меньшей степени. Свой вклад в их исследование внес А.Н. Бериштам, который часть изображений Саймалы-Таша считал возможным относить к «тунно-тюркскому» периоду [1952, с. 128].

В 1950-х гг. в долине р. Талас В.М. Гапоненко обнаружил средневековые петроглифы, а затем ввел собранные материалы в научный оборот [1963, с. 101–110]. В 1980-х гг. изучение петроглифических памятников Таласской долины продолжили Я.А. Шер, З.С. Самашев и др. [Шер, Миклашевич и др., 1987, с. 75–78].

В обобщающей сводке петроглифических памятников Притяньшанья Я.А. Шер упомянул местонахождения, где выявлены изображения древнетюркского времени [1980, с. 101–120]. По его мнению, они «утрачивают свою стилистическую выразительность и явную сюжетность, характерную для предшествующих эпох» [Шер, 1980, с. 120]. В результате новых исследований на памятнике Жалтырак-Таш в Таласской долине группа ученых выделила гравированные изображения воинов и фантастических персонажей, относящиеся к эпохе средневековья [Шер, Миклашевич и др., 1987, рис. 8–10].

В.П. Мокрынин высказал предположение, что среди наскальных рисунков Тянь-Шаня к древнетюркскому времени можно отнести лишь изображения горных козлов, некоторые сцены охоты и тамгообразные знаки [История..., 1984, с. 330].

В ходе изучения петроглифического комплекса Саймалы-Таш в 1990-х гг. обнаружены новые средневековые изображения [Ташбаева, 1999, с. 74; 2004, с. 101; Жолдошев, 2005, с. 67–69]. Средневековые петроглифы Иссык-Кульской котловины в последние десятилетия обследовали Е.А. Миклашевич [1995, с. 63–68] и К.Т. Акматов [2008, с. 11–18].

Многофигурные композиции с изображениями воинов и охотников древнетюркского времени на петроглифических памятниках Семиречья изучены А.Н. Марьяшевым и А.Е. Рогожинским [1991, с. 26–31]. Анализу средневековых изображений воинов на петроглифах Казахстана и Кыргызстана посвящены работы З.С. Самашева [1992, с. 174–181] и Ч.М. Жолдошева [2005, с. 67–74]. Рисунки воинов с ловчими птицами вместе с тамгами и руническими надписями обнаружены недавно К.Ш. Табалдиевым и О.А. Солтобаевым на местонахождениях Кок-Сай и Бейрек-Булак в Кочкорской долине Тянь-Шаня [Худяков, Табалдиев, Солтобаев, 2002, с. 124–131]. Эти материалы являются ценным источником по наскальному искусству тюркоязычных кочевников Тянь-Шаня эпохи раннего средневековья.

К числу наиболее выразительных памятников изобразительного искусства средневековых кочевников Притяньшанья относятся многофигурные композиции, выполненные техникой резной гравировки на костяных и роговых предметах: накладках лука, пластинах-обкладках, деталях седел и колчанов. Среди них встречаются изображения баталлий, охотничьих и бытовых сцен [История..., 1984, с. 263; Худяков, Табалдиев, Солтобаев, 1996, с. 242–245]. Для украшения костяных и деревянных предметов применялась также геометрическая и растительная орнаментация. Искусство средневековых кочевников Тянь-Шаня обогащалось в результате контактов с кочевниками степного пояса Евразии и населением согдийских городских центров Средней Азии [История..., 1984, с. 332].

На протяжении раннего средневековья искусство кочевников Тянь-Шаня и Семиречья развивалось в соответствии с эволюцией древнетюркской культуры под заметным влиянием эстетических вкусов и технических приемов исполнения, выработанных в среде местного ираноязычного населения, входившего в состав тюркских государственных образований Притяньшанья.

В древнетюркскую эпоху на Тянь-Шане получили распространение характерные для древнетюркской культуры черты изобразительного искусства, технические приемы нанесения изображений на твердую поверхность, унаследованные от хуннов и сарматов. Техника резной гравировки широко применялась древнетюркскими мастерами для передачи сюжетных и орнаментальных композиций. В Притяньшанье она использовалась для резьбы по кости и рогу, а также, вероятно, по дереву, бересте, камню и металлу. Применение острых режущих металлических инструментов значительно расширило возможности конкретизации изображения, наполнения контура рисунка деталями. Значительно возросло количество антропоморфных сюжетов и их разнообразие. Большое внимание уделялось передаче этнографических особенностей и воинских аксессуаров изображаемых персонажей.

6.1. ГРАВИРОВАННЫЕ РИСУНКИ НА КОСТЯНЫХ И РОГОВЫХ ПРЕДМЕТАХ

На протяжении существования древнетюркской культуры в Притяньшанье значительных успехов достигла резьба по кости, рогу и дереву. Так, на некоторых предметах из памятников раннего тюркского времени, относящихся к периоду Первого Тюркского каганата – VI–VII вв. (например, на срединной костяной накладке лука из древнетюркского захоронения Таш-Тюбе), изображена довольно схематическая сцена охоты пешего лучника на двух бегущих ланей. Однако в VII–VIII вв. появились более сложные многофигурные композиции, связанные единой сюжетной линией.

Таш-тюбинская композиция передает типичную для петроглифического искусства кочевников сцену охоты: пеший лучник с колена стреляет из лука в бегущих на него оленей. На поясе у него изображен колчан. Лук обозначен изогнутой линией. Фигура человека схематична, непропорциональна. Лани же соразмерны и реалистичны. Они показаны бегущими на охотника. Вероятно, эта сцена передает сюжет загонной охоты: стрелок встречает загнанных на него ланей. Она обрамлена по верхнему краю накладки незатейливым орнаментом, прерывистой ломаной линией [Могильников, 1981б, рис. 20, 26]. Таш-тюбинской композиции присуща традиционность в выборе сюжета и схематизм в передаче антропоморфного персонажа (рис. 102, 1).

Значительный интерес для анализа изобразительного искусства западных тюрков VII–VIII вв. представляют пластины из древнетюркского могильника Суттуу-Булак, исследованного в 1995 г. на Центральном Тянь-Шане [Худяков, Табалдиев, Солтобаев, 1996, с. 242]. Пара костяных накладок с гравированными рисунками найдена в погребении женщины с бараном. Они лежали у пояса погребенной, рядом с правым локтевым суставом. Накладки имеют подпрямоугольную форму и слегка вогнутые края. Верхние концы изделий оформлены в виде раздвоенного рыбьего хвоста [Худяков, Табалдиев, Солтобаев, 1997, с. 142–147]. На поверхность накладок острым режущим инструментом нанесены рисунки. Похожие по форме наклейки обнаружены в древнетюркском погребении с конем на могильнике Узунтал в Горном Алтае. Они украшены геометрическим орнаментом. Д. Г. Савинов считает подобные пластины накладками игольника, состоявшего из двух створок [1982, с. 107, 111].

Суттуу-булакские наклейки крепились к деревянному основанию предмета, частью которого они являлись. Пластины имеют разную длину. Укороченная наклейка дополнена надставкой без рисунков. Верхние концы изделий, оформленные в виде раздвоенного рыбьего хвоста, окаймлены вертикальной полосой и отделены от остальной части горизонтальной полосой с косыми насечками. Их поверхность заполнена орнаментом из дугообразных фигур, имитирующих рыбью чешую. На поверхности полноразмерной пластины изображена батальная сцена: на поле боя противостоят друг другу шестеро мужчин-воинов, по трое с каждой стороны. Двое мужчин с левой стороны стреляют из луков с колена, а третий с луком в руках упал на четвереньки. У воинов короткие волосы до плеч, характерные профили с выступающими носами и узкими усами. Стреляющие лучники одеты в ламеллярные панцири с подолом до колен и вооружены сложносостав-

ными луками. С правой стороны изображены двое мужчин, стреляющих из луков с колена. Третий воин нарисован до пояса. В его правой руке палаш с длинной рукоятью и перекрестьем, которым он замахнулся на упавшего противника. Все воины с длинными распущенными волосами и большими усами. У них довольно крупные, но не выступающие носы и узкие миндалевидные глаза. Возможно, так показана их монголоидная внешность. Лучники одеты в ламеллярные панцири с подолом до колен и вооружены сложносоставными луками. На поясе одного из лучников выполнен колчан, слегка расширяющийся к днищу. Воин изображен с палашом, в запашной одежде с отворотами на груди и обшлагами на рукавах. Мужчины на правой стороне пластины, несомненно, тюрки. Противостоящие им воины, видимо, согдийцы. Батальная сцена размещена по всей длине пластины. Рассматривать рисунок можно, разместив пластину горизонтально (рис. 101, 1; 102, 2; 116; 117).

На поверхности укороченной пластины изображены двое людей. В верхней и нижней части рисунка нанесены полосы, ограничивающие пространство композиции и заполненные сетчатой штриховкой. Нижняя полоса расположена горизонтально, а верхняя – изогнута, образуя выступ. Создается впечатление, что на рисунке показана внутренняя часть юрты, в которой находятся два человека. Один из них, с правой стороны, изображен анфас. У него непропорционально большая голова и округлое лицо с тонкими дуговидными бровями вразлёт, узкими миндалевидными глазами, прямым носом и маленьким ртом. На голове выполнен трехрогий головной убор. Одет человек в запашной халат с треугольными отворотами на груди, полосой вдоль борта и обшлагами на рукавах. Руки показаны опущенными вдоль тела, а ноги не изображены (видимо, он сидит). Человек с левой стороны пластины изображен в профиль. У него длинные распущенные волосы, тонкие брови, миндалевидные глаза, прямой нос и длинные усы. Одет человек в запашной халат с треугольными отворотами на груди и полосой вдоль борта. В руке у него небольшой предмет, вероятно, сосуд типа кружки с расширенным туловом и суженной горловиной. Очевидно, люди на рисунке – мужчина и женщина в характерных для тюрков халатах с отворотами. На женщине «трехрогий» головной убор, известный по изображениям на Кудыргинском валуне на Алтае и по женским каменным изваяниям Семиречья и Тянь-Шаня [Гаврилова, 1965, табл. VI, 2; Ермоленко, 1995, с. 54]. У мужчины и женщины подчеркнуты этнографические черты прически и костюма, характерные для западных тюрков. Облик женщины, вероятно, соответствует эстетическому идеалу тюркских кочевников (рис. 101, 2).

Сцена на укороченной пластине размещена вертикально. Она ориентирована перпендикулярно композиции на полноразмерной пластине. По своему содержанию она является изображением семейной идиллии, своего рода антитезой батальной сцене на длинной пластине. Оба рисунка можно рассматривать в качестве последовательно сменяющих друг друга эпизодов одного повествовательного сюжета, объединенного деяниями главного героя-воина. Сокрушив врагов в жестокой битве, он отдыхает от ратных подвигов в своей юрте в обществе любимой женщины. Есть мнение, что женский образ соответствует духовной покровительнице воинов, изображенных на суттуу-булакских пластинах.

Сцены богатырской охоты, военных подвигов и пиров в обществе женщин на гравированных пластинах и накладке из древнетюркских памятников Тянь-Шаня в полной мере соответствуют сюжетам эпитафной лирики, где перечисляются заслуги умерших и выражается сожаление, что они «не насладились» и «отделились» от земных благ [Малов, 1952, с. 11, 17, 26, 38, 43, 46, 48, 51, 55, 96]. Подобные сюжеты характерны и для произведений эпического жанра. Суттуу-булакские композиции и изображения на тепейских планках могли служить иллюстрациями к повествованию о деяниях эпического героя, исполняемому сказителем [Грязнов, Завитухина, Комарова и др., 1979, с. 145].

Помимо пластин с многофигурными композициями, в суттуу-булакском комплексе найдена роговая пластина, украшенная геометрическим орнаментом. Орнаментальное поле окаймлено полосой, украшенной двойной ломаной линией, и разделено на шесть участков, состоящих из четырех треугольников, соединенных вершинами [Табалдиев, 1996, рис. 21, 3]. Подобный орнамент был довольно широко распространен в кочевой среде степного пояса Евразии в хунно-сарматское время (рис. 38, 2).

В Суттуу-Булаке найдена и передняя лука седла с рельефным орнаментом, свидетельствующим о высоком уровне развития техники резьбы по дереву [Табалдиев, 1996, рис. 21, 2]. На лицевой поверхности изделия вырезаны стилизованные растительные побеги, состоящие из волутообразных фигур с трехлепестковыми завитками, симметрично расположенных на орнаментальном поле. По нижнему краю луки вырезана полоса окружностей, соединенных между собой общей линией (рис. 38, 4).

На могильнике Беш-Таш-Короо II найдено деревянное днище колчана, украшенное резным волутообразным орнаментом, напоминающим расходящиеся в разные стороны лепестки [Табалдиев, 1996, рис. 11, 2] (рис. 67, 2). На этом же памятнике обнаружена хорошо сохранившаяся деревянная рукоятка плети, объемное навершие которой оформлено в виде плетеного узла, завязанного на конце нагайки (рис. 85, 1).

Имеющиеся материалы свидетельствуют о развитых эстетических запросах и высоком уровне мастерства, достигнутом резчиками по кости, рогу и дереву в среде западных тюрков и тюргешей.

6.2. НАСКАЛЬНЫЕ РИСУНКИ ЭПОХИ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Среди наиболее широко распространенных на Тянь-Шане и в Семиречье памятников изобразительного искусства кочевников древнетюркского времени выделяются петроглифы. Гравированные рисунки всадников и пеших воинов, лучников и копейщиков со знаменами встречаются на древнетюркских петроглифах западного Тянь-Шаня и Семиречья [Шер, Миклашевич и др., 1987, с. 75–78; Марьяшев, Рогожинский, 1991, рис. 57, 59].

На петроглифах Жалтырак-Гаша в технике граффити выполнены изображения всадников, атакующих копьём или стреляющих из луков, пеших лучников и копьеносцев, а также кентавра и сенмурвов. На одной из батальных сцен всадник на оседланной лошади атакует длинным копьём трех лучников-пехотинцев, стреля-

ющих в него из больших сложносоставных луков. У всадника и двух лучников островерхие головные уборы, вероятно, это конические шлемы. Копье изображено с непропорционально длинным древком, узким овальным наконечником и знаменем, прямоугольное полотнище которого вытянутое вдоль древка, а две «косицы» расположены на концах. К поясу всадника пристегнута булава с шарообразной ударной частью на длинной рукояти. На древке стрелы одного из лучников показан массивный овальный наконечник. Фигуры людей и лошади изображены схематично [Жолдошев, 2005, рис. 1, 1].

На этом памятнике есть еще одно изображение всадника с копьем. На голове воина показано перо. Вероятно, это плюмаж шлема. Обеими руками человек держит непропорционально длинное древко копья с треугольным наконечником и небольшой кисточкой-бунчуком. У всадника за спиной показано налучье, в котором, вероятно, помещается кибить лука. Судя по расположению ног, человек как бы шагает. Лошадь изображена в профиль. У нее выделена голова, шея, грива, подшейная кисть, туловище, ноги и длинный хвост [Шер, Миклашевич и др., 1987, рис. 8, 1] (рис. 102, 4).

Другая сцена показывает легковооруженного всадника, стреляющего из лука на полном скаку. У него в руках сложносоставной лук с натянутой тетивой и настороженной стрелой. Древко стрелы увенчано овальным наконечником. За спиной воина поперек туловища показан колчан. За пояс заткнуты четыре стрелы с овальным оперением на древках. Всадник сидит на лошади, скачущей во весь опор [Шер, Миклашевич и др., 1987, рис. 8, 2] (рис. 102, 5).

На памятнике Жалтырак-Таш есть также несколько изображений пеших тяжеловооруженных воинов с копьями в руках. Двое из них в островерхих конических шлемах и панцирях с длинным штрихованным подолом. В руках они держат копья с треугольными наконечниками, направленными остриями вперед, вероятно, в сторону противника [Жолдошев, 2005, рис. 1, 2–3]. Еще один воин показан в заштрихованном панцире с длинным широким подолом. В руках он держит древко копья, к верхней части которого прикреплен небольшой флажок с двумя «косицами» [Самашев, 1992, рис. 181] (рис. 102, 6). Следующий пеший воин вооружен легко. Он изображен в головном уборе и халате, с натянутым луком в руках и двумя клинками на поясе (рис. 102, 3). У кентавра в руках натянутый сложносоставной лук [Шер, Миклашевич и др., 1987, рис. 8, 3; 10]. Помимо изображений воинов и кентавра, к эпохе средневековья должны относиться рисунки мифологических существ – сенмурвов, переданных в виде крылатых собак [Шер, Миклашевич и др., 1987, рис. 9].

На петроглифах Ой-Джайлау и Ешкиольмес в Семиречье фигуры людей и животных показаны силуэтным контррельефом. Более детально даны изображения сложносоставных луков, стрел с ромбическими наконечниками и двухлопастным оперением, колчанов, копий с удлинено-ромбическими наконечниками и подвесными флажками с тремя «косицами» [Марьяшев, Рогожинский, 1991, рис. 57, 59; Марьяшев, 1980, рис. 17] (рис. 103, 5–7).

В древнетюркской петроглифике Тянь-Шаня и Семиречья широко применялась техника точечной выбивки. Средневековые изображения, выполненные в такой технике, представлены на памятниках Саймалы-Таш, Кок-Сай и Бойрок-Булак [Жолдошев, 2005, с. 67–70]. На местонахождении Саймалы-Таш сплошным

силуэтным контррельефом показаны две фигуры воинов верхом на одной лошади и со знаменем, полотнище которого обозначено контуром. Оба всадника в островерхих шлемах. Передний сидит на спине лошади. Одной рукой он держит палаш с широким однолезвийным клинком, а другой – древко копья, к верхней части которого прикреплено знамя с прямоугольным полотнищем и тремя «косицами». Второй всадник расположился на крупе лошади. Одной рукой он держит древко копья, а другая рука отведена в сторону. У лошади изображены голова с острыми ушами, подшейная кисть, шея, туловище, четыре ноги и хвост [Жолдошев, 2005, рис. II] (рис. 103, 4).

✓ В подобной технике выполнены рисунки Ешкиольмеса и Ой-Джайлау [Марьяшев, 1980, рис. 17]. Всадники и пешие воины изображены с луками, копьями со знаменами, в островерхих шлемах, с длинными волосами. У лошадей показана выстриженная зубцами грива, налобные султаны и подшейные кисти – *пуазы*. Силуэтная манера исполнения рисунков позволила выделить детали воинского облачения и конского снаряжения. Изображения профильные, с учетом максимального зрительного эффекта плоскостного рисунка (рис. 103, 5–7).

В несколько иной, смешанной манере, сочетающей точечную выбивку с элементами детализации рисунка, свойственной контурным изображениям, выполнены фигуры всадников с ловчими птицами и пеших охотников на местонахождениях Кок-Сай и Бойрок-Булак в Кочкорской долине. Всадники сидят верхом на взнузданных и заседланных лошадях. У некоторых животных показаны поводья и подхвостные ремни с ромбическими бляхами. На голове всадников островерхие конические головные уборы, вероятнее всего, шлемы. Один из конных воинов одет в пластинчатый панцирь. На поясе другого всадника изображена секира с узким лезвием и высоким обухом. Одной рукой всадники держат ловчую птицу с крупным туловищем, длинным хвостом и маленькой головой. На руке одного из них изображено путлище, которым связывают лапы птицы. На композиции Бойрок-Булака, помимо ловчей птицы, нарисовано еще несколько птиц, на которых всадник охотится. На одной из сцен местонахождения Кок-Сай охотник изображен спешившимся и стреляющим из лука по цели. За его спиной находятся лошадь и ловчая птица. На всех композициях лошади показаны с маленькой головой, но массивными шеей и туловищем (рис. 103, 1–3).

✓ Изображения всадников и охотников на памятниках Бойрок-Булак и Ко-Сай непосредственно связаны с выбитыми на тех же плоскостях тамговыми знаками и руническими надписями. Судя по этим тамгам и надписям, на кок-сайских рисунках реально живший в конце I тыс. н. э. знатный воин Адык охотится в своих угодьях в долине Ярыш (см.: [Жолдошев, 2005, рис. III; Худяков, Табалдиев, Солтобаев, 2002, с. 124–131]; один из авторов последней публикации придерживается мнения об эпитафийном характере кок-сайских надписей).

На памятнике Бололу в Алайской долине представлена сцена охоты на горного козла, выполненная техникой гравировки. Охотник держит в руках лук с настроченной стрелой. У него за спиной показаны стрелы с оперением. Горный козел поражен одной из таких стрел. Рядом изображена охотничья собака [Табалдиев, Худяков и др., 2000, с. 884, рис. 1–2].

✓ Образ конного воина доминирует в наскальном искусстве средневековых кочевников Тянь-Шаня. На петроглифах древнетюркского времени преобладают

батальные или охотничьи сцены, где изображены конные и пешие воины, охотники. Рисунки животных в некоторых случаях представляют собой самостоятельные сюжеты. Значительно реже встречаются мифологические персонажи. Выбитые изображения менее детализированы, чем резные, однако на них есть новые воинские аксессуары и реалии.

Различия в стиле и сюжетах изображений может свидетельствовать в пользу принадлежности создателей этих рисунков к разным тюркоязычным кочевым этносам, жившим на Тянь-Шане в эпоху раннего средневековья. Присутствие на некоторых рисунках мифологических персонажей может свидетельствовать о контактах тюркских кочевников с оседлым согдийским населением, в мифологии которого есть эти образы.

Идейное содержание петроглифов заключается в прославлении воинских и охотничьих подвигов древнетюркских воинов, воспеании военного профессионализма, выделении оружия и конского убранства. Эти новшества в полной мере соответствовали эстетическим представлениям древнетюркской военно-служилой знати и воинов-дружинников [Худяков, 1998, с. 44].

6.3. МОНУМЕНТАЛЬНАЯ СКУЛЬПТУРА

Важную роль в развитии монументального искусства древних тюрков сыграла культовая скульптура. Ее широкое бытование в Притяньшанье может свидетельствовать в пользу распространения такой скульптуры в период Первого Тюркского каганата, когда на базе предшествующего родового культа предков в рамках древнетюркской военно-дружинной культуры сформировался ярко выраженный воинский поминальный культ. Обряд поминовения умерших был ориентирован на идеологическое и эстетическое прославление героев-воинов, подвиги которых увековечивал ряд балбалов (по числу убитых врагов). Самого поминаемого воина первоначально символизировала стела из необработанного камня, которой со временем стали придавать антропоморфные черты.

На поминальный культ древнетюркской знати большое влияние оказал китайский императорский заупокойный культ, что привело к появлению особых памятных стел с описанием подвигов умершего, с навершием в виде драконов и постаментом, изображающим черепаху. В Притяньшанье постамент-черепаха обнаружен у с. Сан-Таш [Тереножкин, 1935, с. 146]. Вероятнее всего, этот памятник относится ко времени Первого Тюркского каганата.

Большая часть антропоморфных изваяний Притяньшанья появилась в период существования Западного Тюркского и Тюркешского каганатов. По мнению Я.А. Шера, аналогии реалиям изваяния среди вещественных комплексов не выходят за пределы VIII в. [1966, с. 42–44]. Для этого времени характерно обособление древнетюркского поминального обряда западных тюрков, который приобрел черты традиционного культа предков. Его характерной особенностью является поминовение не только мужчин-воинов, но и женщин. В Притяньшанье распространены мужские изваяния с сосудом в руке и оружием на поясе, с сосудом в обеих руках, лицевые, а также женские скульптуры с сосудом в одной руке, в обеих руках, лицевые. Возможно, некоторые изваяния при малых оградках изображают детей.

Скульптуры различны по технике исполнения, иконографии, наличию деталей. Однако они, несомненно, соответствуют идеологическим и эстетическим идеалам древнетюркских кочевников раннего средневековья. Мужские изваяния призваны реально передать облик воина, военачальника, который должен был соответствовать представлениям об идеальном герое, эталоне мужского поведения – мужественном, сильном, воинственном и беспощадном человеке. Аксессуары, присутствующие на изваяниях, подчеркивали достоинства умершего в прошлой жизни, его богатство, заслуги и воинскую славу. Такие характерные детали дополняли облик умершего и, прежде всего, это относится к наборным поясам с оружием. О том, что тюркам было свойственно обращать внимание на мужскую внешность, свидетельствуют изображенные сложные прически из многих кос, тщательно подстриженные усы, бородки, серьги в ушах.

Для тюркской правящей элиты – администраторов и советников – были важны черты, свойственные их профессиональной деятельности. Возможно, изображенные в обеих руках сосуды должны подчеркнуть миролюбие персонажа, отличающегося от воина, который постоянно показан держащим руку на рукояти сабли. На некоторых изваяниях точно переданы этнографически значимые особенности головных уборов и одежды, детально выполнены наборные пояса, клинковое оружие в ножнах, сосуды в руках. Лица большей части скульптур выглядят непропорциональными, застывшими, бесстрастными. Лишь на некоторых из них можно увидеть сдвинутые брови. Возможно, мастер хотел передать гневное или надменное выражение лица. Лица многих изваяний выглядят спокойными, величественными, умиротворенными [Худяков, 1998, с. 47] (рис. 52, 4; 53, 3; 54, 1; 118–127; 131–134; 136; 139; 144).

Встречаются также скульптуры, изображающие птиц или музыкальные инструменты. Образ птицы, по представлениям древних тюрков, символизировал душу умершего человека [Бернштам, 1952, с. 145].

Женские изваяния в большинстве своем довольно схематичны. Однако наиболее совершенные по исполнению скульптуры передают стремление к отражению идеала женской красоты (рис. 53, 4; 129; 130). На них изображено широкое округлое лицо, брови дугой, маленькие рот и нос, приостренный подбородок, небольшие кисти рук. Довольно схематичны и стелы с личинами, обнаруженные у некоторых поминальных оградок и предположительно изображающие детей, (рис. 51).

Изготовление статуи в соответствии с эстетическим идеалом во многом зависело от умения и профессионального мастерства ваятеля. Лучшие образцы древнетюркской скульптуры приближаются к объемным фигурам, хотя, как правило, они ограничены оформлением рельефа в соответствии с формой исходного монолита. Именно поэтому изваяния нередко являются плоскостными, односторонними или трехсторонними. Судя по наиболее выразительным и тщательно оформленным скульптурам, среди древнетюркских ваятелей Тянь-Шаня были настоящие мастера.

Трудно согласиться с предположениями некоторых исследователей об «уйгурском» влиянии на древнетюркскую скульптуру. У уйгуров в период существования Уйгурского каганата и проживания в степях Центральной Азии были распространены только каменные постаменты-черепахи [Кызласов, 1969, с. 80; Шер, 1966, с. 64; Ермоленко, 1994, с. 157; 2004, с. 45–46].

По мнению Л.Н. Ермоленко, для древнетюркских изваяний с сосудом в одной руке характерна каноническая «пиршественная поза», свойственная иранскому, согдийскому и восточно-туркестанскому искусствам раннего средневековья [2004, с. 40]. Вероятно, знакомство древнетюркской правящей элиты с согдийской торевтикой, многие образцы которой изготавливались специально для нее, могло повлиять на оформление каменных изваяний. Однако сама поза с сосудом в одной или обеих руках, вряд ли могла быть результатом заимствования, поскольку подобные изваяния встречаются повсеместно на территории распространения древнетюркской культуры, а не только в пределах существовавших Западного Тюркского и Тюркешского каганатов. Эта поза, как справедливо полагают многие исследователи, обусловлена характером древнетюркского поминального обряда, в ходе совершения которого поминаемый символически участвовал в тризне.

Скульптура западных тюрков и тюркешей, как и их поминальный культ, существовала в течение VII–VIII вв. В дальнейшем эти традиции сохранили свое значение для тюркоязычного кочевого населения Тянь-Шаня в период существования карлукского государства и оказали влияние на развитие кыпчакских поминальных комплексов с изваяниями.

6.4. ТОРЕВТИКА ДРЕВНИХ ТЮРКОВ ТЯНЬ-ШАНЯ

В древнетюркскую эпоху в Притяньшанье получила развитие художественная обработка металла, изготовление дорогой пиршественной посуды, оружия, поясных и сбруйных наборов. Большое значение для развития торевтики имело включение в состав тюркских государств крупных согдийских городских центров художественного ремесла и активное производство согдийскими мастерами художественных изделий для тюркской кочевой знати.

Для периода существования Первого Тюркского каганата характерно эклектичное сочетание элементов геральдического стиля, анимализма и геометрического орнамента в украшении наборных поясов металлическими пряжками, бляшками и накладками. Главным элементом декора была форма бляшек, которая включала фигурные окончания, выступы и вырезы. Поверхность большинства бляшек была гладкой и не орнаментировалась. Полированная поверхность бляшек в сочетании с фоном кожаного ремня выглядела достаточно эффектно. Среди бляшек таш-тюбинского пояса имеются изделия, оформленные в виде фигуры кабана, накладки с двусторонним серповидным навершием и приостренным нижним концом. Подобный стиль был присущ тюркским кочевникам западного ареала распространения древнетюркской культуры [Худяков, 1998, с. 39] (рис. 57, 4–7; 92, 1–3, 6, 10, 14).

Для сбруйных украшений характерно сочетание округлых, сферических и трапециевидных бляшек, которые широко бытовали в период существования Западного Тюркского и Тюркешского каганатов. Среди поясных украшений того времени наиболее часто встречаются гладкие бляхи-оправы с прямоугольной прорезью в нижней части, а также подвесные ремешки [Табалдиев, 1996, с. 52] (рис. 92, 16–18; 143).

Широкое распространение растительной орнаментации на поясных бляшках относится к карлукскому времени. По мнению Б.И. Маршака, все орнаментальные сюжеты, получившее распространение в кочевнической торевтике раннего

средневековья, заимствованы в оседло-земледельческой среде. При этом они были творчески переработаны, а не являлись копиями исходных образцов [Маршак, 1971, с. 51]. А.Н. Бернштам усмотрел в украшенных прорезным растительным и зооморфным орнаментом серебряных бляхах из Кочкорской долины следы распространения культуры енисейских кыргызов [1952, с. 92–94]. В декоре наборных поясов присутствуют также изображения рыб и человеческих личин. Бронзовые изделия украшали позолотой (рис. 92, 19–21, 23–25; 135; 137; 140).

В Чуйской долине найдены золотые брактеаты с изображениями мужчин в пышных головных уборах [История..., 1984, с. 329]. Такие изделия могли производить согдийские ремесленники для тюркской кочевой знати.

Для орнаментации предметов тюрвтики кочевников Притяньшанья характерны вычурность, сочетание антропоморфных, зооморфных и растительных мотивов. Декоративные композиции изготавливались из бронзы или благородных металлов техникой литья и штамповки, с низким рельефом или гравировкой. Часть предметов не орнаментировалась.

При оценке эстетической значимости декоративных мотивов раннесредневековой тюрвтики исследователи отмечают господство орнаментализма и связь сюжетов с религиозной благожелательной символикой [Федоров-Давыдов, 1976, с. 61; Кызласов, Король, 1990, с. 158–168]. Обилие и разнообразие сюжетов свидетельствует о расцвете художественной обработки металла в Притяньшанье в раннем средневековье. Однако подобное разнообразие достигалось за счет заимствования инокультурных образцов, которые стали определять характер орнаментации металлических изделий. Многочисленность инноваций и трудность их адекватного восприятия способствовали смене всего спектра орнаментальных сюжетов в начале II тыс. н. э. Вероятно, этому способствовала и исламизация кочевого населения в Караханидском каганате. Несмотря на смену культурной ориентации, связанную с принятием ислама, многие традиции древнетюркского искусства сохранили свое значение в художественном творчестве кочевого населения Притяньшанья в периоды развитого и позднего средневековья. В качестве реминисценций культуры кыргызов они дошли до этнографической современности.

ПАМЯТНИКИ ДРЕВНЕТЮРКСКОЙ КУЛЬТУРЫ ВОСТОЧНОГО ТУРКЕСТАНА

На территорию Восточного Туркестана древние тюрки мигрировали неоднократно. В ганьсуйско-гаочанский период своей истории, в IV в., тюрки во главе с родом Ашина переселились из района Хэси в Гаочан, признав себя вассалами Жужаньского каганата. После переселения на Алтай древние тюрки вновь оказались в Восточном Туркестане в середине VI в., завоевали его районы и включили в состав Первого Тюркского каганата. В этот период в Притяньшань и Семиречье из северных районов Центральной Азии переместилась значительная часть тюркоязычных кочевников, оставивших после себя многочисленные памятники древнетюркской культуры. В VII–X вв. часть территории Восточного Туркестана последовательно входила в состав государств западных «десятистрельных» тюрков, тюркшей, карлуков и караханидов. В раннем средневековье борьбу за господство над этими районами вели китайцы, тибетцы, уйгуры, енисейские кыргызы и арабы. Ираноязычное и тохароязычное население оазисов Восточного Туркестана сохраняло этнокультурное своеобразие до конца I тыс. н. э., когда было ассимилировано тюркскими народами.

Исторические события, относящиеся к раннему средневековью, существенным образом повлияли на этногенез и культуругенез населения Восточного Туркестана. Благодаря особым климатическим условиям региона в памятниках сохранились предметы из органических материалов, что позволило более полно реконструировать предметный комплекс и этнографический облик носителей древних и средневековых культур. Однако исследованы эти памятники значительно меньше, чем подобные объекты Кыргызстана, Казахстана, Саяно-Алтая и Монголии. Это объясняется труднодоступностью археологических памятников Восточного Туркестана для изучения европейскими, российскими и японскими учеными, а также существующими препятствиями для проведения исследований на территории Синьцзяна и введения их результатов в научный оборот китайскими археологами.

Конец XIX – начало XX века – период активных экспедиционных работ археологов в Восточном Туркестане, осуществлявшихся английскими, немецкими, шведскими, французскими, итальянскими, японскими и российскими учеными [Кляшторный, Колесников, 1988, с. 57–69; Кляшторный, Колесников, Басханов, 1991, с. 125–129; Рерих, 1930, с. 11–13; 2007, с. 156–163; Худяков, Комиссаров, 2002, с. 15–23]. С 1920-х гг. в Синьцзяне работают китайские специалисты. Исследователи восточно-туркестанских древностей изучают древние города, храмы и настенные росписи, собирают и покупают у местных жителей старинные предметы. Результаты раскопок древних и средневековых памятников китайскими археологами отражены в серии научных и популярных изданий [Ван Цзыюань,

1956, с. 12; Ли Юйчунь, 1983, с. 133–134; Му Шуньин, Ван Миньцзе, 1985; Ван Миньцзе, 1988, с. 15–16; Ли Синьань, 1988, с. 7]. Однако китайские ученые были мало информированы об изучении памятников древнетюркской культуры в Центральной Азии и недостаточно хорошо знакомы с русской научной литературой по средневековой археологии, а также не имели постоянных контактов со специалистами из других стран. Именно поэтому в их трудах не всегда точно определен возраст некоторых древнетюркских находок и изваяний, транслируются устаревшие представления о назначении и культурной атрибуции памятников. В последние годы на территории Синьцзяна возобновлены совместные полевые исследования китайских, американских и японских ученых.

Ученым, изучающим памятники древнетюркской культуры Восточного Туркестана, приходится пользоваться опубликованными материалами. Прежде всего, они включают описания каменных изваяний и поминальных оградок, а также коллекций музеев разных городов Синьцзяна, где представлены различные категории предметов древнетюркской культуры. Этнокультурная атрибуция находок стала возможной благодаря работе российских археологов в рамках экспедиции ЮНЕСКО «Шелковый путь» по Китаю, включая провинцию Ганьсу и Синьцзян-Уйгурский автономный район [Худяков, 1990, с. 19–21; 1991в, с. 72].

В Восточном Туркестане обнаружено и изучено в разные годы европейскими и российскими учеными значительное количество памятников древнетюркской рунической письменности [Малов, 1951, с. 92; Фон Габэн, 1986, с. 170–171]. Так, рунические надписи найдены Д.А. Клеменцем в одной из пещер буддийского храма близ городища Яр-Хото и на бронзовом зеркале из Восточного Туркестана. По мнению С.Г. Кляшторного, они нанесены енисейским вариантом руники, т. е. могли принадлежать кыргызам [Кляшторный, Лубо-Лесниченко, 1974, с. 47]. Рунические тексты, выполненные на бумаге, согласно изысканиям [Фон Габэн, 1986, с. 295–297], связаны с уйгурами и другими тюркоязычными племенами Восточного Туркестана, т. е. с оседлым тюркоязычным населением, а не с кочевнической древнетюркской культурой.

По данным китайского археолога Ван Миньцзе, на территории Восточного Туркестана найдено не менее двухсот древнетюркских каменных изваяний [1988, с. 15–16]. Однако к началу 1990-х гг. в трудах китайских ученых были опубликованы материалы изучения лишь десяти из них. В последние годы этот список дополнили еще 50 каменных скульптур из Синьцзянского Алтая и оазиса Хами.

Большинство этих изваяний, судя по фотографиям в китайских изданиях, стояло одиночно. Лишь некоторые статуи, например, из Чаханобо близ с. Ханьдэгатэ и г. Алтай, найдены рядом с сооружением из массивных камней (видимо, поминальной оградкой) [Ван Миньцзе, 1988, с. 15]. Каменная стела с личиной, обнаруженная подле пологой каменной выкладки на памятнике Кетюгуле в оазисе Хами, упоминается в работе Ли Гожуя и Ци Сяошаня в 1997 г. [1997, рис. 151].

В Китае древнетюркские изваяния изучаются археологами, как правило, вне связи с поминальным культом и соответствующими сооружениями. Для китайских ученых характерно своеобразное представление о хронологии, культурной принадлежности и назначении статуй. Так, Ван Цзыюань считал, что эти изваяния относятся к эпохе Хань, принадлежат усуням и являются «идолами, которым поклонялись» древние кочевые племена [1956, с. 13–14]. Однако ему было из-

вестно мнение Н.И. Веселовского о принадлежности подобных статуй тюркским кочевникам. В статье Ван Миньце к числу «каменных людей» Синьцзяна, наряду с собственно тюркскими статуями, отнесен небольшой каменный жезл с антропоморфной личиной, который должен датироваться эпохой бронзы [1988, с. 15–16]. По мнению Ли Синьяна, до сих пор не известно, «кто автор этих каменных фигур? Какой народ оставил нам это культурное наследие?» [1988, с. 7]. Эти оценки демонстрируют определенную изолированность китайских специалистов от коллег из соседних стран, которые успешно изучают каменные изваяния в течение многих десятилетий.

Более полные описания каменных изваяний опубликованы китайскими исследователями в 1990-х гг. В книге Ван Линшаня и Ван Бо представлено значительное количество средневековых каменных скульптур, обнаруженных на территории Синьцзянского Алтая. Однако все они отнесены к числу «оленных камней» [Ван Линшань, Ван Бо, 1996, рис. 57–95]. Большая серия древнетюркских каменных изваяний введена в научный оборот, благодаря сводным работам по древнему искусству Синьцзяна [Чжунго Синьцзян, 1994, рис. 337–352; Ли Гожуй, Ци Сяошань, 1997, с. 52–53].

В отечественной науке изучению каменных изваяний Восточного Туркестана тоже уделялось некоторое внимание. В 1958 г. Р.Ф. Итс опубликовал небольшую заметку о каменных скульптурах Синьцзяна [1958, с. 100–103]. В ней описано несколько древнетюркских статуй, найденных в долине р. Или на границе с Казахстаном, а также затронут вопрос о погребальных обрядах древних тюрков, упомянутых в китайских источниках. К сожалению, прорисовки скульптур в статье Ван Цзыюаня очень схематичны. На них не видны реалии, по которым можно уточнить хронологию и культурную принадлежность памятников. К анализу синьцзянских изваяний при поиске аналогий для скульптур Семиречья обращалась также Э.А. Новгородова. Есть информация о памятниках древнетюркской культуры Восточного Туркестана в работах Ю.С. Худякова [1991а, с. 178; 1991б, с. 105–106; 1991в, с. 72; 1995б, с. 12–14]. Более подробные сведения приведены в совместной работе Ю.С. Худякова и С.А. Комиссарова [2002, с. 92–100].

В музеях Синьцзяна экспонируются отдельные древнетюркские каменные изваяния, о которых в научной литературе лишь упоминается. Одна своеобразная скульптура выставлена в музее г. Хами. Судя по публикации Ли Гожуй и Ци Сяошаня [1997, рис. 152], она привезена с памятника Бадаши в окрестностях Хами. Это изваяние выполнено из небольшого, хорошо окатанного монолита, а его высота составляет около 0,4 м. На боковой части углубленным контррельефом выбита антропоморфная личина. В типичной для древних тюрков манере изображены брови, сходящиеся на переносице, узкие глаза, прямой нос, небольшой рот, острый подбородок. Какие-либо реалии на поверхности монолита не выделены (рис. 108, 1).

В историческом музее Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР в г. Урумчи выставлено интересное каменное изваяние из уезда Унчен в долине р. Или. На статуе просматривается конический головной убор с плоским верхом, лицо с дугообразными бровями, прямым носом, узкими маленькими глазами, тонкими и загнутыми вверх усами, маленькими губами и острым подбородком, а также большие уши. В правой, согнутой в локте руке изображенного человека

находится небольшой плоскодонный кувшин с ручкой и воронкообразной горловиной. Выше пояса показана левая рука с вытянутыми, слегка раздвинутыми пальцами. Пояс обозначен двумя параллельными линиями. На животе выполнена квадратная пряжка, на правом боку – подвешенный к поясу *кантаргак*, а впереди – наклонно висящий прямой клинок (вероятно, меч или палаш), детали которого не выделены. На тыльной стороне скульптуры хорошо видны стилизованные силуэты оленей с ветвистыми рогами. Животные изображены наклонно, мордами вниз. Судя по всему, это изваяние изготовлено из оленного камня. При этом при повторной обработке монолит перевернули вниз головой (рис. 108, 2, 3).

Фотографии нескольких других изваяний опубликованы в работах китайских авторов [Ли Юйчунь, 1983, с. 133–134; Му Шуньин, Ван Миньцзе, 1985, рис. 285, 288, 289; Ван Миньцзе, 1988, с. 15–16]. Они достаточно качественные и могут быть привлечены для характеристики древнетюркской каменной скульптуры Восточного Туркестана.

Одно из них найдено в местности Чаханобо, у с. Ханьдэгатэ и г. Алтай. Изготовлено оно из массивного, грубо обработанного, подквадратного в сечении монолита. Голова изваяния отбита. На шее заметна трещина. Среди видимых реалий дугообразные брови, прямой нос, маленькие глаза, волнистые усы, нижняя губа, острый подбородок. Правая рука согнута в локте, а ладонь с чашей поднята к груди. При изображении руки от запястья до локтя мастер, видимо, выбил полосу, разделяющую руку надвое по всей длине. Левая рука опущена, чуть согнута в локте, а ладонь покоится на рукояти клинка, показанного наклонной полосой. Изваяние установлено рядом с сооружением из массивных камней, которое, возможно, является каменной оградкой с насыпью [Ван Миньцзе, 1988, с. 15] (рис. 108, 4).

Другое изваяние обнаружено в местности Чунчанбяньной, в долине р. Или, в степи Чжунмаян уезда Чжаосу. Оно изготовлено из округлого в сечении монолита. На изваянии изображены: сферический головной убор, лицо с дугообразными бровями, прямым носом с выделенными ноздрями, маленькими глазами, усами, губами, а также клинышек волос под нижней губой и широкая окладистая борода. Правая рука согнута в локте, а в пальцах – ручка небольшого кувшинчика на поддоне, с конической горловиной. Прочие реалии отчетливо не прослеживаются [Ван Миньцзе, 1988, с. 16] (рис. 108, 5).

В степи Аэркатэ, уезда Вэньцюань, находится скульптура, выполненная из белого камня. Это одно из самых совершенных древнетюркских изваяний Восточного Туркестана. На нем изображены: массивная округлая голова без головного убора, лицо с широкими глазами, массивным плоским носом, большими развесистыми усами, пухлыми губами, округлым подбородком, а также большие уши. На шее показана подвеска. Хорошо выполнен халат с широким отложным воротником и клапанами. На одном из клапанов имеется пуговица. Правая рука изваяния согнута в локте, а пальцы держат за поддон небольшой кубок. Левая рука тоже согнута в локте, но пальцы сжимают рукоять палаша. Сам палаш имеет кольцевое навершие и крестообразное перекрестье. Он вложен в ножны с двумя обоймами, петлями и наконечником, а затем подвешен наклонно к поясу с левой стороны туловища. В центре пояса подвешен кинжал. Он имеет фигурное навершие и ребристую рукоять, изогнутую под тупым углом к оси клинка, и крестообразное перекрестье. Вероятно, это кинжал «уйбатского типа», известного древним тюркам и кыргызам

[Худяков, 1986а, с. 156]. Кинжал вложен в ножны, снабженные двумя петлями для подвешивания к поясу и кистью на нижнем конце. Изображенный халат разделен полами по вертикали посередине туловища. Полы доходят до голени. На ногах показаны мягкие сапоги (рис. 107, 1).

Фотографии этой статуи опубликованы в различных изданиях (см., например: [Му Шуньин, Ван Миньцзе, 1985, рис. 285]). Судя по всему, она установлена одиночно, без оградки.

В степи Чжунмачан, в уезде Чжаосу, в долине р. Или найдено еще одно интересное изваяние. На его голове изображен трехчастный головной убор с ободом и округлым украшением на центральном выступе передней части. На лице выполнены массивные брови, прямой нос, близко посаженные глаза. Нижняя часть лица сколота, но на правой стороне заметен ус. Грудь изваяния тоже повреждена, но можно разглядеть клапаны отложного ворота халата. Правая рука согнута в локте, а пальцы держат за донышко чашу-пиалу на низком поддоне. Левая рука слегка согнута в локте, а ладонь покоится на рукояти кинжала, который, вероятно, подвешен спереди к поясу. У статуи заужена талия. Сзади по всей длине изображены многочисленные тонкие косы, выпущенные на спину из-под головного убора (рис. 107, 2, 3).

Описания и изображения этой статуи неоднократно опубликованы [Ван Цзыюань, 1956, с. 12; Му Шуньин, Ван Миньцзе, 1985, рис. 288, 289]. Из-за кос некоторые исследователи ошибочно считали изваяние женским. Р.Ф. Итс назвал его изваянием из Сяохунхая [1958, с. 100, рис. 3, 4], но дал лишь схематичный рисунок, который трудно сравнить с фотографией. Судя по фотоснимкам, изваяние стояло одиночно.

Еще несколько интересных каменных изваяний, обнаруженных в Синьцзянском Алтае, введены в научный оборот Ван Линшанем и Ван Бо [1996, с. 39–45, рис. 72, 76, 78–83, 85, 87–93]. Среди них выделяются скульптуры с сосудом в одной руке и оружием на поясе. Статуя из местонахождения Кяосиа сильно повреждена. У нее сколота голова, часть груди и правая рука с сосудом. Барельефом выделена левая рука, ладонь которой держит пряжку на поясе. На статуе выделен наборный пояс с бляхами-оправами и подвешенным с правого бока огнивом, а спереди – саблей в ножнах, снабженных двумя полуовальными петлями, перекрестьем и рукоятью, на которой выделены желобки для прочного захвата ладонью (рис. 109, 1).

Однотипные статуи происходят с местонахождений Хайлитань и Елаймань. Эти скульптуры изготовлены из вытянутых монолитов. На некоторых сохранилась крупная овальная голова с выделенными рельефными бровями, миндалевидными глазами, прямым носом, усами, маленьким ртом и острым подбородком. Правая рука выполнена согнутой в локте и поднятой к груди. В ней изображен сосуд, глубокая чаша или кубок на низком поддоне (скульптура из Хайлитаня). На груди этих изваяний показаны отвороты халата. Левая рука тоже согнута в локте. В ней изображенный древнетюркский воин держит рукоять сабли или пояса. К поясу с правой стороны подвешено огниво, а спереди – сабля и коленчатый кинжал. На большинстве изваяний пояс и сабля обозначены схематично. На одной скульптуре пояс вообще не выделен, но хорошо видно огниво, саблю и кинжал (рис. 109, 2–5).

Помимо изваяний, изображающих древних тюрков с сосудом в одной руке и оружием на поясе, в Синьцзянском Алтае обнаружены стелы с рисунком голо-

вы человека и сосудом в правой руке, но без четко выделенных деталей одежды и пояса, а также каменные плиты с выбитым человеческим лицом.

У каменного изваяния с местонахождения Кунгате выделена крупная голова, четко обозначены соединенные брови, миндалевидные глаза, прямой нос, загнутые вверх усы, небольшая нижняя губа и широкий овалный подбородок. Под подбородком двойной линией показан вырез верхней одежды. Нечетко показаны руки и сосуд в ладони правой из них [Ван Линшань, Ван Бо, 1996, рис. 79] (рис. 109, б). Похожее изваяние, изготовленное из крупнозернистого монолита, найдено в районе г. Алтай. У него выделены черты лица, руки, согнутые в локтях, а также чаша в правой руке [Ван Линшань, Ван Бо, 1996, рис. 93].

Среди стел, где изображена только личина, можно назвать каменную плиту с местонахождения Карангетухай. Скульптуры, у которых изваяна только голова, происходят из Джиалангаша, Туоганбая, Авайтана, Юкуиташа, Серенкалагая в округе Алтай [Ван Линшань, Ван Бо, 1996, рис. 85, 87–89, 92].

В местности Цюаньзыцзе уезда Цзимусаер китайскими исследователями обнаружено еще одно изваяние. Оно изготовлено из массивной каменной плиты. Верхняя часть скульптуры обломана и повреждена. Сохранилась лишь часть лица: левый узкий глаз, широкий нос, усы, губы, приостренный подбородок. Ниже овала лица выполнено несколько радиальных полос (рис. 107, 4). Судя по фотографии, изваяние стояло одиночно.

Несколько каменных изваяний, упомянутых Р.Ф. Итсом, можно лишь учесть без анализа реалий, т. к. рисунки, сделанные с них, предельно схематичны. В их числе скульптура из Самуташи (уезд Чжаосу, долина р. Или). На ней изображена голова, лицо и, возможно, одежда [Итс, 1958, рис. 1]. Еще одно изваяние найдено в Аксу (уезд Чжаосу, долина р. Или). На нем обозначено лицо [Итс, 1958, рис. 2]. Третье каменное изваяние обнаружено в районе г. Хоргос. На нем выполнена голова, лицо и по сосуду в каждой руке [Итс, 1958, рис. 5].

Серия изваяний из Восточного Туркестана невелика, но среди них есть статуи с характерным набором реалий. Выделяются своеобразные головные уборы, халаты с отложным воротом и клапанами на груди, пояса, палаши, кинжалы, каптаргаки и различные сосуды. Изображения подобных сосудов, оружия, поясов и головных уборов встречаются на изваяниях Саяно-Алтае и Монголии. Они характерны для древнетюркской культуры в целом [Евтюхова, 1952, с. 102–113]. Однако такие детали, как трехчастные головные уборы, прически из большого количества кос, отложные воротники и клапаны халатов, кубки на поддонах и чаши-пиалы, присущи изваяниям западных тюрков Казахстана и Кыргызстана [Шер, 1966, с. 40–44]. Длинные палаши с крестообразным перекрестьем и кольцевым навершием, верхняя одежда с нагрудными клапанами, на концах которых есть пуговицы, являются особенностью изображений знатных тохарских воинов Восточного Туркестана.

Среди древнетюркских каменных изваяний, обнаруженных к настоящему времени на территории Восточного Туркестана, выделяются все основные типы скульптур, характерные для других районов распространения древнетюркской культуры. На территории этого района чаще всего встречаются изваяния с сосудом в одной руке и оружием на поясе, а также стелы с изображением только головы или лица человека. Такие изваяния распространены в Синьцзянском Алтае и Притяньшанье. Для оазиса Хами характерны стелы с изображением только чело-

веческого лица. Скульптуры с рисунком сосуда в каждой руке встречаются весьма редко. Среди восточно-туркестанских изваяний пока не обнаружены скульптуры женщин в трехрогих головных уборах, характерных для западных тюрков и тюргешей. Вероятно, определенное влияние на тюркских ваятелей оказала китайская скульптурная традиция изображать древних тюрков (рис. 110, 1–6).

По-видимому, большая часть восточно-туркестанских изваяний, обнаруженных в Притяньшанье, можно датировать в хронологическом диапазоне VI–X вв. и относить в основном к западным «десятистрельным» тюркам и тюргешам. На этих скульптурах представлены реалии, характерные для древнетюркской культуры данного региона и отражающие контакты с местным иранским и тохарским населением. Отдельные изваяния из Синьцзянского Алтая принадлежали восточным тюркам. Вероятно, восточные тюрки продолжали устанавливать изваяния и после падения Второго Восточного Тюркского каганата. Что касается западных тюрков и тюргешей, то они, очевидно, сохранили традицию устанавливать изваяния и после того, как вошли в состав кыпчаков в период карлукского господства.

В отличие от каменных изваяний, поминальные оградки древних тюрков на территории Восточного Туркестана специально не исследовались. В публикациях китайских ученых некоторые каменные скульптуры показаны установленными подле оградок из вертикально врытых каменных плит или у выкладок из скальных обломков [Ван Линшань, Ван Бо, 1995, рис. 79; Ли Гожуй, Ци Сяошань, 1997, рис. 151].

Традиция устанавливать каменные изваяния подле оградок в Синьцзянском Алтае восходит к бронзовому веку. Однако в эпоху бронзы в таких прямоугольных оградках носители культуры Кээрмуци хоронили умерших сородичей [Худяков, Комиссаров, 2002, с. 41]. Поминальные памятники древних тюрков получили распространение в этом районе со времени завоеваний Бумына и Истеми, а также образования Первого Тюркского каганата.

Предметный комплекс древнетюркской культуры Восточного Туркестана представлен различными категориями вещей. В коллекциях музеев различных городов Синьцзяна есть предметы вооружения, поясная фурнитура, сбруйные украшения и посуда, которые могут быть отнесены к древнетюркской культуре.

В музее г. Дуньхуан экспонируются железные наконечники стрел, найденные на различных памятниках в окрестностях города. Один из наконечников черешковый, с трехгранной в сечении боевой головкой удлиненно-ромбической формы. Головка имеет остроугольное острие и покатые плечики. Близкие по форме трехгранные наконечники стрел обнаружены в древнетюркских комплексах Саяно-Алтая [Худяков, 1986а, с. 146]. Второй наконечник относится к группе линзовидных в сечении и к удлиненно-ромбическому типу. Он имеет остроугольное острие, ребро по оси пера, покатые плечики и черешок. Форма изделия вполне оригинальна (рис. 105, 1, 2). Наконечник происходит от памятника Шоу-Чхан. Оба наконечника относятся к числу бронебойных, хотя линзовидный, вероятно, мог применяться и для пробивания брони, и для поражения противника, не защищенного панцирем.

Имеются в экспозиции музея г. Дуньхуан также бронзовые накладки и другие детали двух поясных наборов. Один из них происходит с памятника Шоу-Чхан. В его составе имеется миниатюрная пряжка с овальной рамкой без язычка и вытянутым полуовальным щитком с гладкой поверхностью, а также две гладкие пря-

моугольные бляхи-оправы с прямоугольными же проемами для продевания подвесных ремешков. Проем одной бляхи уже и короче, чем другой. В наборе имеется миниатюрная прямоугольная обойма. Свообразную форму имеет подтреугольная бляшка, верхний конец которой снабжен угловым вырезом, а нижний – полукруглым выступом. Бляшка полого сужается от выреза к выступу, в верхней части перпендикулярно пересекается с двумя резными линиями, а в нижней – выпуклым вертикальным ребром, разделяющим конец изделия на две части. Верхняя часть бляшки напоминает хвост ласточки, нижняя – хвост тетерева. В наборе есть также округлая прорезная бляха с кольцом в центре, радиально отходящими от него восемью пальметтами и внешним ободом (рис. 104, 1–6).

Местоположение разных бляшек в составе набора определяется их функцией. Бляхи-оправы украшали основной ремень, миниатюрные пряжка и обойма – подвесные ремешки. Точное местоположение остальных изделий определить сложно.

Второй дуньхуанский поясной набор включает массивную поясную пряжку с овальной рамкой и подвижным язычком, а также трапециевидную рамку для крепления к основному ремню. Есть в наборе и две бляхи-оправы. Одна из них имеет прямоугольную форму, гладкую поверхность и прямоугольный проем, а другая – подовальную форму со срезанным нижним краем и прямоугольный проем. Прямоугольная бляшка по нижнему краю снабжена тремя шпеньками для крепления к ремню. Имеется округлое в сечении подвесное кольцо, а также полуовальный гладкий щиток с выступом и наконечник ремня полуовальной формы с приостренным выступом (рис. 104, 7–13).

В экспозиции музея г. Курля есть поясной набор, в который входят: миниатюрная пряжка с овальной рамкой, подвижным язычком и полуовальным щитком; две прямоугольные бляхи-оправы с гладкой поверхностью и прямоугольными проемами; две подовальные бляхи-оправы со срезанным нижним краем и прямоугольными проемами; узкая накладка с фигурными концами и витым орнаментом; наконечник ремня с вогнутым верхним и округлым нижним концом, с окантованным центральным полем; полуовальный щиток с двумя выступами (рис. 104, 14–21).

На памятнике Темин-Гуай, на поверхности горы, служившей сторожевым постом на участке Великого шелкового пути, в ходе работы экспедиции ЮНЕСКО в 1990 г. обнаружена подовальная бляха-оправа со срезанным нижним краем и прямоугольным проемом (рис. 105, 3).

Все рассматриваемые поясные наборы, вероятно, далеко не полные. У некоторых отсутствуют поясные пряжки, а состав бляшек и наконечников весьма различается. Существенно, что большинство бляшек имеет гладкую поверхность без орнамента, за исключением отдельных специфических форм. Судя по южно-сибирским аналогиям, подобные пояса можно отнести к VII–VIII вв. [Гаврилова, 1965, с. 89]. В Восточном Туркестане это время существования Западного Тюркского каганата.

Область применения некоторых находок трудно определить с полной уверенностью. В Дуньхуанском музее хранится бронзовая поделка в виде стержня с четырьмя кольцами, одно из которых обломано (рис. 105, 4). Возможно, она служила подвеской. В экспозиции музея г. Курля есть четырехгранный изогнутый стержень со сферической шляпкой. Возможно, он использовался в качестве пробоя (рис. 105, 5).

В музее г. Дуньхуан выставлены шесть миниатюрных стремя с плоской подножкой, полуовальным проемом и пластинчатой петлей с прямоугольным отверстием, а также два псалия с изогнутым стержнем и прямоугольной петлей в месте крепления с удилами. Один конец обоих псалиев выполнен в виде стилизованной конской головки, второй же у одного псалия завершается шариком, у другого – уплощенный прямоугольной петлей (рис. 105, 6–9).

По форме стремя и псалии аналогичны древнетюркским, широкое бытовавшим в степной Евразии во второй половине I тыс. н. э. [Савинов, 1984, с. 132–135]. Они отличаются от обычных стремя и псалиев только миниатюрными размерами, а использовались, вероятно, в каких-то ритуальных целях. Судя по этим находкам, миниатюрные предметы применялись древними тюрками в ритуальной практике.

В экспозиции Кабинета археологии Института археологии Синьцзяна выставлены предметы сбруи и гончарный сосуд, которые происходят из местности Кээрмуци (Карамучан), в уезде Алэцинь, в районе г. Алтай. Сильно корродированное и частично поврежденное железное стремя имеет плоскую подножку, полуовальный проем и обломанную петлю на шейке (рис. 106, 1). У железных двусоставных удила неравные звенья и восьмеркообразные двукольчатые окончания (рис. 106, 2). Подобные стремя и удила есть среди материалов памятников древних тюрков Саяно-Алтая второй половины I тыс. н. э. [Гаврилова, 1965, с. 81]. Отнесение их китайскими исследователями к эпохе Чжаньго является ошибочным [Му Шуньин, Ван Миньцзе, 1985, рис. 165, 166].

В Кээрмуци обнаружен сосуд из серой глины, с широкой горловиной, отогнутым венчиком, зауженной шейкой, покатыми плечиками, раздутым яйцевидным туловом и плоским дном. Гончарная ваза орнаментирована под шейкой двумя горизонтальными линиями, а по тулову – широкой полосой, состоящей из волнистых линий, ограниченных сверху и снизу линиями горизонтальными (рис. 106, 3).

Подобная гончарная посуда вошла в быт кочевников еще в гуннское время, однако относить ее к эпохе Чжаньго, как это сделали китайские ученые, нет оснований [Му Шуньин, Ван Миньцзе, 1985, рис. 163]. Гончарные вазы с гладкой поверхностью, без вертикального лощения и с полосами горизонтального орнамента характерны для некоторых кочевых культур второй половины I тыс. н. э. Довольно часто они встречаются в материалах памятников культуры енисейских кыргызов VI–VIII вв. [Худяков, 1989а, с. 142–145]. Такие сосуды находят, хотя и достаточно редко, при раскопках древнетюркских памятников Саяно-Алтая [Худяков, 1989а, с. 144].

Памятники поминального культа, каменные изваяния и предметы древнетюркской культуры из различных районов Восточного Туркестана характеризуют пребывание западных «десятистрельных» тюрков в данном регионе в VII–VIII вв. Их изучение позволяет существенно дополнить характеристики материальной и духовной культуры народа *Он Ок Будун*.

ТОРГОВЫЕ И КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ КЫРГЫЗСТАНА В VI–X ВЕКАХ

Горная система Тянь-Шаня с глубокой древности служила направлением, по которому проходили миграции населения по территории Центральной Азии в широтном направлении. В эпоху бронзы и раннего железного века складывались традиционные пути сообщения, совпадавшие с путями древних миграций, формировались отдаленные культурные контакты, налаживался обмен с северными регионами Центральной Азии. В первой половине I тыс. н. э. по территории Притяньшанья пролегли ответвления трансконтинентального торгового пути, связывавшего страны Европы, Западной и Восточной Азии (рис. 111).

По Великому шелковому пути перевозились различные товары: на запад – шелк и предметы роскоши из Китая и Восточного Туркестана, на восток – из Средней Азии, Индии, Средиземноморья и Восточной Европы [Мокрынн, 1986, с. 80–83]. Функционировали также меридиональные ответвления торгового пути, по которым китайские, среднеазиатские, иранские и индийские товары попадали в Сибирь.

В эпоху раннего средневековья, в период объединения всей степной зоны Евразии в рамках единого Первого Тюркского каганата, возможности караванной торговли существенно расширились. Один из создателей каганата и правитель его западных областей Истеми-ябгу-каган придавал большое значение посреднической торговле шелком. Дважды в середине VI в. он направлял древнетюркские посольства, в составе которых были согдийские купцы, перевозившие большие партии шелка в Персию, чтобы добиться регулярных торговых контактов. Однако персы, не заинтересованные в увеличении объема торговли шелком, закупили и сожгли весь привезенный товар. Это вынудило тюрков искать новые торговые пути через Хорезм, вокруг Каспия во владения Византии в Крыму [Гумилев, 1993, с. 45; Кляшторный, Савинов, 1994, с. 21]. Большую активность на землях Первого Тюркского каганата в течение всего периода его существования проявляли согдийские купцы [Кляшторный, 1964, с. 98–103].

Тюркская военная знать, которая в результате непрерывных походов захватила огромные богатства, нуждалась в их сбыте и приобретении новых предметов роскоши. Посредниками в торговых операциях, обслуживающих каганов и высшую тюркскую знать, были согдийские купцы. Ставка Истеми-ябгу-кагана утопала в роскоши. Византийский посол Земарх, посетивший в 568 г. ставку кагана у г. Актаг, был поражен ее богатством и великолепием. Византийские посланники пировали целый день в шатре, сделанном «из шелковых тканей, искусно испещренных разными красками». На следующий день каган принимал их в другом шатре, «обитом и испещренном также шелковыми покрывами». В нем находились «кумиры, раз-

личные видом. Дизавул (Истеми-хан) сидел на ложе, которое было все из золота. На середине этого помещения были золотые сосуды и кропильницы и бочки также золотые». На следующий день послов принимали в другом помещении, где «были столбы деревянные, покрытые золотом, также и ложе вызолоченное, поддерживаемое четырьмя золотыми павлинами. Перед комнатой на большом пространстве в длину были расставлены телеги, на которых было множество серебра, блюда и корзины и многие изображения четвероногих, сделанные из серебра». В одном из источников отмечено: «В этом состоит роскошь тюркского князя» [Гумилев, 1993, с. 56]. Истеми-ябгу-каган не только устроил Земарху роскошный прием, но и подарил «пленницу из народа кыргыз» [Гумилев, 1993, с. 54]. Судя по всему, богатства, награбленные во время завоевания Средней Азии, оказались столь многочисленными и обширными, что тюркские правители не могли употребить их сами. Они готовы были торговать не только шелком и предметами роскоши, но и рабнями.

По территории Притяньшанья проходило несколько торговых дорог из Восточного Туркестана в Среднюю Азию, которые являлись ответвлениями Великого шелкового пути. В VI в. начал функционировать торговый путь из Чуйской долины в Хорезм, Поволжье, Северный Кавказ и Византию [История..., 1984, с. 282]. Из Семиречья в Саяно-Алтай и Западную Сибирь вывозилась дорогая пиршественная посуда и оружие, поясные и сбруйные украшения, зеркала, серьги, перстни, бусы и монеты. Обрато по этому торговому пути везли меха [Кызласов, 1969, с. 48]. Вероятно, именно так на Алтай смогли попасть византийские и сасанидские монеты [Киселев, 1949, с. 308].

На торговых путях возникали фактории и поселения согдийских купцов, выросшие со временем в города. На дорогах строились караван-сарай и крепости [Мокрыйнин, 1973, с. 100]. При переходе через горные перевалы Тянь-Шаня торговым караванам приходилось преодолевать большие трудности. Нередко они становились объектами грабежа [История..., 1984, с. 282]. Купцы обязаны были платить дань тюркским правителям за право беспрепятственного прохода и торговлю на подвластной территории.

Основными товарами транзитной торговли являлись предметы роскоши: драгоценные камни, жемчуг, изделия из золота и серебра, металлическая, стеклянная и фарфоровая посуда, парадное оружие, ткани, лекарства, пряности. Особенно ценились на трансконтинентальном торговом пути шелковые ткани. Представители власти торговали также лошадьми [История..., 1984, с. 283]. Во взаимоотношениях кочевников с Китаем большую роль играл неэквивалентный обмен лошадой на шелк и другие ценные товары, которые являлись замаскированной формой дани.

Одним из основных видов военной добычи тюрков были пленные, в основном женщины и девушки [Кляшторный, 1985, с. 162]. Их широко использовали как рабов в натуральном хозяйстве, могли приносить в жертву или дарить. В 576 г. на похоронах Истеми-кагана, который преподнес в подарок византийскому послу кыргызскую пленницу, «четверо скованных военнопленных гуннов приведено было... для принесения в жертву вместе с конями их» [Кляшторный, 1985, с. 166]. Часть пленных продавали в рабство. Так, в Китае работали купленные тюркские рабы, а в Средней Азии торговля живым товаром имела особенно широкий размах [Кляшторный, 1985, с. 167]. Иногда из-за захваченных рабов между победителями

возникали серьезные конфликты. В 641 г. правитель западных тюрков Эльбилге Ышбара джабагу-каган лишился трона потому, что хотел оставить себе всех пленных. В первой половине VII в. в Таласской долине существовало целое поселение рабов-военнопленных, которые возделывали землю и производили ремесленные изделия для своих хозяев. Возможно, рабов использовали и на горнорудных промыслах [История..., 1984, с. 261].

В VI–VIII вв. основную роль в торговле тюркских каганатов играли согдийские купцы. Их фактории появились не только в Семиречье и Восточном Туркестане, но и в Центральной Азии и Восточной Сибири. Однако в VII–VIII вв. появились и тюркские купцы [История..., 1984, с. 283].

В материалах с археологических памятников Притяньшанья встречаются импортные изделия, попавшие сюда в результате торговли. На оз. Иссык-Куль на городище Сокулук найдены золотые византийские монеты VII в. [Мокрынин, 1973, с. 101]. Рост торговли способствовал тому, что в Тюргешском каганате стали чеканить свои монеты. По мнению О.И. Смирновой, кроме монет, выпускавшихся от имени тюргешских каганов, обращались и монеты тюргешского круга, которые чеканили согдийские правители ряда городов Чуйской долины, находившихся в вассальной зависимости от тюргешей [1958, с. 544–545]. Тюргешские монеты найдены при раскопках городищ Ак-Бешим и Краснореченское (Невакет, Навикат) [Горячева, 1988, с. 96]. Они имели хождение длительное время, вплоть до XI в. [Горячева, 1988, с. 97]. В курганах средневековых кочевников Тянь-Шаня такие монеты встречаются очень редко [Мокрынин, 1973, с. 119]. За пределами каганата они обнаружены на территории Восточного Туркестана, Согда, Ирана, Алтая, Приобья и Притомья [Гаврилова, 1965, с. 67; Илюшин, Сулейманов и др., 1992, с. 28; История..., 1984, с. 283; Троицкая, Новиков, Сальникова, 1984, с. 89]. Последние находки натолкнули исследователей на мысль о возможных миграциях тюргешей в Кузнечную котловину [Илюшин, Сулейманов и др., 1992, с. 48–49].

В эпоху раннего средневековья в Притяньшанье имели хождение и монеты династии Тан. Так, коллекция танских монет обнаружена на городище Ак-Бешим [Мокрынин, 1973, с. 118]. Однако лишь в одном кочевническом погребении найдена бронзовая китайская монета [Бернштам, 1952, с. 84]. Еще одна подобная монета выявлена Ю.С. Худяковым на поселении Суттуу-Булак в 1996 г.

По оценке В.П. Мокрынина, в VI–VII вв. объем внутренней торговли в Притяньшанье между городским, оседло-земледельческим и кочевым населением был невелик, поэтому различные группы населения не принимали в ней активного участия [1973, с. 102]. По мере развития городских торгово-ремесленных центров, торговля с кочевниками приобрела большее значение. Об этом свидетельствует появление ярмарок, крупнейшая из которых проводилась в г. Суябе [История..., 1984, с. 283].

В VIII–X вв., в период существования тюргешского и карлукского государств, в Притяньшанье произошел значительный рост городов и их населения. Наряду с согдийцами увеличилось и количество тюрков. В этот период более активной стала торговля с сопредельными районами Средней Азии и Восточного Туркестана.

Одним из основных направлений торговой деятельности кочевников была торговля лошадьми. В источниках отмечается сила и выносливость тюркских и карлукских лошадей, в частности, из Таласской долины [Зуев, 1960, с. 38]. Тюр-

геши пригоняли лошадей и откармливали их в китайском наместничестве Аньси [Бичурин, 1950, с. 298]. Вероятно, это были поставки для армии империи Тан. Посольства тюркшей и карлуков к танскому двору были приурочены именно к поставкам лошадей.

В VIII–X вв. увеличился объем работорговли. Из захваченных в плен мужчин формировались особые военные отряды гулямов. Тюркская гвардия халифа Мутасима была составлена из карлуков [Мандельштам, 1956, с. 250].

Продолжала функционировать транзитная торговля. По данным А.Г. Малявкина, через Уйгурское ганьчжоуское княжество в Китай в конце I тыс. н. э. ввозилось большое количество товаров из Средней Азии, Ирана и Европы [1983, с. 233–234]. Среди них были кораллы, янтарь, стеклянная посуда, некоторые виды тканей, лекарства и многое другое. Товары транзитом шли через территорию Притяньшанья. В этой торговле ведущую роль продолжали играть согдийские купцы [Малявкин, 1983, с. 249].

В IX–X вв., после разгрома Уйгурского государства и усиления Кыргызского каганата, значительно оживились торговые связи между кыргызами и карлуками, а через посредство последних – с Тибетом и Средней Азией. В китайских источниках говорится о «близких отношениях» кыргызов с карлуками, тибетцами и населением Средней Азии. Опасаясь грабежей со стороны уйгуров, тибетцы достигали земель кыргызов через Карлукское государство и брали проводников из среды карлуков. «Из Даши не более двадцати верблюдов приходило с узорчатыми шелковыми тканями, но когда невозможно было уместить всего, то раскладывали на двадцать четыре верблюда. Такой караван отправляли один раз в каждые три года» [Бичурин, 1950, с. 355]. Е.И. Лубо-Лесниченко считает, что «кыргызский» торговый путь проходил из Турфана в Туву и Минусинскую котловину [1989, с. 5]. Такая реконструкция не соответствует указанию источника, ибо тибетцы вынуждены были обходить Уйгурское турфанское княжество, прибегая к помощи карлуков. Вероятнее всего, торговый путь шел из Семиречья в Прииртышье, а далее – в Приобье и на Енисей. По нему в Минусинскую котловину завозились дорогие ткани, пиршественная посуда, парадное оружие, зеркала, украшения из полудрагоценных камней, раковины каури и другие товары. Привозные вещи обнаружены на Саяно-Алтае в кыргызских курганах IX–X вв. Среди находок есть образцы тибетского письма, выполненные на бересте, что свидетельствует о контактах с Тибетом [Грач, 1980, с. 103–110]. Согласно указаниям источника, кыргызские женщины «носят платье из шерстяных и шелковых тканей, которые они получают из Ань-си, Бэй-тхин и Дахя» [Бичурин, 1950, с. 352]. Из Южной Сибири в Среднюю Азию везли шкуры пушных зверей, мускус кабарги, рог хуту и древесину «худанг» [Материалы..., 1973, с. 41]. Эти товары поступали в виде дани с кыштымов.

В.П. Мокрынин полагает, что меха соболей и белок, мускус кабарги, дерево «халандж» и «хаданг» могли заготавливать на Тянь-Шане [1973, с. 109–112]. Мускус или «струя» кабарги широко использовались в народной медицине. В статье Е.И. Лубо-Лесниченко содержится ошибка, что мускус, получали из рогов кабарги [1989, с. 6]. Кабарга – это безрогое копытное животное.

В VIII–X вв. с ростом городов увеличились объемы обмена товарами и работорговли между городским и кочевым населением Притяньшанья. В источниках

упоминается о торговле продуктами скотоводства, хлебом и фруктами, а также ремесленными изделиями [Мокрынин, 1973, с. 106, 115–117].

Торговые связи являлись трансляторами культурных достижений и религиозных вероучений. В период существования Первого Тюркского каганата тюрки от согдийцев заимствовали письменность [Кляшторный, Лившиц, 1971, с. 143–144]. В VII в. на базе согдийского был создан древнетюркский рунический алфавит, наиболее приспособленный для тюркских языков. Он был воспринят многими кочевыми тюркоязычными народами раннего средневековья [Лившиц, 1980, с. 5–13]. Распространение ислама в X в. повлекло за собой употребление арабской письменности.

Трансконтинентальные торговые трассы сыграли огромную роль в распространении не только товаров, но и мировых, прозелитарных религий. В эпоху раннего средневековья городское и оседло-земледельческое населения Притяньшанья исповедовали зороастризм, буддизм, несторианский толк христианства и манихейство [История..., 1984, с. 37]. Согдийцы являлись активными проповедниками мировых прозелитарных вероучений в тюркской кочевой среде. Через согдийцев тюркская знать познакомилась с канонами буддизма и манихейства. В качестве государственной религии манихейство было принято в Уйгурском каганате [Кляшторный, Савинов, 1994, с. 31]. В кыргызские земли проникали иноземные религии: бон, буддизм, манихейство [Худяков, 1987в, с. 70–72]. Кочевники Притяньшанья на протяжении раннего средневековья оставались язычниками, последователями тюркских богов Тэнгри, Йер-су, Умай. Лишь с принятием ислама в X в. начался процесс распространения мусульманства в тюркоязычной кочевой среде.

Глава 9

ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ТЮРКСКИХ КОЧЕВНИКОВ ТЯНЬ-ШАНЯ

Распространение археологических памятников на территории Кыргызстана, находки из раскопанных курганов и поминальных оградок, а также сведения письменных источников позволяют реконструировать хозяйственные занятия древних тюрков, живших в горах и долинах Тянь-Шаня в эпоху раннего средневековья.

9.1. СКОТОВОДСТВО

Основным видом хозяйственной активности древних тюрков со времени завоевания ими территории Восточного Туркестана и Средней Азии, а также расселения в Притяньшанье и Семиречье было кочевое скотоводство. По материалам изученных археологических памятников можно проследить, какие районы современного Кыргызстана были наиболее плотно заселены и освоены в хозяйственном отношении древнетюркскими номадами.

Тюркские кочевники стали использовать под пастбища наиболее пригодные для разведения скота и сезонных перекочевок долины рек Талас, Чу, Или, Нарын и Ак-Сай, а также межгорную котловину озера Иссык-Куль. Они заселили степные районы Семиречья, Центрального и Восточного Казахстана, Восточного Притяньшанья (рис. 2).

Скот содержался на подножном корме в течение всего хозяйственного года с сезонной сменой зимних и летних пастбищ. Судя по находкам сопроводительных и отдельных захоронений лошадей и баранов, по костям из заупокойной пищи и поминальных тризн тюркские кочевники разводили в основном овец и лошадей, в меньшем количестве – верблюдов и крупный рогатый скот. В одном из источников отмечено, что «судьба тюрков целиком и полностью зависит от овец и лошадей» [История..., 1984, с. 264]. Подобное сочетание видов домашнего скота позволяло содержать стада на подножном корме даже в течение зимнего периода. Так, при наличии снежного покрова лошади за счет тебеневки обеспечивали возможность выпаса мелкого рогатого скота.

Особое значение для тюркских кочевников имели лошади. В основном это были две породы: высокие, быстроаллюрные аргамаки, которые еще с хуннского времени очень высоко ценили в Китае и называли «небесными конями», и низкорослые, неприхотливые и выносливые лошадки. Согласно китайскому источнику, кочевники разводили «прекрасных лошадей, головой похожих на верблюдов, сильных и рослых, могущих в день пробегать по несколько сот ли» [История..., 1984, с. 265].

Значимым в скотоводческом хозяйстве тюркских кочевников Тянь-Шаня и Семиречья было разведение овец. По свидетельству источников, западные тюрки содержали разные породы овец, среди которых были «очень крупные» (вероятно, курдючные) особи с «большими хвостами, волочащимися по земле» [История..., 1984, с. 265]. При отправлении древнетюркского погребального обряда верховых лошадей иногда заменяли баранами: их туши с принадлежностями конской сбруи помещали в могилы [Худяков, Табалдиев, Солтобаев, 1997, с. 143].

Благодаря достаточно высокой продуктивности кочевого скотоводства некоторые горные долины Тянь-Шаня в древности и средневековье были весьма плотно заселены. В Чуйской, Таласской и Нарынской долинах, а также в Иссык-кульской котловине выявлено значительное количество древнетюркских памятников: курганов, поминальных оградок, каменных изваяний, рисунков и тамг. В Таласской и Кочкорской долинах обнаружены тюркские рунические надписи.

Одним из районов, в котором в древности и средневековье проживало большое количество кочевого населения, была Кетмень-Тюбинская долина. На ее площади сосредоточено значительное количество памятников кочевнических культур. В отдельно взятых могильниках количество курганов и захоронений достигало 3–5 тысяч.

В арабских и персидских письменных источниках содержатся сведения о тюркских кочевых племенах, населявших Притяньшанье в IX–X вв. В сочинении Ал-Идриси о тюркоязычных племенах Тянь-Шаня и Семиречья конца I тыс. н. э. говорится: «...люди кочевые и странствующие, они не имеют постоянного местопребывания. Они непрерывно переходят с одного места на другое... Они владеют множеством верблюдов, баранов и быков» [История..., 1984, с. 264]. Анонимное сочинение «Худуд Ал-Алам» в разделе «Слово об области халлухов и её городах» свидетельствует: «Эта область [халлухов], заселенная и самая богатая среди всех тюркских областей. В ней есть проточные воды, а климат умеренный... В этой области есть города и деревни... И халлухи частью охотники, частью земледельцы и частью пастухи. Доход их – от овец, лошадей [а также] от различных мехов» [Материалы..., 1973, с. 42]. Данное сообщение повествует о хозяйственных занятиях карлуков, обитавших на территории от западного до восточного Тянь-Шаня, от Кулана до владений кыргызов в районе города Пенчула (Уч-Турфана) [Материалы..., 1973, с. 43]. Город Пенчул расположен в южных предгорьях Восточного Тянь-Шаня, а до кыргызов им владели *тогузогузы* – уйгуры. В том же сочинении говорится о хозяйственных занятиях кочевников, живших южнее восточно-туркестанских кыргызов, на землях, занятых тогузогузами. На этой территории летом стоял страшный зной, а зимой климат был очень хорошим: «...летом и зимой кочевали с места на место в поисках и [более] благоприятной погоды» [Материалы..., 1973, с. 40–41]. Здесь речь идет о сезонных перекочевках номадов. Относительно кыргызов, состава их скота и ведения кочевого хозяйства в периоды осенне-зимних и весенне-летних перекочевок говорится следующее: «[Основными статьями] их благосостояния являются хырхызские повозки, овцы, коровы и лошади. Они кочуют [в поисках] воды, сухой травы, [благоприятной] погоды и зеленых лугов» [Материалы..., 1973, с. 41]. Близкая характеристика дана для родственного халлухам тюркского племени *чигилей*: «...живут они в шатрах и в палатках, а городов и деревень мало, и [основные статьи] их благосостояния и доходы – это коровы, овцы и лошади» [Материалы...,

1973, с. 43]. Во всех источниках отмечен сходный характер кочевого скотоводства, зависевший в течение календарного года от смены сезонов и климатических особенностей горных и предгорных зон Тянь-Шаня.

Важным дополнением к сообщениям письменных источников служат изображения на петроглифах сцены перекочевков. На наскальных рисунках в Семиречье выбита, например, арба с передвижной юртой, запряженной верблюдом, которого ведет под уздцы наездник. К арбе привязан еще один верблюд [Tashbayeva, Khujanazarov, Ranov, Samashev, 2001, fig. 43].

9.2. ОХОТА

В цикле хозяйственных занятий и повседневной жизни средневековых кочевников Тянь-Шаня важное место занимала охота. Основным источником для изучения их охотничьих промыслов являются петроглифы и гравированные рисунки на костяных предметах. Отдельные сведения о занятии тюркских кочевников охотой содержатся в письменных источниках [История..., 1984, с. 266].

Судя по средневековым наскальным рисункам Иссык-кульской котловины и долин Кетмень-Тюбе и Талас, основным объектом охоты для древних тюрков были горные козлы. Реже встречаются сцены охоты на оленей, архаров и куланов. Добывали также и кабаргу, мускусная железа которой высоко ценилась как лекарственное средство [История..., 1984, с. 266]. Мускус мог использоваться в качестве ценного дипломатического подарка правителю иностранной державы. Известно, что правитель западного крыла Первого Тюркского каганата Истеми-ябгу-каган послал персидскому шаху Хосрову I Ануширвану большое количество мускуса, для чего были убиты десятки тысяч животных [Мокрынин, 1983, с. 205].

На петроглифах Жалтырак-Таша в Таласской долине есть сцены охоты пеших лучников на горных козлов, а также композиция с лучником, охотящимся на кулана [Шер, Миклашевич и др., 1987, рис. 8, 3]. Среди различных животных в сценах охоты на петроглифах Тянь-Шаня можно увидеть горных козлов, архаров, благородных оленей и даже дося [Шер, 1980, с. 100–104; Шер, Миклашевич и др., 1987, рис. 10; Tashbayeva, Khujanazarov, Ranov, Samashev, 2001, fig. 35, 54].

Пеший лучник, стреляющий с колена из лука в двух бегущих ланей, выгравирован на костяной накладке лука, обнаруженной в древнетюркском захоронении на памятнике Таш-Тюбе [История..., 1984, с. 263]. Вероятно, владелец этого лука хотел подчеркнуть свои охотничьи пристрастия. Луки и стрелы были основным оружием тюркских охотников Притяньшанья. Они также добывали зверей при помощи ловушек или капканов [История..., 1984, с. 266].

Среди представителей высшей знати Первого Тюркского и Западного Тюркского каганатов были заядлые охотники. В китайских источниках зафиксирован случай, когда тюркский каган Шаболио, получив разрешение от китайского императора «позабавиться звериной охотой в областях Хын и Дай», в течение одного дня «из своих рук убил 18 оленей, отрезал у них задки и головы» и представил в качестве подарка китайскому императорскому двору [Бичурин, 1950, с. 238–239]. Известно, что один из самых влиятельных правителей Западного каганата – Тон-ябгу-каган, встретив по дороге на охоту послов иностранных держав, не пожелал

прервать своего занятия. Вдоволь наохотившись, через несколько дней он вернулся в ставку, чтобы принять прибывших дипломатов [Мокрынин, 1975а, с. 112].

Во время загонной охоты на диких копытных животных древние тюрки использовали собак – *тайганов*. Изображения этих собак с маленькой удлинённой головой, узкой вытянутой мордой и загнутым крючком кверху хвостом есть на петроглифах Чолпон-Ата в Иссык-кульской котловине на Тянь-Шане [Tashbayeva, Khujanazarov, Ranov, Samashev, 2001, fig. 103]. Тайганов не использовали в бою, их тренировали для участия в загонной охоте. Они умело загоняли в нужное место горных козлов и архаров.

Одним из видов охоты, получившим некоторую популярность среди средневековых кочевников Тянь-Шаня, была ловля с помощью хищных птиц. На территории Кыргызстана подобная охота известна с сакского времени, о чем свидетельствуют петроглифы Тик-Булака. Свое дальнейшее развитие этот вид добычи получил в эпоху раннего средневековья у западных тюрков, тюргешей и восточно-туркестанских кыргызов. Изображения охотников с ловчими птицами (вероятно, беркутами), тамгами и руническими надписями имеются в составе композиций местонахождения Кок-Сай в Кочкорской долине на Тянь-Шане [Худяков, Табалдиев, Солтобаев, 2002, рис. 2, 3, 15]. На петроглифах охотники показаны пешими в момент подготовки к стрельбе, либо верхом на лошади с ловчей птицей, сидящей на кисти согнутой в локте правой руки всадника. На одном наиболее тщательно выполненном рисунке на руке, которой всадник поддерживает птицу, изображены ремешки или веревочки от пут, которыми были связаны лапы хищной птицы. Вероятнее всего, здесь воспроизведен момент, когда охотник отпускает птицу в полет за дичью. Есть веские основания считать, что на этих петроглифах воспроизведены сцены богатырской охоты с беркутом [Худяков, Табалдиев, Солтобаев, 2002, с. 129–130].

Среди карлуков, мигрировавших в VIII в. на Тянь-Шань и в Семиречье из северных районов Центральной Азии, была распространена охота на пушных зверей с целью добычи меха. В источнике «Худуд Ал-Алам» говорится, что одним из источников дохода для карлуков были меха [Материалы..., 1973, с. 42]. В карлукский период, в IX–X вв., в Семиречье на кабаргу ради добычи мускуса кочевники охотились на землях, занятых племенем *тукси* [История..., 1984, с. 266].

Охота обеспечивала кочевников различными видами сырья и служила источником пополнения запасов продуктов.

9.3. ДОМАШНИЕ ремесла и промыслы

Тюркские кочевники, населявшие горы и долины Тянь-Шаня в эпоху раннего средневековья, практиковали натуральное хозяйство, в рамках которого сами старались обеспечить себя всем необходимым. Важное место в их хозяйственной деятельности занимала обработка продуктов скотоводства и шкур животных, изготовление войлочных, кожаных, костяных и роговых предметов, пошив одежды и обуви, а также гончарное, кузнечное, бронзолитейное и деревообрабатывающее ремесла. Хорошо была развита резьба по камню. Поскольку на Тянь-Шане не изучены поселения древнетюркской культуры и не выявлены какие-либо следы

производства, судить об этих занятиях можно на основании самих изделий, выполненных из разных материалов.

В курганах древнетюркской культуры на Тянь-Шане обнаружены фрагменты различных изделий из выделанной сыромятной кожи, прежде всего остатки сбруйных и поясных ремней, сохранившиеся благодаря консервирующему воздействию бронзовых пряжек, бляшек и накладок. Встречаются в погребальных комплексах и различные изделия из кости. Среди них костяные детали предметов вооружения и сбруи: концевые, срединные боковые и фронтальные накладки на лук, свистунки с отверстиями, накладки на горловину и приемник колчана, костяные накладки на луки седел и сбруйные ремни, пластины от подвесных деревянных предметов [Табалдиев, 1996, рис. 2, 8, 9, 14; 5, 1, 2; 8, 2, 3; 10, 3; 11, 4, 5, 6; Худяков, Табалдиев, Солтобаев, 1997, с. 142, 144–145; Худяков, Табалдиев, 1999а, с. 53]. По свидетельству средневекового автора IX в. Йакуби, тюрки изготавливали также войлочные изделия и костяные наконечники стрел [История..., 1984, с. 267].

Особый интерес представляют полированные костяные пластины с резной орнаментацией и многофигурными композициями из памятников Сутту-Булак и Таш-Тюбе. Орнамент и рисунки на этих изделиях свидетельствуют, что среди древнетюркских резчиков по кости были настоящие мастера, обладавшие высоким мастерством и художественным вкусом. Во многих средневековых курганах на Тянь-Шане найдены разнообразные деревянные предметы, в том числе сложносоставные луки, древки стрел, деревянные детали колчанов, рукояти и ножны сабель, кинжалов и ножей, остовы седел, псалии, рукоятки нагаек, гребни, разнотипные сосуды и другие вещи [Табалдиев, 1996, рис. 10, 2; 11, 2; 15, 2; 19, 2; Табалдиев, Худяков, 1999, рис. 11, 2, 3, 5, 6]. Среди них также имеются художественно оформленные изделия: днище колчана и передняя лука седла с барельефным растительным орнаментом, а также рукоятка нагайки со скульптурно оформленным навершием из памятников Беш-Таш-Короо II и Суттуу-Булак. Среди древних тюрков были умельцы в деле обработки дерева и изготовления деревянной посуды. Несколько деревянных сосудов разных форм – бокал, чаши, кувшины с ручкой – обнаружены в древнетюркских погребениях могильника Беш-Таш-Короо II [Табалдиев, 1996, с. 56–57; Табалдиев, Худяков, 1999, с. 63]. Вполне вероятно, что древние тюрки изготавливали из дерева и другие вещи, не сохранившиеся в составе сопроводительного инвентаря захоронений и поминальников.

Древние тюрки умели наносить с помощью каменных и металлических инструментов рисунки, тамговые знаки и рунические надписи на поверхность скальных выходов, а также изготавливать портативные изделия из камня. Среди таких предметов каменные пряслица, небольшие диски с отверстиями, служившие в качестве утяжелителей для веретена [Худяков, Табалдиев, 1999а, с. 62]. Необходимость устанавливать на поминальных комплексах изображения умерших способствовала развитию камнерезного дела. Судя по отдельным тщательно изваянным фигурам мужчин и женщин, среди древних тюрков, живших в VII–VIII вв. на Тянь-Шане и в Семиречье, были достаточно умелые и талантливые мастера-камнерезы, создававшие изображения людей, приближавшиеся по пропорциям к объемной антропоморфной скульптуре [Худяков, 1997, рис. IV, 1, 2, 3; Табалдиев, Худяков, 2000, рис. II, 1].

Согласно выводам исследователей, часть кочевого населения стала оседать и заниматься земледелием в конце VIII–IX вв., после завоевания Тянь-Шаня и Семиречья карлуками. В сочинении Ал-Идриси отмечено, что «кочевые и странствующие» насельники Притяньшанья обрабатывают землю, сеют и жнут» [История..., 1984, с. 264]. Вероятно, потеряли свой скот и вынужденны были осесть на земле прежне всего западно-тюркские и тюркешские кочевники, утратившие после карлуцкого завоевания положение господствующего этноса. Однако процессы оседлентаризации затронули и самих карлуков. В источнике «Худуд Ал-Алам» сказано, что некоторые карлуки «вылаются охотниками, некоторые земледельцами, а некоторые оседлого населения городских и сельских поселений Таласской и Чуйской долин

занимались земледелием и развита была скотоводческая деятельность. Позже возникли оседлые и городские поселения, земледельческие оазисы. Появление Тюркского и Тюркешского каганатов, а также государства карлуков в Притяньшанье были переходом на оседлый образ жизни. В период существования Западного каганата как в любом кочевом обществе, обделенные кочевники теряли скот и вынужденны были переходить на вновь освоенных территориях, пока не найдены. Тем не менее, земледелием на вновь освоенных территориях, которые сводились к занятию земледелием Центральной Азии (включая Притяньшанье), занимались земледельцы. В источниках нет сведений о том, что древние тюрки в период, предшествующий же раннего средневековья, нуждались в продуктах земледельческого хозяйства. Тюркские кочевники, заселившие горы и долины Тянь-Шаня на рубе-

9.4. ЗЕМЛЕДЕЛИЕ

По-видимому, меньшее развитие в древнетюркской среде Притяньшанья получило собственное гончарное ремесло. В период существования в Средней Азии Первого Тюркского, Западного Тюркского и Тюркешского каганатов тюркские народы имели постоянные контакты с подвластными оседлым городским согдийским населением. У согдийцев существовала развитая ремесленная гончарная традиция, ориентированная на продажу изделий, поэтому тюркам не было необходимости самим производить керамическую посуду. В памятниках древних тюрков на Тянь-Шане и в степях Казахстана встречаются грубо сделанные сосуды ручной лепки, приспособленные для повседневных нужд и ритуальных целей [Табалина, 1996, с. 57–58]. Большую часть потребностей тюркских кочевников в гончарных изделиях обеспечивали согдийские ремесленные центры в Чуйской долине и Согдиане. Высокого уровня развития у древних тюрков Тянь-Шаня в эпоху раннего средневековья достигла металлургия и металлообработка. Древнетюркские кузнецы и литейники изготавливали большую часть употребляемого кочевниками железного оружия, орудий труда, металлических деталей сбруи, принадлежностей костюма и бытовых предметов. По свидетельствам Ал-Джахиза, тюрки, обитавшие в Притяньшанье в период существования карлуцкого государства, сами производили «оружие, стрелы, колчаны, конья», [История..., 1984, с. 267]. В то же время часть металлургических вещей, необходимых для повседневной жизнедеятельности, кочевники получали в результате обмена с населением городских ремесленных центров.

в Семиречье занималась земледелием. Вокруг этих городов находились возделанные поля, окруженные оборонительными стенами [История..., 1984, с. 277].

Тесные экономические связи тюркского кочевого и согдийского оседлого городского и сельского населения на протяжении эпохи раннего средневековья, а также процессы седентаризации части кочевников с политическим господством тюркской знати способствовали взаимопроникновению элементов разных хозяйственных укладов и культур, постепенной тюркизации городского торгово-ремесленного и сельского земледельческого населения. Эти процессы нашли свое адекватное воплощение в эпоху правления Караханидов, когда традиционные культуры тюркского кочевого и оседлого тюркизированного населения претерпели трансформацию в связи с принятием правящей элитой ислама.

ЗНАЧЕНИЕ ДРЕВНЕТЮРКСКОЙ ЭПОХИ В ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ИСТОРИИ КЫРГЫЗСТАНА

Период раннего средневековья, в течение которого территория современного Кыргызстана входила в состав тюркских государственных образований, занимает особое место в истории, во многом определившее направленность этнокультурного развития в этом районе на последующие века. Включение Тянь-Шаня и Семиречья в состав Первого Тюркского каганата сделало данный район составной частью единого кочевого государства, распространившего свои владения на весь степной пояс Евразии.

Переселение из северных районов Центральной Азии значительных масс тюркоязычного кочевого населения, принесшего древнетюркскую культуру, включило Притяньшанье в состав древнетюркского этнокультурного массива. Тянь-Шань и Семиречье стали зоной распространения монголоидного центрально-азиатского кочевого населения, тюркского языка и новых для этого района центрально-азиатских культурных традиций. С приходом древнетюркских кочевников в Притяньшанье связано распространение погребений с конем, поминальных оградок с изваяниями, а также своеобразный предметный комплекс, петроглифы и образцы рунической письменности.

Несмотря на образование на данной территории самостоятельного Западного Тюркского, затем Тюркешского и Карлукского каганатов, а также военно-политическое обособление от восточных тюрков, Притяньшанье в раннем средневековье являлось неотъемлемой частью древнетюркского этнокультурного ареала. Вместе с тюрками на Тянь-Шань и в Семиречье были привнесены основы тюркской политической и военно-административной системы, новации в области военного дела, конского снаряжения, кочевого скотоводческого хозяйства и образа жизни.

Древнетюркская культура послужила ретранслятором важных для эпохи раннего средневековья культурных достижений между кочевым и оседло-земледельческим мирами Восточной, Центральной и Средней Азии, а также Восточной Европы. Особенности государственного устройства, титулатура правителей, основы формирования войска, характерные черты вооружения и военного искусства, престижные элементы военно-дружинной культуры и идеологии древних тюрков на многие столетия определили направленность военно-политического развития кочевого мира не только Притяньшанья и Семиречья, но и всей Центральной Азии. Они также стали предметом заимствования в оседло-земледельческой среде. Особенно заметным было влияние древнетюркской военно-дружинной культуры и идеологии в раннесредневековом Согде и оазисах Восточного Туркестана. Одновременно древнетюркская культура, являвшаяся наследницей кочевнических культур хуннского и скифского времени, включила значительный пласт иранских

элементов, а в период раннего средневековья – большое количество инноваций согдийской и тохарской культур.

Взаимодействие тюрков и согдийцев во время существования тюркских государственных образований Центральной Азии и Притяньшанья является свидетельством образования тюркско-согдийского культурного симбиоза, способствовавшего развитию торговой активности и распространению оседло-земледельческих поселений согдийцев в центрально-азиатском историко-культурном регионе [Кляшторный, Савинов, 1994, с. 24–26]. По мнению С.Г. Кляшторного, раннесредневековая городская, ремесленная, торговая и земледельческая культура в Притяньшанье была создана согдийцами, образовавшими колонии вдоль Великого шелкового пути в Семиречье, Джунгарии и Восточном Туркестане [Кляшторный, Савинов, 1994, с. 24]. Раннесредневековые городские и оседло-земледельческие поселения получили наиболее значительное развитие в Чуйской долине [Кожемяко, 1959].

Развитие городской и оседло-земледельческой согдийской диаспоры на землях тюркских государств Притяньшанья в период раннего средневековья было невозможно без согласия и покровительства их правителей. Преследуя собственные военно-политические и фискальные интересы, тюркские правители поощряли развитие ремесла, торговли и земледелия на подвластных территориях. Именно поэтому в тюркских государствах Тянь-Шаня и Семиречья существовал не только культурный тюркско-согдийский, но и культурно-хозяйственный симбиоз кочевого скотоводческого и оседлого, городского и земледельческого населения. Изучение этого симбиоза имеет актуальное значение в историософском аспекте, поскольку он опровергает устойчивое историографическое представление об извечном антагонизме кочевого и оседло-земледельческого мира.

Раннее средневековье явился важным этапом тюркизации населения Притяньшанья в языковом и культурном отношении. Расселение тюркских кочевников на Тянь-Шане и в Семиречье в середине VI в. н. э. не привело к поголовному истреблению или вытеснению или постепенной ассимиляции местного кочевого населения, потомков носителей сакской и кенкольской культур. В.П. Мокрынин выделил три типа памятников средневекового населения Притяньшанья, связанных с погребальными традициями предшествующих культур [1986, с. 100].

Памятники терскольского типа, представляющие собой захоронения по обряду одиночной ингумации в грунтовых ямах под каменно-земляными насыпями, восходят к традициям сакской культуры. Они существовали в течение периодов раннего развитого средневековья вплоть до монгольского времени [Мокрынин, 1986, с. 102].

Памятники учатского типа – это погребения по обряду одиночной ингумации в катакомбах под земляными насыпями. Они существовали в южных районах Тянь-Шаня во время раннего средневековья [Мокрынин, 1986, с. 102–103].

Памятники чакмаксуйского типа являются погребениями по обряду одиночной ингумации на горизонте в каменных цистах под земляными насыпями и восходят к памятникам Ферганы. Они существовали в течение VI–X вв. [Мокрынин, 1986, с. 103].

В течение древнетюркской эпохи на Тянь-Шане продолжали обитать группы аборигенного кочевого населения, не подвергшегося ассимиляции. Однако на большей части территории Притяньшанья расселились тюркские кочевые племена,

объединенные в военно-административную систему «десяти стрел». Судя по распространению древнетюркских погребений с конем, поминальных оградок с изваяниями, петроглифов и рунических надписей, тюркские кочевые племена наиболее плотно заселили долины рек Чу, Талас, Нарын и Или, а также Иссык-кульскую котловину и районы Центрального Тянь-Шаня [Табалдиев, 1996, рис. 65, 66].

Древнетюркские кочевые племена заняли наиболее плодородные и важные в стратегическом отношении районы Притяньшанья, обеспечив свое военно-политическое господство над местным кочевым населением, оттесненным в периферийные зоны. В социальной и этнической иерархии они заняли место господствующей этнической группы. Возникновение городских и оседло-земледельческих поселений, а также увеличение численности согдийского населения в Притяньшанье не приостановило процесс тюркизации, а придало ему иную направленность. Для периода тюркско-согдийского симбиоза характерным явлением стало взаимопроникновение и взаимообогащение тюркской и согдийской культур.

Согдийское население – *таты* – находилось в зависимом положении от тюркских правителей, однако оно фактически контролировало торговлю, а также играло значительную роль в тюркских государствах. В периоды ослабления власти и междоусобиц согдийские города фактически вели независимую политику: направляли послов в иностранные государства, чеканили собственную монету [Кляшторный, Савинов, 1994, с. 25–26]. Обособление ряда городов от власти тюркских правителей не остановило процесса тюркизации оседло-земледельческого населения, для которого важным стимулом была частичная *седентаризация* тюркских кочевников.

О сближении тюркской и согдийской знати на почве общих интересов свидетельствуют брачные союзы между представителями этих народов. В.Д. Горячева при раскопках некрополя городища Красная Речка исследовала парное погребение по древнетюркскому обряду в сопровождении коня [1988, с. 80]. Погребенный мужчина был монголоидом, а женщина принадлежала к европеоидной расе. Судя по этому захоронению, среди населения средневекового города Невакета появились тюрки, которые женились на местных согдиянках.

Тюрки начали заниматься торговлей и другими видами нетрадиционных для них занятий. По мнению В.Д. Горячевой, в VIII–X вв. в городах и селениях Чуйской долины проходил активный процесс тюркизации согдийского населения и седентаризация тюрков [1988, с. 83]. Получило распространение двуязычие. На это обратил внимание Махмуд Кашгари, отметив, что жители Баласагуна, Тараза и Испиджаба говорят и по-тюркски и по-согдийски [Горячева, 1988, с. 83–84].

В карлукский период города Притяньшанья продолжали развиваться. По сведениям средневекового источника «Худуд Ал-Алам», города и селения имелись в местностях, населенных карлуками и чигилями. Среди карлуков были горожане и земледельцы [Материалы..., 1973, с. 42–43].

Завершение периода существования древнетюркской культуры, связанное с исламизацией тюркоязычного кочевого населения Притяньшанья в Караханидском каганате в X в., видоизменило процесс тюркизации, преобразовав его в иные формы. С этого времени процесс тюркизации протекал в русле исламизации, в рамках мусульманской культуры государства Караханидов. Завоевательные походы кара-киданей, найманов и монголов в начале II тыс. н. э. существенным образом

изменили этнокультурную ситуацию на Тянь-Шане и в Семиречье. Сюда из северных районов Центральной Азии переселились значительные массы тюркских и монгольских кочевых племен, которые принесли с собой кочевническую культуру монгольского облика. Города и оседло-земледельческие поселения Притяньшанья пришли в запустение [История..., 1984, с. 382–384]. Однако переселение в данные районы в первой половине около 200 тыс. монголов и включение их в состав улусов Чагатай и Хайду не привело к монголизации местного тюркоязычного кочевого населения. Наоборот, монгольские кочевые племена, переселенные в Притяньшанье в XIII в., тюркизировались в языковом отношении.

Культура кочевников Притяньшанья предмонгольского и монгольского времени сохранила ряд элементов, восходящих к древнетюркской культуре в погребальной обрядности и инвентарном комплексе. К их числу относится обычай помещать в могилу берцовую кость барана и предметы конской сбруи [Табалдиев, 1996, с. 139]. Изменение форм погребальной обрядности и распространение единичных ингумаций в грунтовых ямах под овальными каменными насыпями в первой половине II тыс. н. э. носило в центрально-азиатском историко-культурном регионе стадильный характер и отражало ориентацию кочевых племен на господствующие каноны монгольской культуры.

Наследие древнетюркской культуры сохранило свое значение в виде реминисценций в традиционной этнографической культуре и фольклоре современного кыргызского народа, в состав которого вошло в качестве этнического субстрата тюркоязычное население западных районов Притяньшанья.

По мнению И.Б. Молдобаева, упоминание в кыргызском эпосе обычая ставить на могилах памятный знак может быть связано с центрально-азиатской традицией установки каменных изваяний [1983, с. 125–126].

В.П. Мокрынин считает «отголосками культа предков обычай изготовления кыргызами деревянного изображения души умершего, называемого “тул”» [1986, с. 116]. Сведения об этом обычае есть и в эпосе «Манас». Такие поверья могут восходить к поминальной традиции древних тюрков устанавливать каменные изваяния [Мокрынин, 1986, с. 117].

По наблюдениям К.Ш. Табалдиева, в погребальной и поминальной обрядности кыргызов Тянь-Шаня использовались лошади и овцы, а также части туш этих животных [1996, с. 30–35]. К подобным обычаям относятся: закалывание лошади для поминок, подношение снаряженной лошади мулле, вывешивание хвоста лошади на могиле [Кастанье, 1911, с. 100]. На могилы иногда помещали головы или хвосты лошадей [Абрамзон, 1971, с. 320]. В ряде случаев в могилу клали тушу барана [Абрамзон, 1946, с. 53]. Когда тело умершего не могли найти, иногда вместо него хоронили барана [Табалдиев, 1996, с. 34]. Эти обычаи могут восходить к погребальной и поминальной обрядности древнетюркского времени.

Наследие древнетюркской культуры в сочетании с последующими напластованиями сохранилось в традиционной этнографической культуре кыргызского народа, основанной на скотоводческом хозяйстве и кочевом образе жизни. В убранстве всадника и верхового коня, формах жилища и средств передвижения, традиционных приемах ведения скотоводческого хозяйства и охоты, а также в обработке продуктов скотоводства присутствуют элементы, восходящие к древнетюркскому

времени. Орнаментальный комплекс прикладного искусства кыргызов, по мнению С.М. Абрамзона, сложился в кочевнической среде в IX–XII вв. и получил дальнейшее развитие в XIII–XVI вв. [1971, с. 402]. Предметы конского снаряжения, мужские пояса и женские украшения изготавливали из железа и украшали серебряной аппликацией. Подобная традиция восходит к началу II тыс. н. э., когда техника серебрения по железу заменила распространенную в древнетюркской культуре технологию золочения бронзовых изделий. Истоки многих элементов материальной и духовной культуры современного кыргызского народа ведут свое происхождение от древнетюркской культуры.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Древнетюркская эпоха является одним из наиболее ярких и значительных периодов в военно-политической, социально-экономической и этнокультурной истории средневекового кочевого населения Тянь-Шаня. Впервые в истории территория Притяньшанья вошла в систему тюркских государственных образований. В результате массовых миграций из северных районов Центральной Азии Семиречье и Тянь-Шань стали зоной расселения тюркоязычных кочевых племен. В процессе развития городов – центров оседлой жизни, ремесла, торговли и земледелия – территория Кыргызстана стала районом активных контактов, взаимовлияния и взаимодействия городской, оседло-земледельческой и кочевой цивилизаций, зоной соприкосновения тюркского и иранского миров.

Период раннего средневековья в истории Кыргызстана, как продемонстрировал анализ письменных исторических и археологических источников, включал несколько этапов расселения тюркоязычных кочевников по территории Притяньшанья и создания ими государственных образований.

Первый этап массовой миграции тюркских кочевых племен связан с образованием Первого Тюркского каганата и вхождением в его состав Семиречья и Тянь-Шаня. Данный этап характеризуется притоком значительной массы монголоидного населения из северных районов Центральной Азии, принесшего с собой основные элементы древнетюркской культуры (в т. ч. древнетюркскую погребальную и поминальную обрядность) и компоненты предметного комплекса. В это время Притяньшанье являлось частью огромного единого Первого Тюркского каганата, в котором формировались основы политического и государственного устройства, военно-административной системы, схожие элементы кочевой культуры.

Первый Тюркский каганат, объединивший на сравнительно короткий временной период практически весь степной пояс Евразии, явился одним из самых главных и активных трансляторов элементов древнетюркской культуры в кочевом мире. Во время длительных войн и переселений благодаря древним тюркам в степной зоне Евразии и за ее пределами получили распространение следующие новации: жесткое седло со стременами, упрочившее посадку всадника и сделавшее возможным его участия в конном бою; луки и стрелы; палаши и сабли; защитное вооружение; воинские наборные пояса, характеризующие оснащение и экипировку древнетюркского панцирного конного воина. Кочевники широко и охотно заимствовали престижные элементы древнетюркской военно-дружинной культуры, связанные с военным делом, коллективной загонной охотой и другими видами деятельности, считавшимися достойными для тюркской военно-служилой знати. Заимствование вооружения, воинского снаряжения и особенностей костюма,

а также снаряжения боевого коня не ограничивалось кочевой средой. Оно было характерно и для оседло-земледельческих районов, попавших в орбиту тюркского влияния.

Особенно значительны следы влияния древнетюркской культуры на средневековый Согд. Кочевая среда тоже активно воспринимала культурные новации из стран оседло-земледельческой цивилизации. Влияние согдийцев на тюрков в области материальной и духовной культуры в период существования Первого Тюркского каганата было столь велико, что может свидетельствовать в пользу образования своеобразного тюркско-согдийского культурного симбиоза [Кляшторный, Савинов, 1994, с. 24–26; Худяков, 2007а, с. 121]. Создание в рамках каганата отдельной автономной военно-административной системы западного крыла тюркского народа-войска способствовало его обособлению от единого тюркского этнического массива в период обострения династийных распрей и междоусобных войн представителей правящего рода Ашина, боровшихся за верховную власть в каганате. Это повлекло за собой раздел единого тюркского государственного образования на два самостоятельных каганата. Обособление народа «десяти стрел» в самостоятельный этнос и создание Западного Тюркского каганата способствовали этнической и культурной консолидации тюркоязычных кочевых племен, проживавших в Притяньшанье [Худяков, 2007а, с. 104–105].

Древнетюркская культура в Семиречье и на Тянь-Шане во время существования Западного Тюркского каганата приобрела своеобразные черты. Они прослеживаются в конструктивных особенностях погребальных и поминальных комплексов, в ориентации каменных изваяний и отсутствии балбалов, в составе и облике сопроводительного инвентаря. Поминальные памятники западных тюрков в известной степени утратили характер сугубо воинского культа и приобрели значение объектов поминовения предков, в отличие от комплексов восточных тюрков, сохранивших военный характер. В предметном комплексе западных тюрков отчетливо прослеживаются контакты с оседло-земледельческим ирано-язычным населением Средней Азии.

Определенное своеобразие присуще также предметам вооружения, снаряжения всадника и боевого коня. В памятниках западных тюрков значительно реже, чем в комплексах восточных тюрков и кыргызов, встречаются предметы вооружения для ближнего боя и защиты. В обеспечении средствами защиты западные тюрки не похожи на воинов Согда и Восточного Туркестана. Однако эти отличия могут объясняться разной степенью изученности оседло-земледельческих и кочевнических культур Средней Азии [Расопова, 1980, с. 107].

В период существования Западного Тюркского каганата на подчиненной территории развивались городские и оседло-земледельческие центры с преимущественно согдийским населением, активно функционировала трансконтинентальная караванная торговля. Сложилась определенная система взаимоотношений со странами Передней и Восточной Азии. У правящей элиты каганата сформировались традиции управления подвластным населением и решения задач внешней политики. В различных районах Притяньшанья, помимо тюркских кочевников, продолжало обитать и иноэтничное население, связанное с традициями кочевнических культур сакского и гуннского времени.

Устранение от власти в каганате правящего рода Ашина и создание на базе Западного Тюркского каганата нового государственного образования – Тюркешского

каганата не изменило характера и направленности процессов этнокультурогенеза в Притяньшанье. Локальные особенности древнетюркской культуры в Семиречье и на Тянь-Шане проявились более отчетливо. Это выразилось, в частности, в особенностях поминального культа предков, в появлении, наряду с изваяниями предков-мужчин, статуй, изображающих женщин и даже детей. Все перечисленное существенно отличается от компонентов поминальных комплексов восточных тюрков Саяно-Алтая и Монголии. Сложнее судить об особенностях погребальной обрядности в каждом регионе. Тем не менее, между тюркскими племенами каганатов поддерживалась постоянные этнокультурные контакты. Об этом свидетельствует сходство облика культур.

Вероятно, именно в этот период могла быть заимствована во Втором Тюркском каганате руническая письменность, получившая распространение в Притяньшанье. Тюргешки неоднократно вступали в военно-политические союзы с другими тюркскими кочевыми государствами, а тюргешские каганы заключали династические браки с правящими родами этих держав. Тюргешский каганат смог некоторое время противостоять военному натиску могущественных средневековых государств – Арабского Халифата и империи Тон. В период существования Тюргешского каганата установились регулярные дипломатические, военно-политические, торговые и культурные контакты с государством кыргызов на Енисее. На землях, входивших в состав Тюргешского каганата, продолжали развиваться города, транзитная торговля, обмен товарами, производимыми в городских ремесленных центрах и хозяйствах кочевых скотоводов. Было введено собственное денежное обращение. На территории каганата продолжали обитать разные этнические и конфессиональные группы населения. Однако внутренние усобицы, значительно ослабившие каганскую власть и управление в государстве тюргешей, привели к тому, что Притяньшанье стало полем военных действий для войск арабов и китайцев. Семиречье и Тянь-Шань испытали приток новых значительных масс кочевого тюрко-язычного населения, состоявшего из карлуков, переселившихся под давлением уйгуров из Джунгарии. Новая миграция значительно изменила этнокультурный облик региона.

Переселение карлуков, чигилей и ягма в Притяньшанье и образование государства карлукских ягбу ознаменовали собой начало нового этапа в развитии древнетюркской культуры на Тянь-Шане. Археологические комплексы VIII–X вв. наряду с традиционными элементами древнетюркской культуры содержат инновации. В этот период продолжали существовать характерные для древнетюркских кочевников погребально-поминальные обряды, в том числе традиции совершения погребений по обряду ингумации с конем и сооружения поминальных оградок с установкой изваяний, а также захоронения других различных групп кочевого населения, этнически отличающегося от тюрков. Им принадлежат курганы с погребениями в ямах-подбоях и каменных гробницах на уровне горизонта. Эти памятники восходят к традициям кочевников сакского и гуинского времени. Судя по этим памятникам, ряд древних кочевых племен сохранил этническое своеобразие в течение всего раннего средневековья [Бернштам, 1952, с. 87–89; История..., 1984, с. 335–337].

В конце I тыс. н. э. в Притяньшанье впервые появились отдельные погребения по обряду кремации, что может свидетельствовать о проникновении в этот район

енисейских кыргызов, которые в IX–X вв. расширили пределы Кыргызского каганата до Восточного Тянь-Шаня. Для выявления этнокультурных особенностей племен, входивших в состав объединения «десяти стрел» и карлукского племенного союза, необходимы новые материалы и целенаправленные исследования.

В период существования государства карлуков в Притяньшанье происходило дальнейшее развитие центров городской оседлой цивилизации. Развивались земледелие, ремесла, торговля и горнорудные промыслы. Часть городского населения была тюркизирована. В городах продолжало проживать согдийское население. Существовали и развивались активные торговые связи с Южной Сибирью, Центральной Азией и Дальним Востоком. Карлукское государство поддерживало дипломатические и военно-политические контакты с различными государствами. На территории Притяньшанья взаимодействовали разные культурные традиции. Семиречье и Тянь-Шань были зоной распространения различных прозелитарных вероучений.

Принятие в X в. в Караханидском каганате в качестве государственной религии ислама и массовая исламизация кочевого населения существенно повлияли на процесс культурогенеза в Притяньшанье. Древнетюркская культура и ее основные элементы прекратили существование. В Семиречье и на Тянь-Шане после X в. перестали сооружать древнетюркские погребальные и поминальные памятники, а также использовать руническую письменность. Это произошло не только в связи с победой ислама, поскольку к тому времени древнетюркская культура прекратила существовать в Саяно-Алтае и Монголии. Культура тюркоязычного кочевого населения Тянь-Шаня трансформировалась в иные формы, получившие широкое распространение в кочевом мире в развитом средневековье – в начале II тыс. н. э. [Табалдиев, 1996, с. 135–140]. Однако ряд элементов, характерных для древнетюркской культуры, сохранился в культуре кочевого населения Притяньшанья и в позднем средневековье и в этнографической современности. Наследие древнетюркской культуры нашло отражение в традиционной культуре тюркоязычных народов Средней Азии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абетеков А.К. Археологические памятники кочевых племен в западной части Чуйской долины // Древняя и раннесредневековая культура Киргизстана. – Фрунзе: Илим, 1967. – С. 46–52.
- Абетеков А.К., Кожомбердиев И.К., Мокрынин В.П. Памятники тюркского времени // Кетмень-Тюбе. – Фрунзе: Илим, 1977. – С. 200–203.
- Абрамзон С.М. Очерк культуры киргизского народа. – Фрунзе: Изд-во Киргиз. филиала АН СССР, 1946. – 122 с.
- Абрамзон С.М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. – Л.: Наука, 1971. – 393 с.
- Акишев К.А., Байпаков К.М. Вопросы археологии Казахстана. – Алма-Ата: Мектеп, 1979. – 160 с.
- Акматов К.Т. Петроглифы Орнока // Материалы и исследования по археологии Кыргызстана. – Бишкек: Илим, 2008. – Вып. 3. – С. 11–18.
- Альбаум Л.И. Об этнической принадлежности некоторых «балбалов» // Краткие сообщ. ИИМК АН СССР. – М.: Изд-во АН СССР, 1960. – Вып. 80. – С. 95–100.
- Аманжолов А.С. К интерпретации чуйских рунических надписей // Байыркы кыргыз тарыхынын актуалдуу проблемалары: Тез. докл. Междунар. науч. конгресса. – Бишкек: Кыргыз-Турк «Манас» университети, 2001. – С. 97–100.
- Аманжолов А.С. История и теория древнетюркского письма. – Алматы: Мектеп, 2003. – 368 с.
- Амброз А.К. Восточно-европейские и среднеазиатские степи V – первой половины VIII вв. // Степи Евразии в эпоху средневековья. Сер. Археология СССР. – М.: Наука, 1981. – С. 10–23.
- Анке Б.Х., Гукш Х., Табалдиев К.Ш., Солтобаев О.А., Худяков Ю.С. Археологические исследования на Тянь-Шане // Обзорные результаты полевых и лабораторных исследований археологов и этнографов Сибири и Дальнего Востока в 1994–1996 годах. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. – С. 189–190.
- Аристов Н.А. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности // Живая старина. – 1896. – Вып. 3/4. – С. 277–456.
- Арсланова Ф.Х. Погребения тюркского времени в Восточном Казахстане // Культура скотоводов и земледельцев Казахстана. – Алма-Ата: Наука, 1969. – С. 43–57.
- Археологическая карта Казахстана. – Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1960. – 449 с.
- Аскараров А.А., Ионесов В.И. Жертвоприношения животных в погребальной практике оседлых земледельцев древней Бактрии // История материальной культуры Узбекистана. – Ташкент: Ин-т археологии, 1991. – Вып. 25. – С. 22–32.
- Ахинжанов С.М. Об этнической принадлежности каменных изваяний в «трехрогих» головных уборах из Семиречья // Археологические памятники Казахстана. – Алма-Ата: Наука, 1978. – С. 65–79.

- Байпаков К.М., Настич В.Н.** Клад серебряных вещей и монет XIII века из Отрара // Казахстан в эпоху феодализма (проблемы этнополитической истории). – Алма-Ата: Наука, 1981. – С. 20–60.
- Бартольд В.В.** Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью в 1893–1984 гг. // Зап. Имп. Академии наук по ист.-филол. отд. – СПб., 1897. – Сер. 8, т. 1. – № 4.
- Бартольд В.В.** Очерк истории Семиречья // Памятная книжка Семиреченского областного статистического комитета. – Верный, 1898. – С. 74–175.
- Бартольд В.В.** Киргизы. Исторический очерк. – Фрунзе, 1927. – 57 с.
- Бартольд В.В.** Киргизы. Исторический очерк. – Фрунзе: Киргизгосиздат, 1943. – 80 с.
- Бартольд В.В.** Киргизы. Исторический очерк // Сочинения. – М.: Изд-во вост. лит-ры, 1963. – Т. 2, ч. 1. – С. 471–543.
- Баруздин Ю.Д.** Кара-Булакский могильник // Изв. АН Кирг. ССР. Сер. обществ. наук. – Фрунзе: Изд-во АН Кирг. ССР, 1961. – Т. 3, вып. 3. – С. 57–69.
- Баялиева Т.Д.** Доисламские верования и пережитки у киргизов. – Фрунзе: Илим, 1972. – 170 с.
- Баяр Д.** Каменные изваяния из Сухэ-Баторского аймака (Восточная Монголия) // Древние культуры Монголии. – Новосибирск: Наука, 1985. – С. 148–159.
- Бейсенов А.З., Кожакоев Д.А.** Средневековые памятники Центрального Казахстана // История и археология Семиречья. – Алматы: Фонд «Родничок», 2001. – Вып. 2. – С. 150–164.
- Бернштам А.Н.** Происхождение турок. К постановке проблемы // Проблемы истории докапиталистических обществ. – 1935. – № 5/6. – С. 43–54.
- Бернштам А.Н.** Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. – 346 с. – (МИА; № 26).
- Бичурин Н.Я.** Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – Ч. 1. – 381 с.
- Байбосынов К.** Жанбыл оніріндегі тас мүсіндер (Каменные изваяния Жамбыльской области). Фотоальбом. – Алматы: Анер, 1996. – 176 с.
- Борисенко А.Ю., Табалдиев К.Ш., Худяков Ю.С.** Особенности поминальной и погребальной обрядности у западных и восточных тюрков в Средней и Центральной Азии // Изучение культурного наследия Востока. Культурные традиции и преемственность в развитии древних культур и цивилизаций: Мат-лы конф. в Санкт-Петербурге. – СПб.: Европейский дом, 1999. – С. 110–111.
- Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С., Табалдиев К.Ш., Солтобаев О.А.** Вооружение западных тюрков // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер. История, филология. – 2006. – С. 70–86. – (Т. 5; Вып. 3: Археология и этнография).
- Бубнова М.А.** Добыча серебро-свинцовых руд в Шельджи в IX–XII вв. // Археологические памятники Таласской долины. – Фрунзе: Изд-во АН Кирг. ССР, 1963. – С. 225–262.
- Буряков Ю.А., Крамаровский М.Г.** Поясной набор XIII века из Самарканда // СА. – 1974. – № 2. – С. 258–263.
- Вайнштейн С.И.** Некоторые вопросы истории древнетюркской культуры (в связи с археологическими исследованиями в Туве) // СЭ. – 1966а. – № 3. – С. 67–94.
- Вайнштейн С.И.** Памятники второй половины I тысячелетия в Западной Туве // Тр. Тув. комплекс. археолого-этнограф. экспедиции. – М.; Л.: Наука, 1966б. – Т. 2. – С. 292–347.
- Вайнштейн С.И.** Мир кочевников центра Азии. – М.: Наука, 1991. – 296 с.
- Валиханов Ч.Ч.** Записки о киргизах // Собр. соч. в 5 т. – Алма-Ата: Гл. ред. Казах. сов. энциклопедии, 1985. – Т. 2. – С. 7–89.

- Ведерников Ю.А., Худяков Ю.С., Омелаев А.И.** Баллистика от стрел до ракет. – Новосибирск: Ин-т теор. и прикл. механики СО РАН, 1995. – 235 с.
- Винник Д.Ф.** Тюркские памятники Таласской долины // Археологические памятники Таласской долины. – Фрунзе: Изд-во АН Кирг. ССР, 1963а. – С. 79–93.
- Винник Д.Ф.** Новые эпиграфические памятники Таласской долины // Археологические памятники Таласской долины. – Фрунзе: Изд-во АН Киргиз. ССР, 1963б. – С. 94–99.
- Винник Д.Ф.** Археологическая карта Тонской долины // Археологические памятники Прииссыккуля. – Фрунзе: Илим, 1975. – С. 160–175.
- Винник Д.Ф.** История изучения каменных изваяний Кыргызстана // Из истории и археологии древнего Тянь-Шаня. – Бишкек: Илим, 1995. – С. 160–175.
- Войтов В.Е.** Древнетюркский пантеон и модель мироздания в культово-поминальных памятниках Монголии VI–VIII вв. – М.: Изд-во ГМБ, 1996. – 152 с.
- Гапоненко В.М.** Наскальные изображения Таласской долины // Археологические памятники Таласской долины. – Фрунзе: Изд-во АН Кирг. ССР, 1963. – С. 101–110.
- Гаврилова А.А.** Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. – М.; Л.: Наука, 1965. – 143 с.
- Гаман А.Д.** К вопросу о начале тюркизации населения Томского Приобья (по материалам погребального обряда) // Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий (по данным археологии). – Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 1992. – С. 34–38.
- Голубев А.Ф.** Отрывок из путешествия в Среднюю Азию. Зап. Рус. геогр. об-ва. – СПб., 1861. – Кн. 3. – С. 120.
- Горячева В.Д.** Город золотого верблюда (Краснореченское городище). – Фрунзе: Илим, 1988. – 117 с.
- Грач А.Д.** Хронологические и этнокультурные границы древнетюркского времени // Тюркологический сб. – М.: Наука, 1966. – С. 188–193.
- Грач А.Д.** Древнейшие тюркские погребения с сожжением в Центральной Азии // История, археология и этнография Средней Азии. – М.: Наука, 1968. – С. 207–213.
- Грач А.Д.** Вопросы датировки и семантики древнетюркских тамгообразных изображений горного козла // Тюркологический сборник. 1972. – М.: Наука, 1973. – С. 316–333.
- Грач А.Д.** Древнекыргызские курганы у северной границы котловины Больших озер и находки тибетских надписей на бересте // Страны и народы Востока. – М.: Наука, 1980. – Т. 22. – С. 103–123.
- Григорьев Ф.П., Загородний А.С.** Средневековые поминальные оградки могильника Иссык // Изучение памятников археологии Алтайского края: Мат-лы науч.-практ. конф. – Барнаул: НПЦ «Наследие», ЛИК БГПУ и АКНИКРО, 1995. – Вып. 5, ч. 2. – С. 176–181.
- Грум-Гржимайло Г.Е.** Западная Монголия и Урянхайский край. – Л.: [Б. и.], 1926. – Т. 2. – 898 с.
- Грязнов М.П.** Раскопки на Алтае // Сообщ. Гос. Эрмитажа. – Л., 1940. – Вып. 1. – С. 17–21.
- Грязнов М.П., Завитухина М.П., Комарова М.Н., Миняев С.С., Пшеницина М.Н., Худяков Ю.С.** Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. – Новосибирск: Наука, 1979. – 166 с.
- Гумилев Л.Н.** Алтайская ветвь тюркок-туго // СА. – 1959. – № 1. – С. 105–114.
- Гумилев Л.Н.** Древние тюрки. – М.: Клышников-Комаров и К°, 1993. – 526 с.
- Даркевич В.П.** Художественный металл Востока VIII–XIII вв.: Произведения восточной тюркетики на территории Европейской части СССР и Зауралья. – М.: Наука, 1976. – 200 с.

- Длужневская Г.В. Еще раз о «кудыргинском валуне» (К вопросу об иконографии Умай у древних тюрков) // Тюркологический сборник. 1974. – М.: Наука, 1978. – С. 230–237.
- Добжанский В.Н. Наборные пояса кочевников Азии. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 1992. – 162 с.
- Досымбаева А.М. Мерке – сакральная земля тюрков Жетысу. – Тараз: Сенім, 2002. – 107 с.
- Досымбаева А.М. Западный тюркский каганат. Культурное наследие казахской степи. – Алматы: Тюркское наследие, 2006. – 168 с.
- Дуйшеев Б.А. Память Тянь-Шаня. Исторические очерки о памятниках Киргизстана XVIII–XIX вв. – Фрунзе: Мектеп, 1986. – С. 39–51.
- Дьяконова В.П. Погребальный обряд тувинцев как историко-этнографический источник. – Л.: Наука, 1975. – 164 с.
- Евтюхова Л.А. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии // МИА. – М.: Изд-во АН СССР, 1952. – № 24. – С. 72–120.
- Ермоленко Л.Н. Средневековые каменные антропоморфные изваяния Казахских степей: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Кемерово, 1991. – 22 с.
- Ермоленко Л.Н. Описание похорон у тукю в китайских хрониках и обычай установки изваяний // Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий (по данным археологии). – Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 1992. – С. 39–42.
- Ермоленко Л.Н. О семантике средневековых кочевнических святилищ со скрытыми в насыпях изваяниями // Этнокультурные процессы в Южной Сибири и Центральной Азии I–II тыс. н. э. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1994. – С. 157–163.
- Ермоленко Л.Н. К проблеме изваяний в «трехрогих» головных уборах // Наскальное искусство Азии: Тез. докл. Междунар. конф. «Наскальное искусство Азии (изучение, сохранение, использование)». – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1995. – Вып. 1. – С. 54–55.
- Ермоленко Л.Н. Средневековые каменные изваяния казахстанских степей (типология, семантика в аспекте военной идеологии и традиционного мировоззрения). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. – 132 с.
- Жолдошев Ч.М. Изображения вооружения в средневековых петроглифах Кыргызстана // Материалы и исследования по археологии Кыргызстана. – Бишкек: Илим, 2005. – Вып. 1. – С. 67–74.
- Жумабаев А. Инвентарь погребения древнетюркского времени в районе с. Барскоон // Материалы по археологии Кыргызстана. – Бишкек: Илим, 2005. – Вып. 1. – С. 19–21.
- Заднепровский Ю.А. Тюркские памятники в Фергане // СА. – 1967. – № 1. – С. 270–274.
- Зуев Ю.А. Тамги лошадей вассальных княжеств // Новые материалы по древней и средневековой истории Казахстана. Тр. ИИАЭ АН КазССР. – Алма-Ата: Наука, 1960. – Т. 8. – С. 96–140.
- Зуев Ю.А. Ранние тюрки: очерки истории и идеологии. – Алматы: Дайк-Пресс, 2002. – 338 с.
- Зяблин Л.П. Средневековые курганы на Иссык-Куле // Тр. Киргизской археолого-этнографической экспедиции. – М., 1959. – Т. 2. – С. 139–154.
- Илюшин А.М. К вопросу об этнокультурной принадлежности погребений по обряду кремации на стороне конца I тысячелетия н. э. в лесостепной зоне Западной Сибири // Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий (по данным археологии). – Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 1992. – С. 52–56.
- Илюшин А.М., Сулейменов М.Г., Гузь В.Б., Стародубцев А.Г. Могильник Сапогово – памятник древнетюркской эпохи в Кузнецкой котловине. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 1992. – 127 с.

- История Киргизской ССР.** – Фрунзе: Кыргызстан, 1968. – Т. 1. – 708 с.
- История Киргизской ССР с древнейших времен до середины XIX в.** – Фрунзе: Кыргызстан, 1984. – Т. 1. – 798 с.
- Итс Р.Ф.** О каменных изваяниях в Синьцзяне // СЭ. – 1958. – № 2. – С. 100–103.
- Каллаур В.А.** Археологические экскурсии // Протоколы заседаний и сообщений членов Туркестанского кружка любителей археологии. – Ташкент, 1896. – Год 1. – С. 12–14.
- Каллаур В.А.** Каменные бабы в Аулиеатинском уезде // Протоколы заседаний и сообщений членов Туркестанского кружка любителей археологии. – Ташкент, 1897. – Год 3. – С. 9–14.
- Каллаур В.А.** Камень с древнетюркской надписью из Аулиеатинского уезда // Зап. Вост. отд-ния Рус. Имп. археол. об-ва. – СПб., 1899. – Т. 11. – С. 265–270.
- Караев О.К.** Арабские и персидские источники IX–XII вв. о киргизах и Киргизии. – Фрунзе, 1968. – 103 с.
- Караев О.К.** Земли тогузгузов, карлуков, хазладжия, хилхия, кимаков и киргизов по карте Ал-Идриси // Арабо-персидские источники о тюркских народах. – Фрунзе: Илим, 1973. – С. 4–48.
- Караев О.К.** Исследователи о взаимоотношениях енисейских и Тянь-Шаньских киргизов // Вопросы этнической истории киргизского народа. – Фрунзе: Илим, 1989. – С. 8–29.
- Караев О.К., Кожобеков М.О.** О переселении енисейских киргизов на Тянь-Шань // Вопросы этнической истории киргизского народа. – Фрунзе: Илим, 1989. – С. 41–66.
- Кармышева Б.Х.** Этнографическая группа «тюрки» в составе узбеков // СА. – 1960. – № 1. – С. 3–22.
- Кибиров А.К.** Археологические работы в Центральном Тянь-Шане // Тр. Киргизской археолого-этнографической экспедиции. – М.: Изд-во АН СССР, 1959. – Т. 2. – С. 77–130.
- Киселев С.В.** Древняя история Южной Сибири. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. – 643 с. – (МИА; № 9).
- Кляшторный С.Г.** Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. – М.: Наука, 1964. – 215 с.
- Кляшторный С.Г.** Проблемы ранней истории племени Турк (Ашина) // Новое в советской археологии. – М.: Наука, 1965. – С. 278–281.
- Кляшторный С.Г.** Древнетюркская письменность и культура народов Центральной Азии // Тюркологический сборник. 1972. – М.: Наука, 1973. – С. 254–264.
- Кляшторный С.Г.** Терхинская надпись. Предварительная публикация // Советская тюркология. – 1980. – № 3. – С. 82–95.
- Кляшторный С.Г.** Мифологические сюжеты в древнетюркских памятниках // Тюркологический сборник 1977 года. – М.: Наука, 1981. – С. 117–138.
- Кляшторный С.Г.** Рабы и рабыни в древнетюркской общине // Древние культуры Монголии. – Новосибирск: Наука, 1985. – С. 159–168.
- Кляшторный С.Г.** Рунические памятники Таласа (проблемы датировки и топографии) // Из истории и археологии древнего Тянь-Шаня. – Бишкек: Илим, 1995. – С. 154–159.
- Кляшторный С.Г.** Новые открытия древнетюркских рунических надписей на Центральном Тянь-Шане // Известия НАН КР. – 2001. – № 1/2. – С. 73–75.
- Кляшторный С.Г., Колесников А.А.** Восточный Туркестан глазами русских путешественников. – Алма-Ата: Наука, 1988. – 224 с.
- Кляшторный С.Г., Колесников А.А., Басханов М.К.** Восточный Туркестан глазами европейских путешественников. – Алма-Ата: Наука, 1991. – 184 с.
- Кляшторный С.Г., Лившиц В.А.** Согдийская надпись из Бугута // Страны и народы Востока. – М.: Наука, 1971. – Вып. 10. – С. 121–146.

- Кляшторный С.Г., Лившиц В.А. Открытие и изучение древнетюркских и согдийских эпиграфических памятников Центральной Азии // Археология и этнография Монголии. – Новосибирск: Наука, 1978. – С. 37–60.
- Кляшторный С.Г., Лубо-Лесниченко Е.И. Бронзовое зеркало из Восточного Туркестана с рунической надписью // Сообщ. Гос. Эрмитажа. – Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1974. – Вып. 39. – С. 45–48.
- Кляшторный С.Г., Мокеев А.М., Мокрынин В.П. Основные этапы этногенеза киргизского народа // Тюркология-88: Тез. докл. и сообщ. V Всесоюз. тюркологич. конф. – Фрунзе: Илим, 1988. – С. 42–44.
- Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи Евразии. – СПб.: Фарн, 1994. – 165 с.
- Кожемяко П.Н. Раннесредневековые города и поселения Чуйской долины. – Фрунзе: Изд-во АН Кирг. ССР, 1959. – 186 с.
- Кожомбердиев И.К., Худяков Ю.С. Комплекс вооружения кенкольского воина // Археология Северной Азии. – Новосибирск: Наука, 1987. – С. 75–106.
- Кожомбердиев И.К., Худяков Ю.С. Реконструкция древнетюркского панциря из памятника Сары-Джон // Информ. бюл. МАИКЦА. – 1990. – Вып. 17. – С. 48–52.
- Кожомбердиев И.К., Худяков Ю.С. Коллекция средневекового оружия с территории Кыргызстана // Из истории и археологии древнего Тянь-Шаня. – Бишкек: Илим, 1995. – С. 110–119.
- Кожомбердиев И.К., Худяков Ю.С. Древнетюркский панцирь из Кыргызстана // Древний и средневековый Кыргызстан. – Бишкек: Илим, 1996. – С. 120–123.
- Колпаковский Г.А. О древних постройках, найденных в озере Иссык-Куль // Изв. Рус. геогр. об-ва. – СПб., 1870. – Т. 6. – Отд. 2. – С. 103–104.
- Кольченко В.А., Ротт Ф.Г. Погребение человека с конем в Кенешском могильнике // Известия НАН КР. Сер. общественных наук. – 2005. – № 1. – С. 116–124.
- Кольченко В.А., Ротт Ф.Г. Аварийные раскопки на могильнике Кароол-Дебе в 2003 г. // Материалы и исследования по археологии Кыргызстана. – Бишкек: Илим, 2007. – Вып. 2. – С. 21–34.
- Кононов А.Н. Опыт анализа термина турк // СЭ. – 1949. – № 1. – С. 40–47.
- Костюков В.П. Тюркские поминальные комплексы на Южном Урале // Этнокультурные процессы в Южной Сибири и Центральной Азии в I–II тыс. н. э. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 1994. – С. 138–156.
- Крюков М.В., Малявин В.В., Софронов М.В. Китайский этнос в средние века (VII–XIII вв.). – М.: Наука, 1984. – 336 с.
- Кубарев В.Д. Новые сведения о древнетюркских оградках Восточного Алтая // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск: Наука, 1979. – С. 135–160.
- Кубарев В.Д. Древнетюркские изваяния Алтая. – Новосибирск: Наука, 1984. – 232 с.
- Кубарев В.Д. Курганы Уландрыка. – Новосибирск: Наука, 1987. – 301 с.
- Кумекон Б.Е. Расселение карлуков по карте Ал-Идриси (XII в.) // Казахстан в эпоху феодализма. – Алма-Ата: Наука, 1981а. – С. 5–11.
- Кумекон Б.Е. Сообщение Ал-Идриси (XII в.) о странах кимаков и карлуков // Казахстан в эпоху феодализма. – Алма-Ата: Наука, 1981б. – С. 12–19.
- Курманкулов Ж. Погребение воина раннетюркского времени // Археологические исследования древнего и средневекового Казахстана. – Алма-Ата: Наука КазССР, 1980. – С. 191–197.
- Курманкулов Ж.К., Жаныбеков Б.Ш. Каменное изваяние шаманки в «трехрогом» головном уборе из Северного Прибалхашья // Маргулановские чтения. Тезисы докладов. – Петропавловск, 1992. – С. 109–110.
- Кызласов Л.Р. История Тувы в средние века. – М.: Изд-во МГУ, 1969. – 211 с.

- Кызласов Л.Р. Древняя Тува (от палеолита до IX в.). – М.: Изд-во МГУ, 1979. – 207 с.
- Кызласов И.Л. Рунические алфавиты Средней Азии // Из истории и археологии древнего Тянь-Шаня. – Бишкек: Илим, 1995. – С. 142–154.
- Кызласов И.Л. Прочтение наскальных рунических надписей Кыргызстана // Материалы и исследования по археологии Кыргызстана. – Бишкек: Илим, 2005. – Вып. 1. – С. 54–67.
- Кызласов Л.Р., Король Г.Г. Декоративное искусство средневековых хакасов как исторический источник. – М.: Наука, 1990. – 216 с.
- Кюннер Н.В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. – М.: Изд-во вост. лит-ры, 1961. – 392 с.
- Ли Синьань. Тайны Синьцзяна // Мост. – 1988. – С. 7–8.
- Лившиц В.А. О происхождении древнетюркской рунической письменности // Археологические исследования древнего и средневекового Казахстана. – Алма-Ата: Наука, 1980. – С. 3–19.
- Лубо-Лесниченко Е.И. «Уйгурский» и «киргизский» пути в Центральной Азии // Тр. Гос. Эрмитажа. – Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1989. – Т. 27. – С. 4–9.
- Мажитов Н.А., Султанова А.Н. История Башкортостана с древнейших времен до XVI века. – Уфа: Китап, 1994. – 360 с.
- Малов С.Е. Таласские эпиграфические памятники // Материалы Узкомстариса. – М.; Л., 1936. – Вып. 6/7. – С. 13–38.
- Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. – Л.: Изд-во АН СССР, 1951. – 452 с.
- Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. – 111 с.
- Маливкин А.Г. Тактика танского государства в борьбе за гегемонию в восточной части Центральной Азии // Дальний Восток и соседние территории в средние века. – Новосибирск: Наука, 1980. – С. 103–126.
- Маливкин А.Г. Уйгурские государства в IX–XII вв. – Новосибирск: Наука, 1983. – 297 с.
- Маливкин А.Г. Марионетки из рода Ашина // Восточный Туркестан и Средняя Азия. – М.: Наука, 1984. – С. 138–155.
- Маливкин А.Г. Борьба Тибета с танским государством за Кашгарию. – Новосибирск: Наука, 1992. – С. 288.
- Мамадаков Ю.Т. Ритуальные сооружения булан-кобинской культуры // Археология Горного Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1994. – С. 58–63.
- Мандельштам А.М. Характеристика тюрков IX в. в «Послании Фатху б. Хакану» Ал-Джахиза // Тр. Института истории, археологии и этнографии АН КазССР. – Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1956. – Т. 1. – С. 227–253.
- Маршак Б.И. Согдийское серебро. – М.: Наука, 1971. – 158 с.
- Марьяшев А.Н. Петроглифы Семиречья // Звери в камне. – Новосибирск: Наука, 1980. – С. 211–229.
- Марьяшев А.Н., Рогожинский А.Е. Наскальные изображения в горах Ешкиольмес. – Алма-Ата: Гылым, 1991. – 48 с.
- Массон М.Е. К истории открытия древнетурецких рунических надписей в Средней Азии // Материалы Узкомстариса. – М.; Л., 1936. – Вып. 6/7. – С. 17–38.
- Матбабаев Б.Х. Могильник Мунчактепа в Северной Фергане // РА. – 1999. – № 3. – С. 124–140.
- Материалы по истории киргизов и Киргизии. – М.: Наука, 1973. – Вып. 1. – 280 с.
- Материалы по истории туркмен и Туркмении. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1939. – Т. 1. – 70 с.

- Мелноранский П.М. По поводу новой археологической находки в Аулиеатинском уезде // Зап. Вост. отд-ния. Рус. археол. об-ва. – СПб., 1899. – Т. 11. – С. 271–272.
- Миклашевич Е.А. Петроглифы Чолпон-Аты // Древнее искусство Азии. Петроглифы. – Кемерово: Кемер. гос. ун-т, 1995. – С. 63–68.
- Миллер Г.Ф. История Сибири. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. – Т. 1. – 607 с.
- Миллер Г.Ф. История Сибири. – М.: Восточная литература, 1999. – Т. 1. – 630 с.
- Могильников В.А. Карлуки // Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР. – М.: Наука, 1981а. – С. 46.
- Могильников В.А. Тюрки // Степи Евразии в эпоху средневековья. – М.: Наука, 1981б. – С. 29–43.
- Мокрынин В.П. Торговые связи Кыргызстана (VI–X вв.) // Арабо-персидские источники о тюркских народах. – Фрунзе: Илим, 1973. – С. 99–122.
- Мокрынин В.П. Дипломатическая практика в Западно-Тюркском каганате // Страницы истории и материальной культуры Кыргызстана. – Фрунзе: Илим, 1975а. – С. 110–123.
- Мокрынин В.П. О женских каменных изваяниях Тянь-Шаня и их этнической принадлежности // Археологические памятники Прииссыккуля. – Фрунзе: Илим, 1975б. – С. 113–119.
- Мокрынин В.П. Беловодский некрополь // Памятники Кыргызстана. – Фрунзе: Илим, 1982. – Вып. 6. – С. 51–53.
- Мокрынин В.П. Сведения о тюркских народах в минералогическом трактате ал-Бируни // Киргизия при Караханидах. – Фрунзе: Илим, 1983. – С. 203–220.
- Мокрынин В.П. По следам прошлого. – Фрунзе: Кыргызстан, 1986. – 128 с.
- Мокрынин В.П., Гаврюшенко П.П. Древнетюркские памятники долины реки Тон // Археологические памятники Прииссыккуля. – Фрунзе: Илим, 1975. – С. 102–112.
- Молдобаев И.Б. Эпос «Жаныш и Байыш» как историко-этнографический источник. – Фрунзе: Илим, 1983. – 169 с.
- Молдобаев И.Б. Этническая и культурная общность киргизов с народами Саяно-Алтая // Вопросы этнической истории киргизского народа. – Фрунзе: Илим, 1989а. – С. 90–113.
- Молдобаев И.Б. Эпос «Манас» как источник духовной культуры киргизского народа. – Фрунзе: Илим, 1989б. – 152 с.
- Москалев М.И. Новые материалы к археологической карте Ак-Талинского района // Материалы и исследования по археологии Кыргызстана. – Бишкек: Илим, 2007. – С. 55–63.
- Москалев М.И. Материалы к археологической карте Кочкорского района // Материалы и исследования по археологии Кыргызстана. – Бишкек: Илим, 2008. – С. 19–30.
- Москалев М.И., Солтобаев О.А. Каменные изваяния Кошой-Коргонского музея // Материалы и исследования по археологии Кыргызстана. – Бишкек: Илим, 2008. – С. 31–33.
- Москалев М.И., Табалдиев К.Ш., Митько О.А. Культура средневекового населения Внутреннего Тянь-Шаня и сравнительный анализ с сопредельными регионами Центральной Азии. – Бишкек: Фонд Сороса Кыргызстан, 1996. – С. 122–235.
- Мотов Ю.А. Раннесредневековые каменные оградки урочища Момбай-Сазы // История и археология Семиречья. – Алматы: Фонд «Родничок»; Фонд «XXI век», 2001. – Вып. 2. – С. 142–149.
- Нестеров С.П. Происхождение древних тюрков по этногенеалогическим легендам // Мат-лы XVII Всесоюз. науч. студ. конф. (История). – Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 1979. – С. 132–136.

- Нестеров С.П. Конь в культах тюркоязычных племен Центральной Азии в эпоху средневековья. – Новосибирск: Наука, 1990. – 143 с.
- Новгородова Э.А. Кыпчакские святилища на юге Казахстана (Сандыкский перевал, г. Мерке) // Ученые записки комиссии по изучению памятников цивилизаций древнего и средневекового Востока Всесоюз. Асс. Востокведов (Археологические источники). – М.: Наука, 1989. – С. 136–176.
- Овчинникова Б.Б. Тюркские древности Саяно-Алтая в VI–X вв. – Свердловск: Изд-во УрГУ, 1990. – 220 с.
- Оморев Н. Об одной каменной скульптуре из Кара-Балты // Некоторые вопросы археологии и этнографии Кыргызстана: Сб. науч. тр. Кыргыз. гос. ун-та. – Бишкек, 1991. – С. 22–31.
- Памятники культуры и искусства Киргизии (древность и средневековье): Каталог выставки. – Л.: Искусство, 1983. – 80 с.
- Петров К.И. Очерк происхождения киргизского народа. – Фрунзе: Изд-во АН Киргиз. ССР, 1963. – 147 с.
- Плетнева С.А. От кочевий к городам (Салтово-Маяцкая культура). – М.: Наука, 1967. – 198 с.
- Плоских В.М., Галицкий В.Я. Открытие древностей Иссык-Куля // Археологические памятники Прииссыккуля. – Фрунзе: Илим, 1975. – С. 6–41.
- Потапов Л.П. Очерки по истории алтайцев. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. – 444 с.
- Потапов Л.П. Происхождение и формирование хакасской народности. – Абакан: Хакас. книги. изд-во, 1957. – 307 с.
- Потапов Л.П. Конь в верованиях и эпосе Саяно-Алтая // Фольклор и этнография. Связь фольклора с древними представлениями и обрядами. – Л.: Наука, 1977. – С. 164–178.
- Пугаченкова Г.А. Искусство Туркменистана. – М.: Искусство, 1967. – 325 с.
- Радлов В.В. Разбор древнетюркской надписи на камне, найденном в урочище Айртам-Ой в Кенкольской волости Аулиеатинского уезда // Зап. Вост. отд-ния. Рус. археол. об-ва. – СПб., 1899. – Т. 11. – С. 85–86.
- Раскопки в Семиреченской области // ОАК за 1891 г. – СПб., 1892. – С. 100–117.
- Распопова В.И. Поясной набор Согда VII–VIII вв. // СА. – 1965. – № 4. – С. 78–91.
- Распопова В.И. Согдийский город и кочевая степь в VI–VIII вв. // Краткие сообщ. Ин-та археологии. – М.: Наука, 1970. – Вып. 122. – С. 86–91.
- Распопова В.И. Металлические изделия раннесредневекового Согда. – Л.: Наука, 1980. – 140 с.
- Рерих Ю.Н. Звериный стиль у кочевников северного Тибета. – Прага: [Б.и.], 1930.
- Рерих Ю.Н. История Средней Азии. – М.: Международный центр Рерихов, 2007. – Т. 2. – 446 с.
- Самашев З.С., Григорьев Ф., Жумабекова Г. Древности Алматы. – Алматы: ТОО «Археология»; Казиздат КТ, 2005. – с. 142.
- Савинов Д.Г. Из истории убранства верхового коня у народов Южной Сибири (III тыс. н. э.) // СЭ. – 1977. – № 1. – С. 31–48.
- Савинов Д.Г. Древнетюркские курганы Узунтала // Археология Северной Азии. – Новосибирск: Наука, 1982. – С. 102–122.
- Савинов Д.Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. – Л.: Изд-во Ленингр. гос. ун-та, 1984. – 174 с.
- Савинов Д.Г. Археологические данные о связях енисейских и тьянь-шаньских кыргызов в конце I – начале II тысячелетия н. э. // Вопросы этнической истории киргизского народа. – Фрунзе: Илим, 1989. – С. 77–90.

- Самашев З.С. Наскальные изображения Верхнего Прииртышья. – Алма-Ата: Гылым, 1992. – 288 с.
- Самашев З., Григорьев Ф., Жумабекова Г. Древности Алматы. – Алматы: КазИздат КТ, 2005. – 184 с.
- Селиванов А.В. Древности Иссык-Кульской котловины // Археологические известия и заметки. – М., 1896. – № 7/8. – С. 220.
- Семенов-Тянь-Шанский П.П. Путешествие в Тянь-Шань в 1856–1857 гг. // Мемуары. – М.: Географгиз, 1948. – Т. 2. – 256 с.
- Смагулов Е.А., Григорьев А.Ф., Итенов А.О. Средневековая археология города Туркестана. – Туркестан: Гылым, 1998. – 231 с.
- Смирнова О.И. О классификации и легендах тюркешских монет // Уч. зап. Ин-та востоковедения АН СССР. – М.: Наука, 1958. – Т. 16. – 548 с.
- Соенов В.И., Глебов А.М., Эбель А.В., Пивоварова Н.Н. Раскопки аварийных средневековых памятников на могильнике Мендур-Соккон I // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии (мат-лы конф.). – Горно-Алтайск: Горно-Алт. гос. пед. ин-т; Горно-Алт. науч.-иссл. ин-т ист., яз. и лит-ры, 1992. – С. 90.
- Соенов В.И., Эбель А.В. Новые материалы из алтайских оградок // Гуманитарные науки в Сибири. Сер. Археология и этнография. – 1996. – Вып. 3. – С. 115–118.
- Соловьев А.И. Военное дело коренного населения Западной Сибири: Эпоха средневековья. – Новосибирск: Наука, 1987. – 193 с.
- Сорокин С.С. Большой Берельский курган (полное издание материалов 1865 и 1959 гг.) // Тр. Гос. Эрмитажа. Культура и искусство народов Востока. – Л.: Гос. Эрмитаж, 1969. – Т. 10. – С. 208–236.
- Сулайманова А.Т. Древнетюркские поминальные оградки Сонкульской долины // Материалы и исследования по археологии Кыргызстана. – Бишкек: Илим, 2005. – Вып. 1. – С. 11–19.
- Сулайманова А.Т. Данные о поминальных оградках древних тюрков Кочкорской долины // Материалы и исследования по археологии Кыргызстана. – Бишкек: Илим, 2007. – Вып. 2. – С. 35–41.
- Суразаков А.С. Памятники Горного Алтая первой половины и середины I тыс. (кудыргинская культура) // Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий (по данным археологии). – Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 1992. – С. 92–97.
- Табалдиев К.Ш. Средневековые памятники Центрального Тянь-Шаня // Источники по средневековой истории Кыргызстана и сопредельных областей Средней и Центральной Азии: Тез. докл. и сообщ. межреспуб. науч. конф., посвящ. памяти В.А. Ромодина. – Бишкек: Кыргыз. гос. ун-т, 1991а. – С. 103–105.
- Табалдиев К.Ш. Об оградке тюркского времени // Некоторые вопросы археологии и этнографии Кыргызстана. – Бишкек: Кыргыз. гос. ун-т, 1991б. – С. 31–34.
- Табалдиев К.Ш. Некоторые вопросы этнокультурной интерпретации средневековых погребений Кыргызстана // Кыргызцы: этногенетические и этнокультурные процессы в древности и средневековье в Центральной Азии: Тез. Междунар. науч. конф., посвящ. 1000-летию эпоса «Манас». – Бишкек: Кыргызстан, 1995. – С. 75–77.
- Табалдиев К.Ш. Курганы средневековых кочевых племен Тянь-Шаня. – Бишкек: Айбек, 1996. – 256 с.
- Табалдиев К.Ш. Зеркала из погребений Внутреннего Тянь-Шаня // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. – Вып. 2: Горизонты Евразии. – Новосибирск: Новосибир. гос. ун-т, 1999. – С. 78–81.

- Табалдиев К.Ш. Новые древнетюркские рунические надписи Кочкорской и Таласской долин // Тр. факультета истории и регионоведения. – Бишкек: Изд-во Кырг. нац. ун-та, 2002. – Вып. 10. – С. 131–142.
- Табалдиев К.Ш. Новые сведения об археологических памятниках Кочкорской долины (по данным исследований АУКа в 2002 году) // Академический вестник: Ежегод. сб. ст. преподавателей Американского университета в Центральной Азии. – Бишкек: АУК, 2003. – Вып. 1. – С. 97–106.
- Табалдиев К.Ш. Оленные камни Кыргызстана // Globalization and Turkic civilization. International Symposium on the occasion of the establishment of the Kyrgyz-Turkish Manas university. – Бишкек: Кыргыз-Турк «Манас» университети, 2006. – С. 145–151.
- Табалдиев К.Ш., Бозер Р., Москалев М.И. Археологические исследования в Алайской долине // Ош и Фергана: археология, новое время, культурогенез, этногенез. – Бишкек: Мурас, 2000. – Вып. 4. – С. 87–93.
- Табалдиев К.Ш., Жолдошев Ч.М. Образцы изобразительной деятельности древнетюркских племен Тенир-Тоо // Коомдук илимдер журналы Кыргыз-Турк «Манас» университети. – 2003. – Sayı. 8 – С. 111–136.
- Табалдиев К.Ш., Солтобаев О.А. Рунические надписи в Кочкорской долине // Мэзрим. – 1999. – № 2. – С. 36–37.
- Табалдиев К.Ш., Солтобаев О.А. Рунические надписи Кочкорской долины // Известия НАН КР. – 2001. – № 1/2. – С. 68–73.
- Табалдиев К.Ш., Худяков Ю.С. Опыт проведения охранных работ на могильнике Аламышик в 1989 г. // Охрана и исследования археологических памятников Алтая: Тез. докл. и сообщ. к конф. – Барнаул: Барнаул. гос. пед. ин-т, 1991. – С. 168–170.
- Табалдиев К.Ш., Худяков Ю.С. Реконструкция конского убранства древних тюрков Тянь-Шаня // Вторые исторические чтения памяти М.П. Грязнова. – Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 1992а. – Ч. 1. – С. 110–111.
- Табалдиев К.Ш., Худяков Ю.С. Новые находки седел в древнетюркских погребениях с конем на Тянь-Шане // Проблемы археологии, истории, краеведения и этнографии Приенисейского края. – Красноярск: Краснояр. гос. ун-т; Краснояр. краевой краевед. музей, 1992б. – Т. 2. – С. 19–20.
- Табалдиев К.Ш., Худяков Ю.С. Особенности поминальной и погребальной обрядности западных и восточных тюрков // Востоковедение в Башкортостане: История. Культура. Тез. Междунар. науч. конф. по проблеме: История и культура народов Евразии: древность, средневековье, современность (Первые Валидовские чтения). – Уфа: Башкир. гос. ун-т, 1992в. – Вып. 2. – С. 83–85.
- Табалдиев К.Ш., Худяков Ю.С. Сравнительный анализ погребальной и поминальной обрядности древних тюрков Алтая и Тянь-Шаня // Проблемы изучения истории и культуры Алтая и сопредельных территорий. – Горно-Алтайск: Горно-Алт. науч.-иссл. ин-т истории, языка и литературы, 1992г. – С. 76–79.
- Табалдиев К.Ш., Худяков Ю.С. Древнетюркская культура как историко-культурный феномен // Культурно-генетические процессы в Западной Сибири: Тез. докл. – Томск: Том. гос. ун-т, 1993. – С. 112–114.
- Табалдиев К.Ш., Худяков Ю.С. Древнетюркский памятник Беш-Таш-Короо // Памятники культуры древних тюрков в Южной Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 1999а. – С. 55–81.
- Табалдиев К.Ш., Худяков Ю.С. Сбруйный набор из местности Алкым в Кочкорской долине Тянь-Шаня // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1999б. – Т. 5. – С. 514–519.

- Табалдиев К.Ш., Худяков Ю.С. Древнетюркские поминальные памятники на Тянь-Шане (по материалам исследований Нарынского отряда) // Памятники древнетюркской культуры в Саяно-Алтае и Центральной Азии. – Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2000. – С. 65–85.
- Таскин В.С. Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху. – М.: Наука, 1984. – 486 с.
- Тереножкин А.И. Археологическая разведка по р. Чу в 1929 г. // Проблемы истории докапиталистических обществ. – 1935. – № 5/6. – С. 138–150.
- Трифонов Ю.И. Погребение X в. н. э. на могильнике Аргалыкты I // Памятники древнетюркской культуры в Саяно-Алтае и Центральной Азии. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 2000. – С. 143–156.
- Тропцкая Т.Н., Новиков А.В., Сальникова И.В. Погребения с сожжениями могильника Каменный Мыс // Вопросы древней истории Южной Сибири. – Абакан: ХакНИИЯЛИ, 1984. – С. 80–97.
- Усманова З.И., Филанович М.И., Кошеленко Г.А. Маргиана // Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. Археология СССР. – М.: Наука, 1985. – С. 226–242.
- Федоров-Давыдов Г.А. Искусство кочевников и Золотой Орды. – М.: Искусство, 1976. – 227 с.
- Фишер И.Э. Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей земли российским оружием. – СПб., 1774. – 631 с.
- Фон Габэн А. Древнетюркская литература // Зарубежная тюркология. – М.: Наука, 1986. – Вып. 1. – С. 294–344.
- Хамзина Е.А. Археологические памятники Западного Забайкалья (поздние кочевники). – Улан-Удэ: Бур. книжн. изд-во, 1970. – С. 91.
- Худяков Ю.С. Вооружение енисейских кыргызов VI–XII вв. – Новосибирск: Наука, 1980. – 176 с.
- Худяков Ю.С. Древнетюркские поминальные памятники на территории Монголии (по материалам СМИКЭ в 1979–1982 гг.) // Древние культуры Монголии. – Новосибирск: Наука, 1985. – С. 168–184.
- Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск: Наука, 1986а. – 268 с.
- Худяков Ю.С. Вооружение племен Горного Алтая первой половины I тыс. н. э. // Материалы по археологии Горного Алтая. – Горно-Алтайск: Горно-Алт. науч.-иссл. ин-т истории, языка и литературы, 1986б. – С. 81–99.
- Худяков Ю.С. Херексуры и оленные камни // Археология, этнография и антропология Монголии. – Новосибирск: Наука, 1987а. – С. 136–162.
- Худяков Ю.С. Образ война в наскальном искусстве Южной Сибири и Центральной Азии // Антропоморфные изображения. – Новосибирск: Наука, 1987б. – С. 181–190.
- Худяков Ю.С. Шаманизм и мировые религии у кыргызов в эпоху средневековья // Традиционные верования и быт народов Сибири. – Новосибирск: Наука, 1987в. – С. 65–75.
- Худяков Ю.С. К истории гончарной керамики в Южной Сибири и Центральной Азии // Керамика как исторический источник. – Новосибирск: Наука, 1989а. – С. 134–152.
- Худяков Ю.С. Кыргызы в Центральной Азии // Вопросы этнической истории киргизского народа. – Фрунзе: Илим, 1989б. – С. 29–40.
- Худяков Ю.С. Средневековая торевтика Восточного Туркестана // Проблемы художественного литья Сибири и Урала эпохи железа: Тез. обл. науч.-практ. конф. – Омск: Ом. гос. пед. ин-т, 1990. – С. 19–21.
- Худяков Ю.С. По «Шелковому пути»: Археологические коллекции в музеях Шэньси, Ганьсу и Синьцзяна // XXII науч. конф. «Общество и государство в Китае»: Тез. докл. – М., 1991а. – Ч. 3. – С. 176–178.

- Худяков Ю.С. Распространение древнетюркской культуры в Восточном Туркестане (по материалам экспедиции ЮНЕСКО по Шелковому пути на территории КНР в 1990 г.) // Взаимодействие кочевых и оседлых культур на Великом Шелковом пути (Тез. докл. междунар. семинара ЮНЕСКО). – Алма-Ата: Гылым, 1991б. – С. 105–106.
- Худяков Ю.С. Экспедиция ЮНЕСКО по проекту «Шелковый путь» на территории КНР // Изв. СО АН СССР. Сер. Ист., филолог. и философ. – 1991в. – Вып. 1. – С. 71–72.
- Худяков Ю.С. Археология Южной Сибири (II в. до н. э. – V в. н. э.) – Новосибирск: Новосибир. гос. ун-т, 1993. – 88 с.
- Худяков Ю.С. Статуя древнего тюрка в музее «Храм культуры» города Увэй (КНР) // Гуманитарные науки в Сибири. – 1994. – № 1. – С. 72–74.
- Худяков Ю.С. Кыргызы на просторах Азии. – Бишкек: Фонд Сороса – Кыргызстан, 1995а. – 187 с.
- Худяков Ю.С. Памятники культуры древних тюрков в Восточном Туркестане // Кыргызы: этногенетические и этнокультурные процессы в древности и средневековье в Центральной Азии: Тез. междунар. науч. конф., посвящ. 1000-летию эпоса «Манас». – Бишкек: Кыргызстан, 1995б. – С. 12–14.
- Худяков Ю.С. Поминальные памятники пазырыкской культуры Горного Алтая // Жречество и шаманизм в скифскую эпоху: Мат-лы междунар. конф. – СПб.: ИИМК РАН, 1996. – С. 87–89.
- Худяков Ю.С. Материалы древнетюркской культуры в Восточном Туркестане // Источники по истории Республики Алтай. – Горно-Алтайск: Горно-Алт. ин-т гуманитар. исслед., 1997. – С. 235–247.
- Худяков Ю.С. Искусство средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии: Учеб. пособие. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 1998. – 120 с.
- Худяков Ю.С. К вопросу о коннице, пехоте и характере войска древних тюрков // РА. – 2000. – № 4. – С. 100–108.
- Худяков Ю.С. История дипломатии кочевников Центральной Азии. – Новосибирск: Новосибир. гос. ун-т, 2003а. – 240 с.
- Худяков Ю.С. История дипломатии кочевников Центральной Азии. – Бишкек: ИМОП КНУ, 2003б. – 198 с.
- Худяков Ю.С. Панцирная конница древних тюрков и кыргызов Центральной Азии // Вести. Кыргыз. нац. ун-та им. Ж. Баласагына. – Бишкек: Кыргыз. нац. ун-т, 2004. – Сер. 1: Гуманитарные науки; Вып. 4: Тюрко-согдийский синтез: процессы культурогенеза и политогенеза в зоне Великого шелкового пути. – С. 199–201.
- Худяков Ю.С. Древнетюркский культурный феномен в Центральной Азии: Учеб. пособие. – Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2007а. – 156 с.
- Худяков Ю.С. Золотая волчья голова на боевых знаменах: оружие и войны древних тюрков в степях Евразии. – СПб.: Петербургское востоковедение, 2007б. – 192 с.
- Худяков Ю.С., Комиссаров С.А. Кочевая цивилизация Восточного Туркестана. – Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2002. – 156 с.
- Худяков Ю.С., Мороз М.В. Опыт интерпретации средневекового обряда погребения со шкурой коня в Минусинской котловине // Исторические чтения памяти М.П. Грязнова: Тез. докл. обл. науч. конф. – Омск: ОмГУ, 1987. – С. 187–189.
- Худяков Ю.С., Табалдиев К.Ш. Новые памятники древних тюрков на Тянь-Шане // Проблемы сохранения, использования памятников археологии Алтая: Мат-лы конф. – Горно-Алтайск: Горно-Алт. гос. пед. ин-т; Горно-Алт. ин-т ист., яз. и лит., 1992. – С. 89–90.
- Худяков Ю.С., Табалдиев К.Ш. Курганы из могильника Аламышик // Этнокультурные процессы в Южной Сибири и Центральной Азии в I–II тысячелетии н. э. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1994. – С. 112–128.

- Худяков Ю.С., Табалдиев К.Ш. Реконструкция конского убранства древних тюрков Центрального Тянь-Шаня // РА. – 1999. – № 3. – С. 50–58.
- Худяков Ю.С., Табалдиев К.Ш., Солтобаев О.А. Новые находки луков и стрел в средневековых памятниках Кочкорской долины // Хасановские чтения: Тез. докл. и сообщ. науч. конф., посвящ. 60-летию образования Кыргыз. гос. ун-та. – Бишкек: Кыргыз. гос. нац. ун-т, 1994. – Вып. 2. – С. 94–96.
- Худяков Ю.С., Табалдиев К.Ш., Солтобаев О.А. Многофигурные композиции на костяных пластинах из памятника Суттуу-Булак // Новейшие археологические и этнографические открытия в Сибири: Мат-лы IV Годовой итоговой сессии ИАЭТ СО РАН. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1996. – С. 242–245.
- Худяков Ю.С., Табалдиев К.Ш., Солтобаев О.А. Новые находки предметов изобразительного искусства древних тюрков на Тянь-Шане // РА. – 1997. – № 3. – С. 142–147.
- Худяков Ю.С., Табалдиев К.Ш., Солтобаев О.А. Сравнительный анализ комплексов вооружения западных и восточных тюрков // Военная археология: Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе: Мат-лы Междунар. конф. – СПб.: Гос. Эрмитаж, 1998. – С. 296–298.
- Худяков Ю.С., Табалдиев К.Ш., Солтобаев О.А. Комплекс памятников с руническими надписями в местности Кок-Сай в Кочкорской долине на Тянь-Шане // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2002. – № 3. – С. 124–131.
- Худяков Ю.С., Юй Су-Хуа. Комплекс вооружения сяньби // Древности Алтая. – Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 2000. – С. 37–48. – (Изв. лаб. археологии; № 5).
- Чариков А.А. О локальных особенностях каменных изваяний Прииртышья // СА. – 1979. – № 2. – С. 179–190.
- Чороев Т.К. Этноним «кыргызы» по данным Махмуда Кашгари (XI в.) // Вопросы этнической истории киргизского народа. – Фрунзе: Илим, 1989. – С. 113–121.
- Чоротегин Т.К. Этнические ситуации в тюркских регионах Центральной Азии домонгольского времени: по мусульманским источникам IX–XIII вв. – Бишкек: Фонд Сороса Кыргызстан, 1995. – 204 с.
- Чотонов У., Бедельбаев А., Караев О., Кенесариев Т., Мокрынин В.П., Плоских В.М., Сулайманов Э., Ташбаева К., Усенбаев К., Худяков Ю.С. История Кыргызстана с древнейших времен до конца XIX века. – Бишкек: Илим, 1996. – 367 с.
- Шатинова И.И. Семья у алтайцев. – Горно-Алтайск: Алтайское книжное изд-во, 1981. – 184 с.
- Шер Я.А. Погребение с конем в Чуйской долине // СА. – 1961. – № 1. – С. 280–282.
- Шер Я.А. Иконография древнетюркских изваяний (по материалам Тянь-Шаня и Казахстана в сравнении с Южной Сибирью) // Изв. АН Киргиз. ССР. Сер. Обществ. наук. – Фрунзе: Изд-во АН Киргиз. ССР, 1963а. – Т. 5, вып. 1. – С. 45–57.
- Шер Я.А. Об одном древнетюркском изваянии из Чуйской долины // СА. – 1963б. – № 2. – С. 239–243.
- Шер Я.А. Памятники алтайско-орхонских тюрков на Тянь-Шане // СА. – 1963в. – № 4. – С. 158–166.
- Шер Я.А. Археологические разведки на озере Сон-Куль. Краткие сообщения Института археологии АН СССР. – М.: Наука, 1964. – Вып. 98. – С. 66–71.
- Шер Я.А. Каменные изваяния Семиречья. – М.; Л.: Наука, 1966. – 140 с.
- Шер Я.А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. – М.: Наука, 1980. – 328 с.
- Шер Я.А., Миклашевич Е.А., Самашев З.С., Советова О.С. Петроглифы Жалтыракташа // Проблемы археологических культур степей Евразии. – Кемерово: Изд-во КемГУ, 1987. – С. 70–78.
- Юдахин К.К. Киргизско-русский словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1965. – С. 160.
- Якубов Ю. Паргар в VII–VIII вв. н. э.: Верхний Заравшан в эпоху раннего средневековья. – Душанбе: Ин-т истории АН Тад. ССР, 1979. – 217 с.

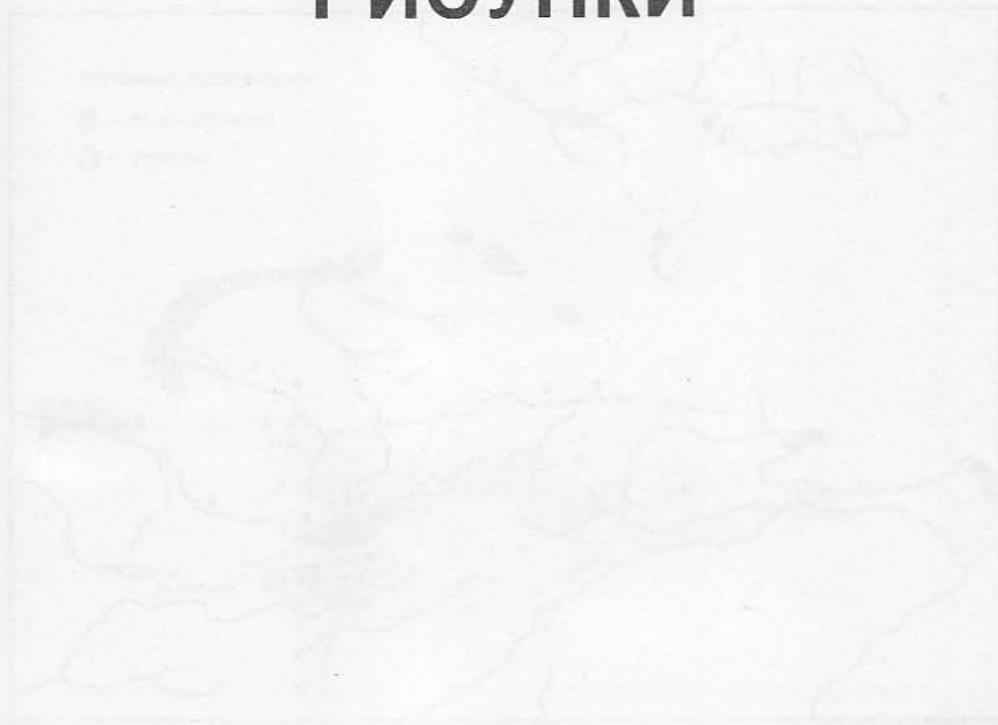
- Ван Бо, Ци Сяошань.** Сычоу чжи лу цаоюань шижэнь яньцзю [Исследование степных каменных изваяний на Шелковом пути]. – Урумчи, 1996.
- Ван Миньцзе.** Синьцзян цаоюань шижэнь [Каменные люди степей Синьцзяна] // Сы лу ю. – 1988. – № 4.
- Ван Цзыюань.** Синьцзянды шикэ ишу [Синьцзянское искусство резьбы по камню] // Вэньуцанькао цзыляо. – 1956. – № 8.
- Ли Гожуй, Ци Сяошань.** Хами гудай вэньмин [Древняя цивилизация Хами]. – Урумчи, 1997.
- Ли Юйчунь.** Боэртали цзичжичжоу шижэньму цзяоча дянбао [Краткие записки о разведке могилы с каменным человеком в автономном округе Боэртали] // Синьцзян каогу саньшинянь. – Урумчи, 1983.
- Му Шуньин, Ван Миньцзе.** Синьцзян гудай миньцзю вэньу [Материальная культура древних народов Синьцзяна]. – Пекин, 1985.
- Чжунго** Синьцзян гудай ишу [Древнее искусство Синьцзяна, Китай]. – Урумчи, 1994.
- Anke B., Moskalev M., Soltobaev O., Tabaldiev K.** Ausgrabungen auf dem Graberfeld von Suttuu-bulak. Rai. Kockor. Kyrgyzstan // Eurasia antiqua. Zeitschrift fur archaologie Eurasiens. – Berlin, 1997. – В. 3. – S. 513–570.
- Liu Mau-tsai.** Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-turken (Tu-kue). – Wiesbaden, 1958. – В. II. – 831 S.
- Tabaldiyev K.** Kockor ovasy kadim turk yazitlary // TURKSOI. Turk Dunyasi Kultur, Sanat, Bilim, Haber ve Arastirma Dergisi. – Yil. 2. Cilt 1. Sayi 5. – Osak, 2002. – С. 29–34. (на турецк. яз).
- Tabaldiyev K. Sh., Soltobaev O.A.** Petroglyphs with Runik Inscription in the Kochkor Valley, Central Tien-Shan // Silk Road Studies. – Tokyo: The Silk Road Research Center of Soka University, 2002. – № 2. – P. 41–49.
- Tashbayeva K., Khujanazarov M., Ranov V., Samashev Z.** Petroglyphs of Central Asia. – Bishkek: International institute for Central Asian studies, 2001. – 220 p.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АН	– Академия наук
АУК	– Американский университет Кыргызстана
ГМИНВ	– Государственный музей искусства народов Востока
ИАЭТ	– Институт археологии и этнографии СО РАН
ИИАЭ	– Институт истории, археологии и этнографии АН Каз. ССР
ИИМК РАН	– Институт истории материальной культуры РАН
МАИКЦА	– Международная ассоциация по изучению культур Центральной Азии
МГУ	– Московский государственный университет
МИА	– Материалы и исследования по археологии СССР
ЛГУ	– Ленинградский государственный университет
НАН КР	– Национальная академия наук Кыргызской Республики
ОАК	– Отчет Археологической комиссии
ОмГУ	– Омский государственный университет
РА	– Российская археология
РАН	– Российская Академия наук
СА	– Советская археология
СМИКЭ	– Советско-монгольская историко-культурная экспедиция
СО РАН	– Сибирское отделение Российской академии наук
СЭ	– Советская этнография
УрГУ	– Уральский государственный университет
ХакНИИЯЛИ	– Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории

РИСУНКИ

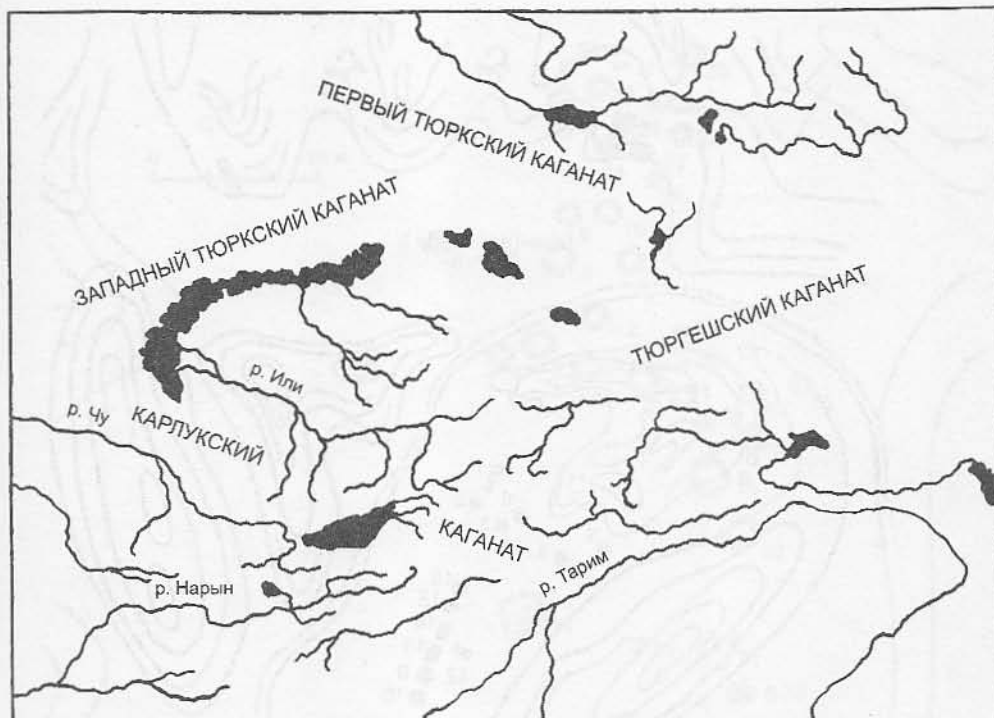

Рис. 1. Тюркские государства в Притяньшанье в эпоху раннего средневековья.

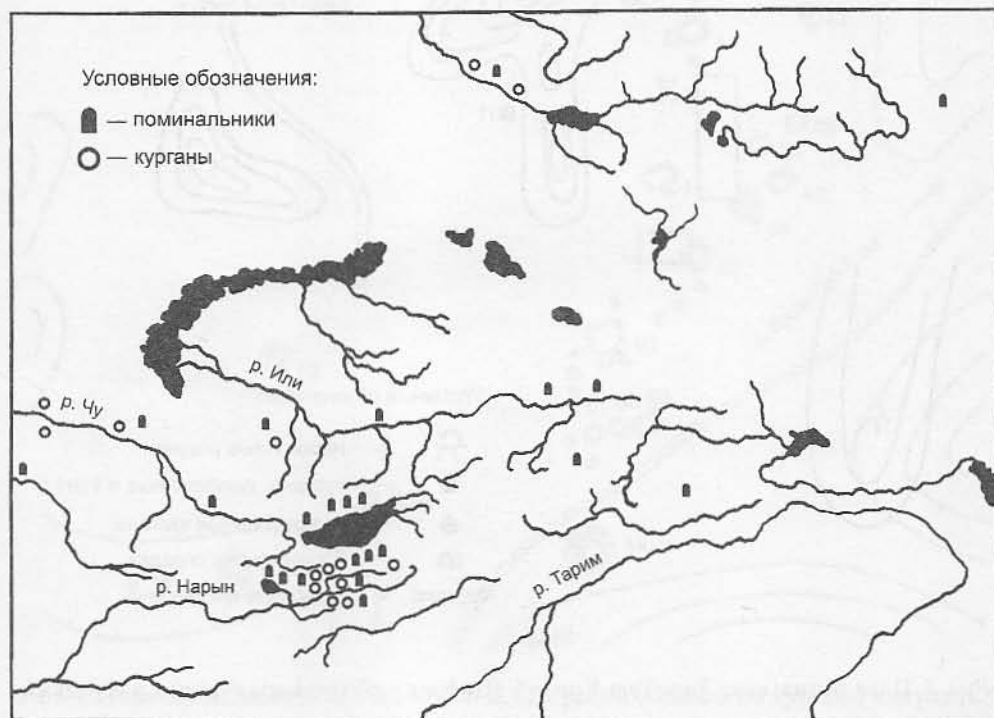

Рис. 2. Карта распространения памятников культуры древних тюрков в Притяньшанье.

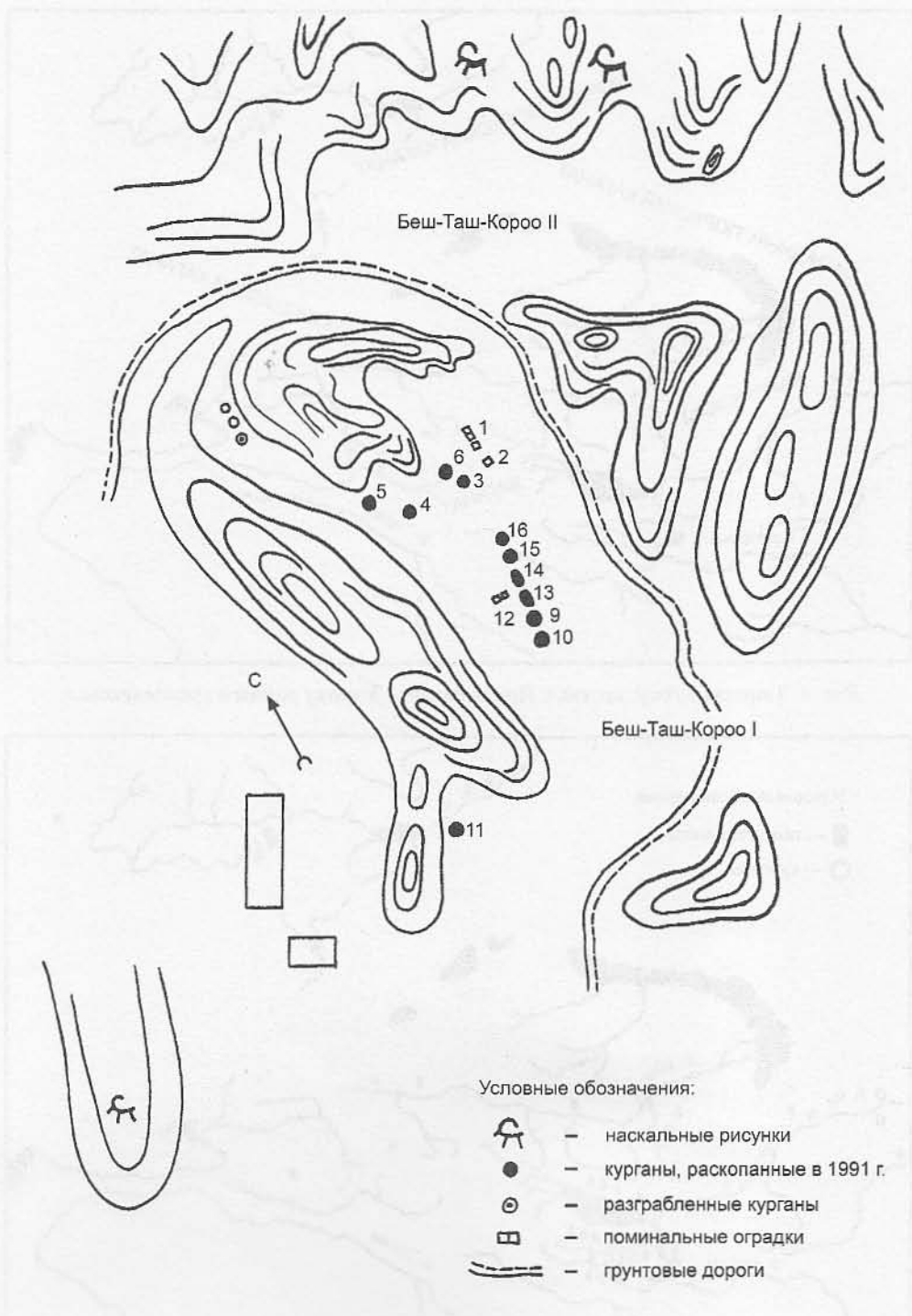

Рис. 3. План могильника Беш-Таш-Короо I. (Цифрами обозначены курганы и оградки.)

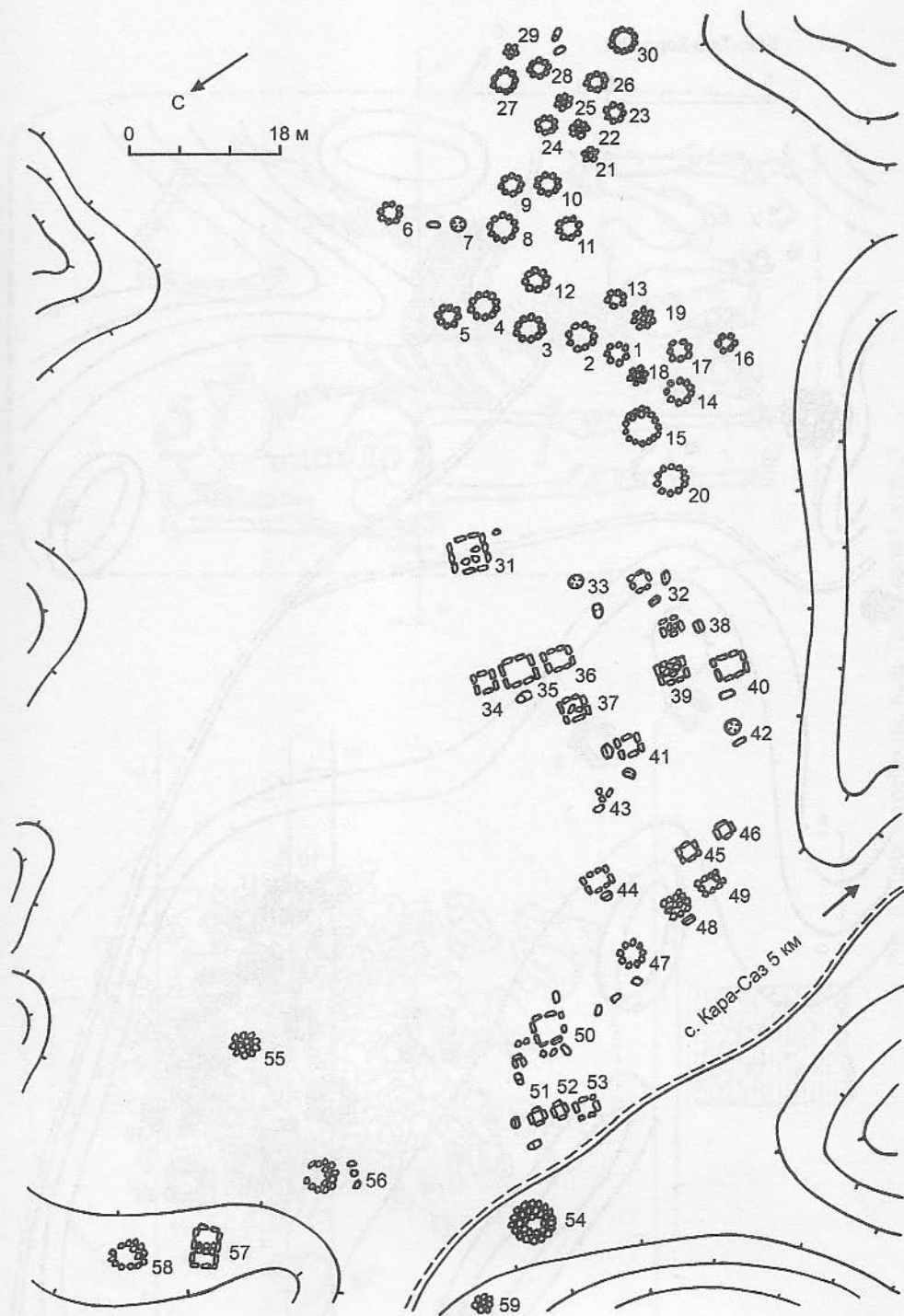

Рис. 4. План могильника Беш-Таш-Короо II. (Цифрами обозначены курганы и оградки.)

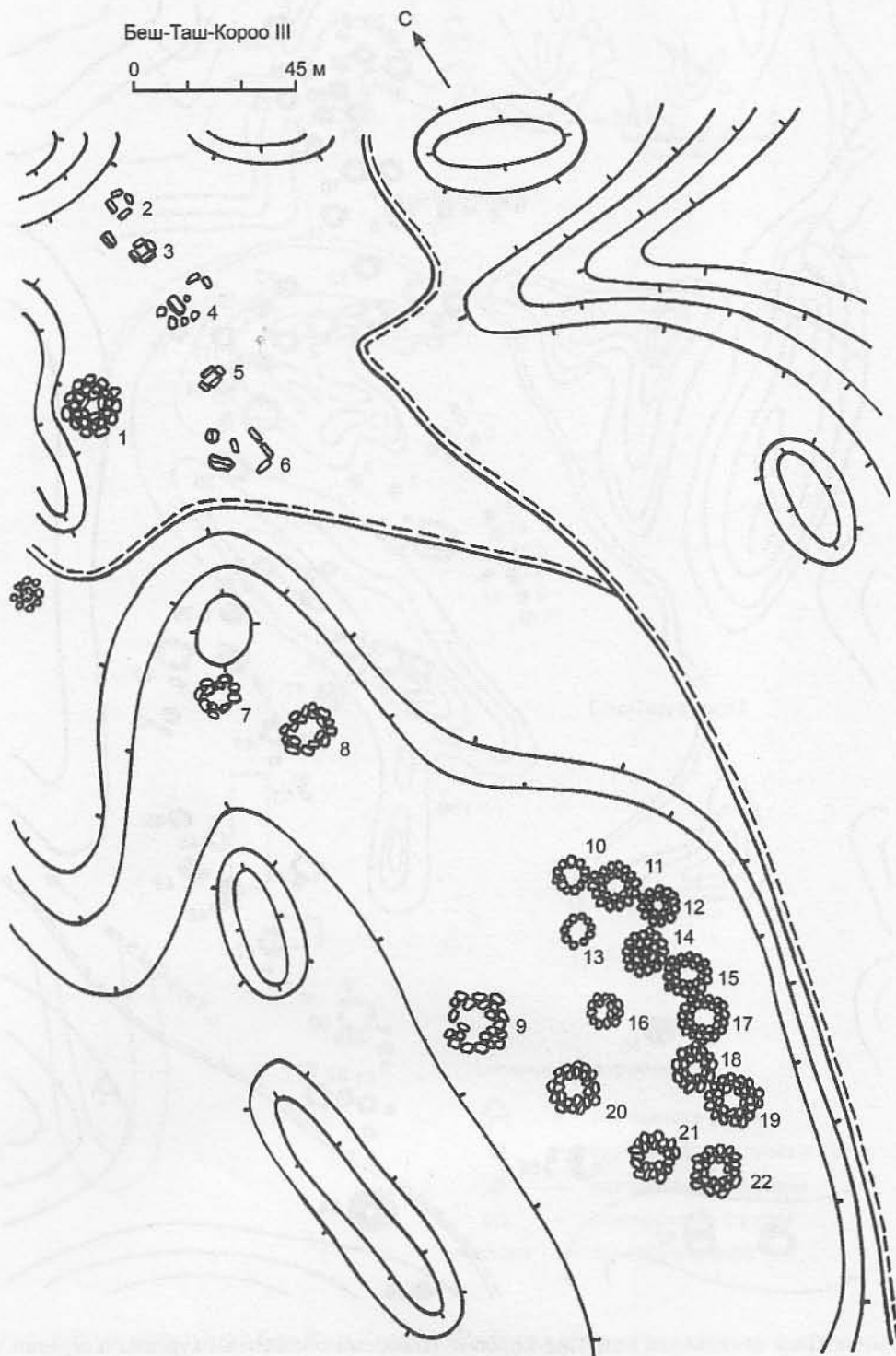

Рис. 5. План могильника Беш-Таш-Короо III. (Цифрами обозначены курганы и оградки.)

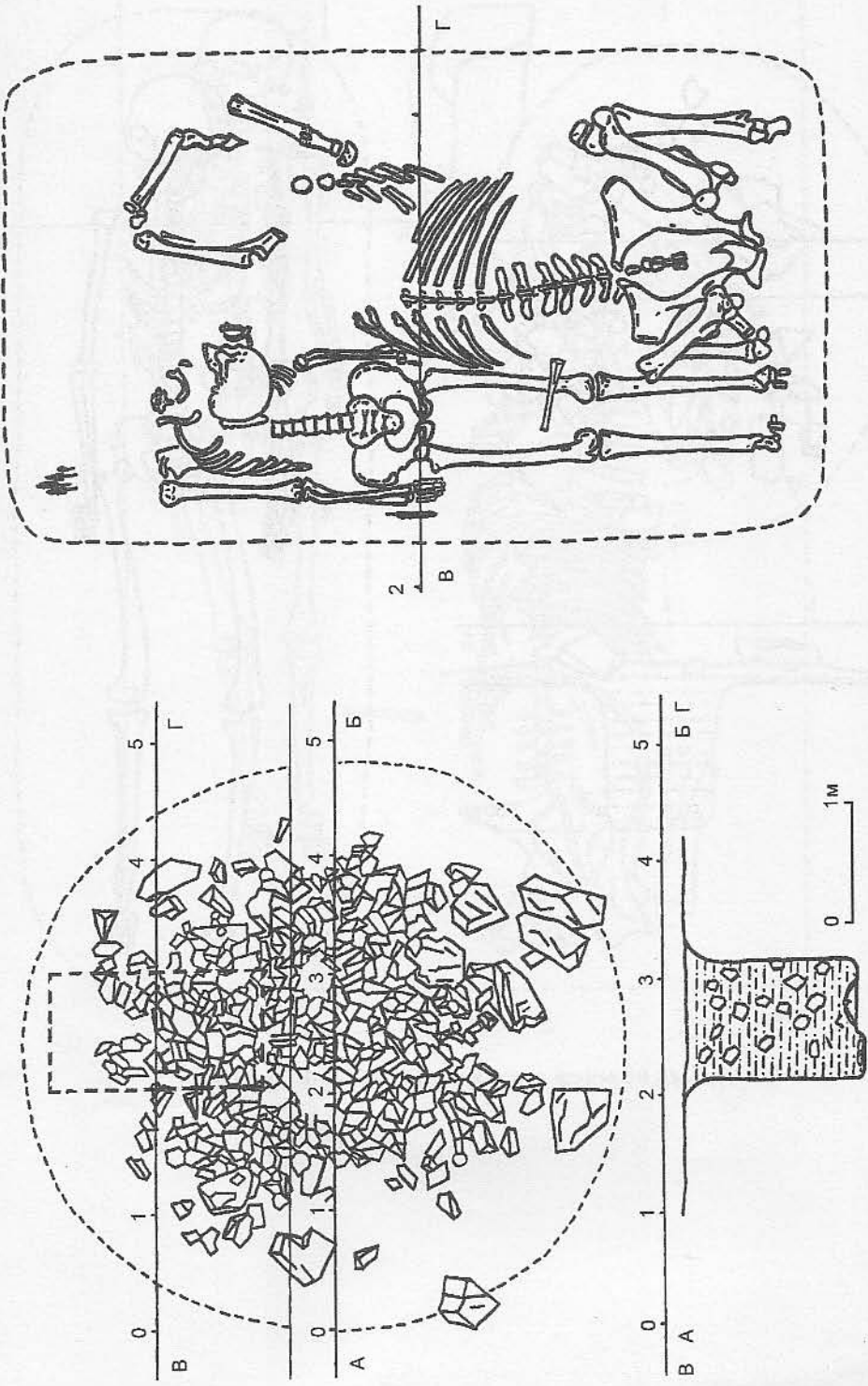

Рис. 6. План погребения. Беш-Таш-Короо I, кург. 3.

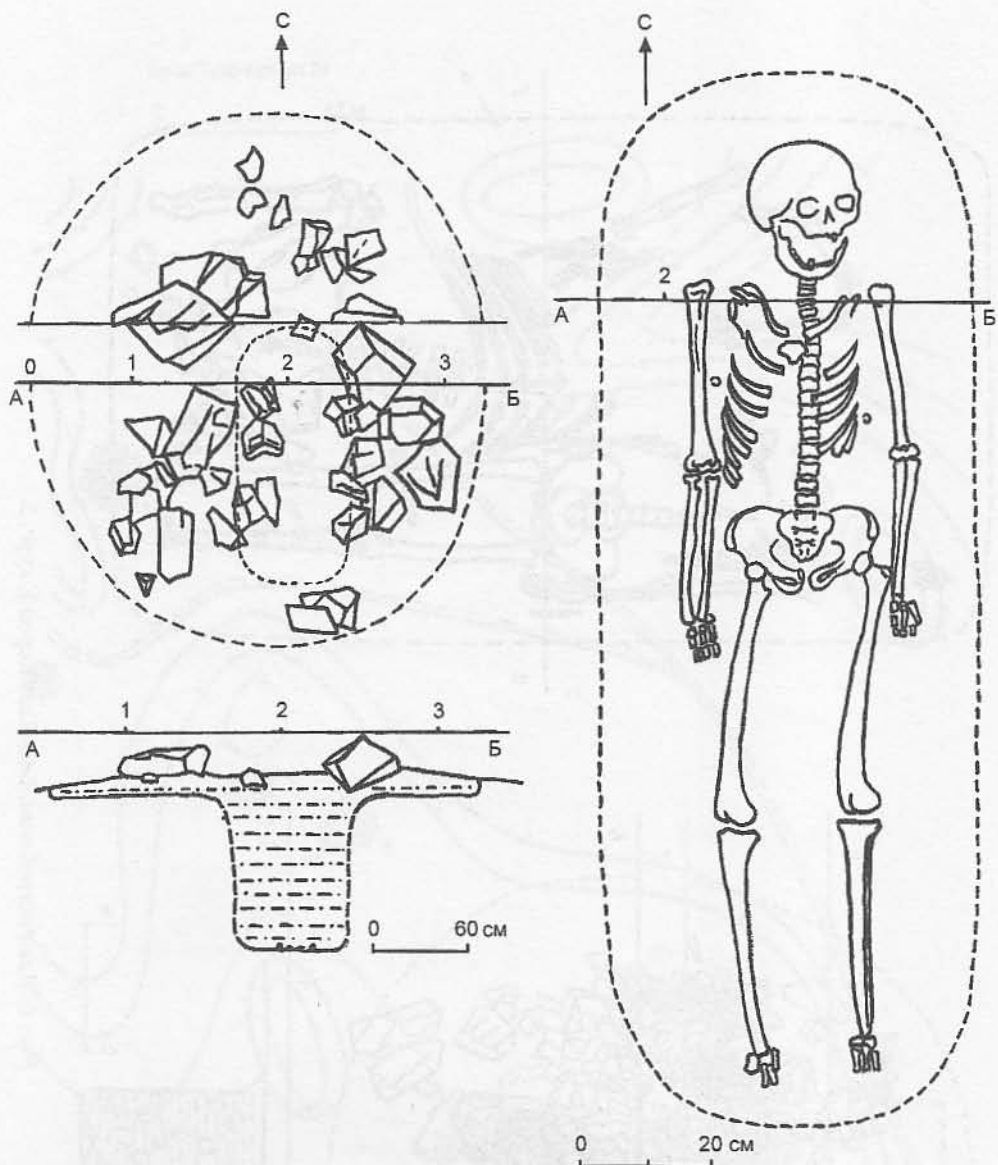

Рис. 7. План насыпи и погребения. Беш-Таш-Короо I, кург. 6.

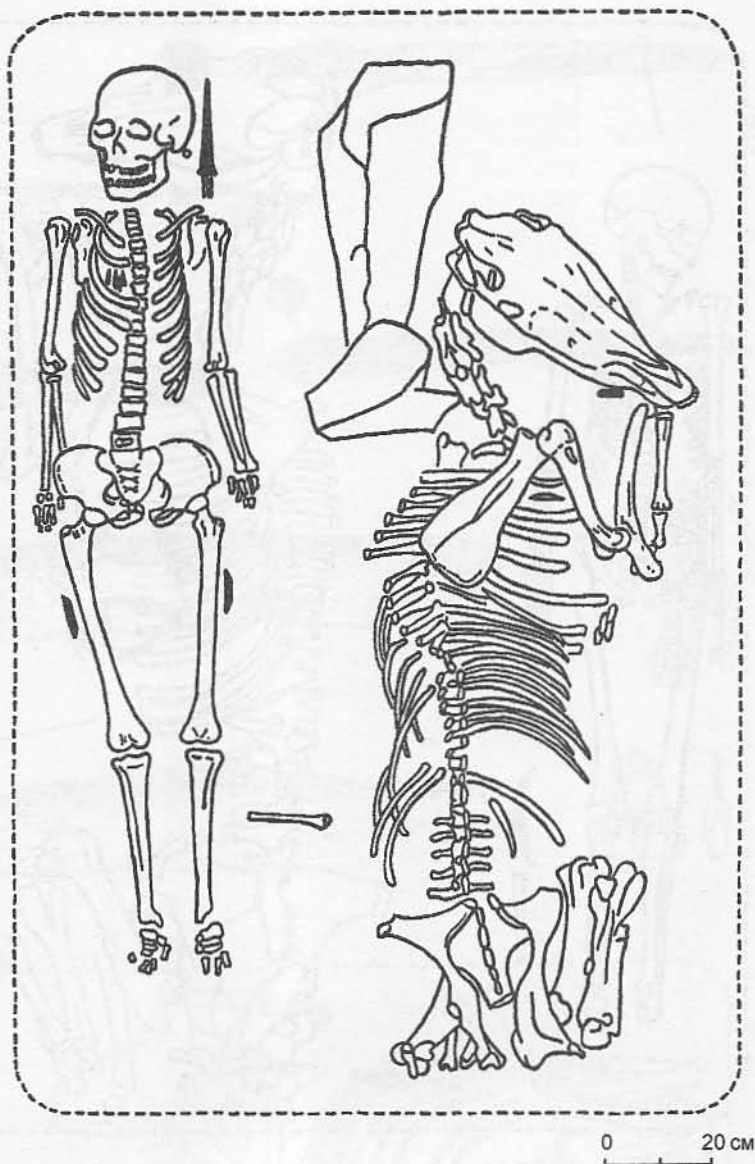

Рис. 8. План погребения. Беш-Таш-Короо I, кург. 10.

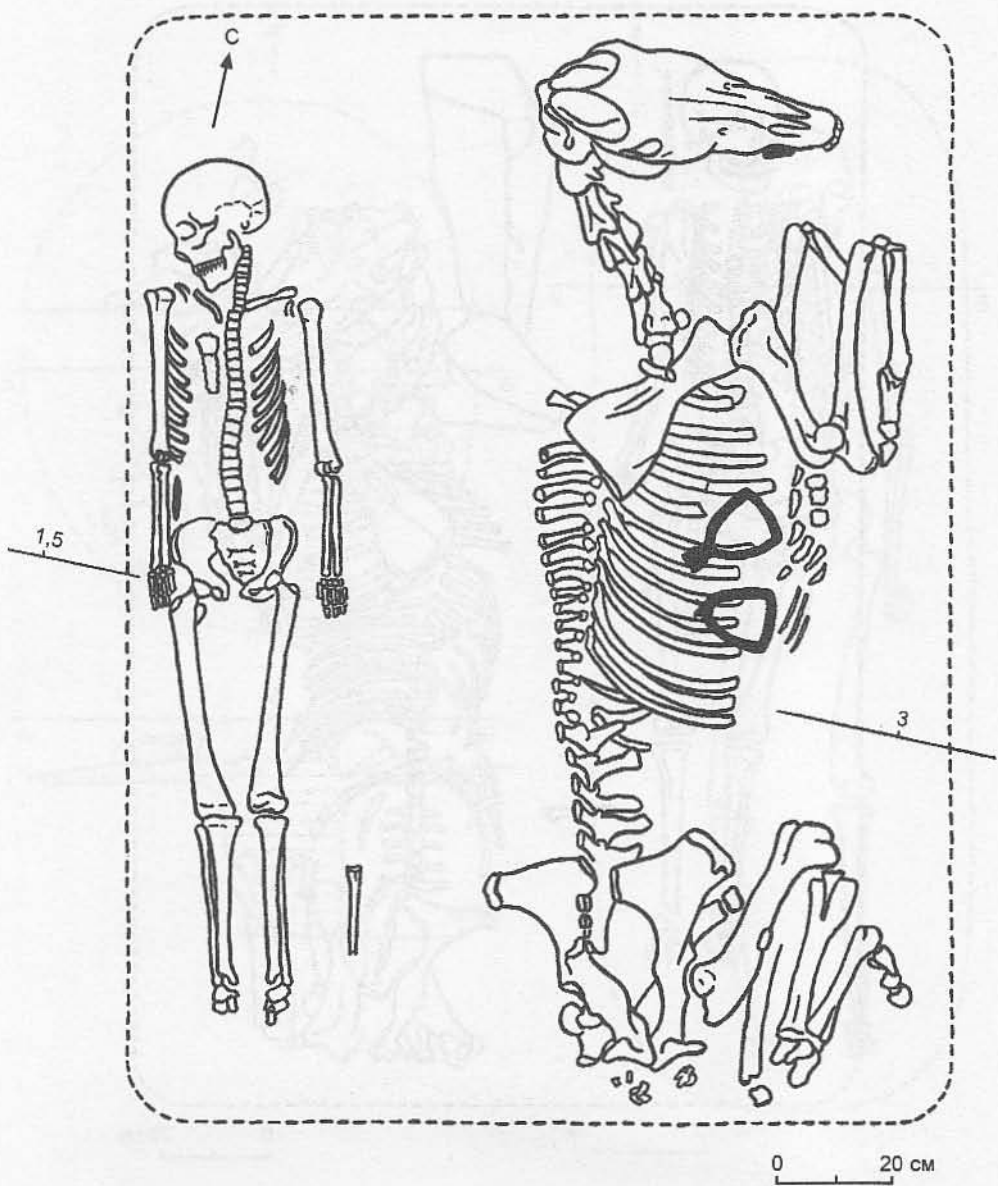

Рис. 9. План погребения. Беш-Таш-Короо I, кург. 13.

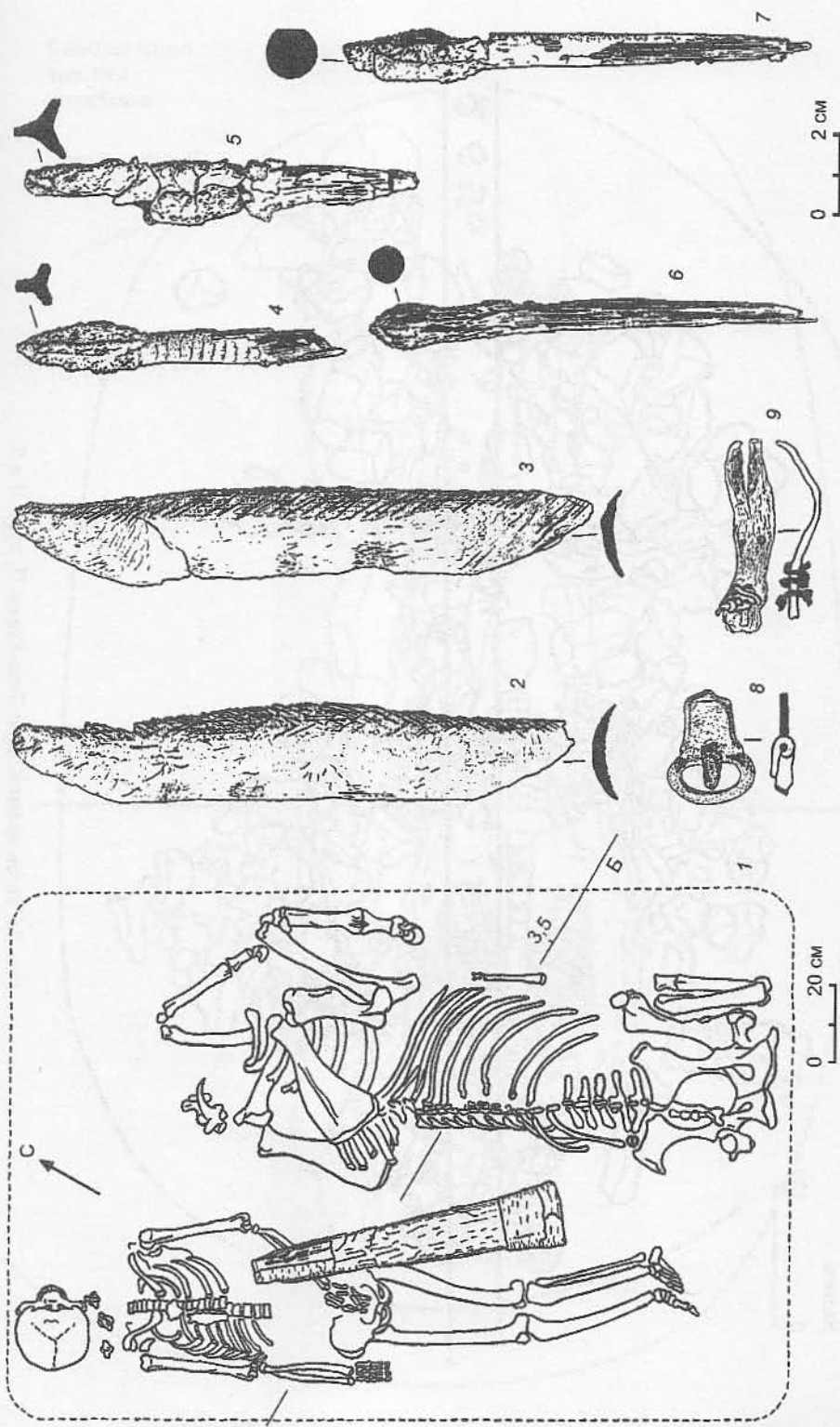

Рис. 10. Беш-Таш-Короо I, кург. 15.

1 — план погребения; 2, 3 — костяные накладки лука; 4-7 — железные наконечники стрел; 8 — бронзовая пружка; 9 — фрагмент ремня.

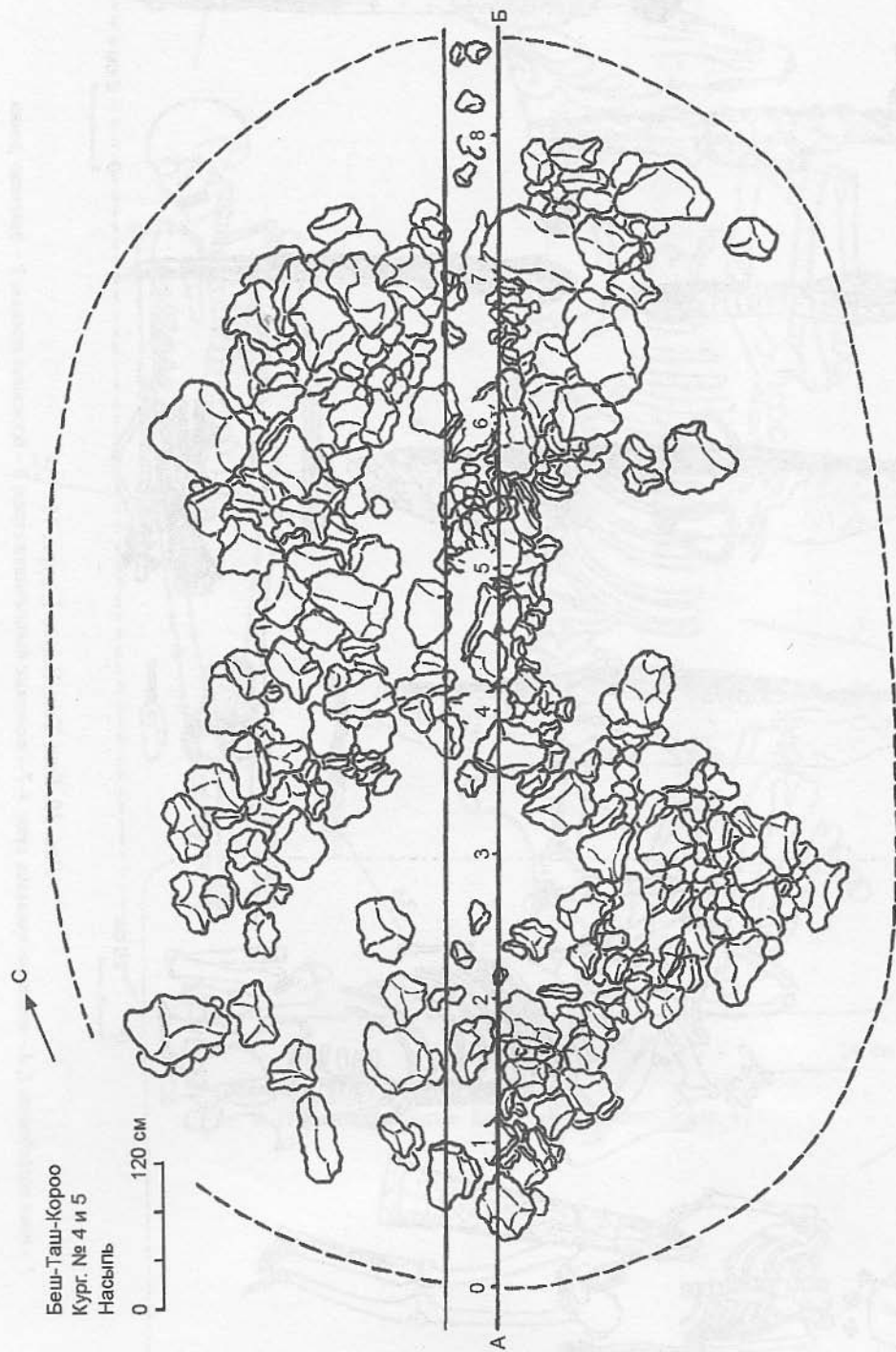

Рис. 11. План насыли. Беш-Таш-Короо II, кург. 4 и 5.

Беш-Таш-Короо
Кург. № 4
Погребение

0 30 см

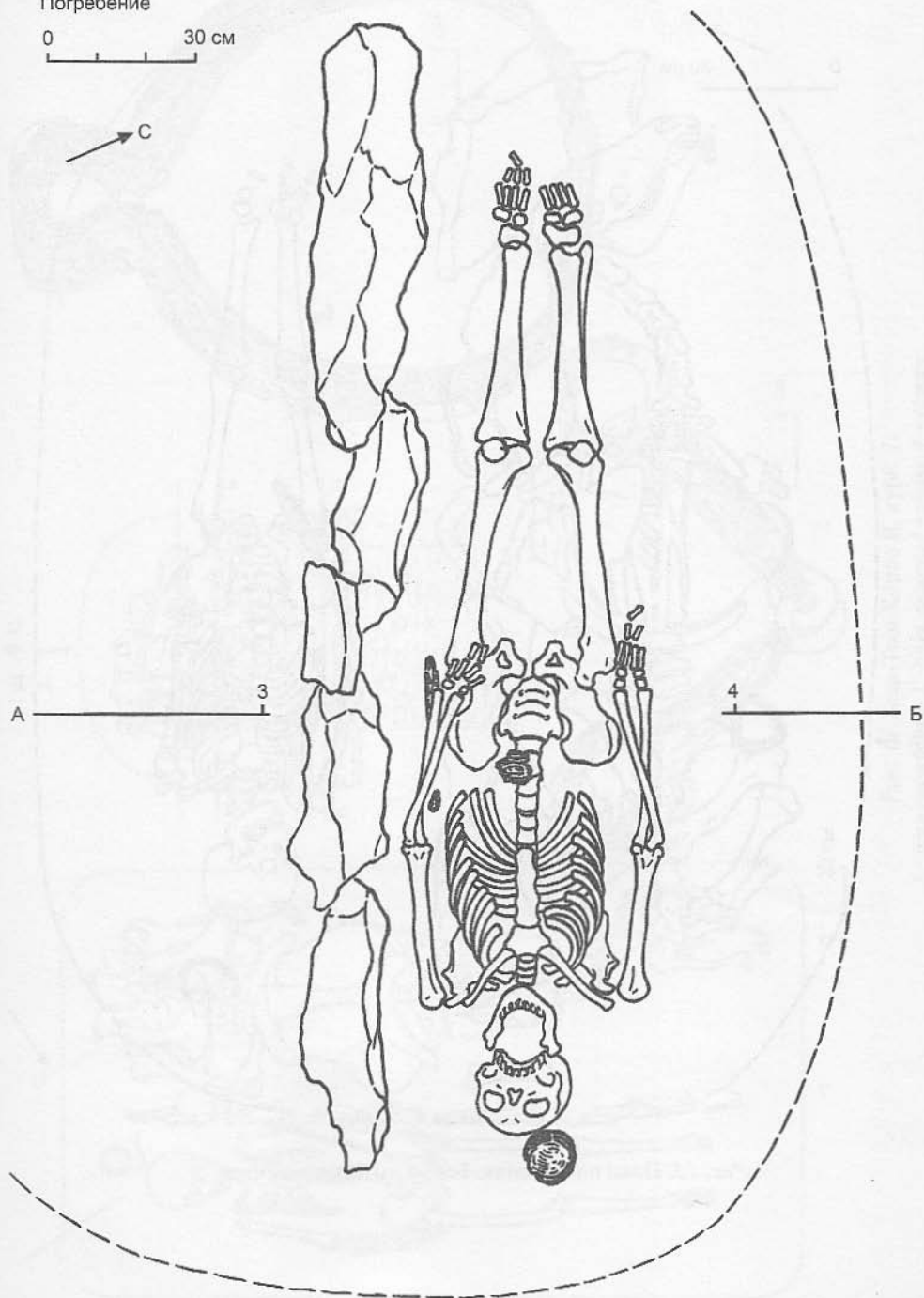

Рис. 12. План погребения. Беш-Таш-Короо II, кург. 4.

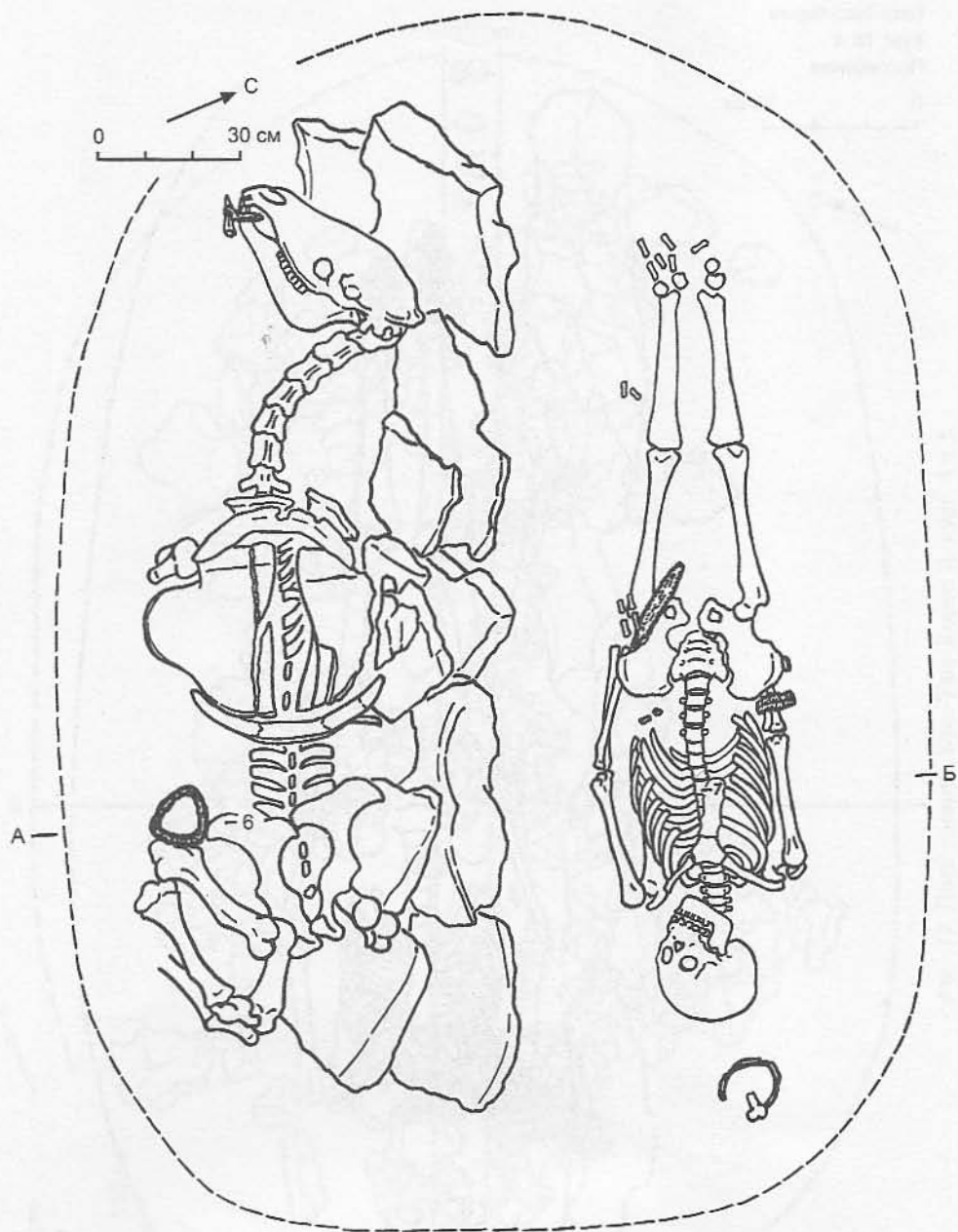

Рис. 13. План погребения. Беш-Таш-Короо II, кург. 5.

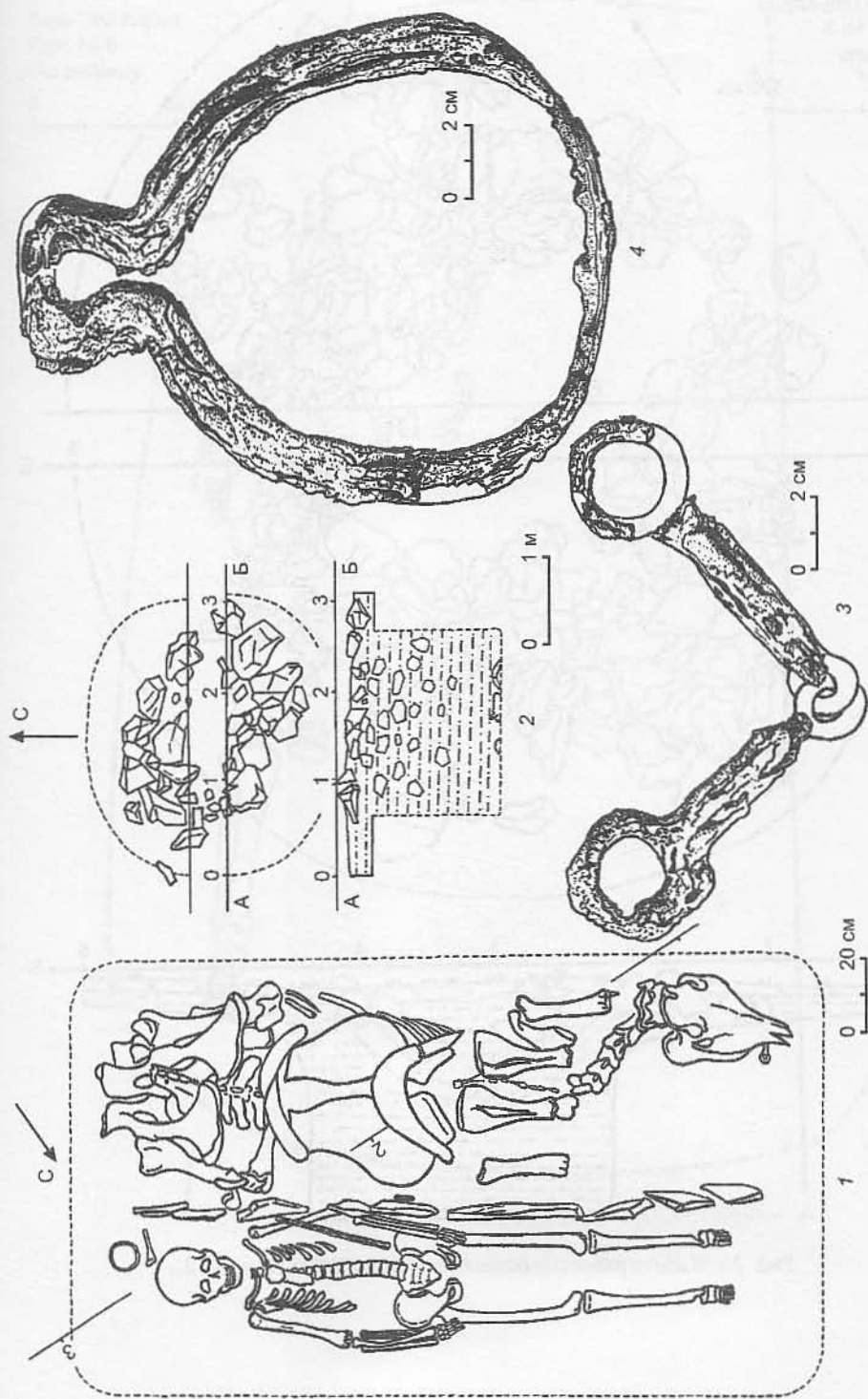

Рис. 14. Беш-Таш-Короо II, кург. 7.
 1 – план погребения; 2 – план насыпи; 3 – удила; 4 – стремя.

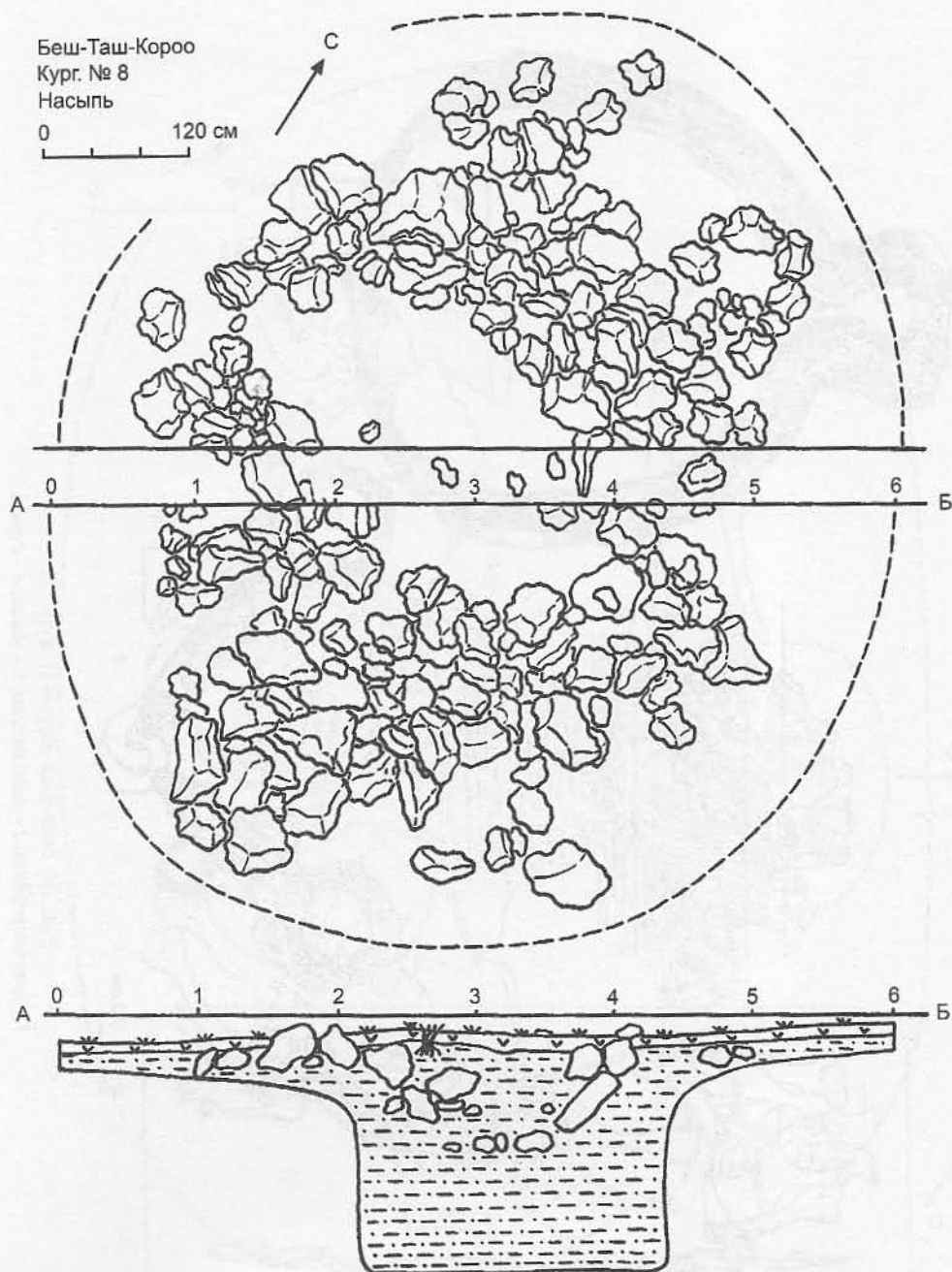

Рис. 15. План и разрез насыпи. Беш-Таш-Короо II, кург. 8.

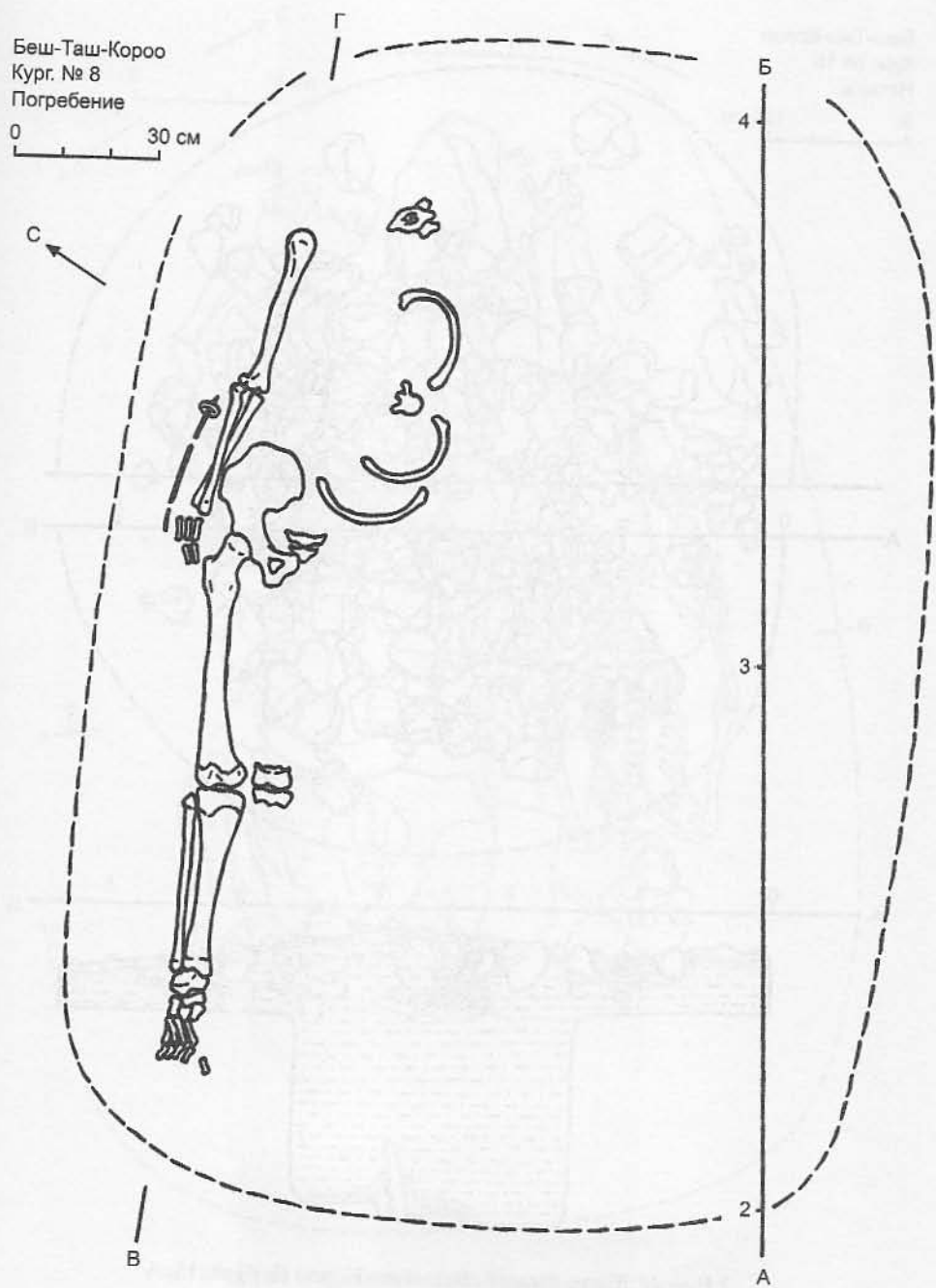

Рис. 16. План погребения. Беш-Таш-Короо II, кург. 8.

Беш-Таш-Короо
Кург. № 15
Насыпь

0 120 см

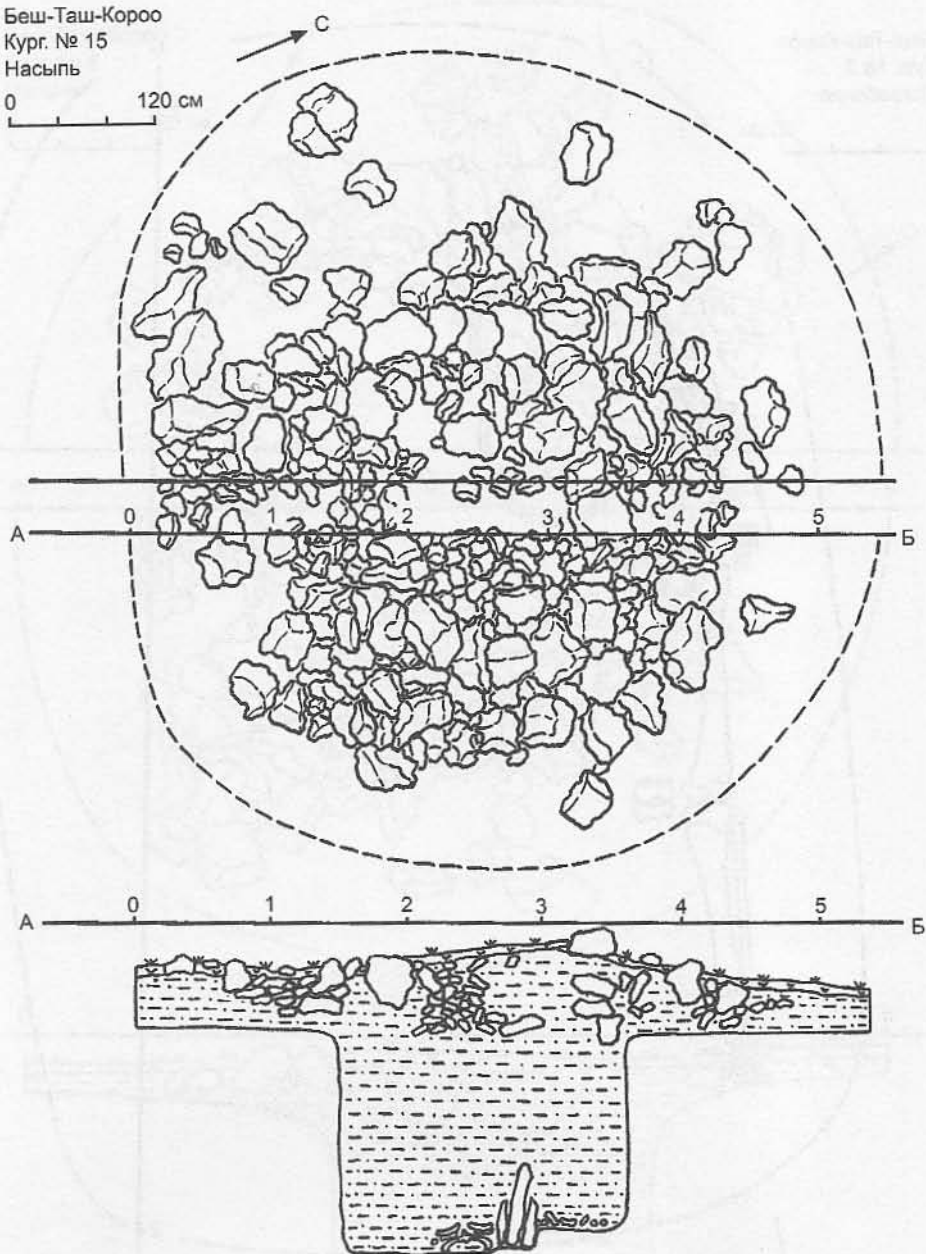

Рис. 17. План насыпи. Беш-Таш-Короо II, кург. 15.

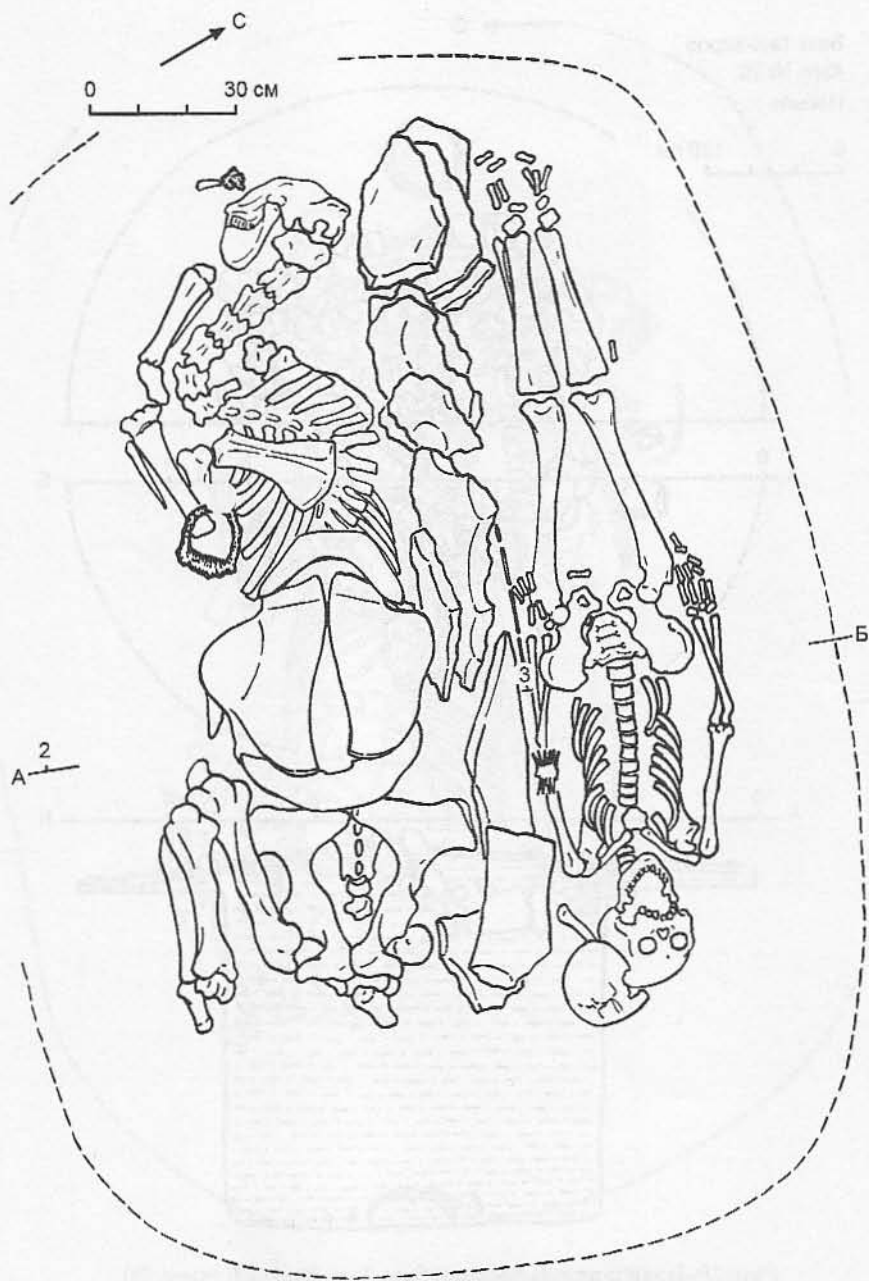

Рис. 18. План погребения. Беш-Гаш-Короо II, кург. 15.

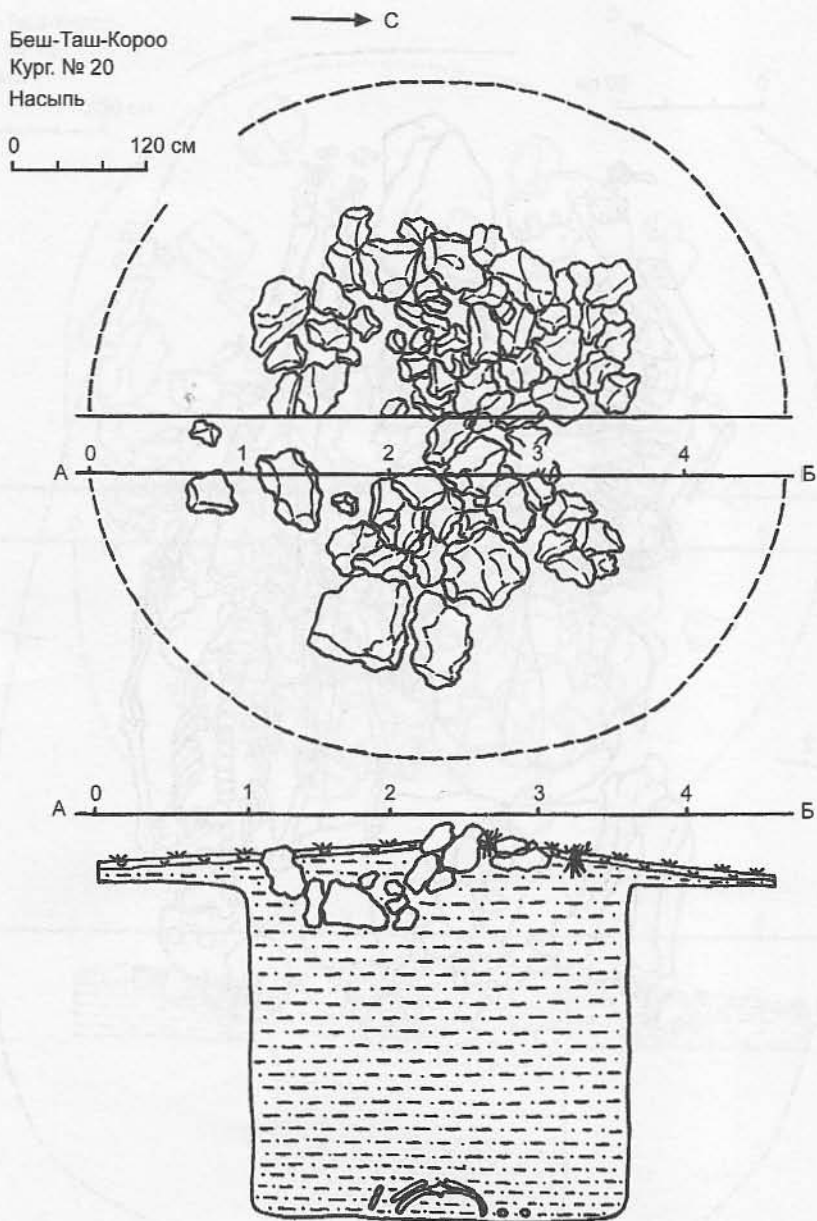

Рис. 19. План и разрез насыпи. Беш-Таш-Короо II, кург. 20.

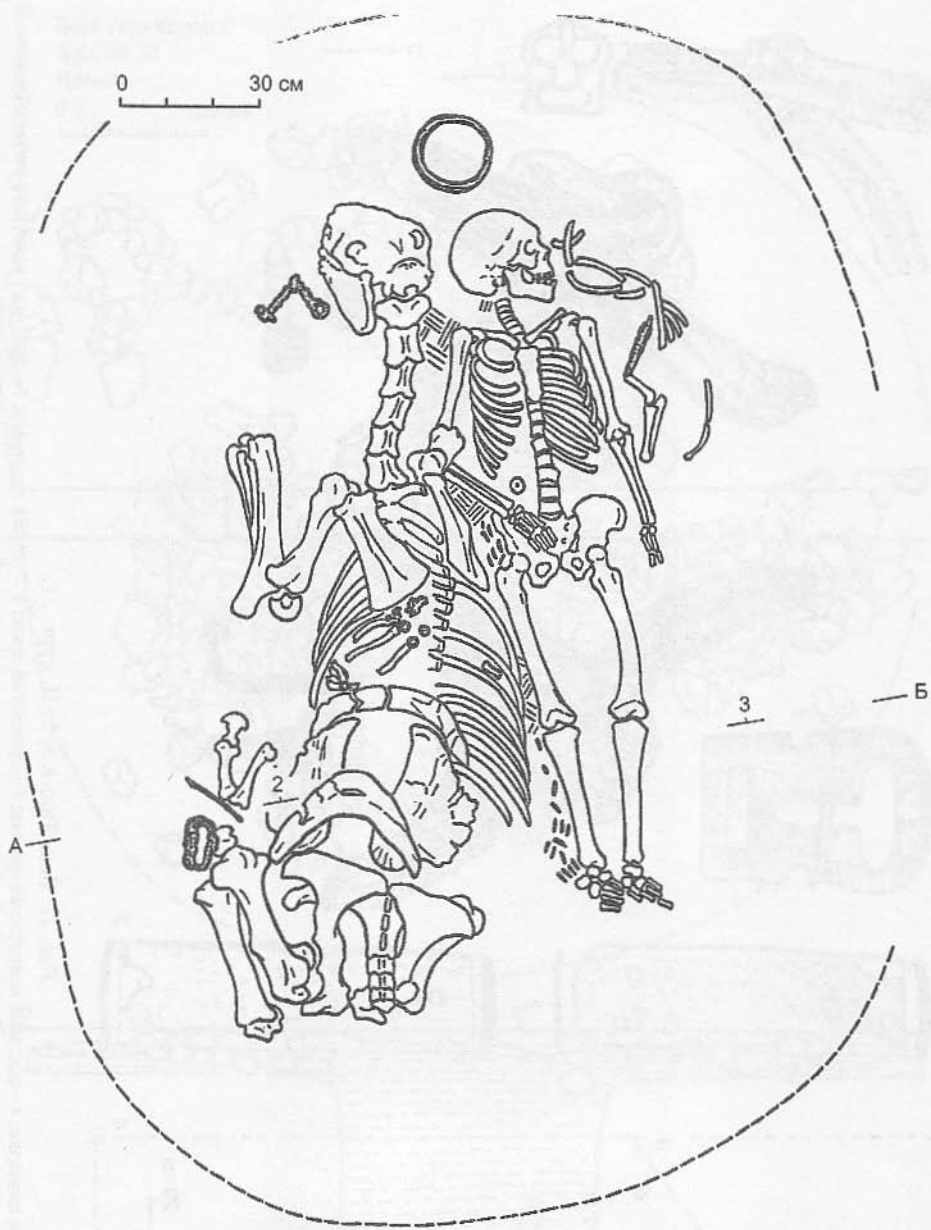

Рис. 20. План погребения. Беш-Таш-Короо II, кург. 20.

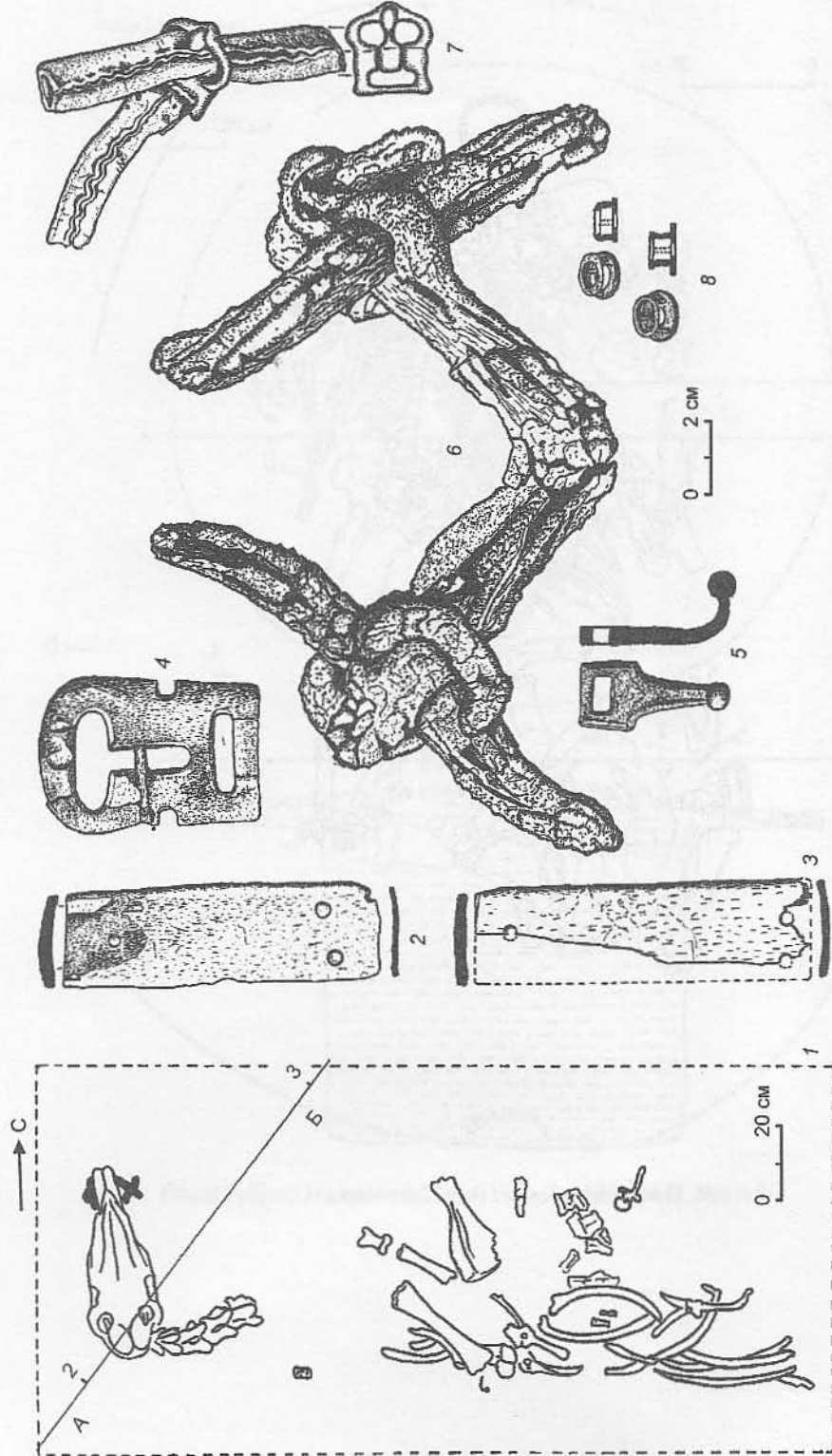

Рис. 21. Беш-Таш-Короо II, кург. 21.

1 – план погребения; 2, 3 – костяные накладки; 4 – костяная подпружинная пряжка; 5 – бронзовый крюк; 6 – удила с псалиями; 7 – фрагмент уздечного ремня с бронзовой пряжкой; 8 – бронзовые распределители ремней.

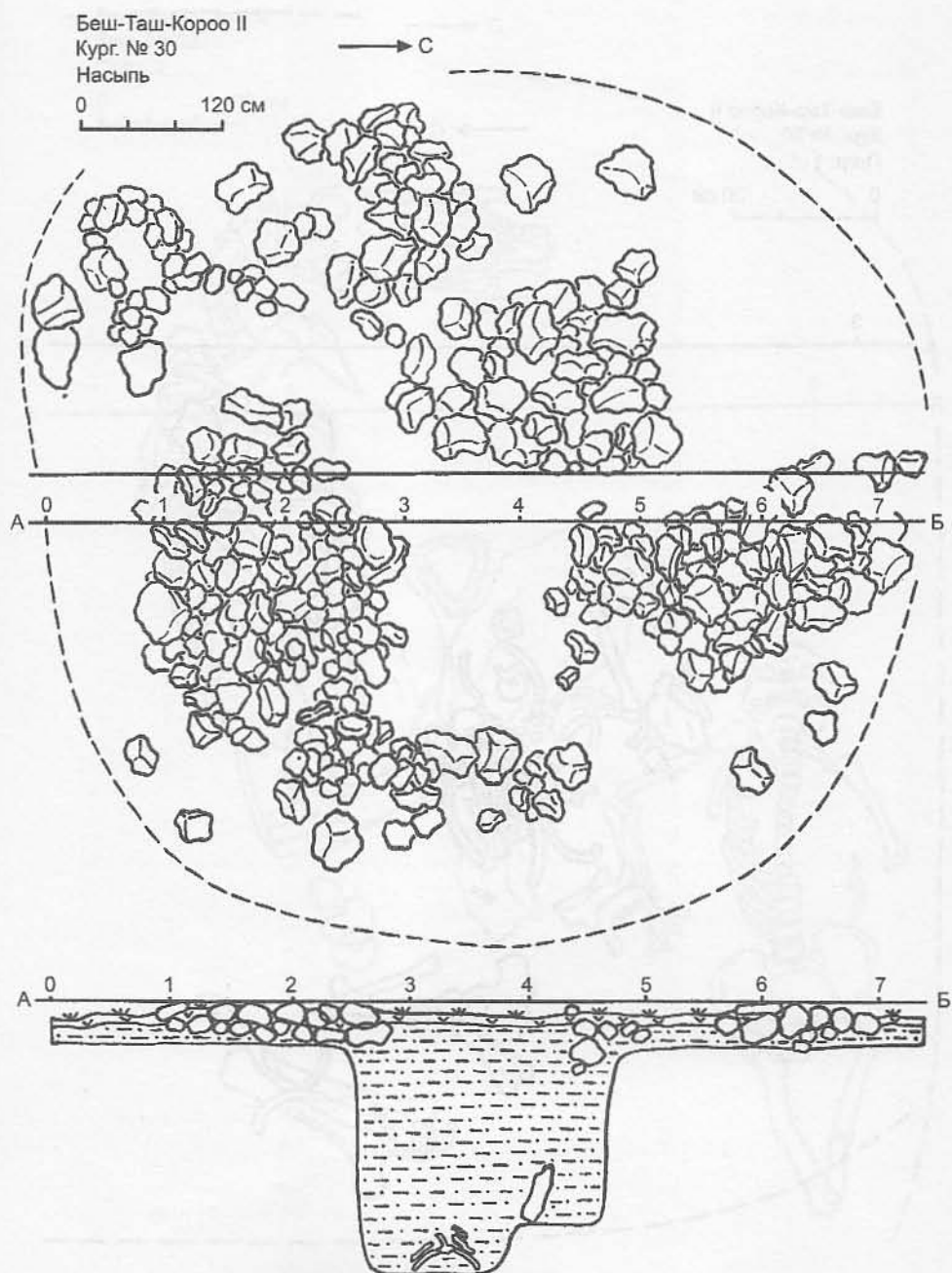

Рис. 22. План и разрез насыпи. Беш-Таш-Короо II, кург. 30.

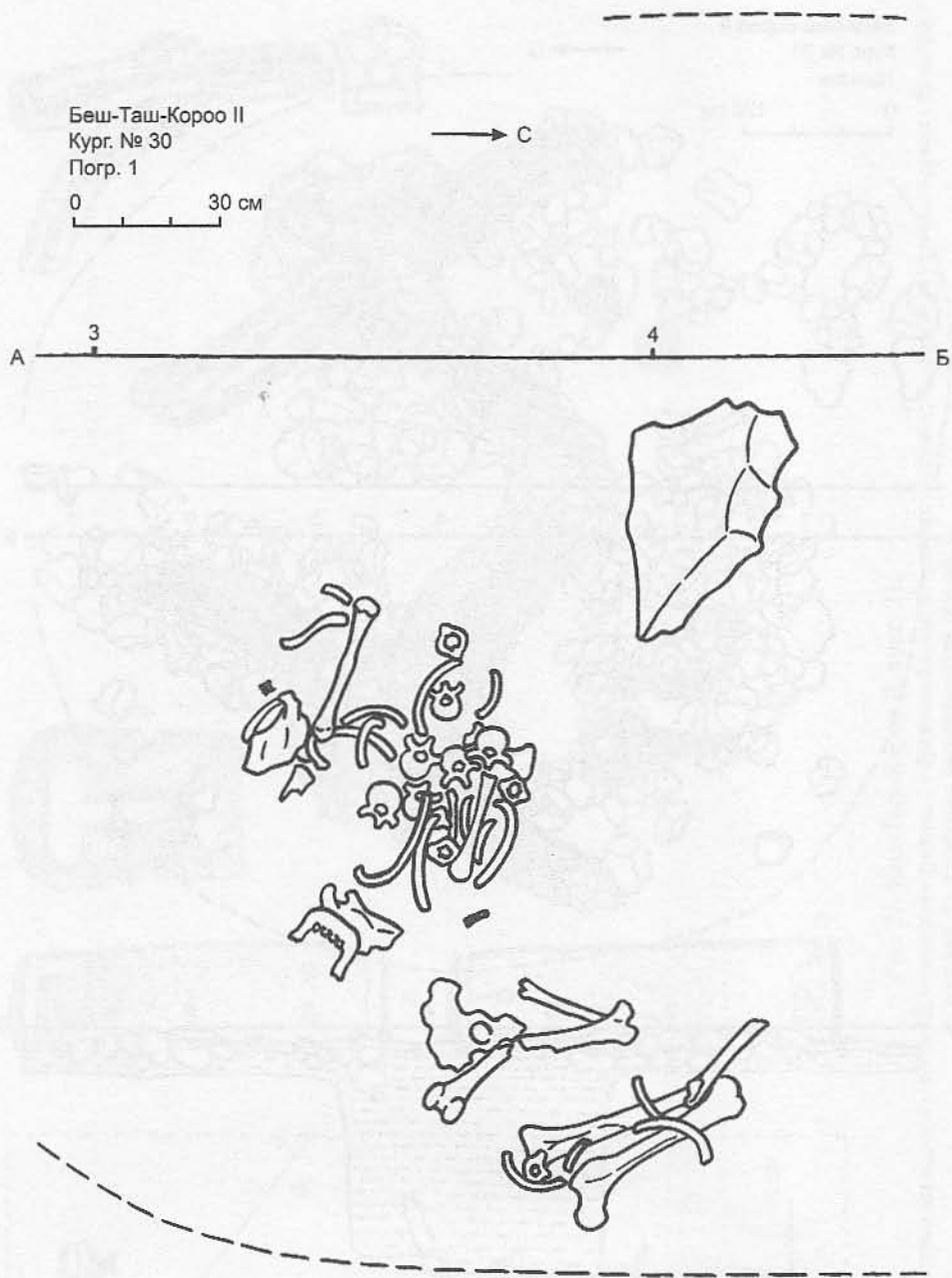

Рис. 23. План погребения 1. Беш-Таш-Короо II, кург. 30.

Рис. 24. План погребения 2. Беш-Таш-Короо II, кург. 30.

Беш-Таш-Короо II

Кург. № 34

Насыпь

0 120 см

→ С

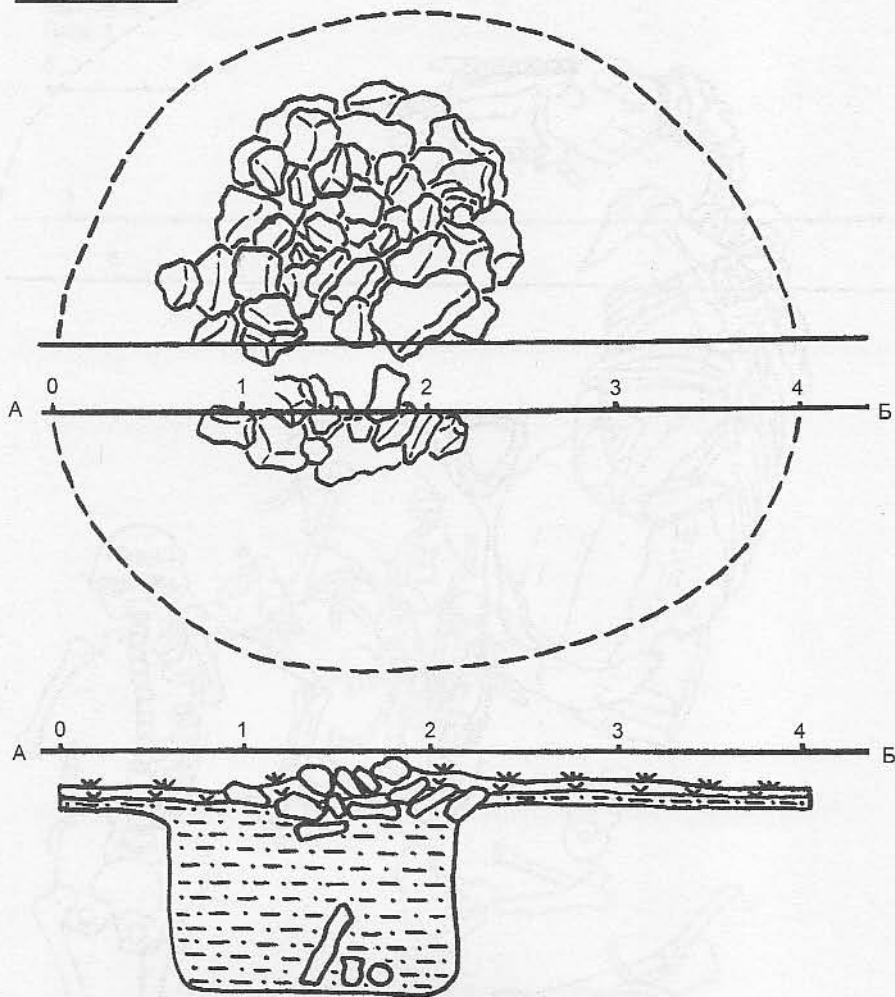

Рис. 25. План насыпи. Беш-Таш-Короо II, кург. 34.

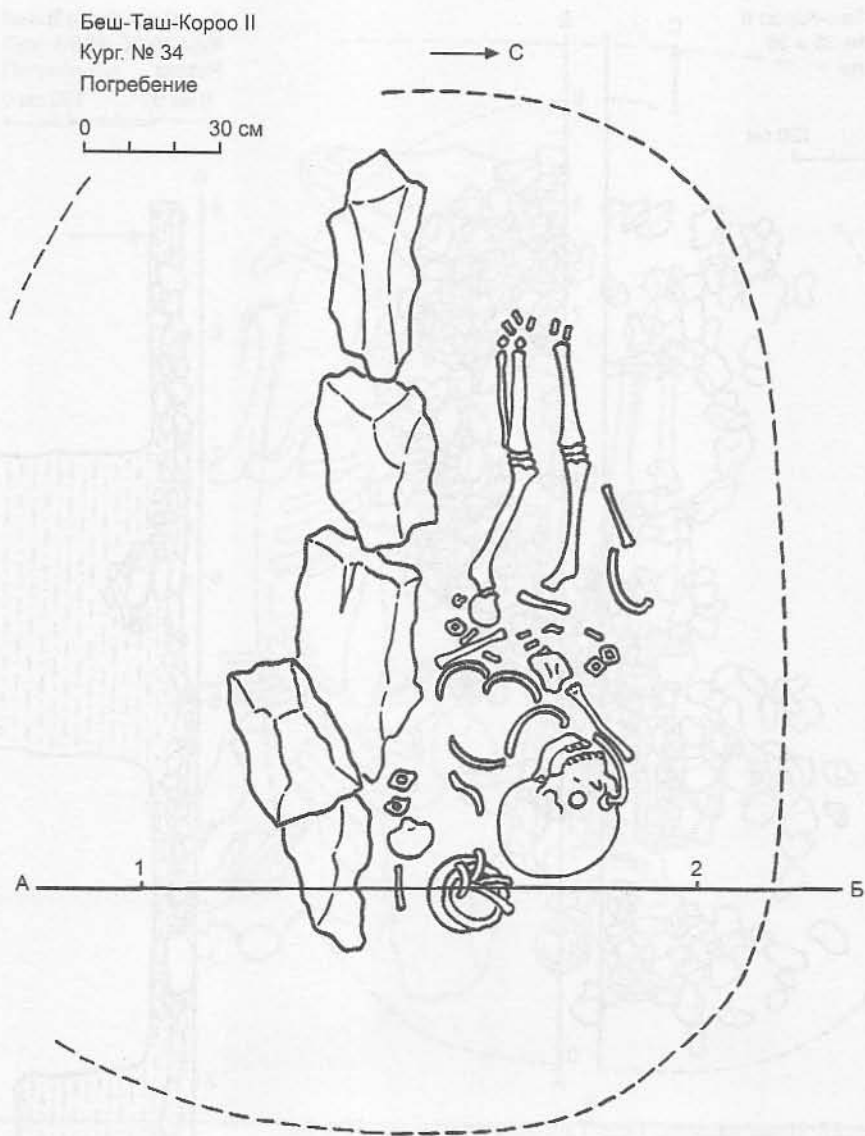

Рис. 26. План погребения. Беш-Таш-Короо II, кург. 34.

Беш-Таш-Короо II
Кург. № 35 и 36
Насыпь

0 120 см

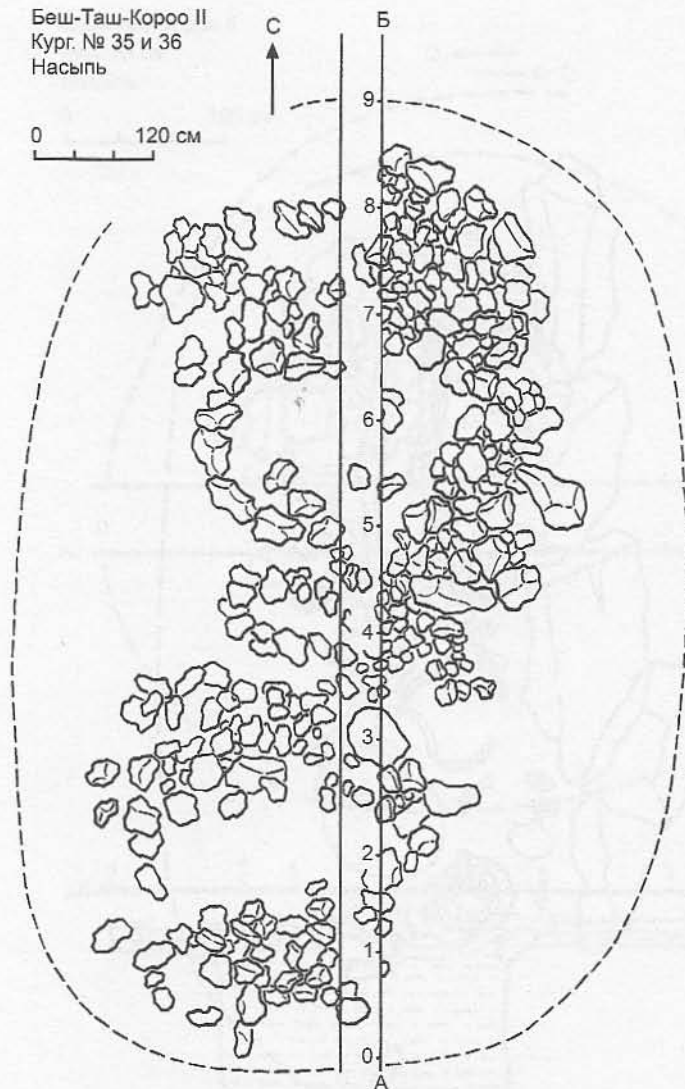

Рис. 27. План насыпи. Беш-Таш-Короо II, кург. 35 и 36.

Беш-Таш-Короо II
Кург. № 35 и 36
Разрез

0 120 см

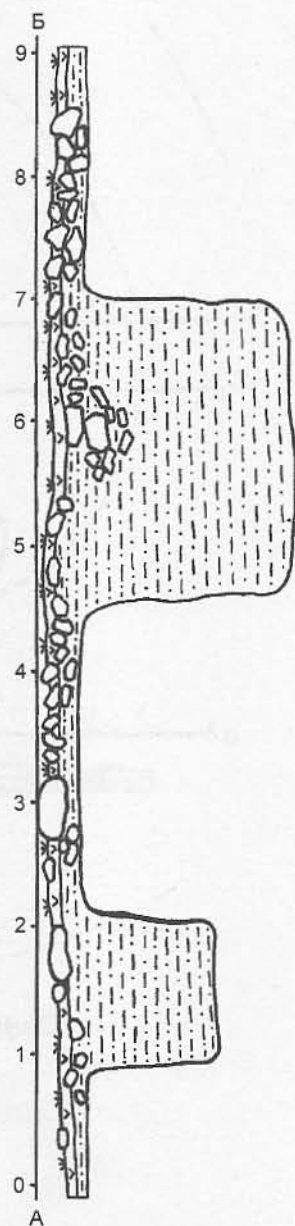

Рис. 28. Разрез погребения.
Беш-Таш-Короо II,
кург. 35 и 36.

Беш-Таш-Короо II

Кург. № 35

Погребение

0 30 см

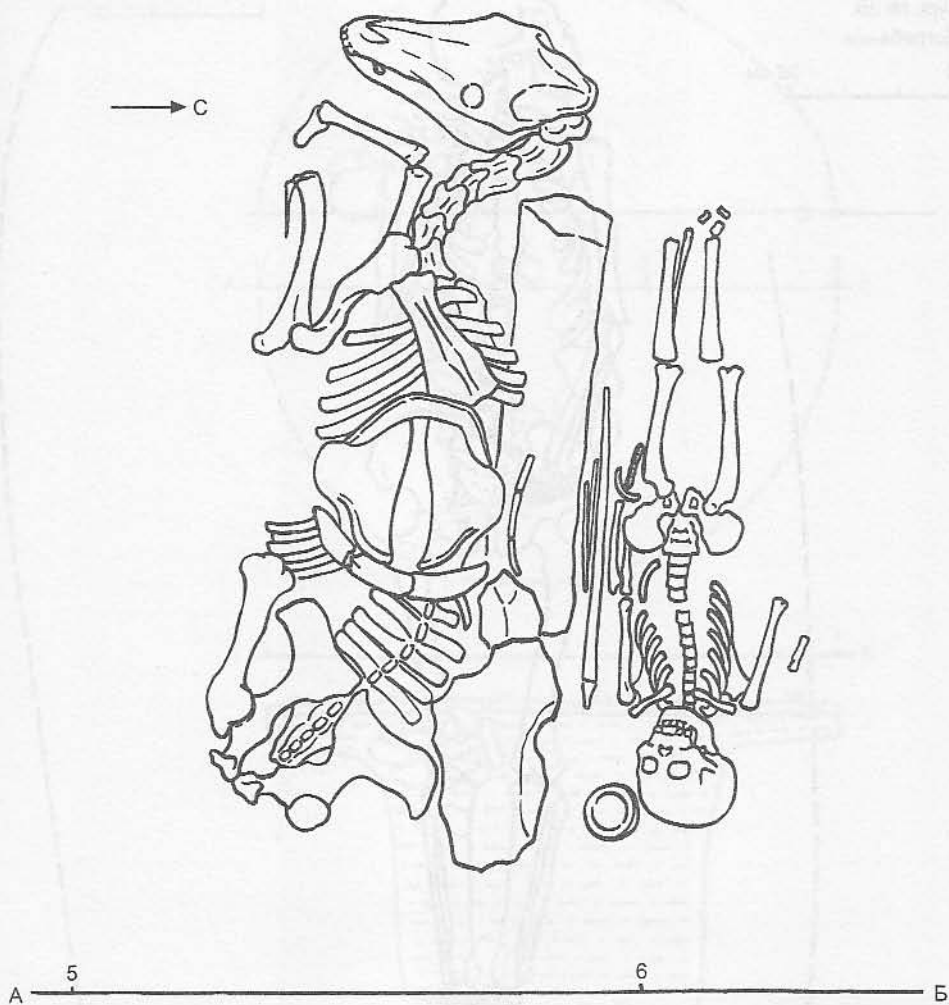

Рис. 29. План погребения. Беш-Таш-Короо II, кург. 35.

Беш-Таш-Короо II
Кург. № 36
Погребение

0 30 см

→ С

А 1 2 Б

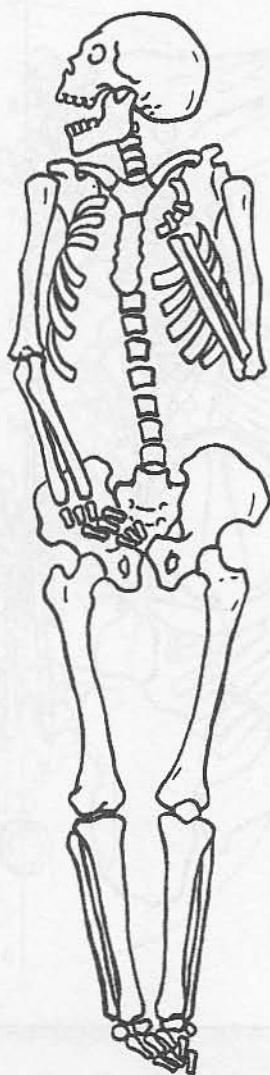

Рис. 30. План погребения. Беш-Таш-Короо II, кург. 36.

Беш-Таш-Короо II

Кург. № 37

Насыль

0 120 см

→ С

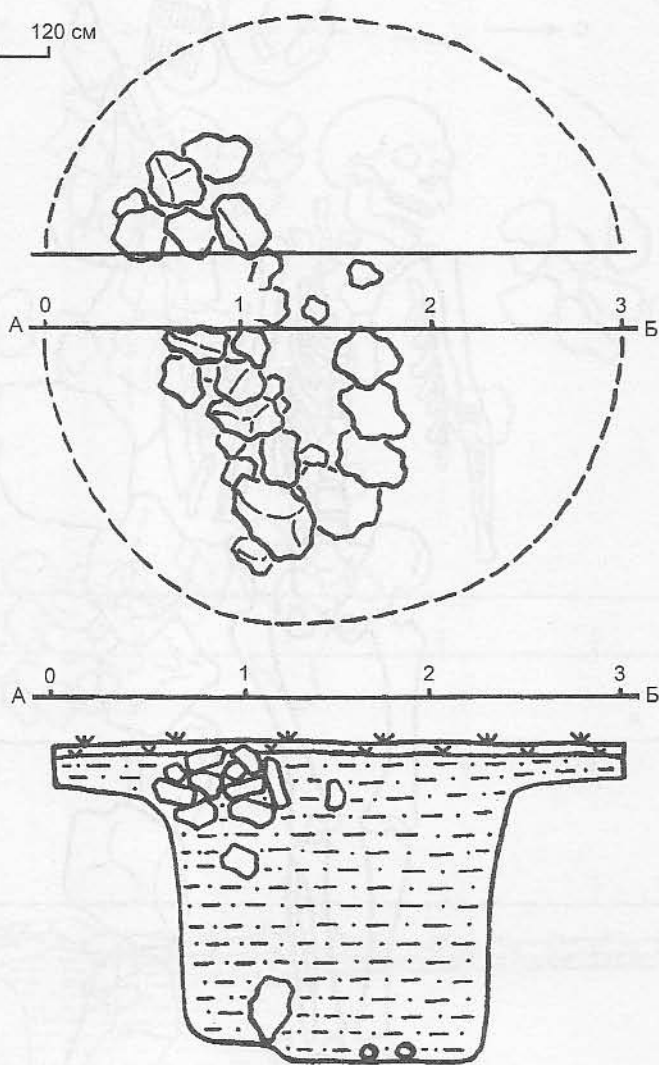

Рис. 31. План насыпи. Беш-Таш-Короо II, кург. 37.

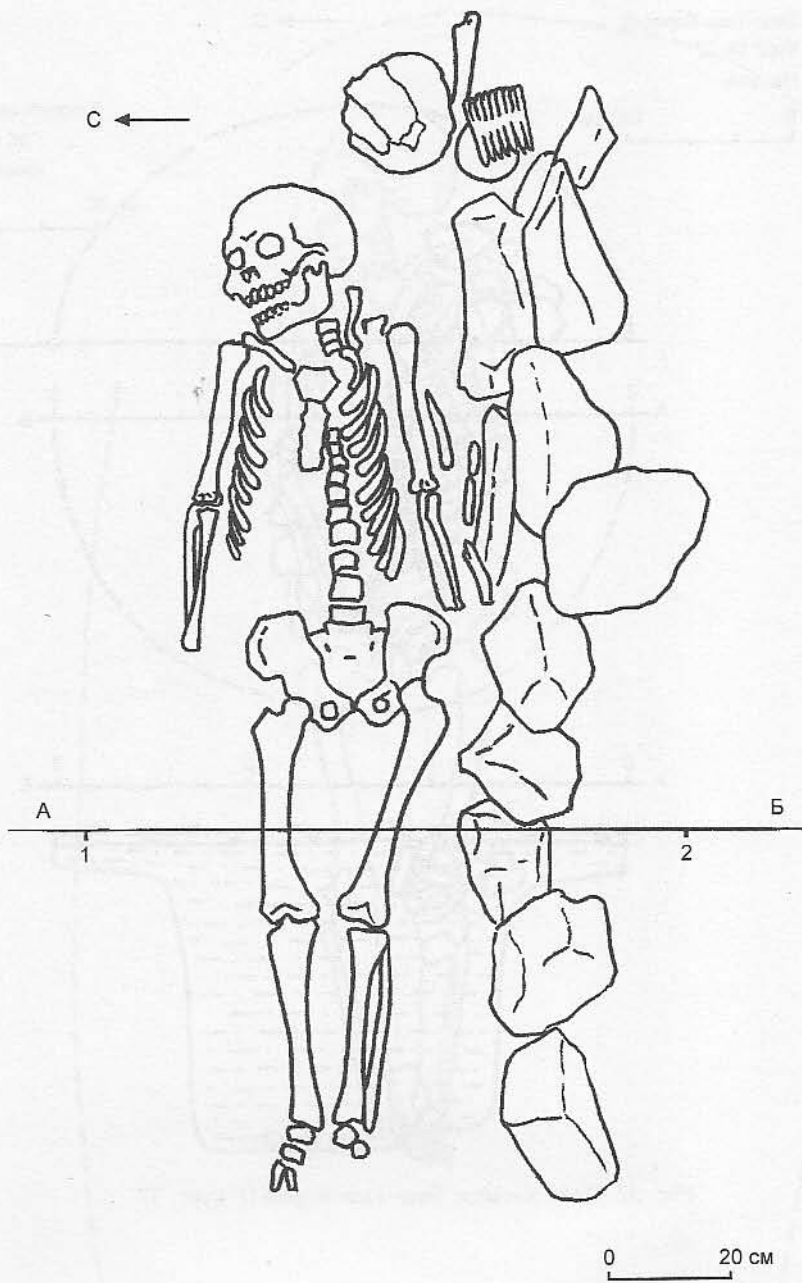

Рис. 32. План погребения. Беш-Таш-Короо II, кург. 37.

Беш-Таш-Короо II

Кург. № 39

Насыпь

0 120 см

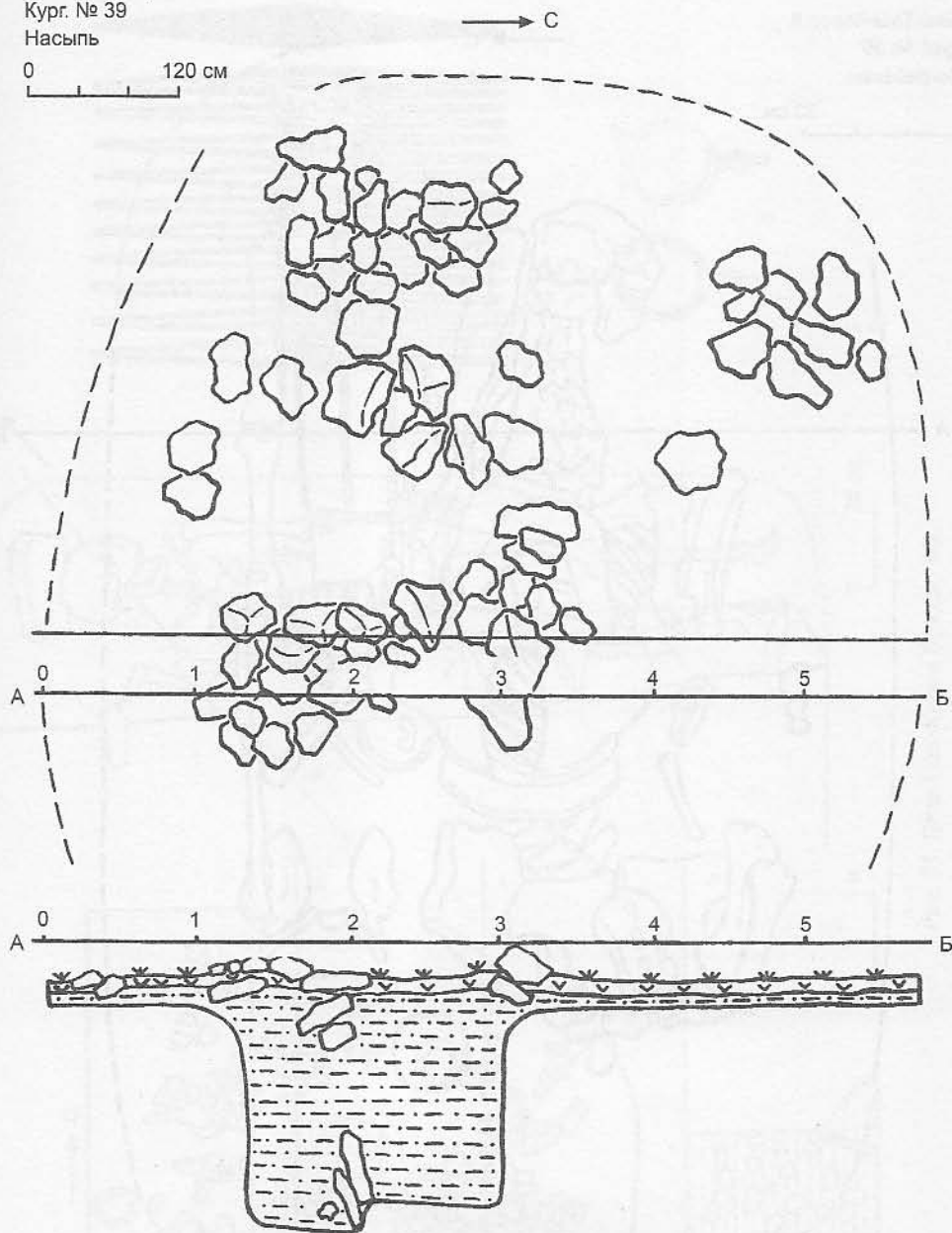

Рис. 33. План насыпи. Беш-Таш-Короо II, кург. 39.

Беш-Таш-Короо II
Кург. № 39
Погребение

0 30 см

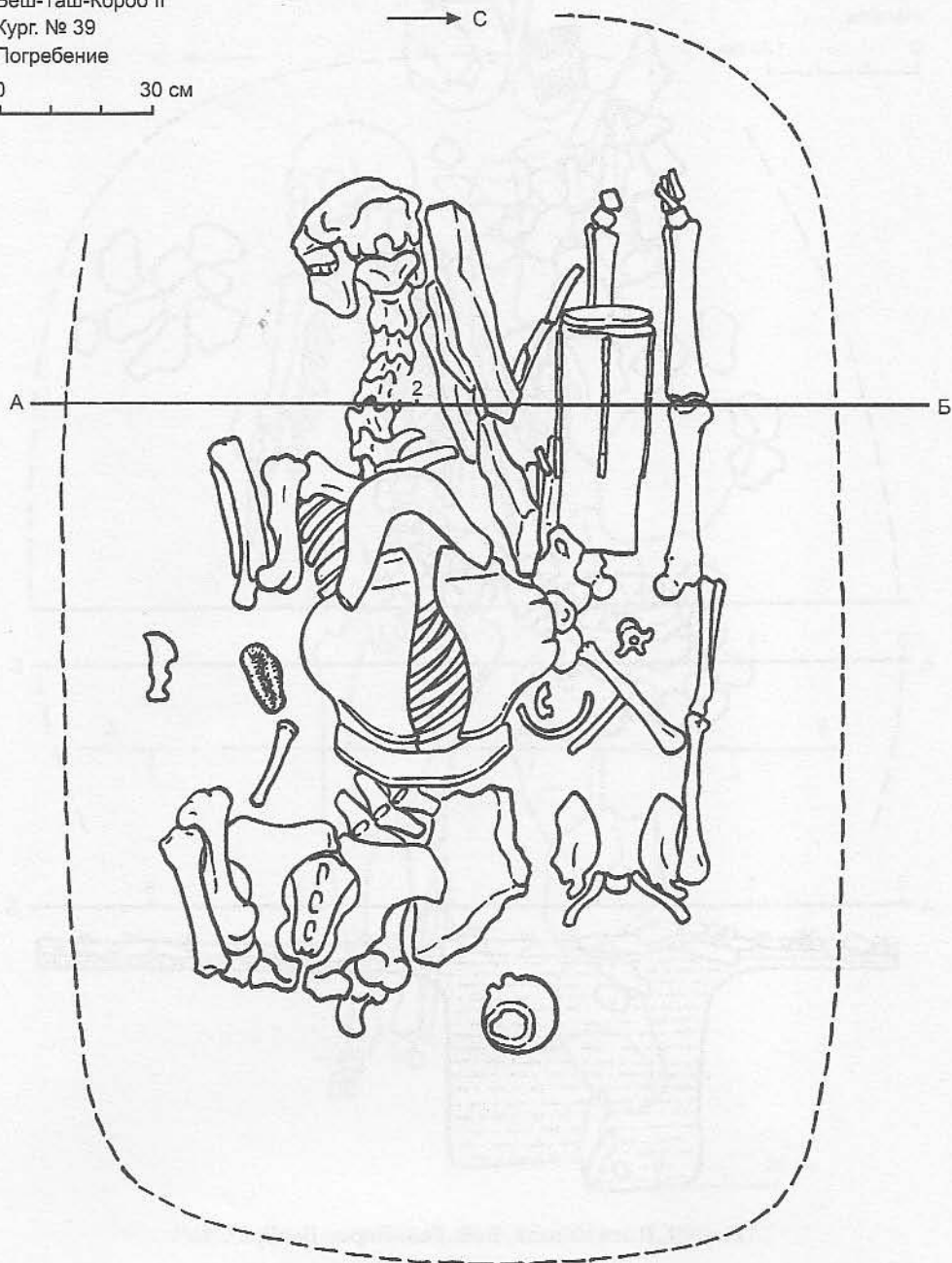

Рис. 34. План погребения. Беш-Таш-Короо II, кург. 39.

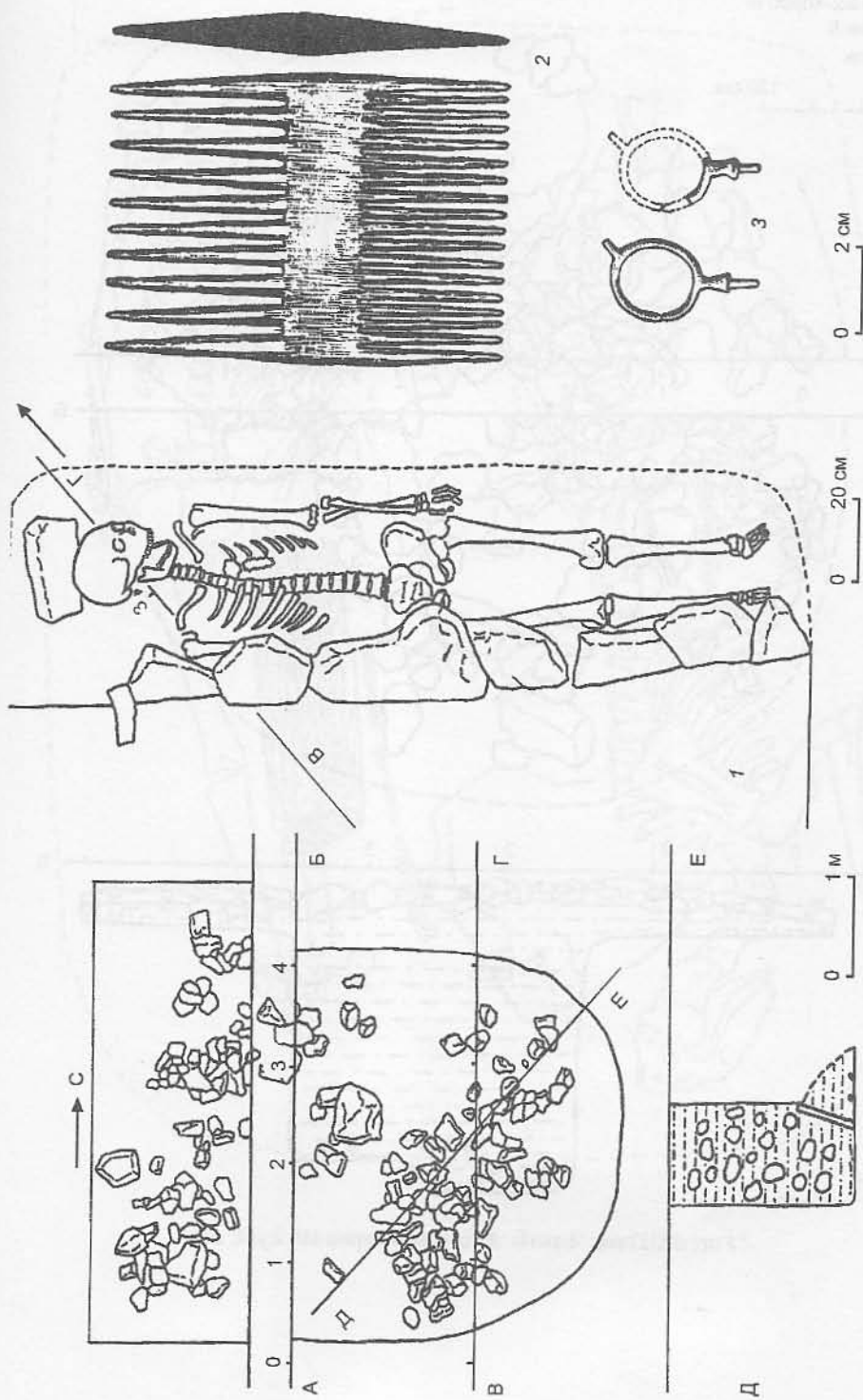

Рис. 35. Беш-Таш-Короо II, кург. 60.
 1 – планы насыпи и погребения; 2 – деревянный гребень; 3 – бронзовые серьги.

Беш-Таш-Короо III
Кург. № 5
Насыпь

0 120 см

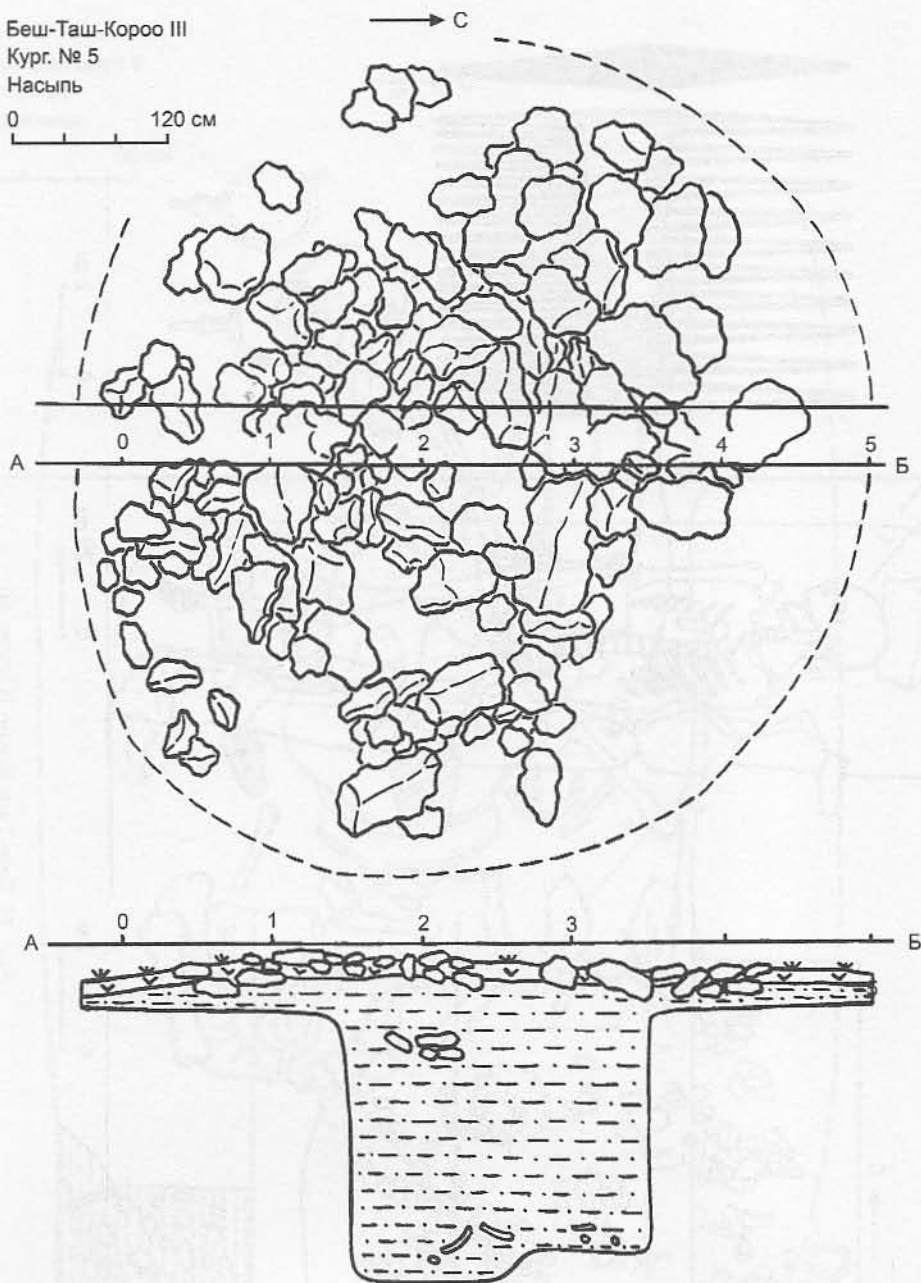

Рис. 36. План насыпи. Беш-Таш-Короо III, кург. 5.

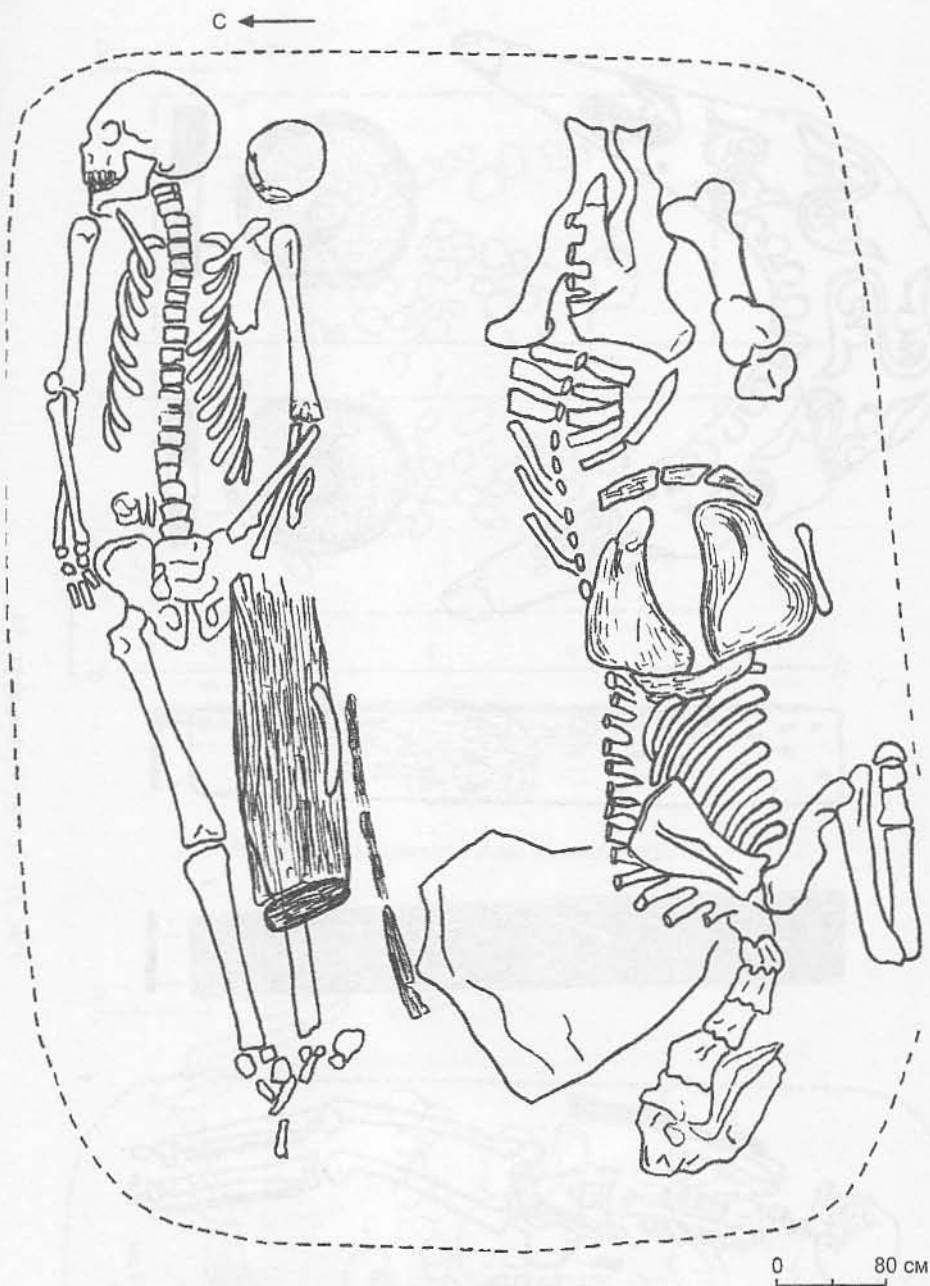

Рис. 37. План погребения. Беш-Таш-Короо III, кург. 5.

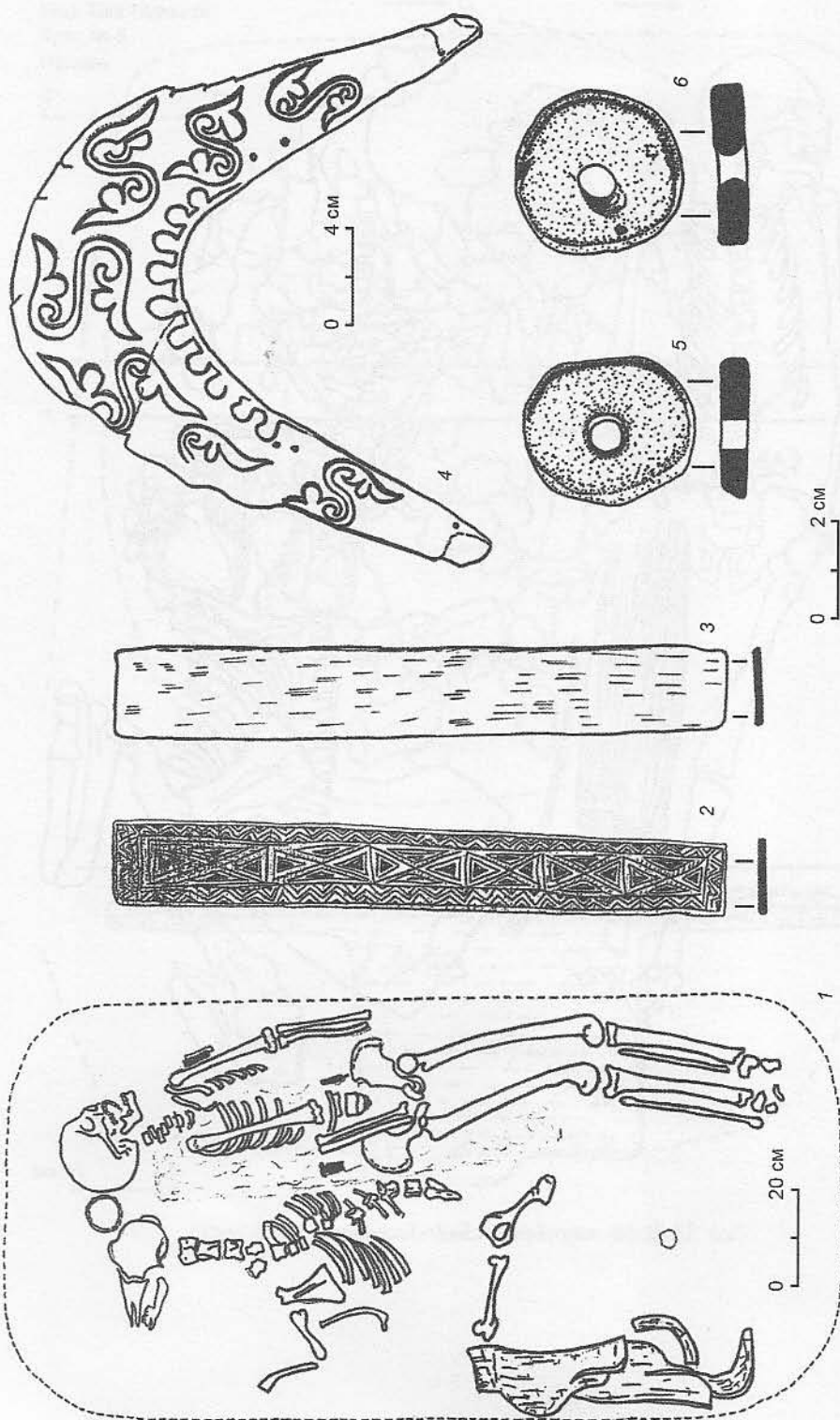

Рис. 38. Суттуу-Булак, кург. 54.
 1 – план погребения; 2–6 – инвентарь.

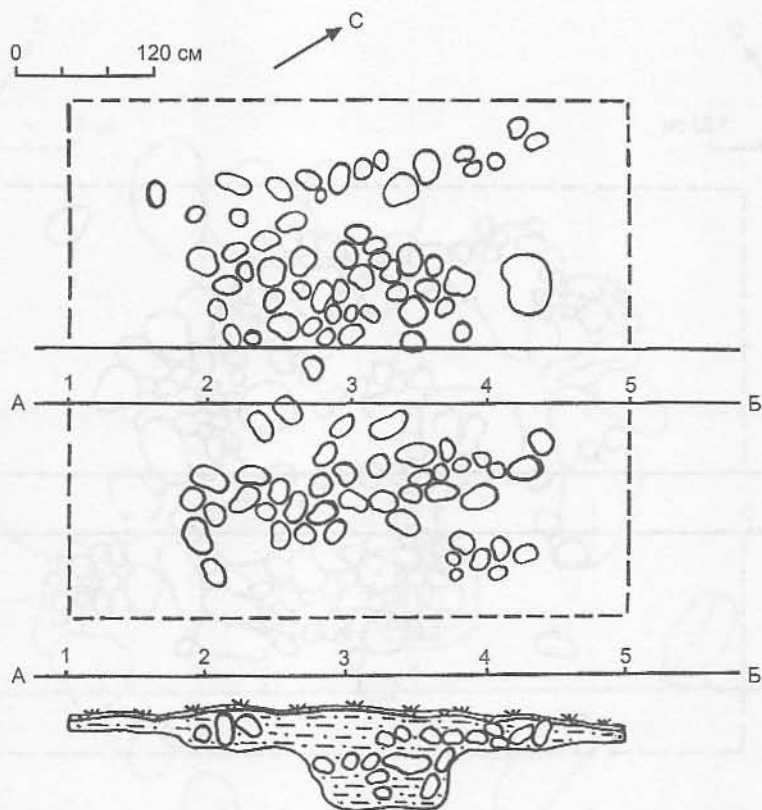

Рис. 39. План насыпи. Ала-Мышик, огр. 64.

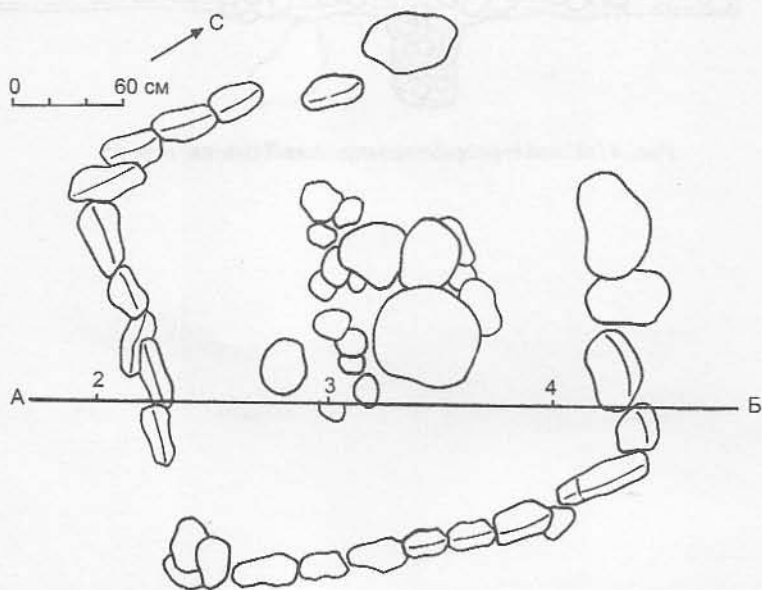

Рис. 40. План оградки 64. Ала-Мышик.

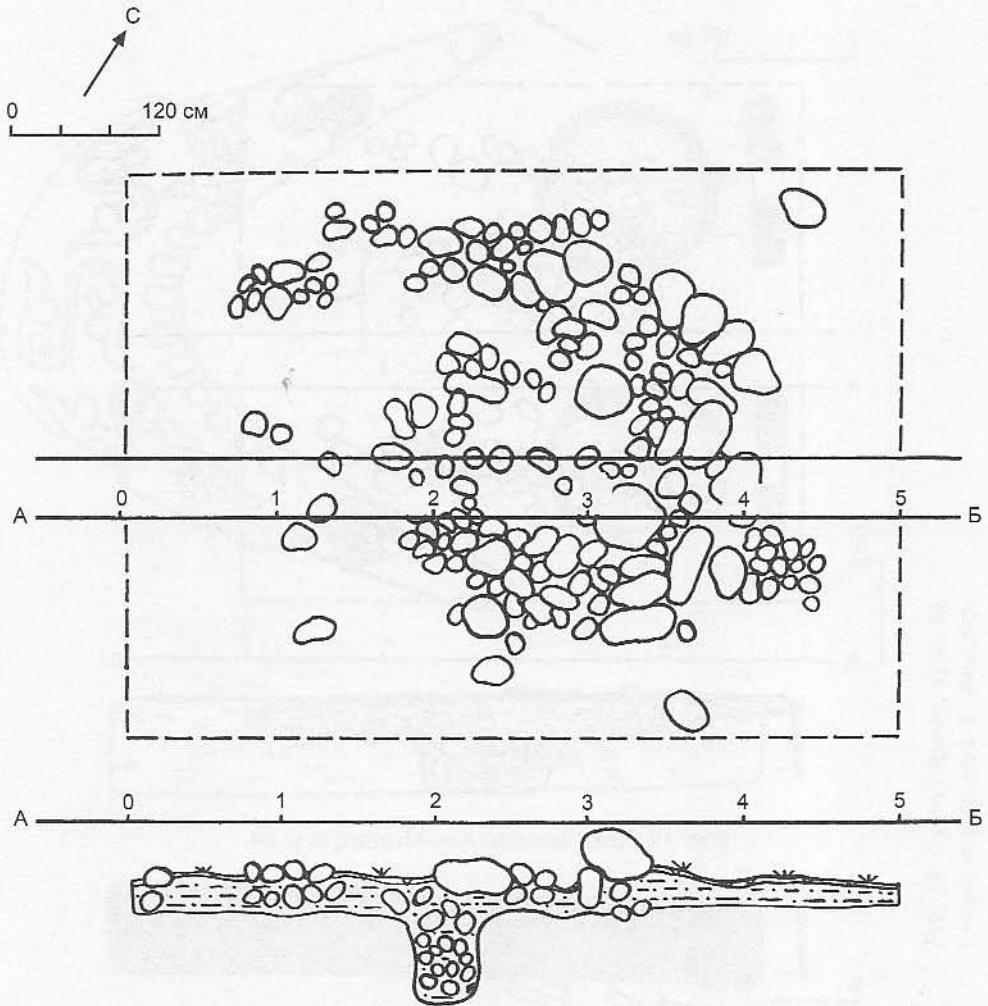

Рис. 41. План и разрез насыпи. Ала-Мышик, огр. 65.

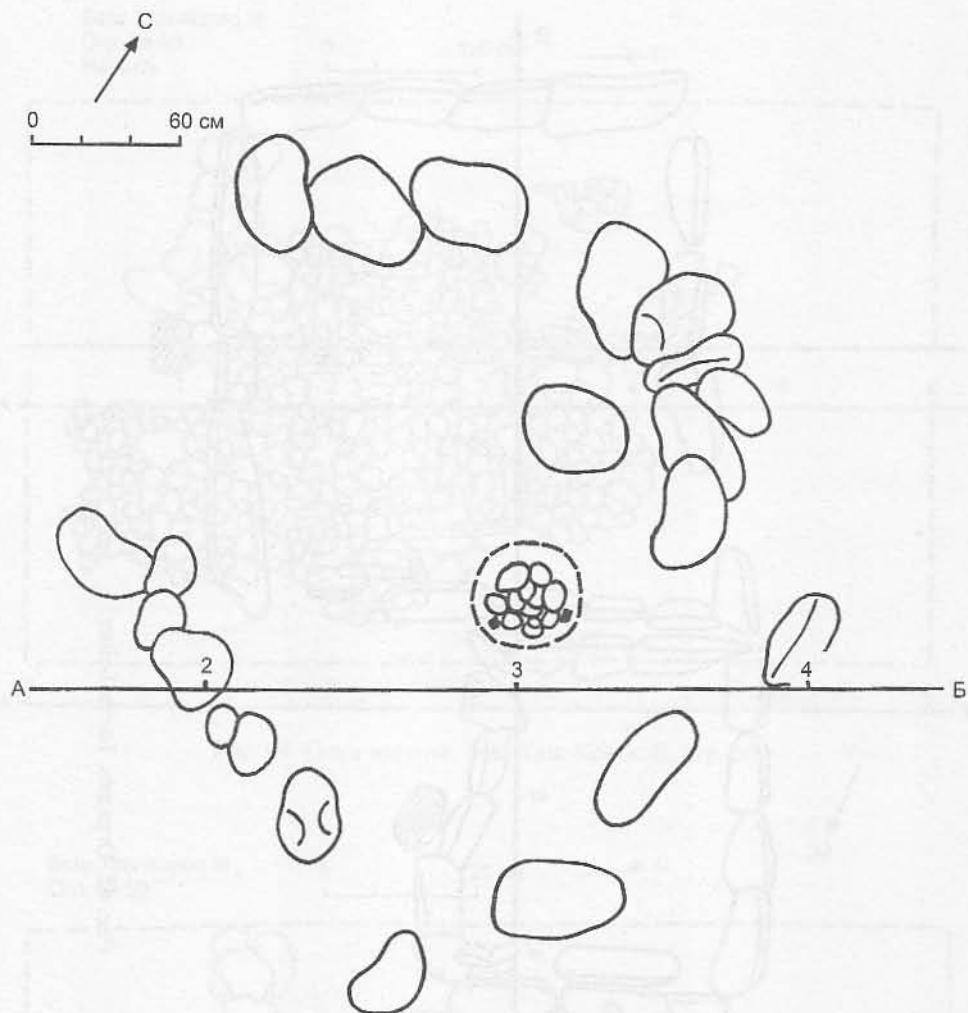

Рис. 42. План оградки 65. Ала-Мышик.

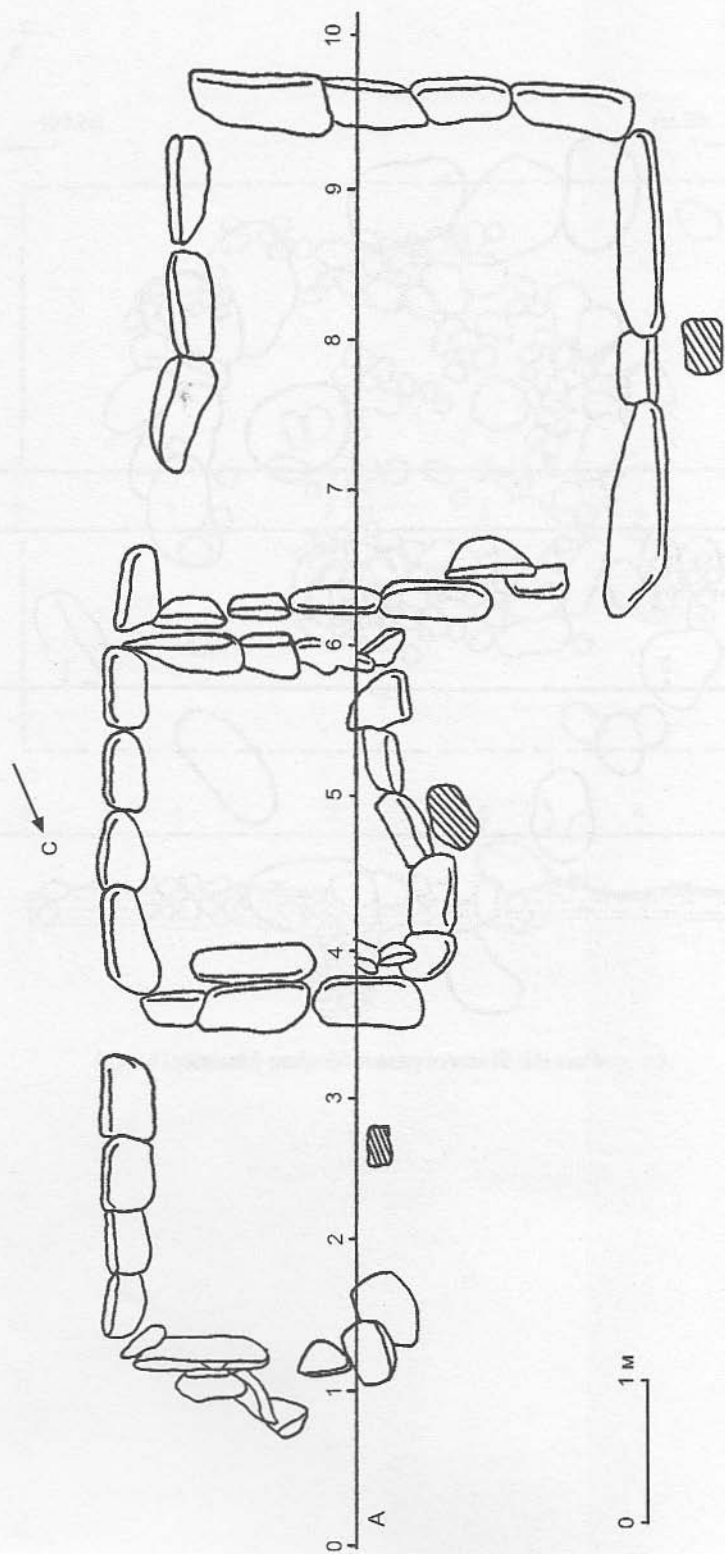

Рис. 43. Оградки. Балга-Бейит.

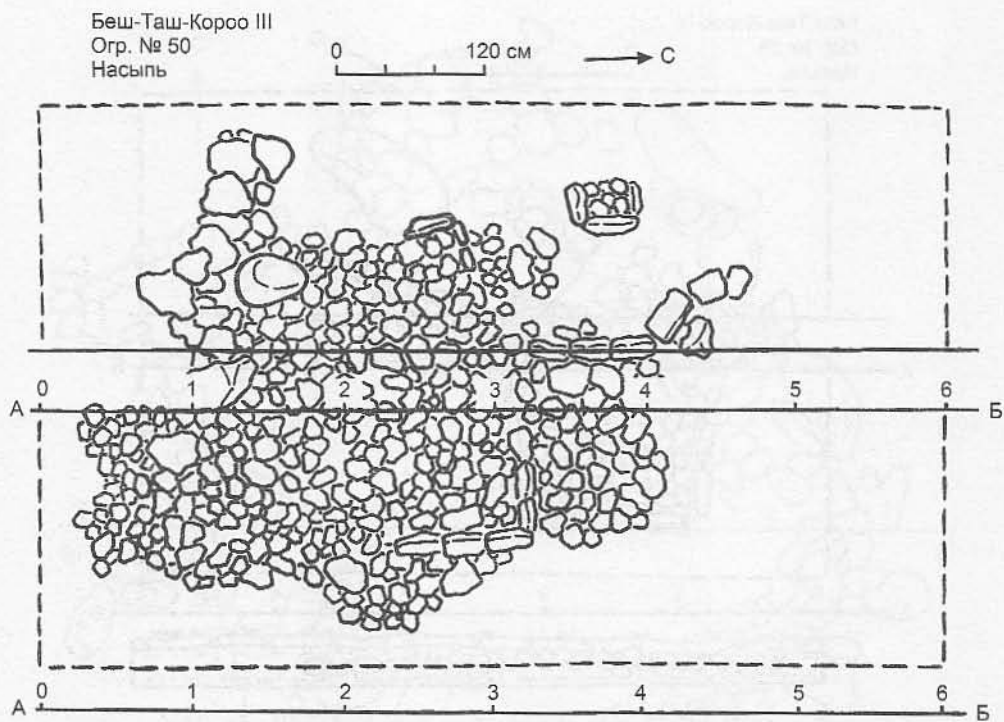

Рис. 44. План насыпи. Беш-Таш-Короо II, огр. 50.

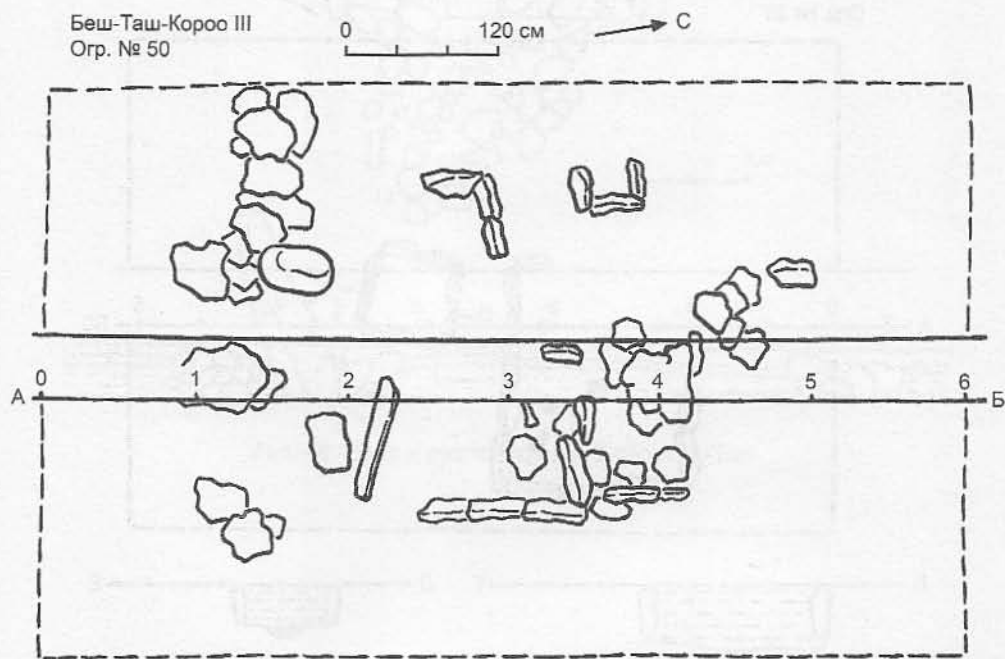

Рис. 45. План оградки 50. Беш-Таш-Короо II.

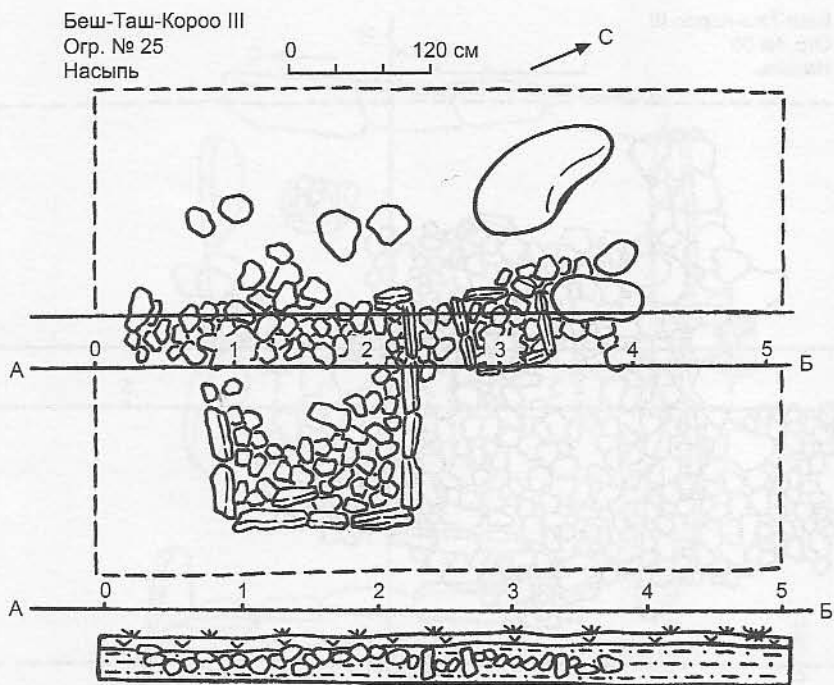

Рис. 46. План и разрез насыпи. Беш-Таш-Короо III, огр. 25.

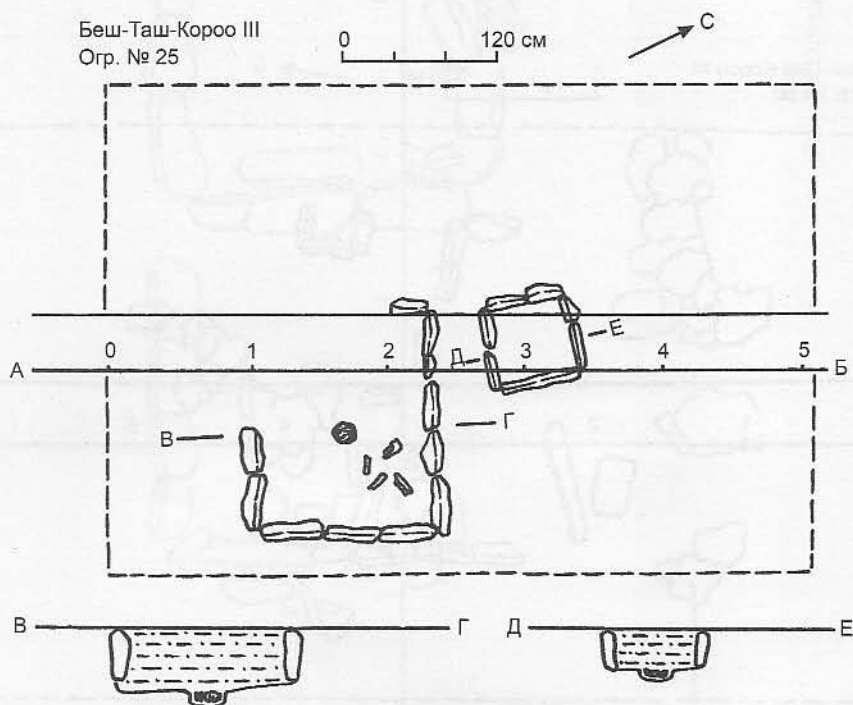

Рис. 47. План и разрез оградки 25. Беш-Таш-Короо III.

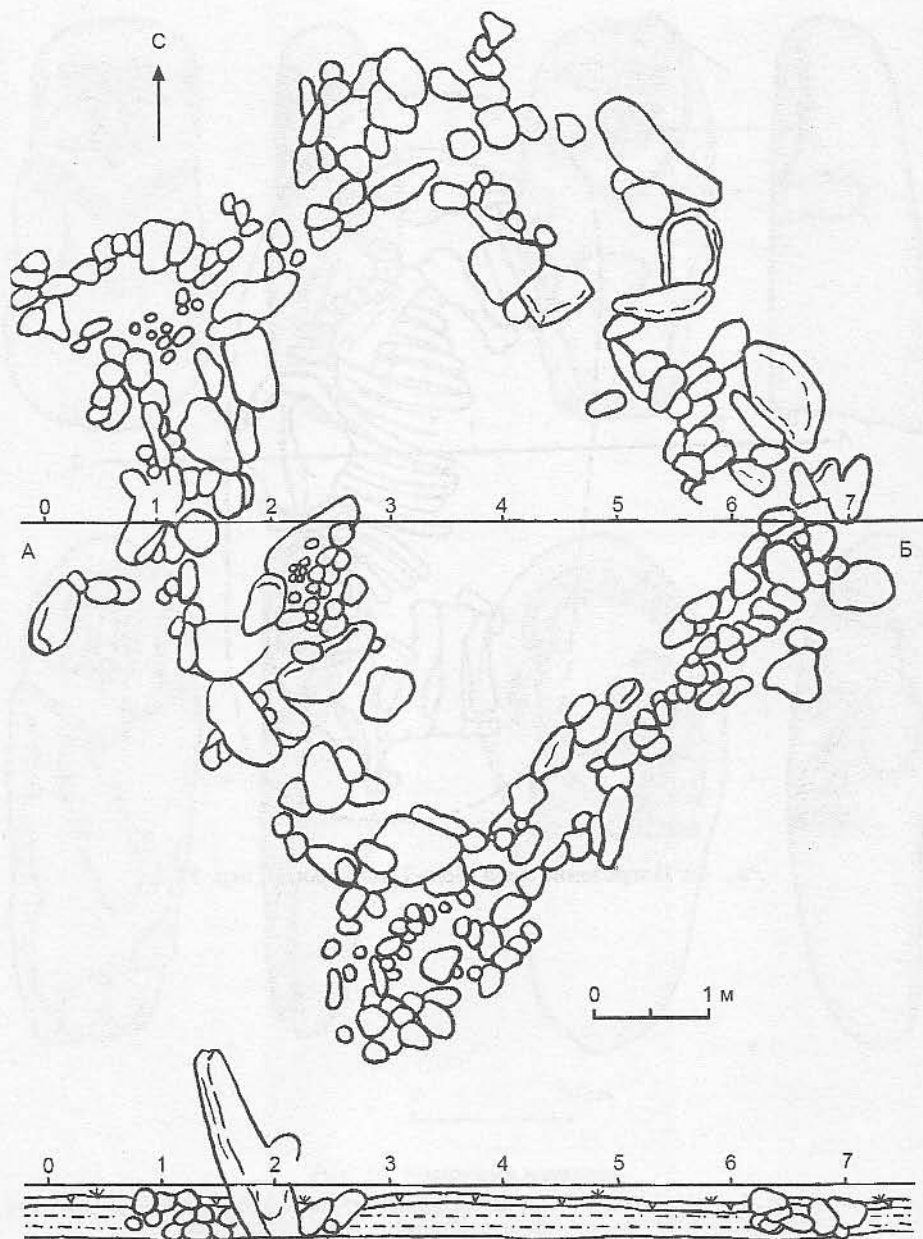

Рис. 48. План и разрез ограды. Коборгон-Таш.

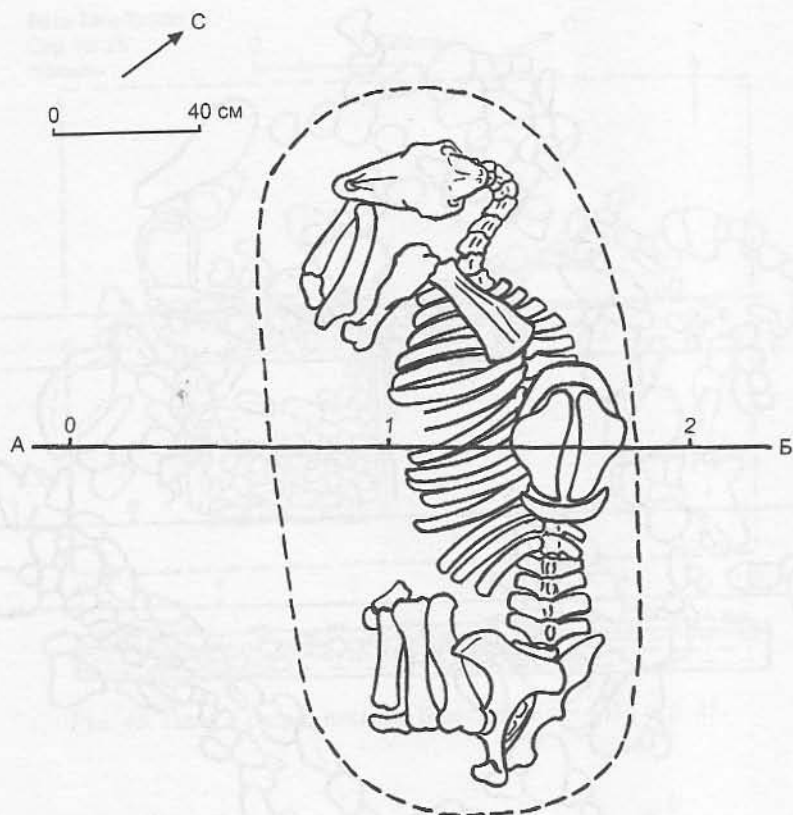

Рис. 49. Погребение коня. Беш-Таш-Короо II, огр. 51.

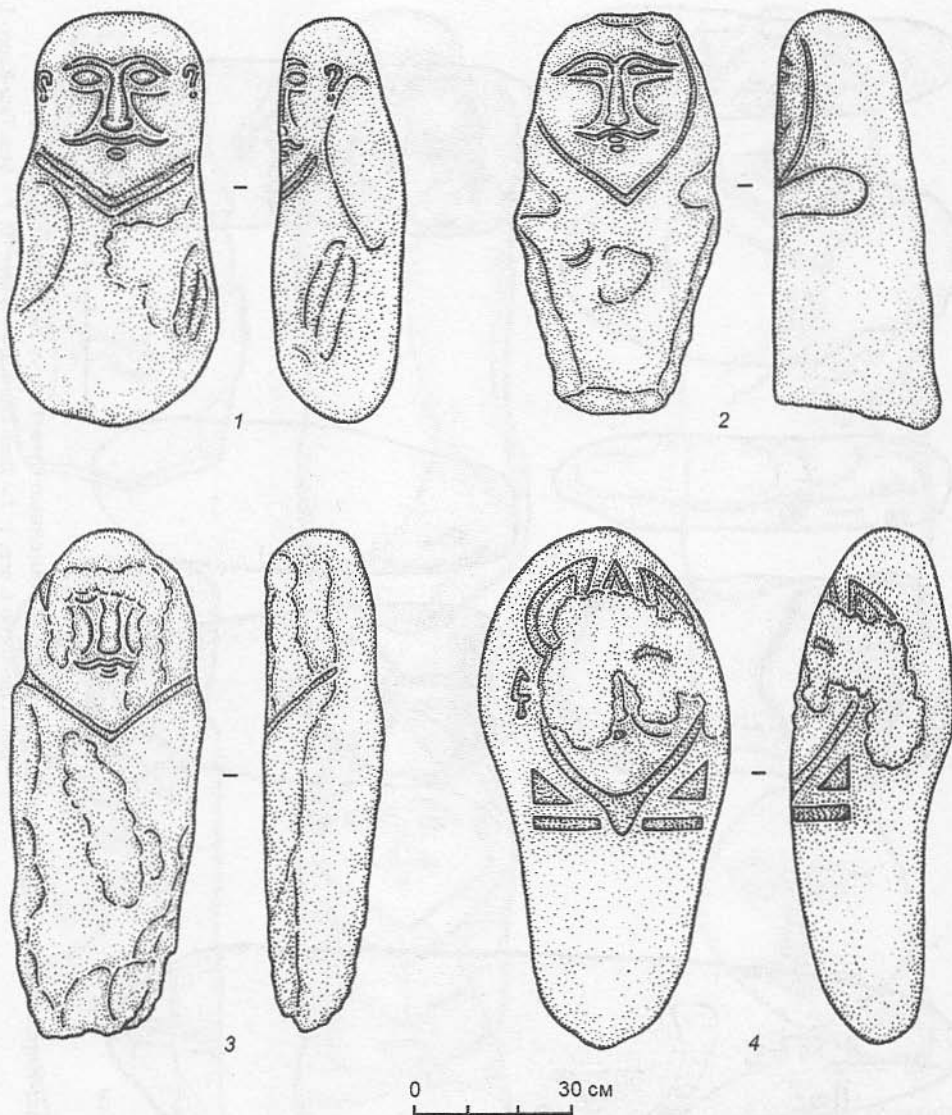

Рис. 50. Каменные изваяния.

1 – Беш-Таш-Короо II, огр. 33; 2 – Беш-Таш-Короо II, огр. 53; 3 – Беш-Таш-Короо II, огр. 35; 4 – Беш-Таш-Короо III, огр. 25.

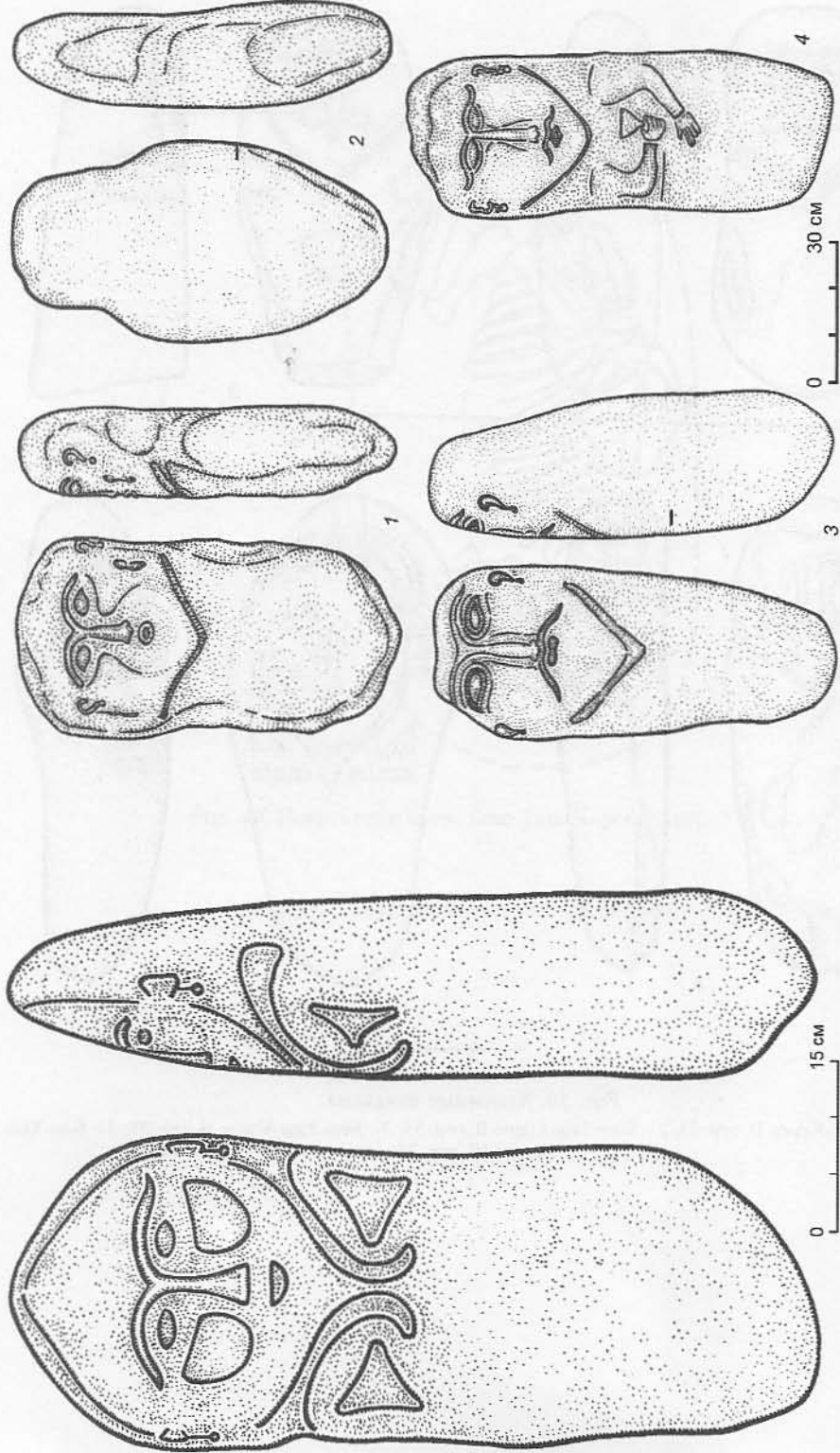
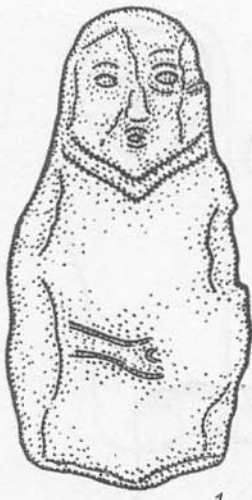
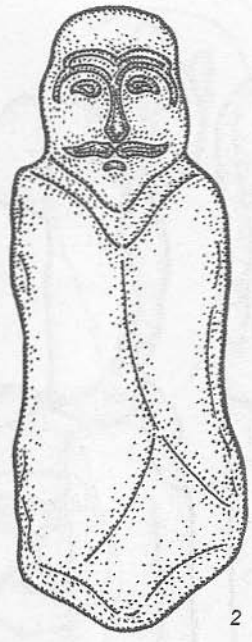

Рис. 51. Каменное изваяние. Беш-Таш-Короо III, отр. 25.

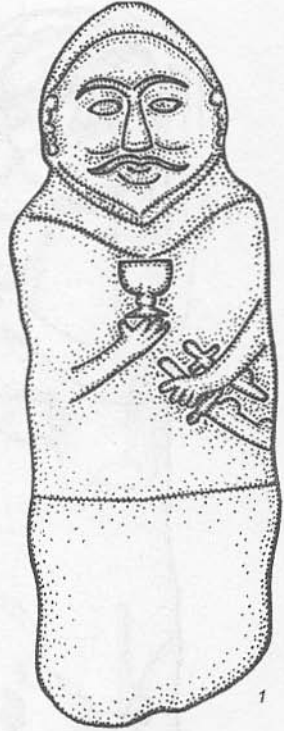
Рис. 52. Каменные изваяния из Кочкорской долины. 1 – Беш-Таш-Короо I, отр. 1; 2 – Беш-Таш-Короо I, отр. 10; 3 – Беш-Таш-Короо I, отр. 13; 4 – Беш-Таш-Короо I, отр. 16.

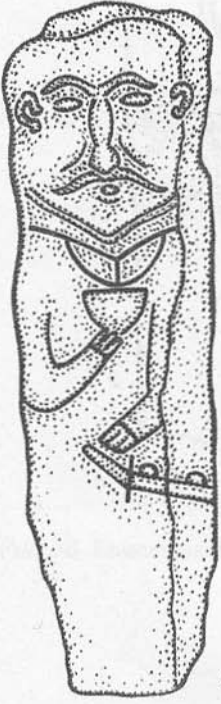
1

2

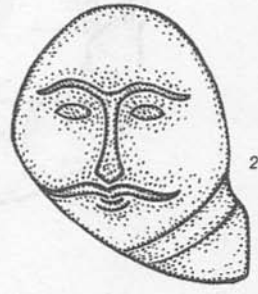
1

3

4

2

Рис. 53. Каменные изваяния.
1, 2 – Ала-Мышик; 3, 4 – Калмак-Таш.

Рис. 54. Каменные изваяния.
1 – Калмак-Таш; 2 – Боз-Бей.

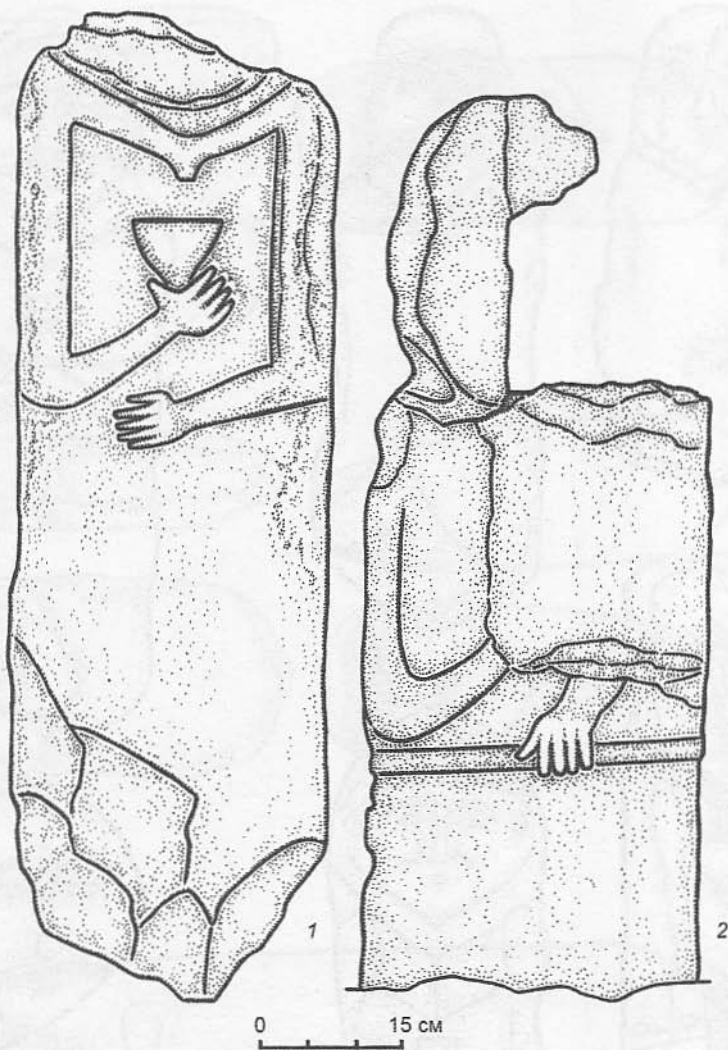

Рис. 55. Аякы-Бюлетю.
1, 2 – камешные изваяния.

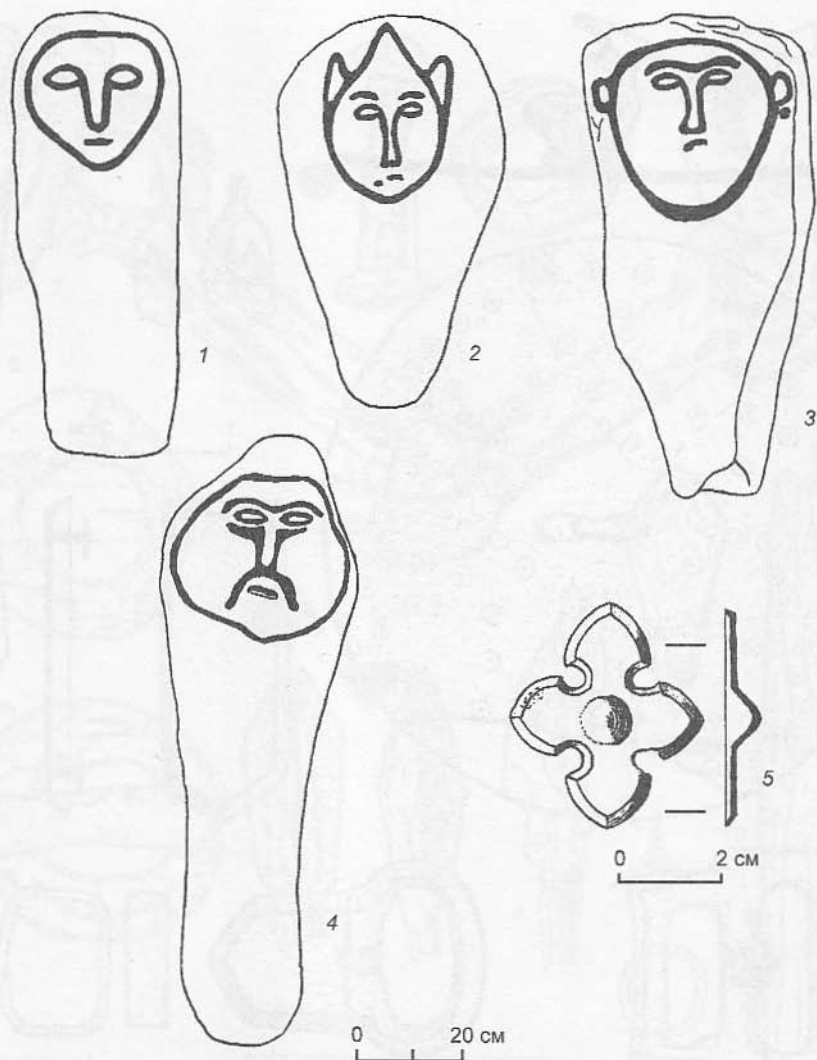

Рис. 56. Каменные изваяния (1-4) и распределитель ремней (5). Балта-Бейит, огр. 4.

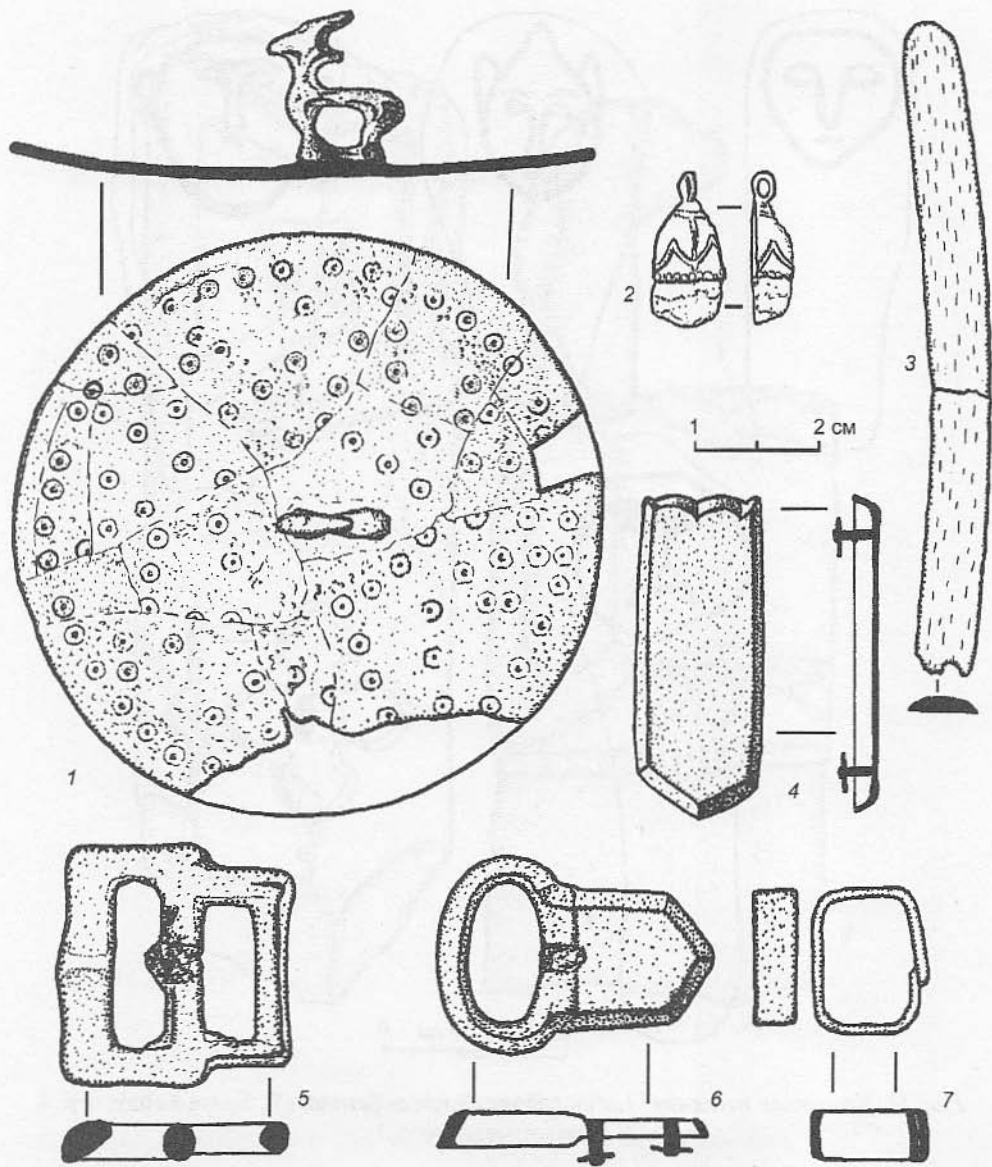

Рис. 57. Инвентарь. Бел-Саз II.

1 – зеркало; 2 – золотая подвеска с каменной вставкой; 3 – роговая пластина; 4 – бронзовый наконечник ремня; 5 – бронзовая сбруйная пряжка; 6 – бронзовая поясная пряжка; 7 – бронзовая обойма.

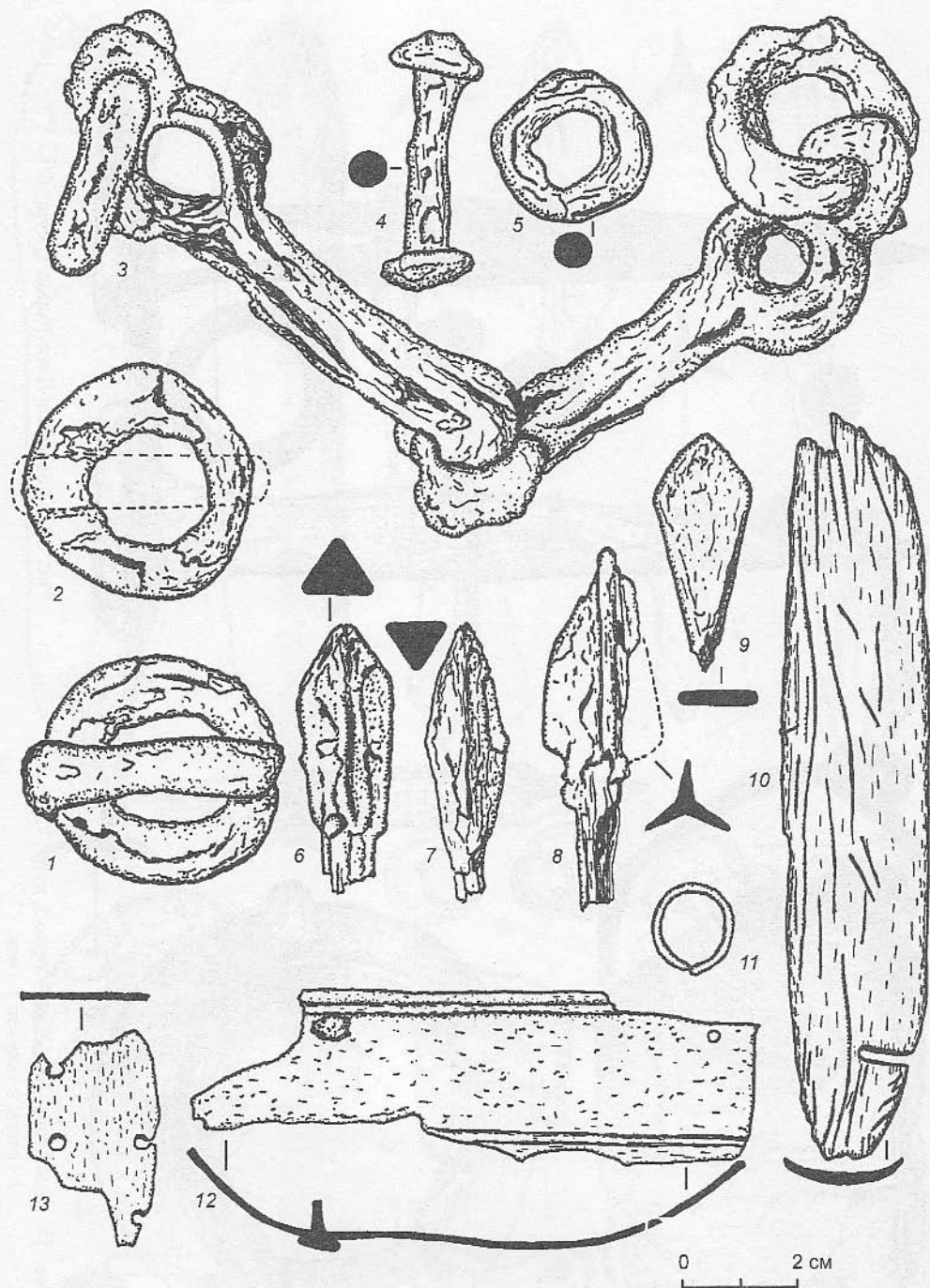

Рис. 58. Инвентарь. Беш-Таш-Короо I, кург. 3.

1, 2 – пряжки; 3 – удила; 4 – пробой; 5 – железное кольцо; 6–9 – наконечники стрел; 10 – накладка лука; 11 – бронзовое кольцо; 12, 13 – костяные пластины.

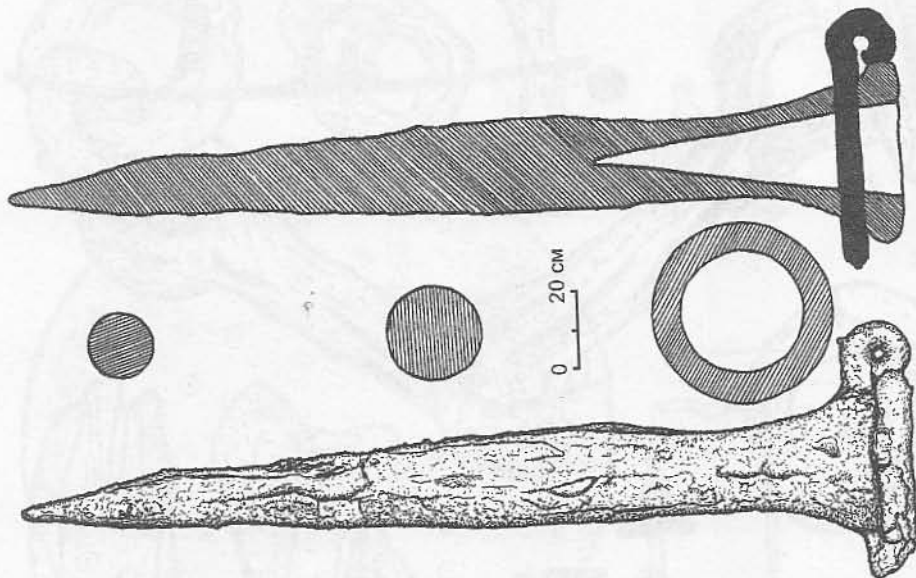

Рис. 60. Копье. Беш-Таш-Короо I, кург. 10.

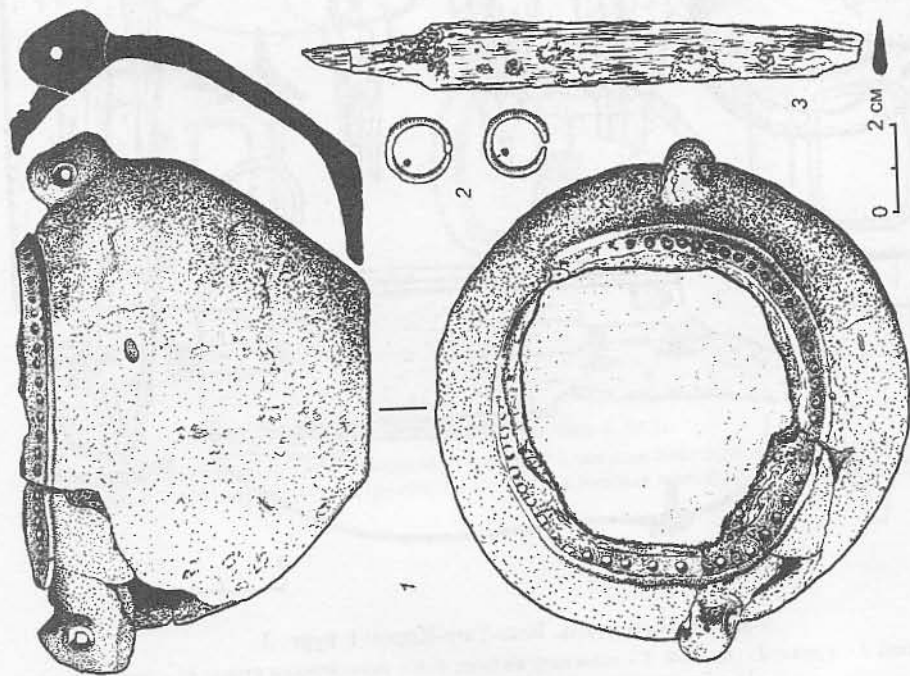

Рис. 59. Инвентарь. Беш-Таш-Короо I, кург. 7.

1 — сосуд; 2 — серьги; 3 — нож.

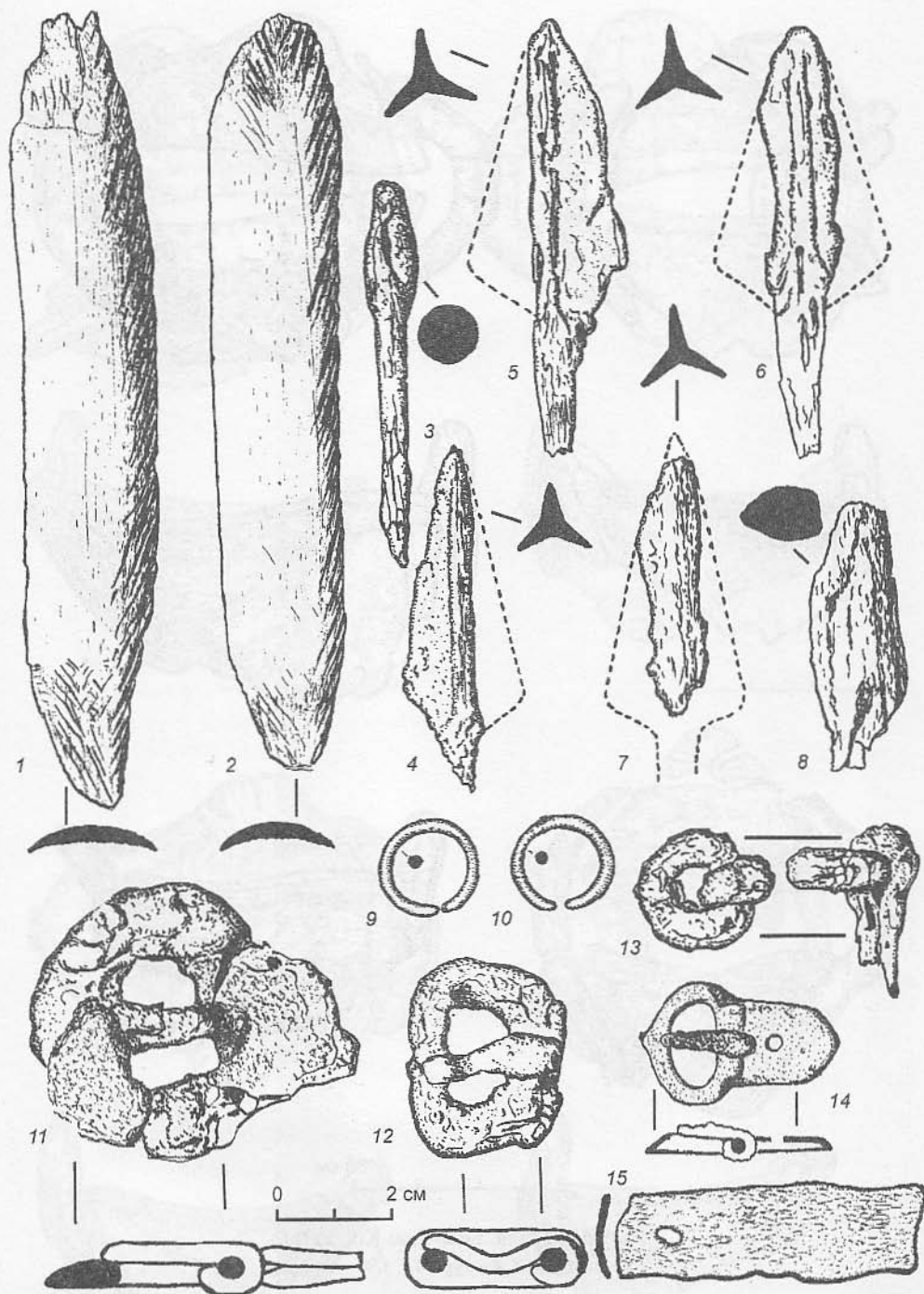

Рис. 61. Инвентарь. Беш-Таш-Короо I, кург. 10.

1, 2 – костяные срединные накладки лука; 3–8 – железные наконечники стрел; 9, 10 – бронзовые серьги; 11, 12 – железные пряжки; 13 – железный пробой седла; 14 – бронзовая пряжка; 15 – фрагмент сбруйного ремня.

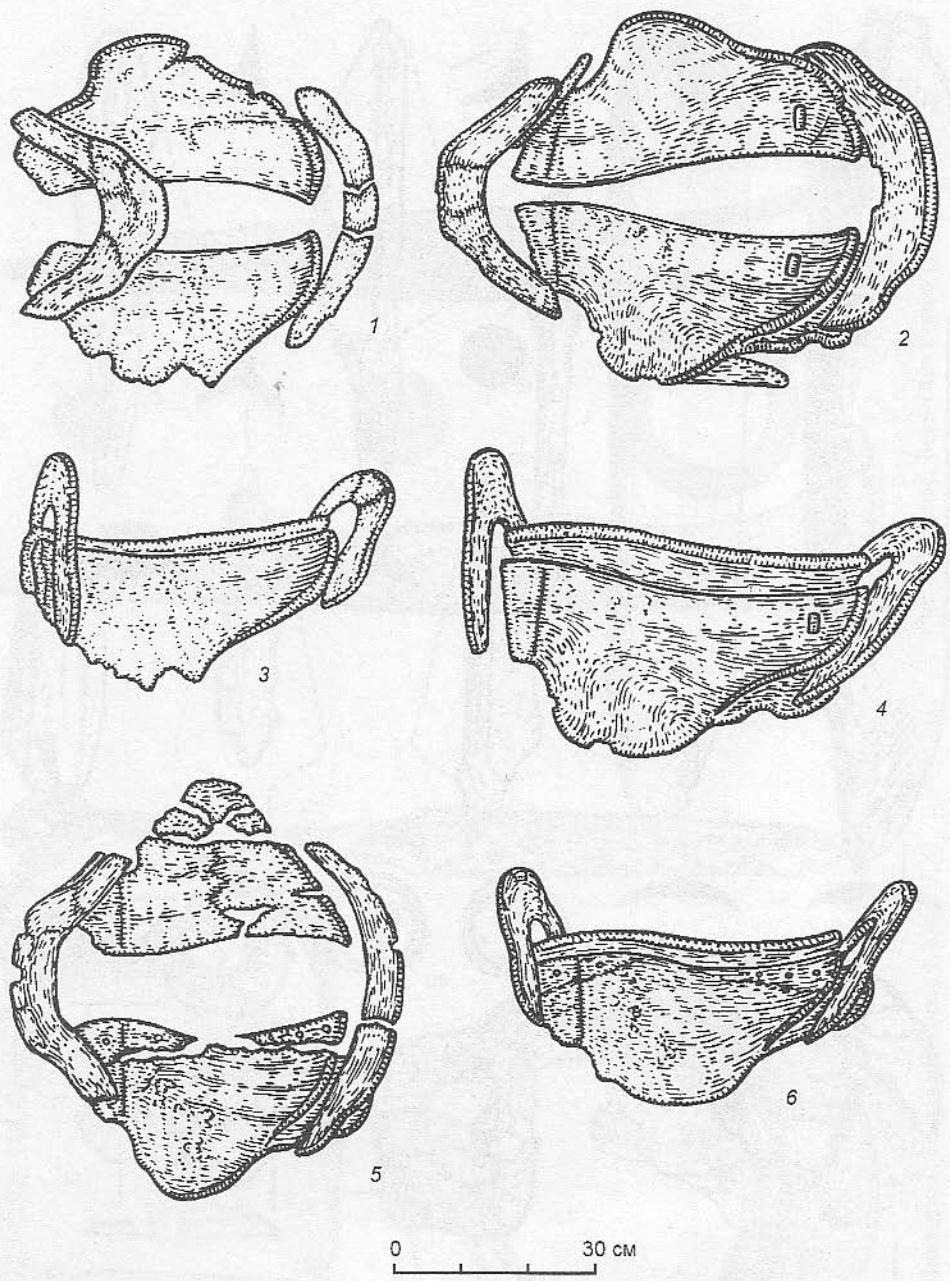

Рис. 62. Седла. Беш-Таш-Короо II.
 1, 3 – кург. 20; 2, 4 – кург. 15; 5, 6 – кург. 5.

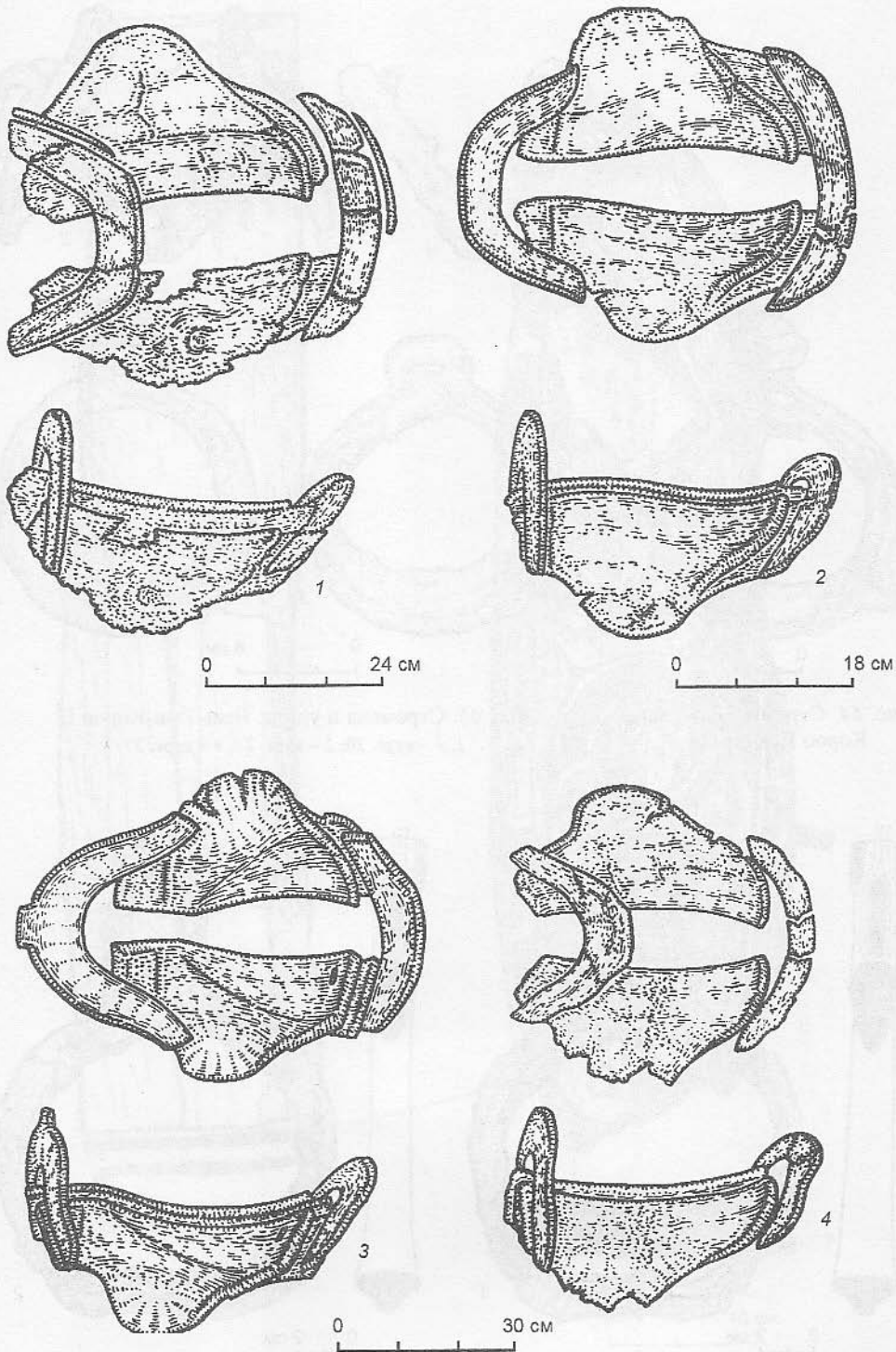
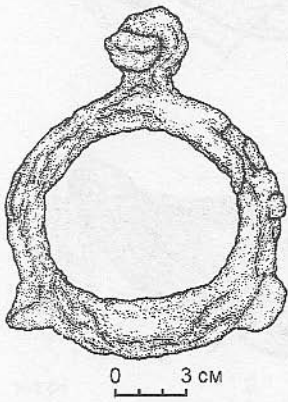
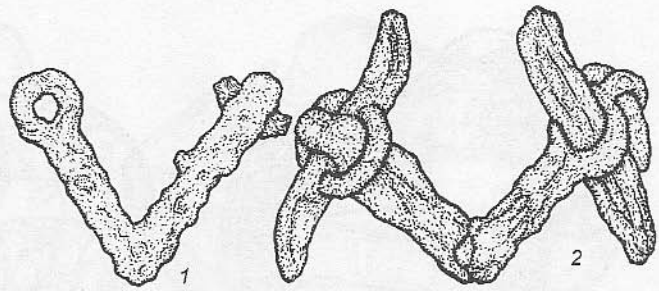
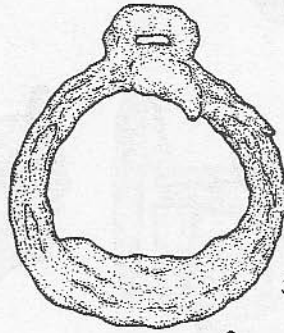

Рис. 63. Седла. Беш-Таш-Короо II.
 1 – кург. 30; 2 – кург. 35; 3 – кург. 39; 4 – кург. 20.

0 3 см

0 6 см

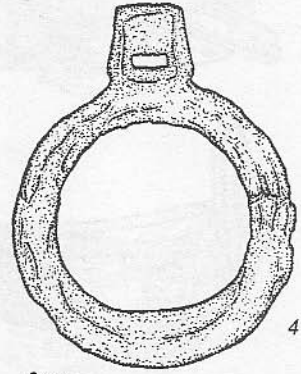
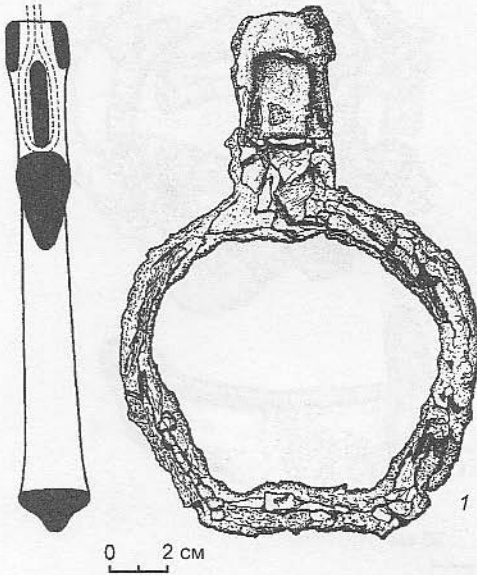
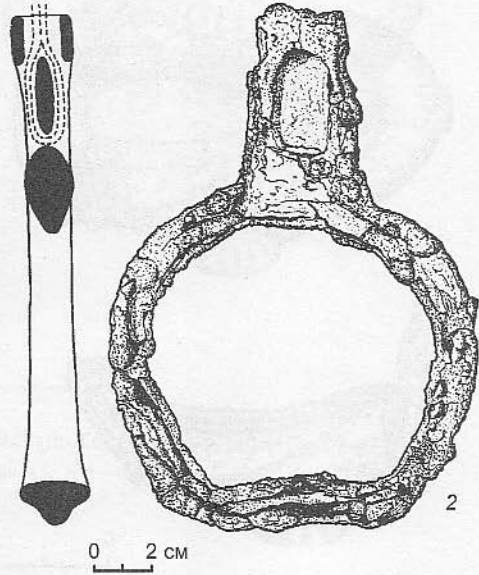

Рис. 64. Стремя. Беш-Таш-Короо II, кург. 15.

Рис. 65. Стремена и удила. Беш-Таш-Короо II. 1, 3 – кург. 20; 2 – кург. 21; 4 – кург. 37.

0 2 см

0 2 см

Рис. 66. Беш-Таш-Короо II, кург. 3. 1, 2 – стремяна.

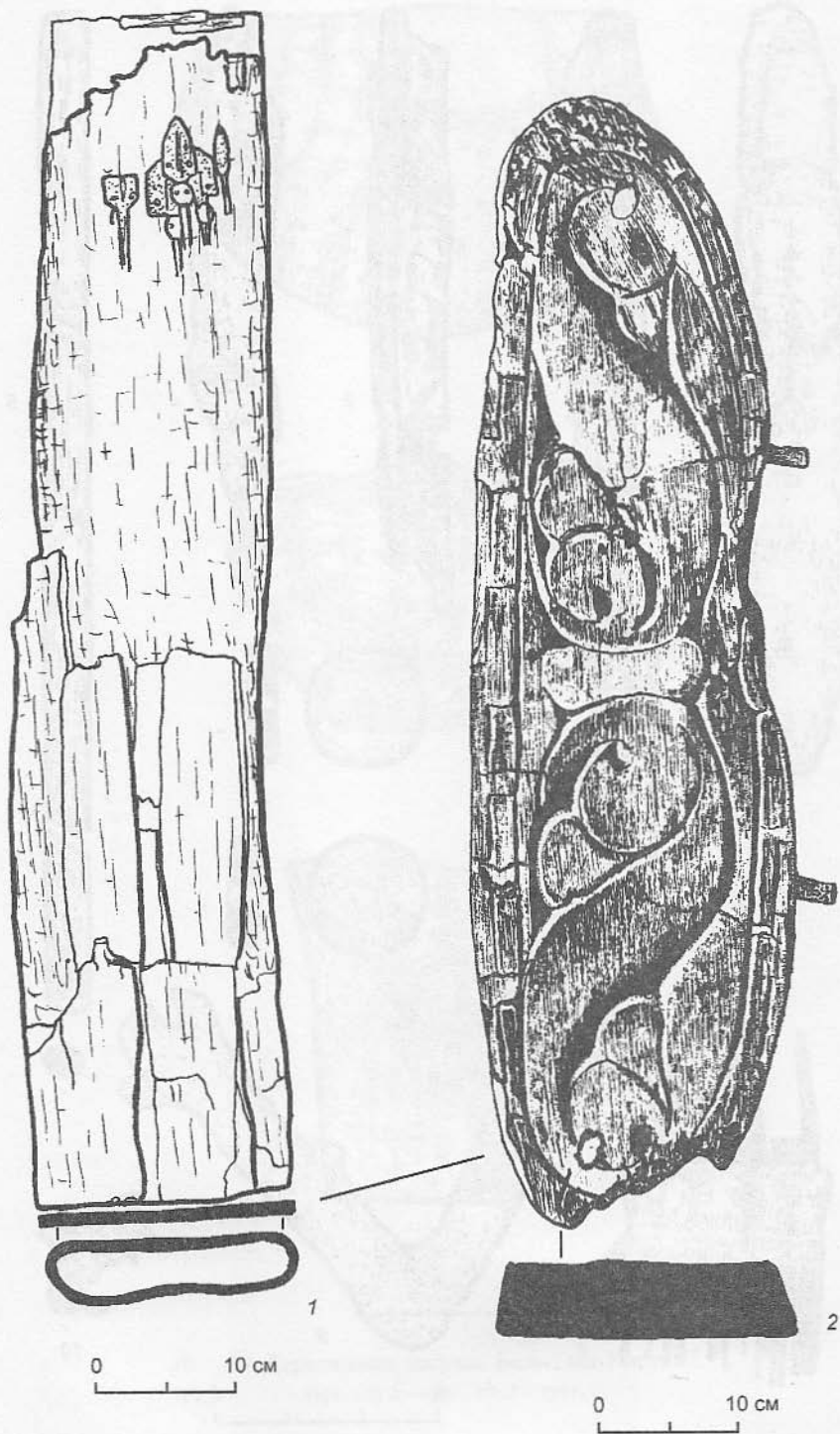

Рис. 67. Беш-Таш-Короо II, кург. 3.
1 – колчан со стрелами; 2 – днище колчана.

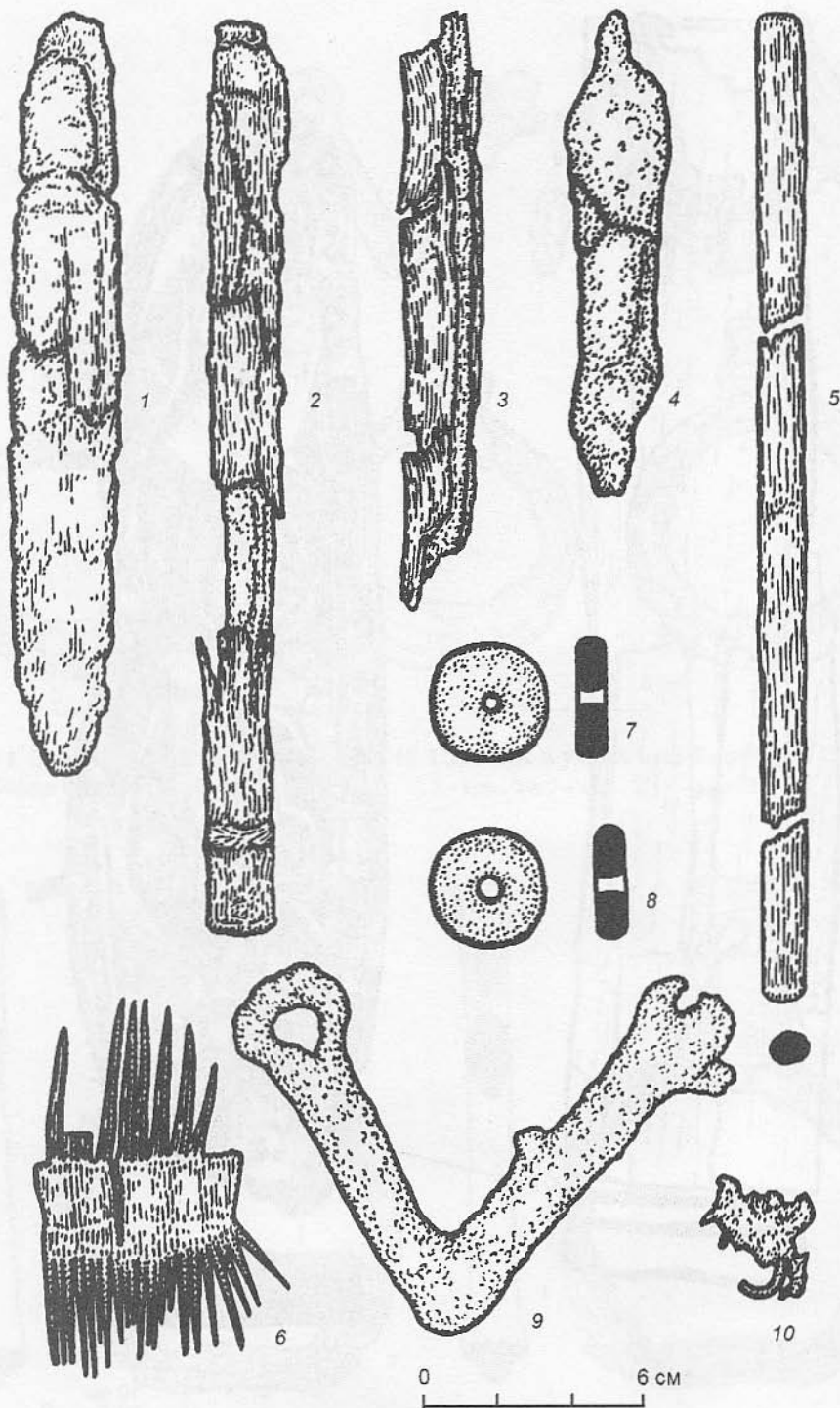

Рис. 68. Беш-Таш-Короо II.

1-4 - ножи; 5 - рукоятка нагайки; 6 - гребень; 7, 8 - пряслица; 9 - удила; 10 - серьга. 1 - кург. 5; 2 - кург. 4; 3, 5, 6 - кург. 15; 4, 8-10 - кург. 20; 7 - кург. 8.

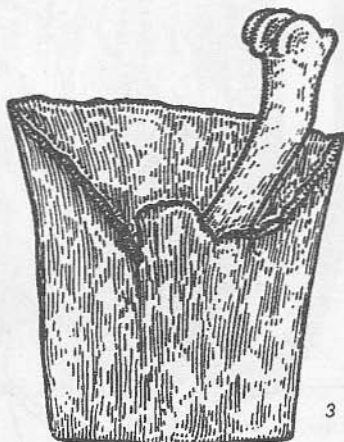
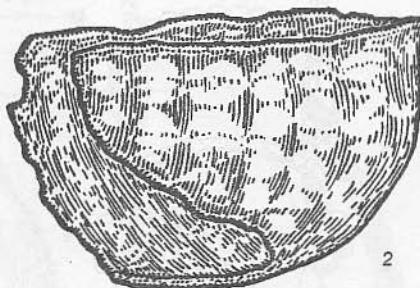
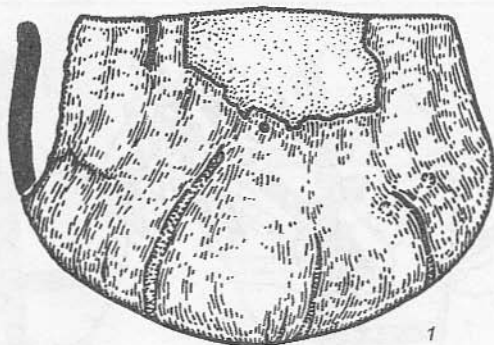

Рис. 69. Деревянные сосуды. Беш-Таш-Короо II.
1 – кург. 15; 2 – кург. 20; 3 – кург. 5.

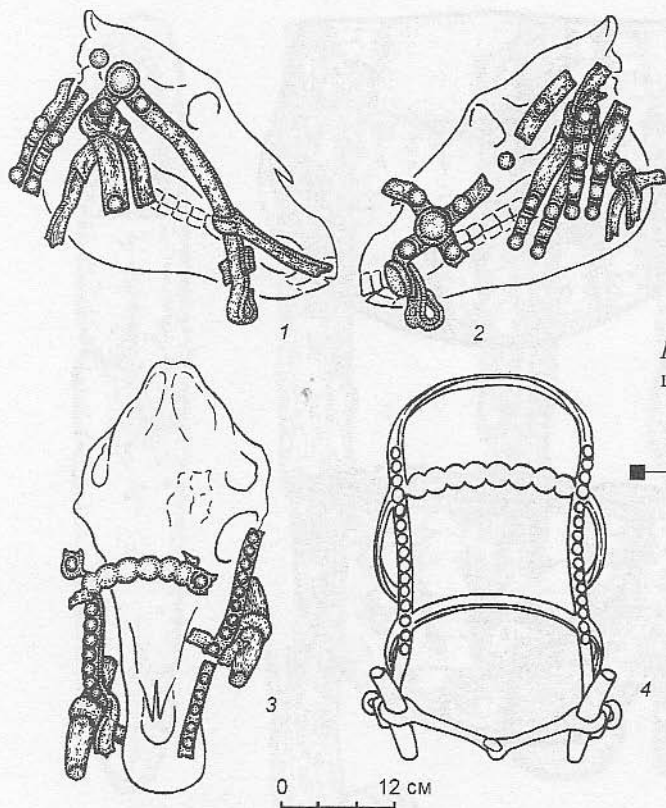
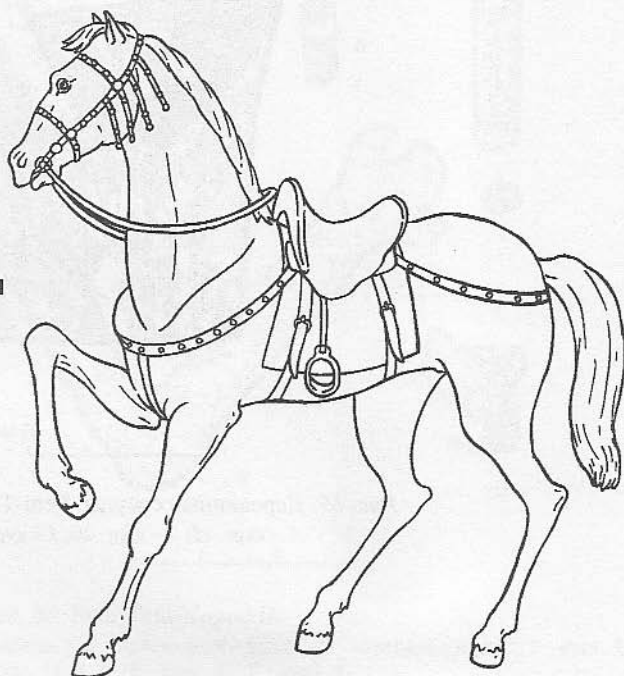

Рис. 70. Детали и реконструкция уздечных наборов. Беш-Таш-Короо II.

1, 2 – кург. 20; 3, 4 – кург. 30.

Рис. 71. Реконструкция конского убранства древних тюрков Тянь-Шаня.

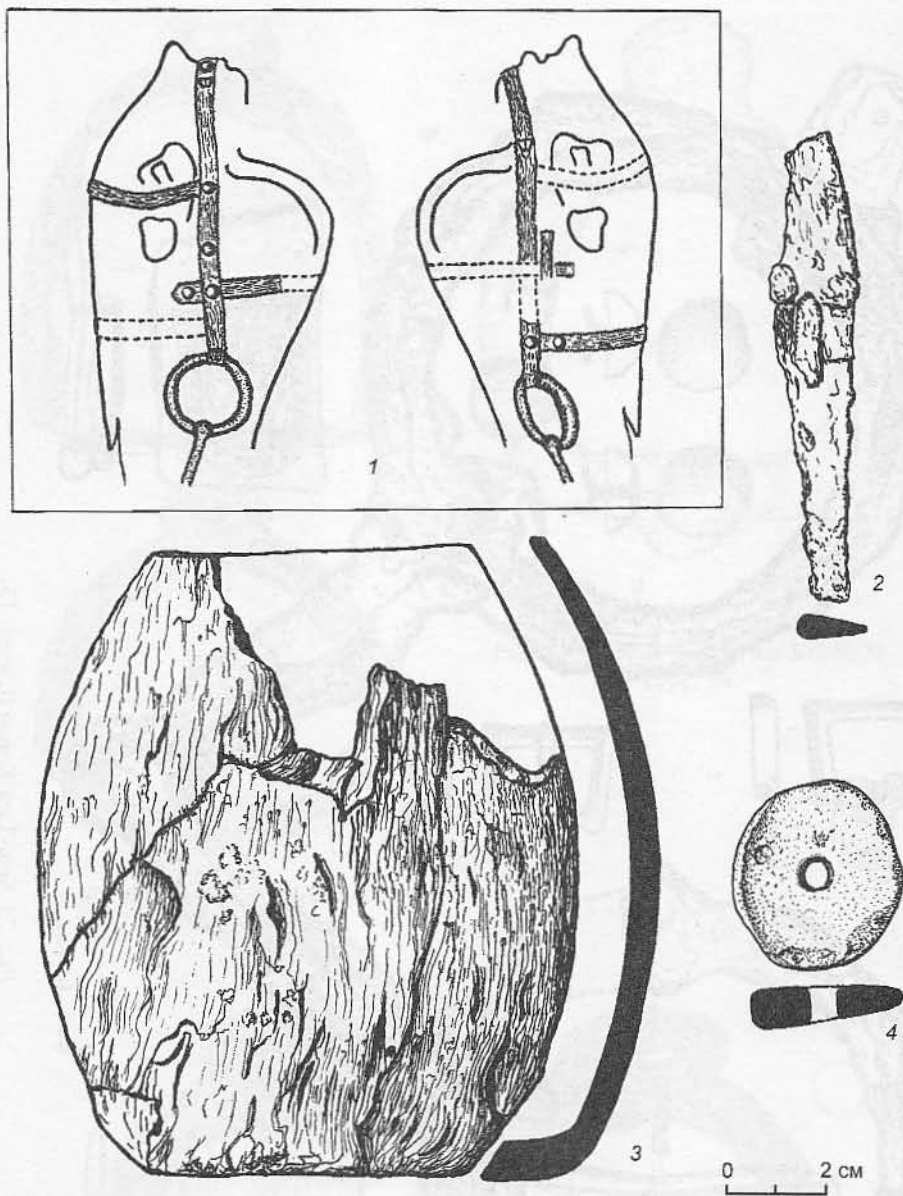

Рис. 72. Беш-Таш-Короо II, кург. 13.
 1 – узда; 2 – нож; 3 – деревянный сосуд; 4 – пряслице.

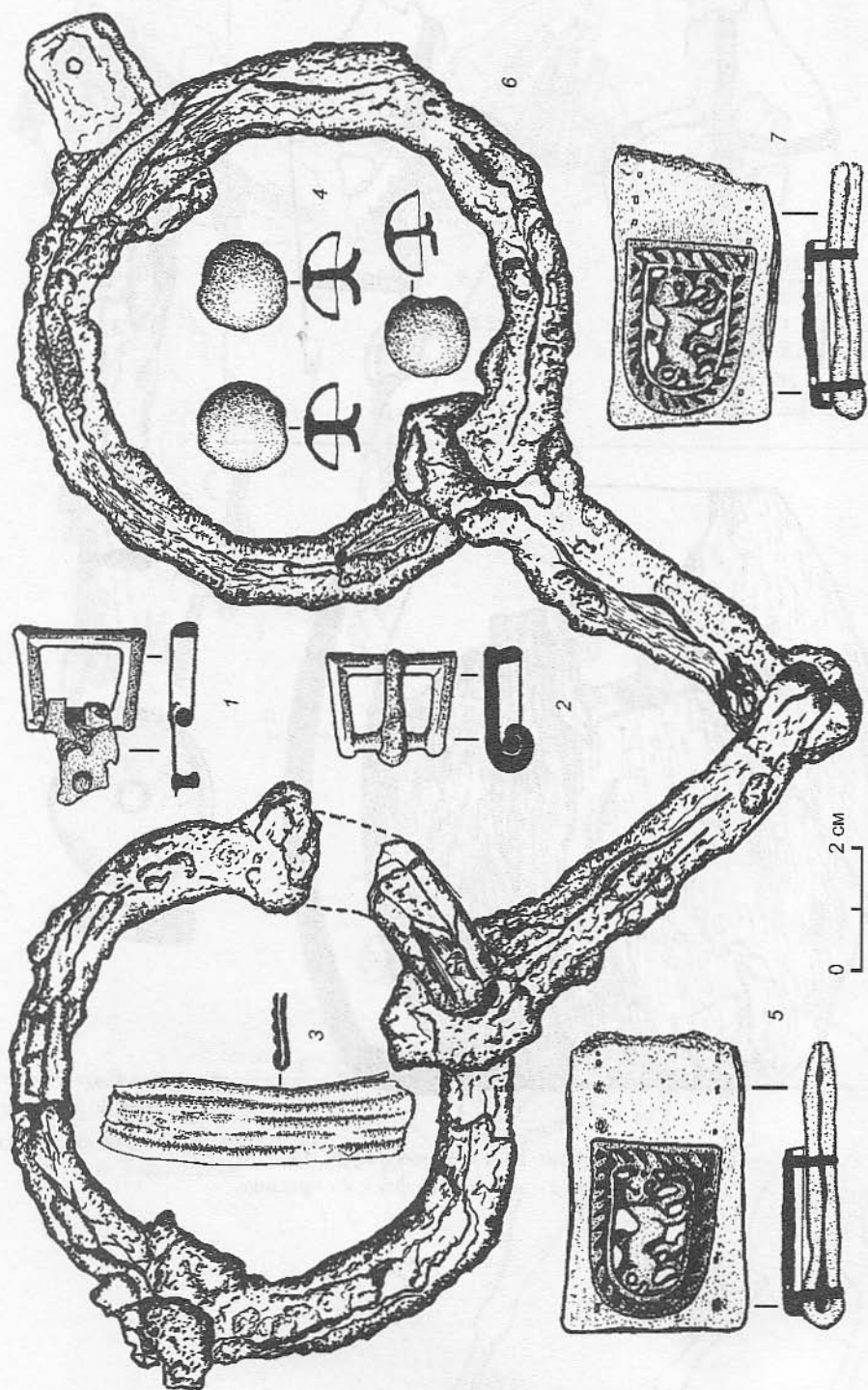

Рис. 73. Беш-Таш-Короо II, кург. 13.

1, 2 – пряжки; 3 – фрагмент уздечного ремня; 4 – бронзовые сферические бляшки; 5, 7 – бронзовые ажурные бляшки; 6 – удила.

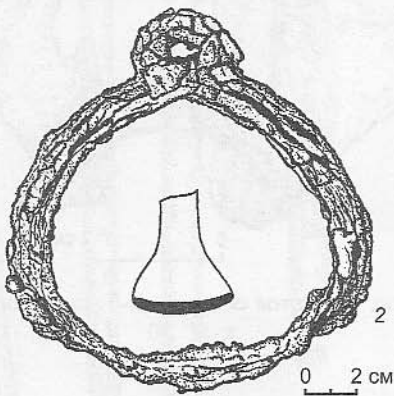
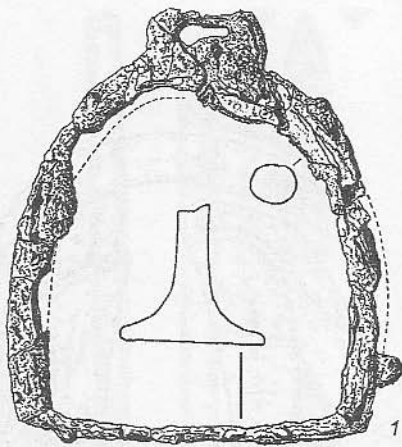

Рис. 74. Стремена: 1 – Бел-Саз II;
2 – Беш-Таш-Короо II.

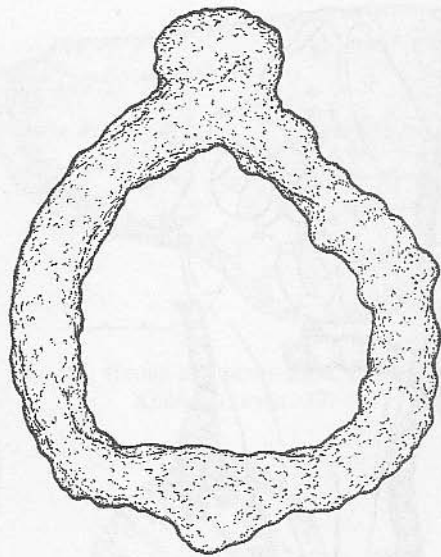

Рис. 75. Стремя. Беш-Таш-Короо II,
кург. 30.

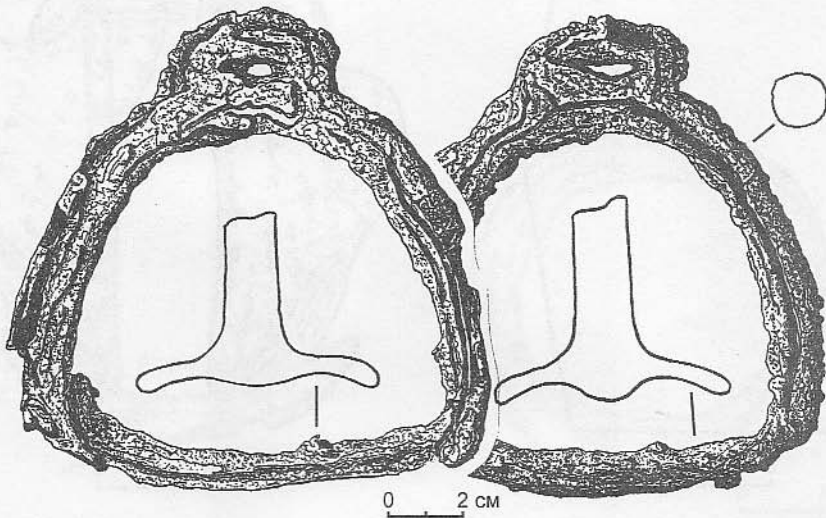

Рис. 76. Стремена. Бел-Саз II.

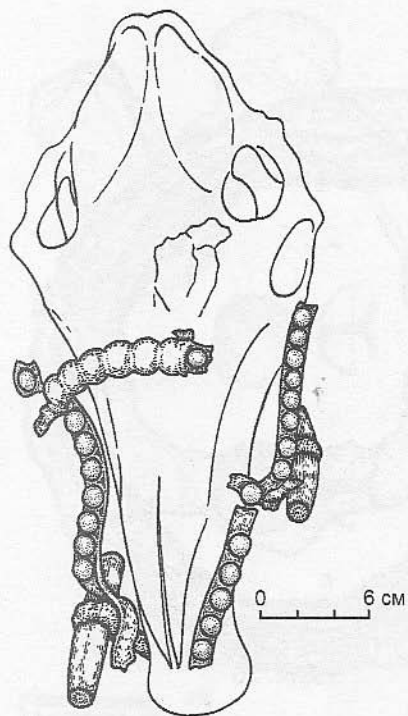

Рис. 77. Узда с удилами и бронзовыми бляшками. Беш-Таш-Короо II, кург. 30.

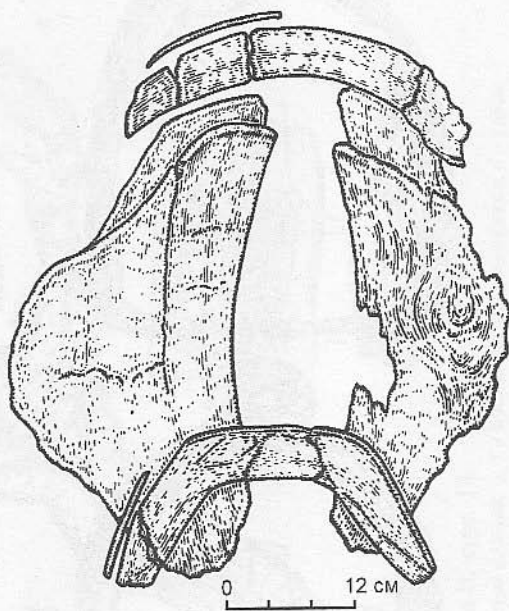

Рис. 78. Остов седла. Беш-Таш-Короо II, кург. 30.

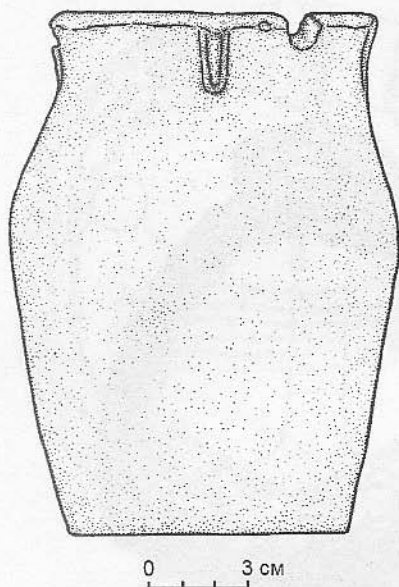

Рис. 79. Керамический сосуд. Беш-Таш-Короо II, кург. 34.

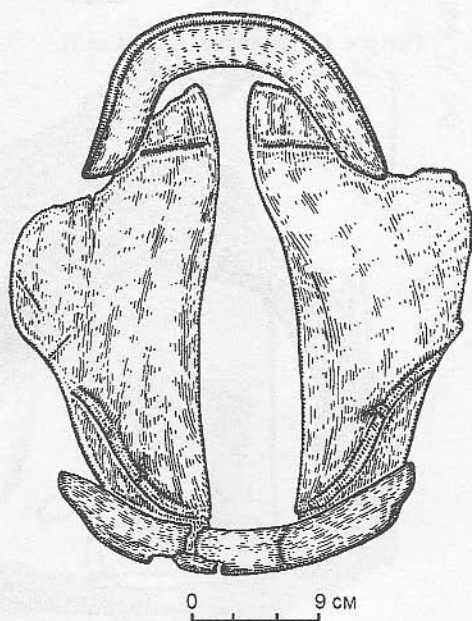

Рис. 80. Остов седла. Беш-Таш-Короо II, кург. 35.

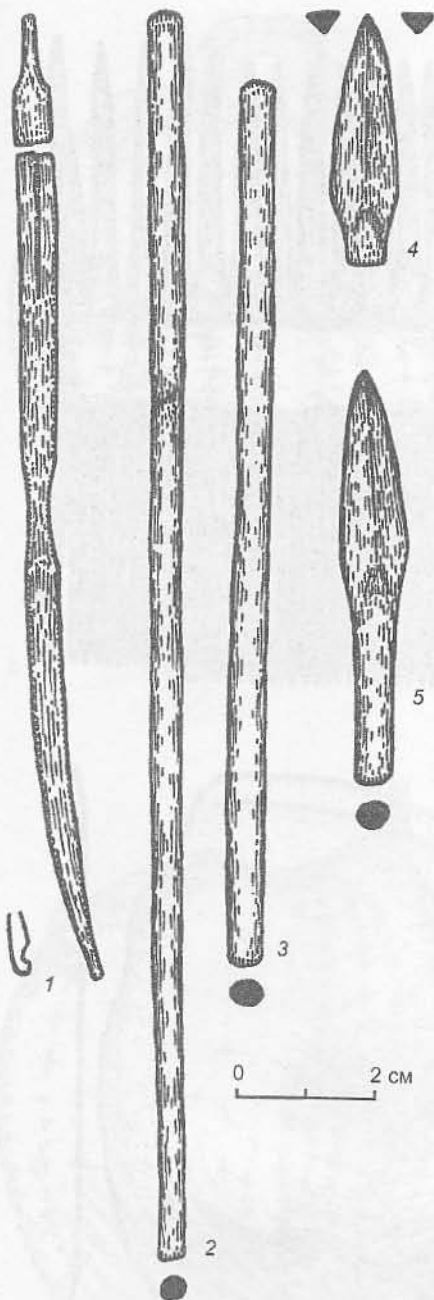

Рис. 81. Беш-Таш-Короо II, кург. 35.
1 – лук; 2, 3 – древки стрел; 4, 5 – наконечники стрел.

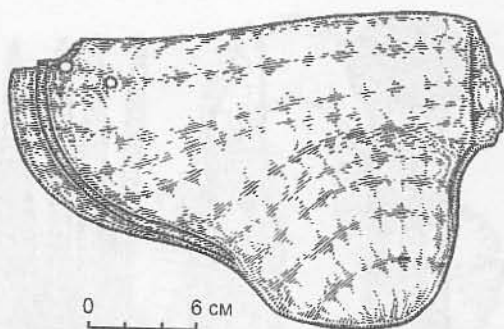

Рис. 82. Полка ленчика седла. Беш-Таш-Короо II, кург. 37.

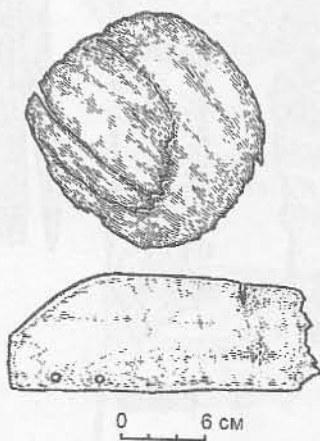

Рис. 83. Деревянный сосуд и обломок деревянной полки. Беш-Таш-Короо II, кург. 37.

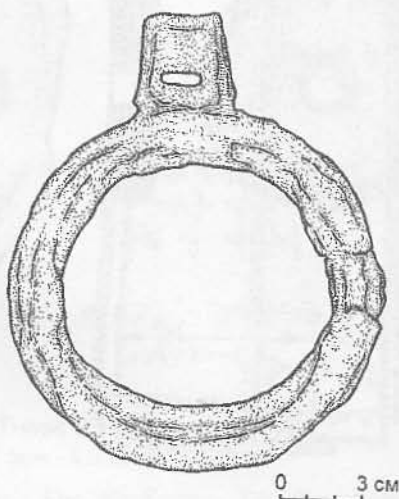

Рис. 84. Стремя. Беш-Таш-Короо II, кург. 37.

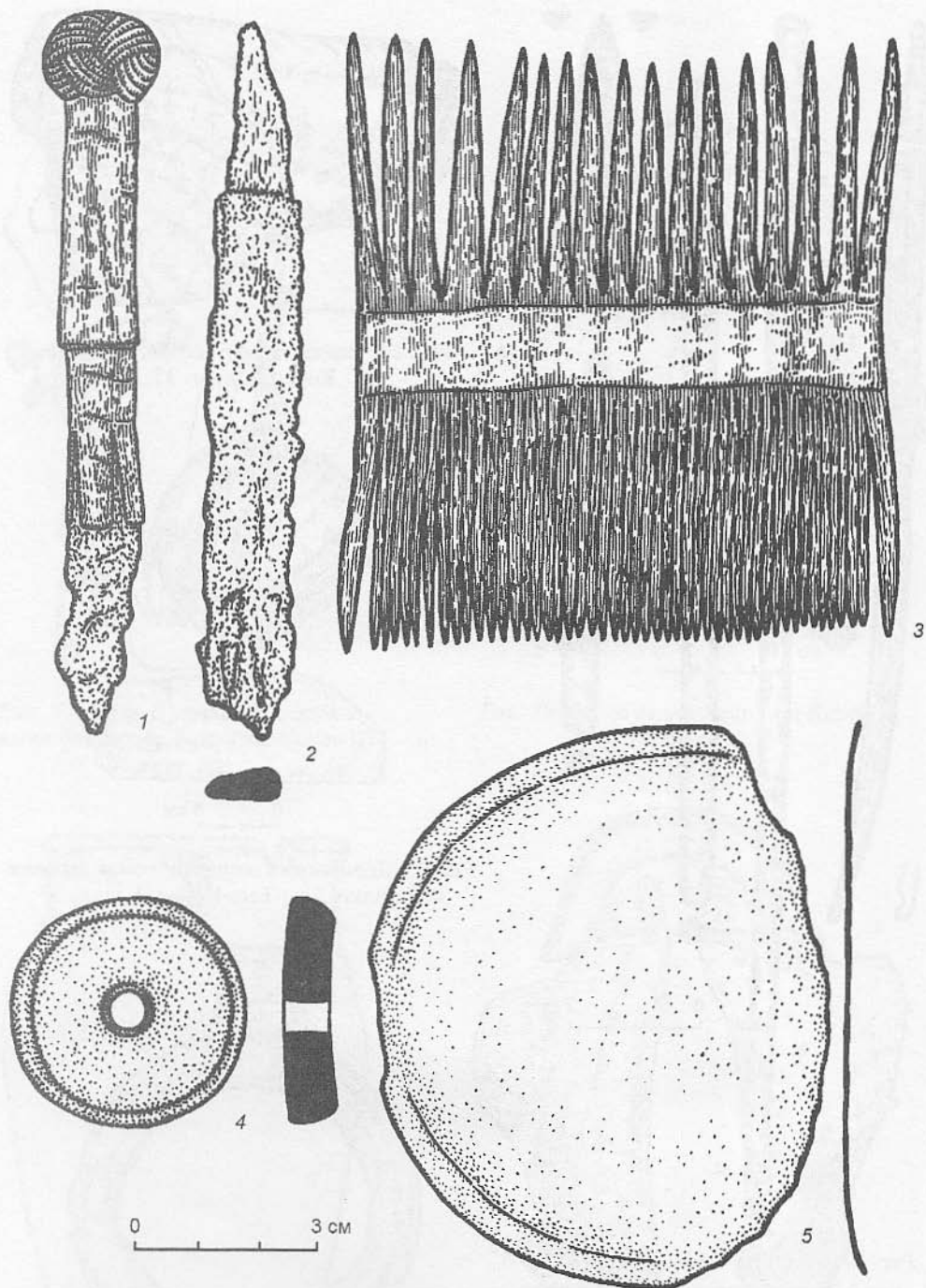

Рис. 85. Беш-Таш-Короо II, кург. 37.
 1 – рукоятка плети; 2 – нож; 3 – гребень; 4 – пряслице; 5 – зеркало.

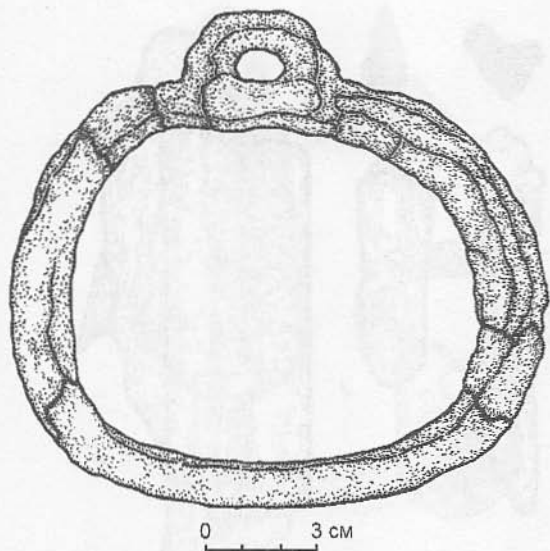

Рис. 86. Железное стремя. Беш-Таш-Короо II, кург. 37.

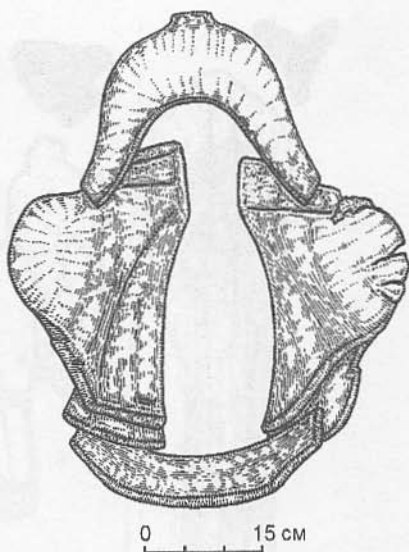

Рис. 87. Остов седла. Беш-Таш-Короо II, кург. 39.

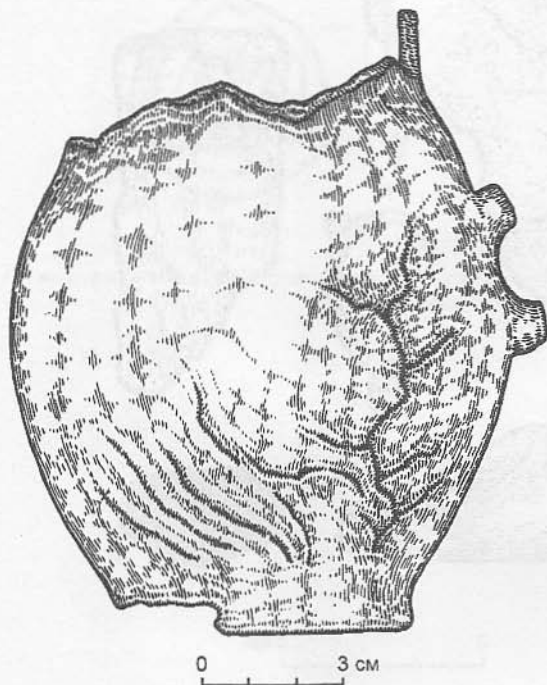

Рис. 88. Деревянный кувшин с ручкой. Беш-Таш-Короо II, кург. 39.

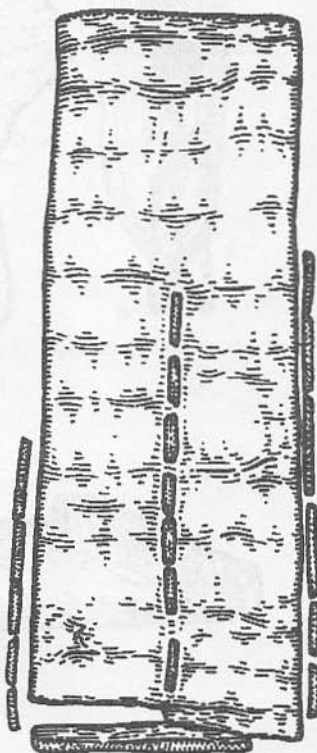

Рис. 89. Колчан. Беш-Таш-Короо II, кург. 39.

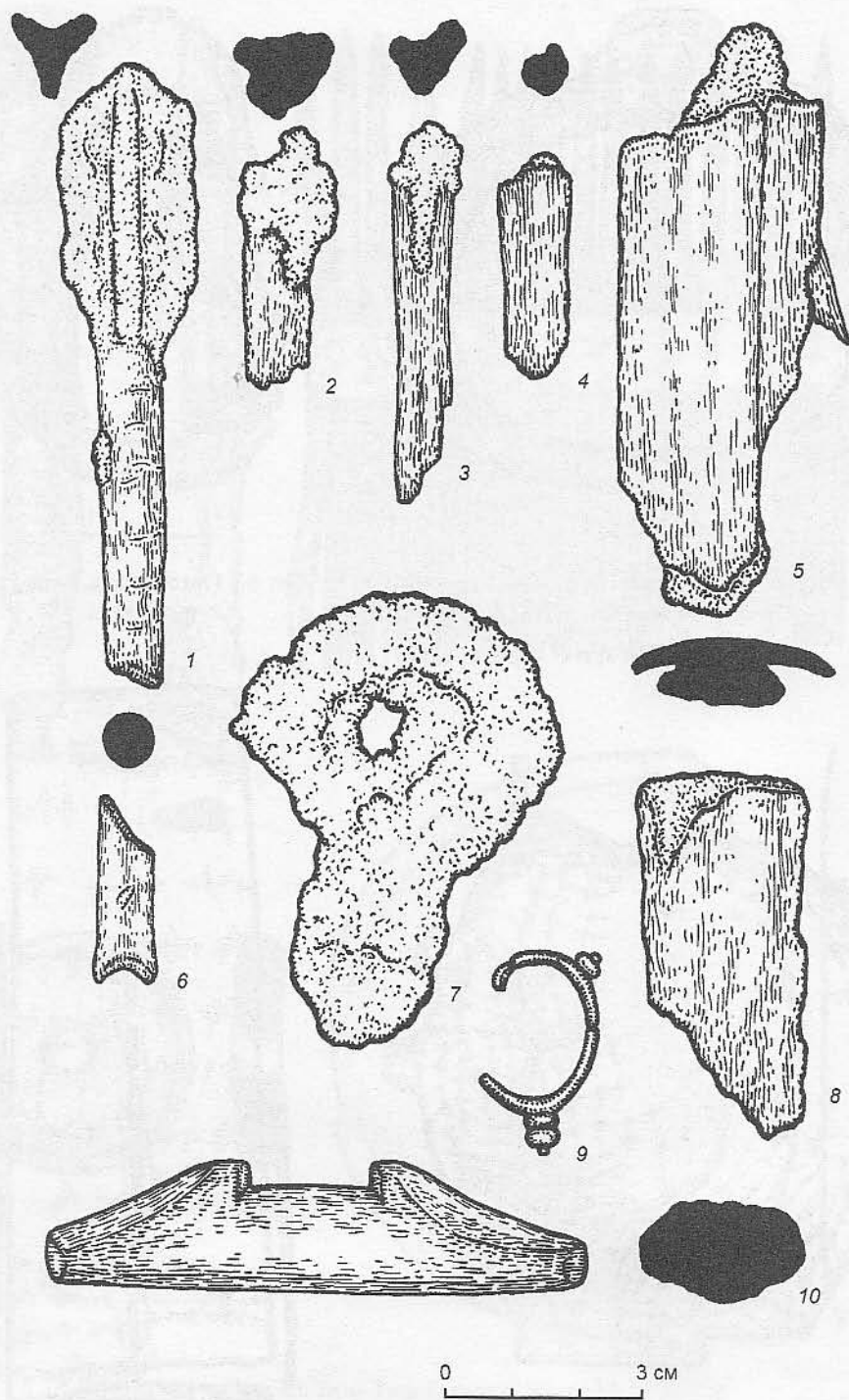

Рис. 90. Беш-Таш-Короо III, кург. 3.

1 – трехлопастной наконечник стрелы; 2–4 – обломки древков стрел; 5, 8 – обломки железного ножа в ножнах; 6 – ушко древка стрелы; 7 – железная пружка; 9 – бронзовая серьга; 10 – цурка.

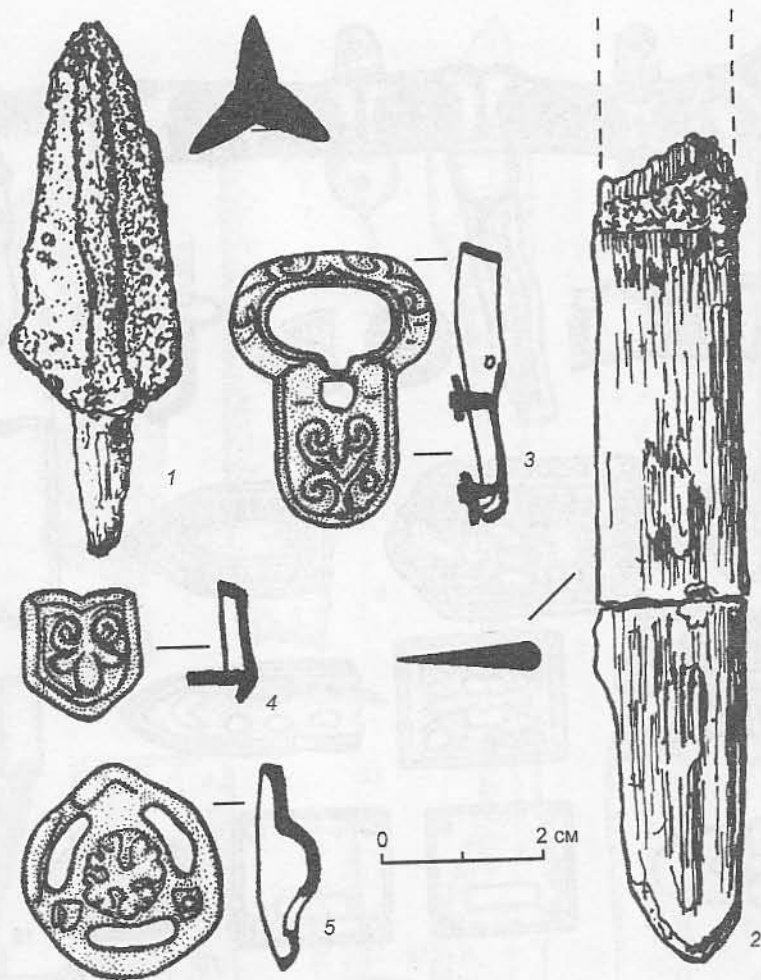

Рис. 91. Май-Чабыр.

1 – железный наконечник стрелы; 2 – нож; 3 – бронзовая пряжка; 4 – бронзовая бляшка; 5 – бронзовый распределитель ремней.

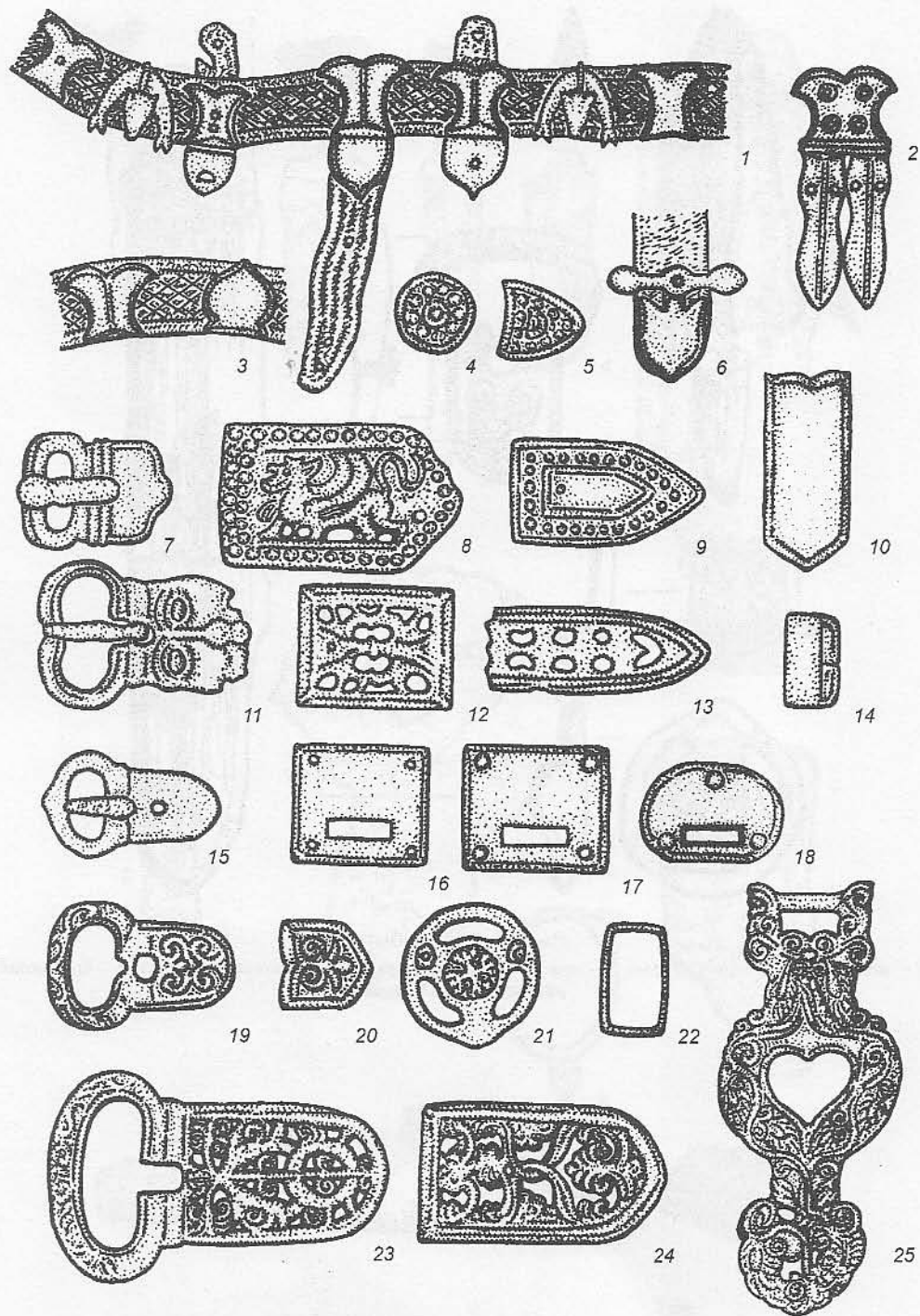

Рис. 92. Наборные пояса из древнетюркских памятников Средней Азии.

1-3, 6 -Таш-Гюбе; 4, 5, 7-9 - Самарканд; 10, 14 - Бел-Саз II; 11-13 - Алатау; 15 - Беш-Таш-Короо I; 16-18 - Беш-Таш-Короо II; 19-21 - Май-Чабыр; 22-25 - Боз-Бешик.

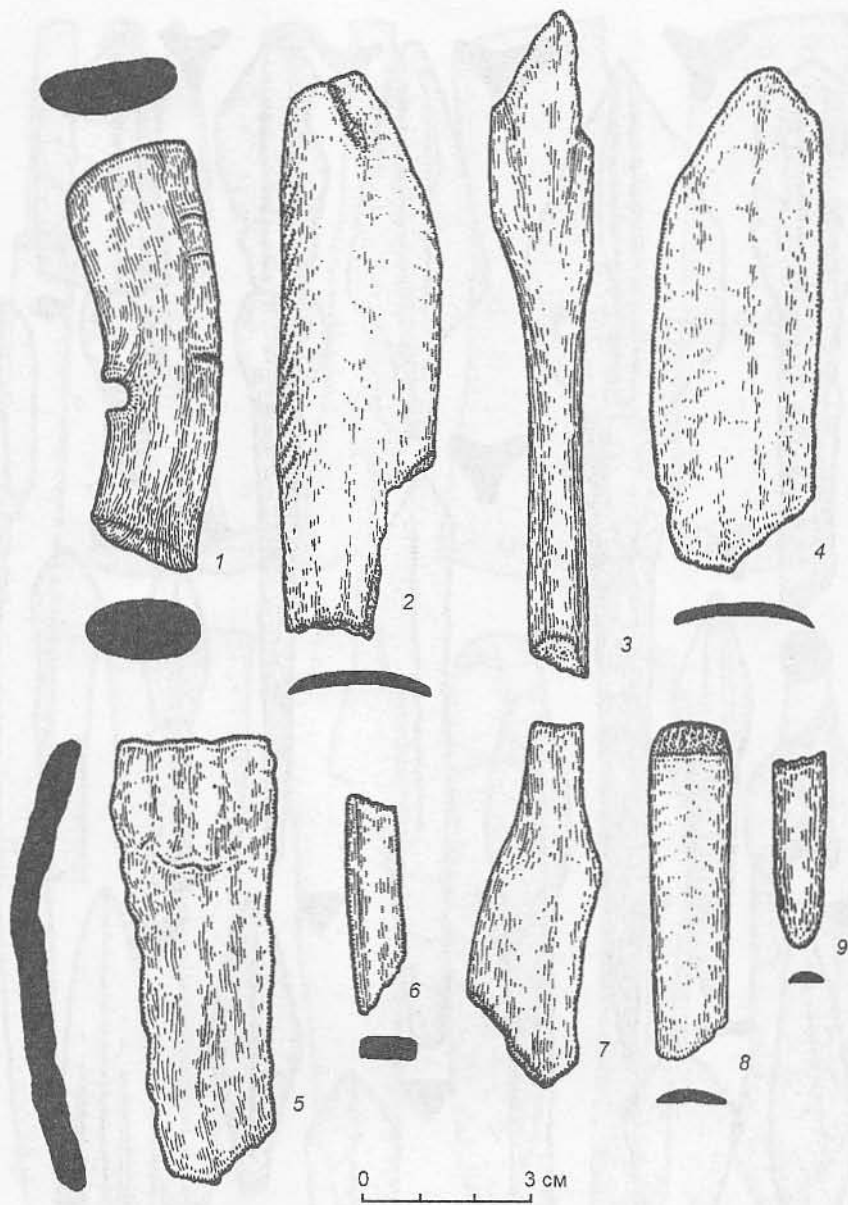

Рис. 93. Детали сложносоставных луков:

1 – конец кибити; 2, 4, 5 – срединные боковые накладки; 3, 6–9 – срединные фронтальные накладки.

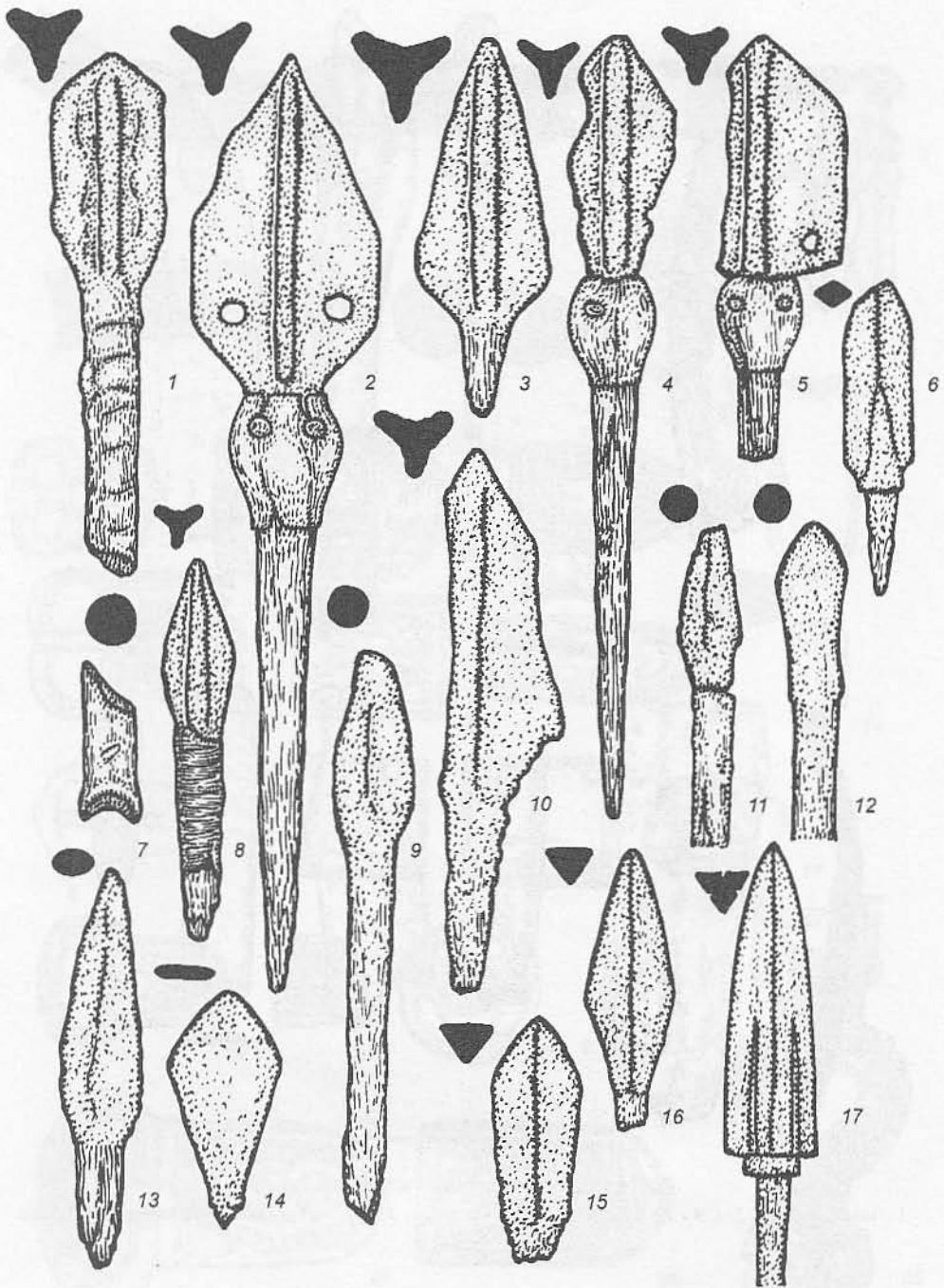

Рис. 94. Наконечники стрел и фрагменты древка стрелы:

1-5, 8, 10 - трехлопастные; 6 - ромбический; 7 - ушко древка стрелы; 9, 11, 12 - круглые; 13 - линзовидный; 14 - плоский; 15, 16 - трехгранные; 17 - трехгранно-трехлопастной.

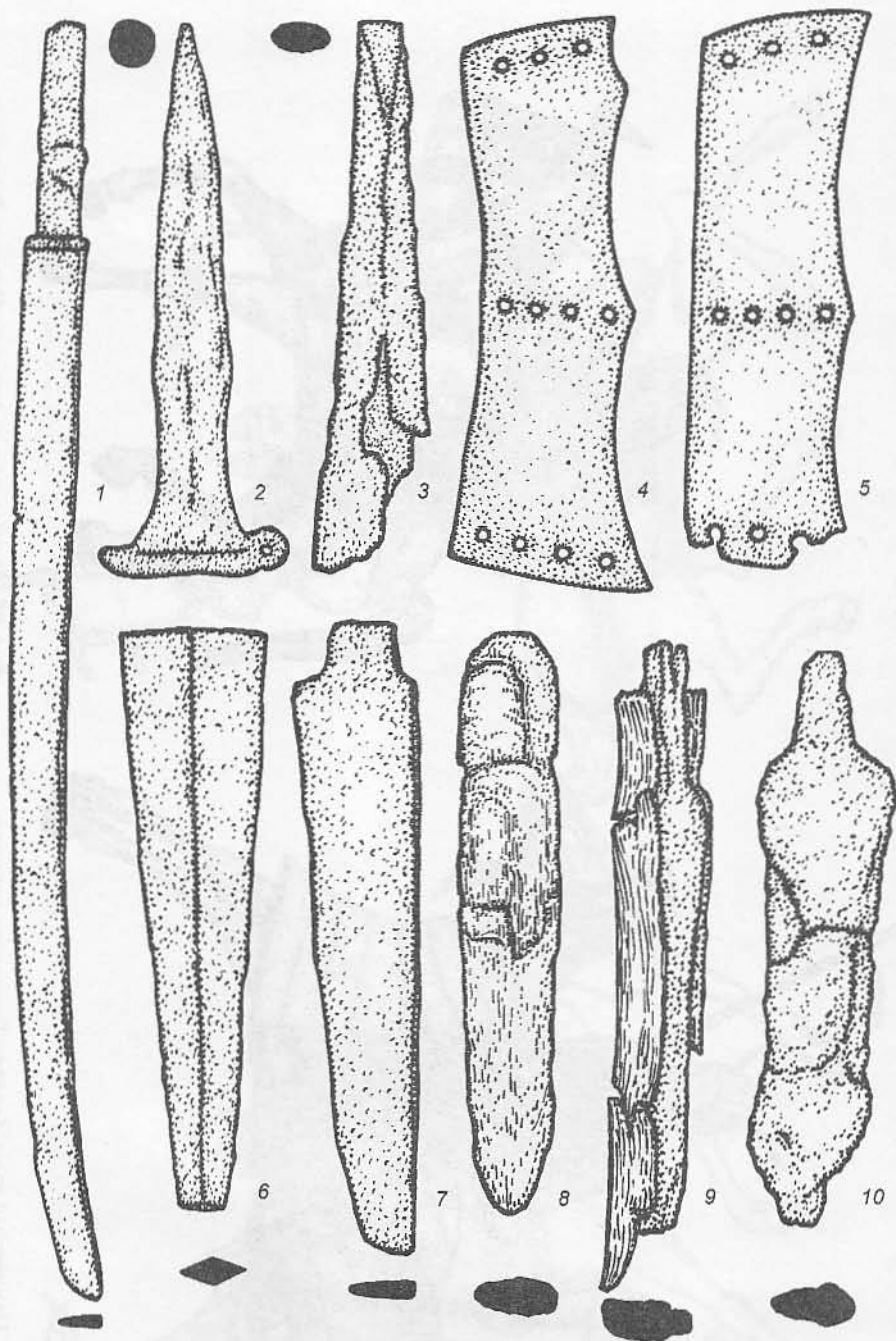

Рис. 95. Оружие ближнего боя и защиты:

1 – сабля; 2, 3 – наконечники копий; 4, 5 – панцирные пластины; 6–10 – кинжалы и ножи.

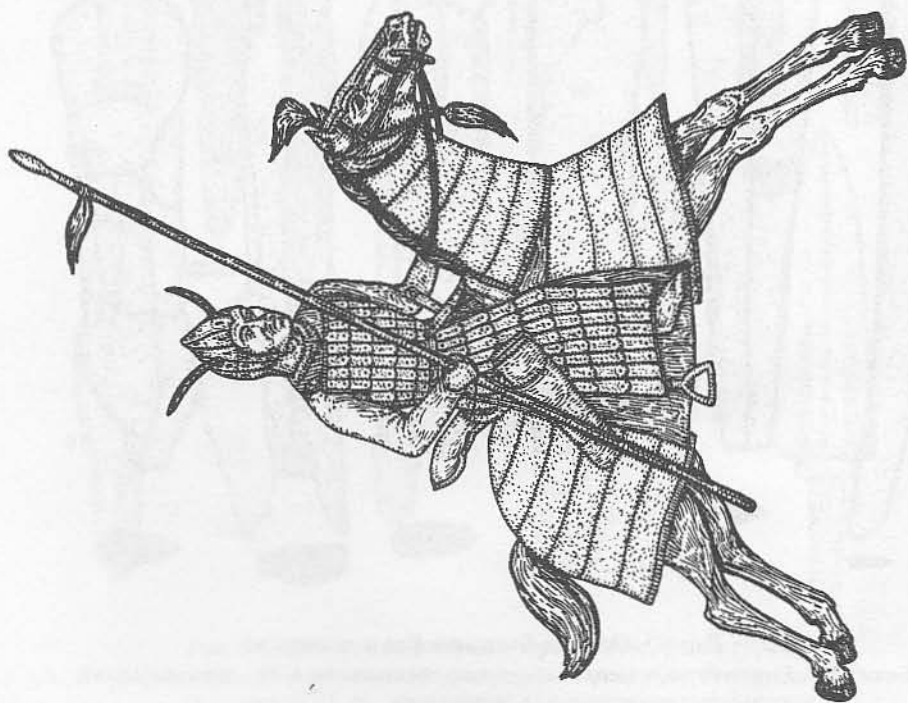

Рис. 96. Панцирный воин Первого Тюркского каганата (реконструкция).

Рис. 97. Легковооруженный воин Первого Тюркского каганата (реконструкция).

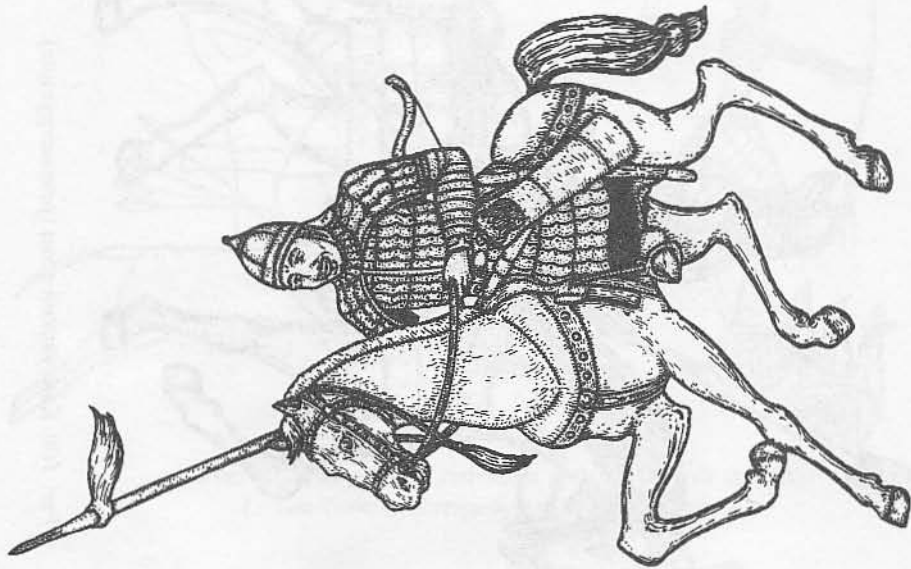

Рис. 98. Воин Западного Тюркского каганата (реконструкция).

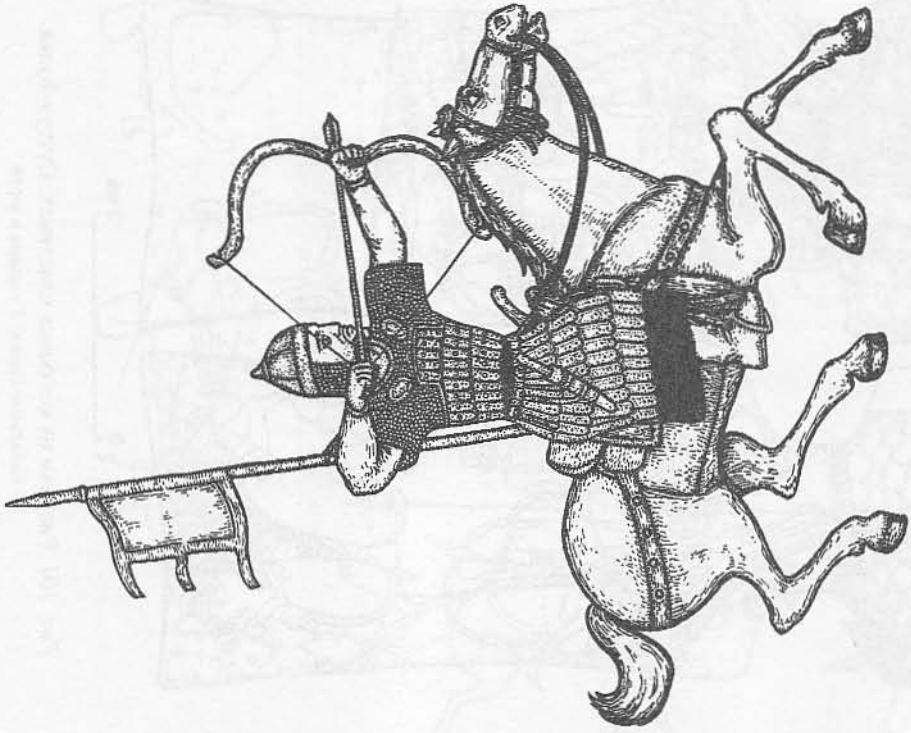

Рис. 99. Грузинский воин (реконструкция).

Рис. 100. Карлукский воин (реконструкция).

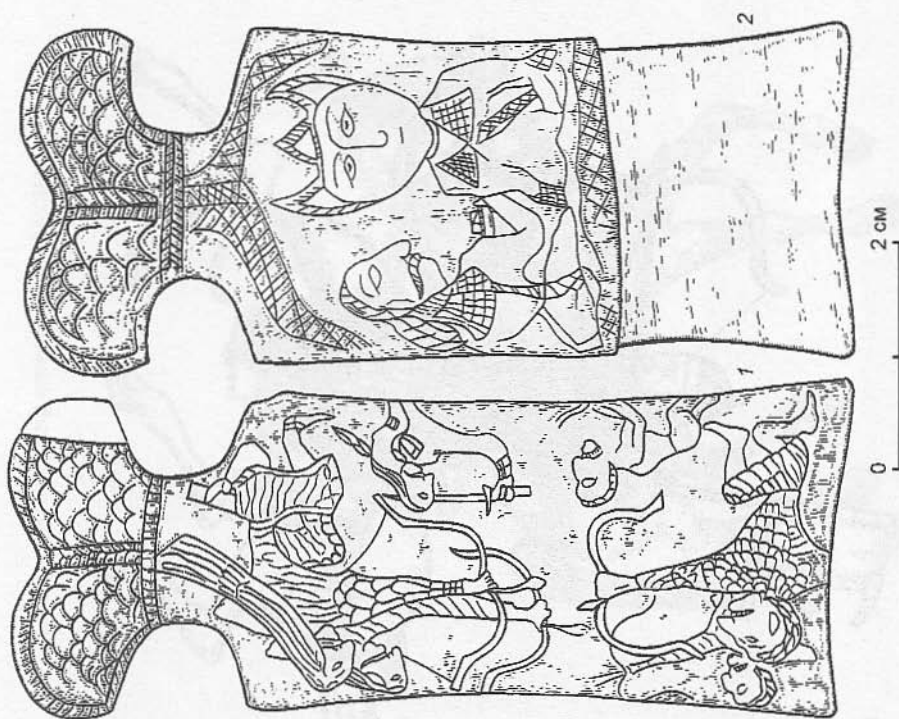

Рис. 101. Рисунки на костяных пластинах. Сутуу-Булак.
1 – батальная сцена; 2 – сцена в юрте.

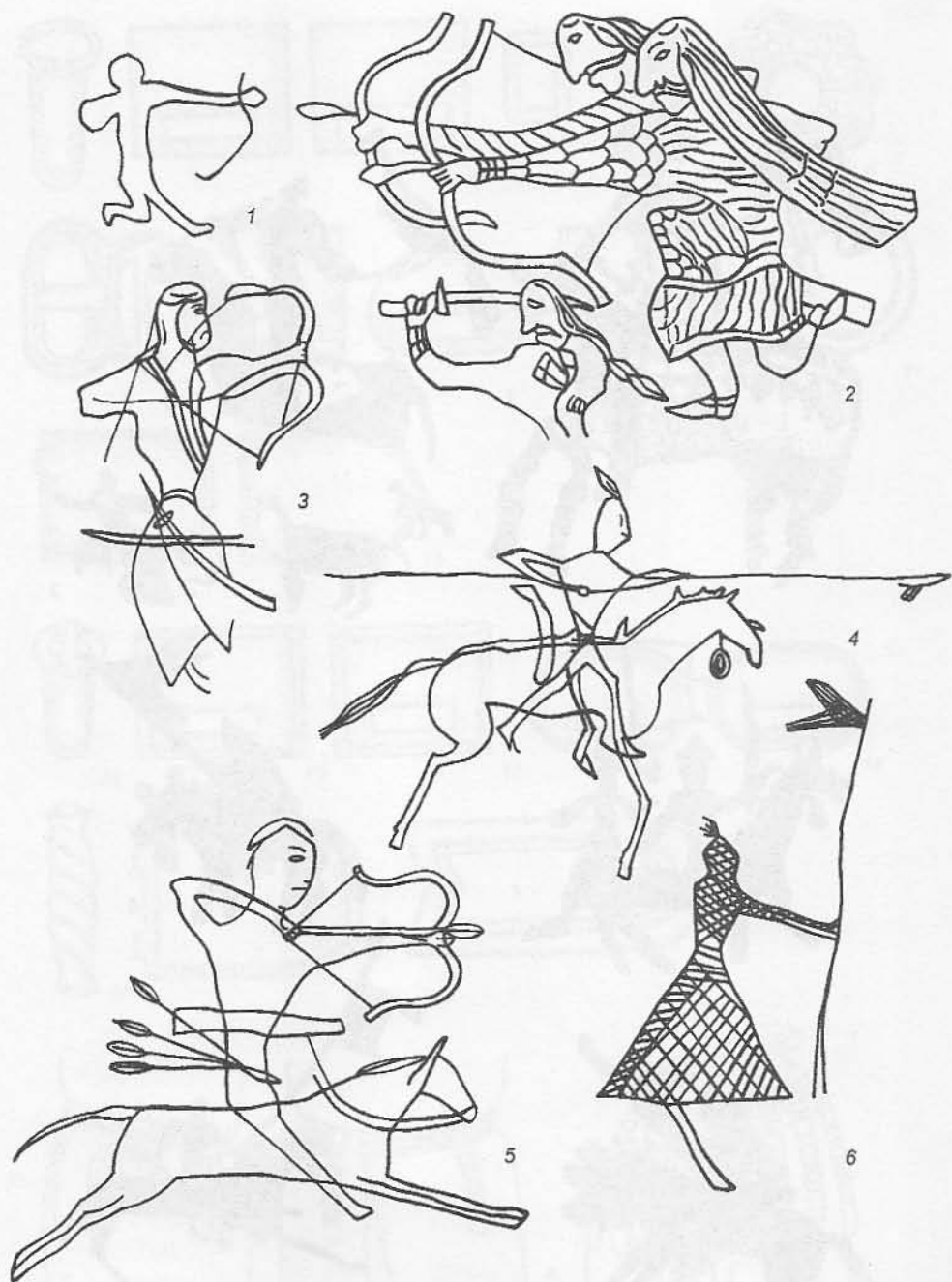

Рис. 102. Рисунки на костяных предметах и на скалах.
 1 – Таш-Тюбе; 2 – Сутгуу-Булак; 3–6 – Жалтырак-Таш.

Рис. 103. Фигуры воинов в петроглифах древнетюркского времени.

1-3 – Кок-Сай; 4 – Саймалы-Таш; 5, 6 – Ой-Джайлуу; 7 – Ешкиольмес.

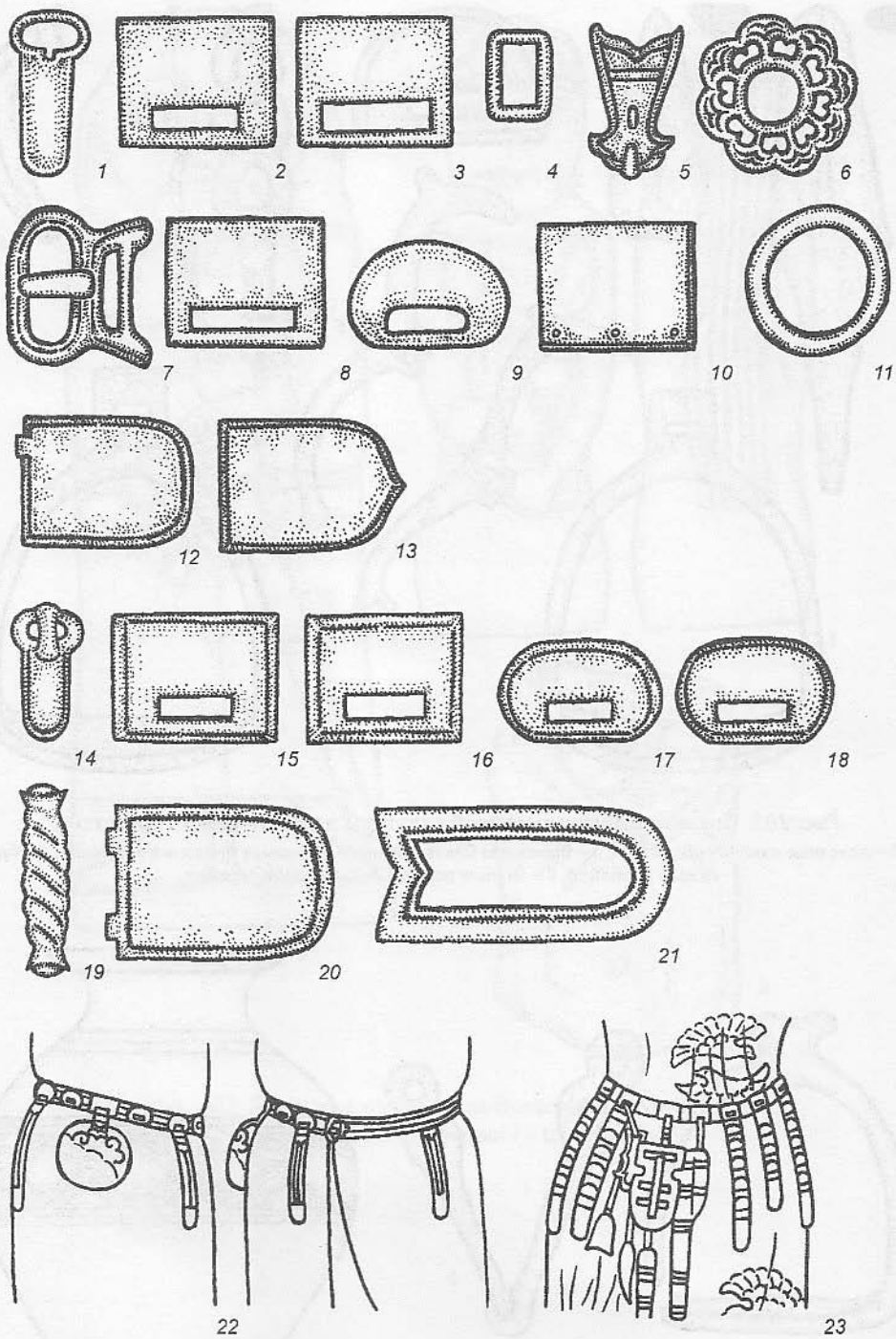

Рис. 104. Тюркские пояса из Восточного Туркестана.

1-13 - Дуньхуан; 14-21 - Курля; 22 - Увэй; 23 - Кочо.

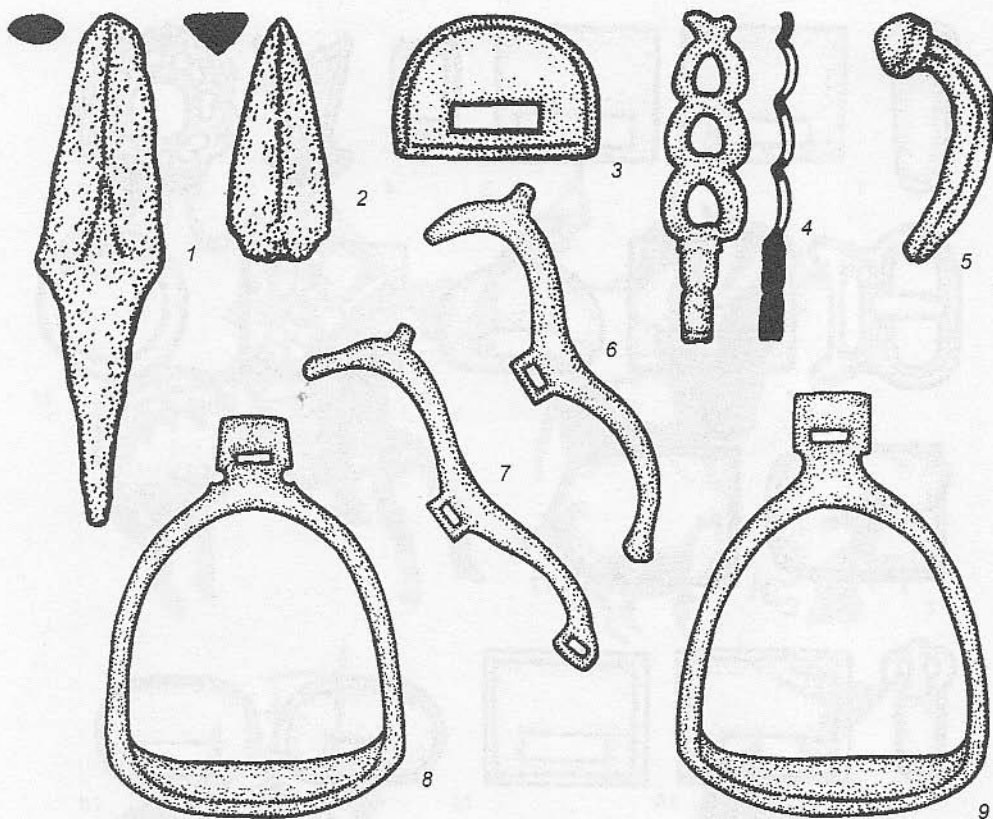

Рис. 105. Предметы древнетюркской культуры из Восточного Туркестана.
 1, 2 – железные наконечники стрел; 3 – бронзовая бляха-оправа; 4 – обломок бронзового изделия; 5 – бронзовый пробой; 6, 7 – модели псалий; 8, 9 – модели стремян.

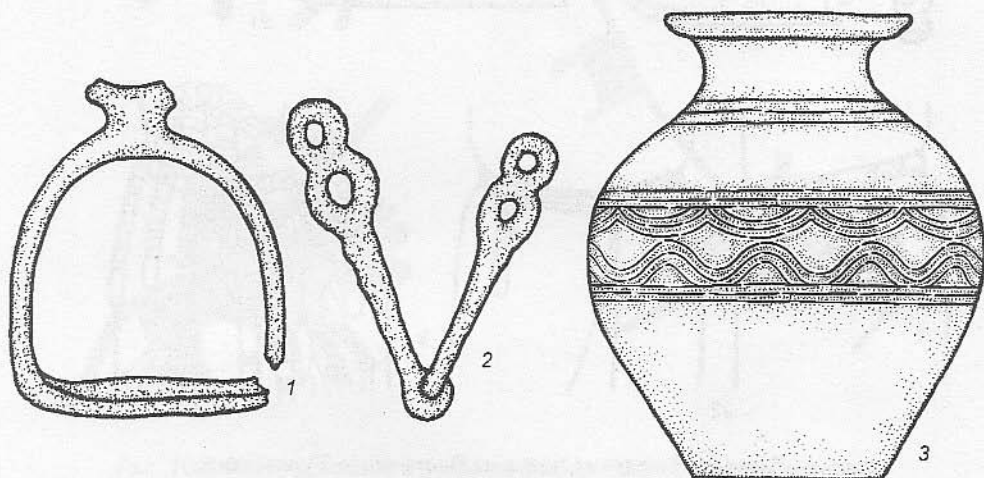

Рис. 106. Предметы древнетюркской культуры из Кээрмуци.
 1 – стремя; 2 – удила; 3 – сосуд.

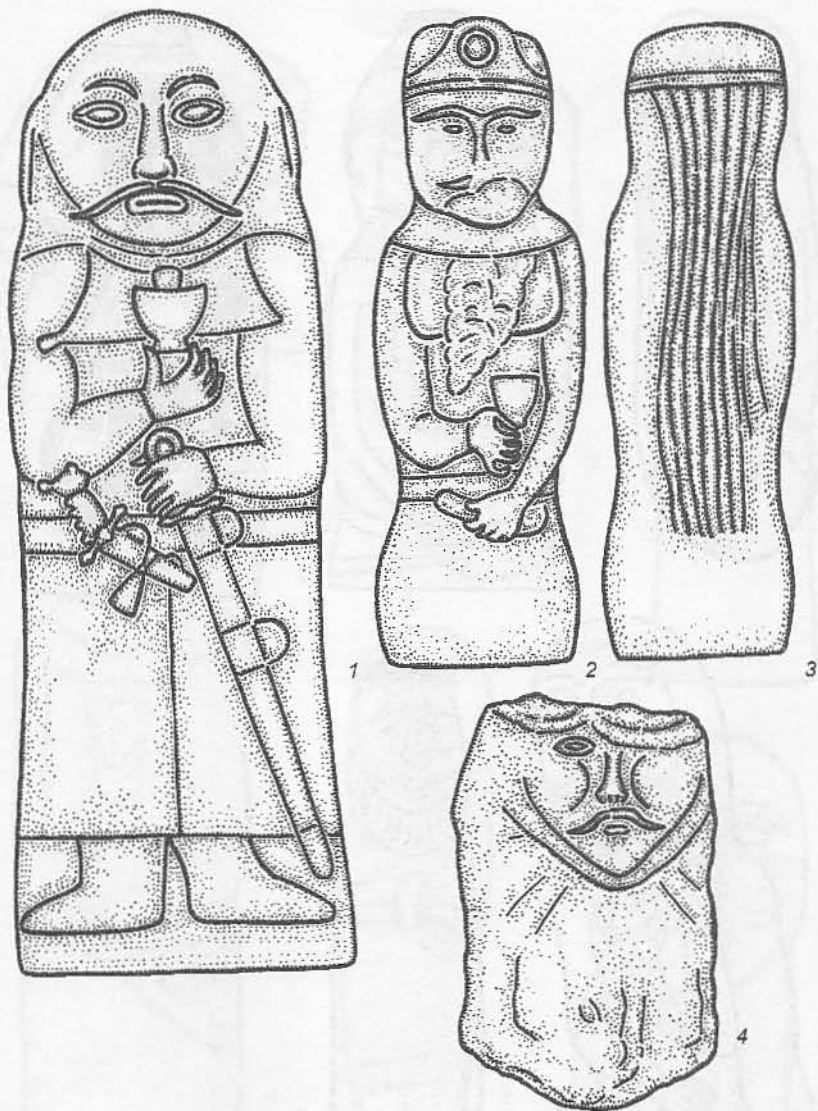

Рис. 107. Каменные изваяния из Восточного Туркестана.
 1 – Аэркате; 2, 3 – Чжунмачан; 4 – Цюаньцзыше.

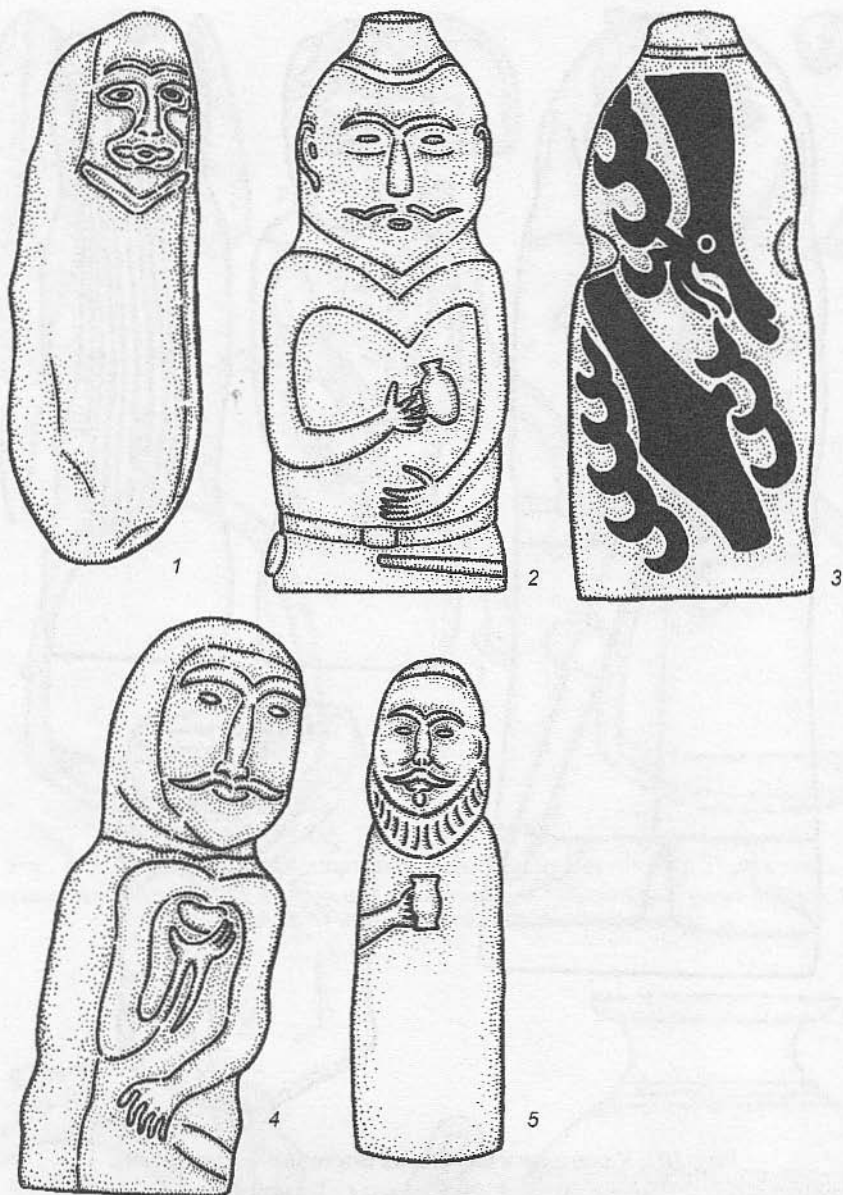

Рис. 108. Каменные изваяния из Восточного Туркестана.
 1 – Хами; 2, 3 – Унчен; 4 – Чаханобо; 5 – Чунчанбяньной.

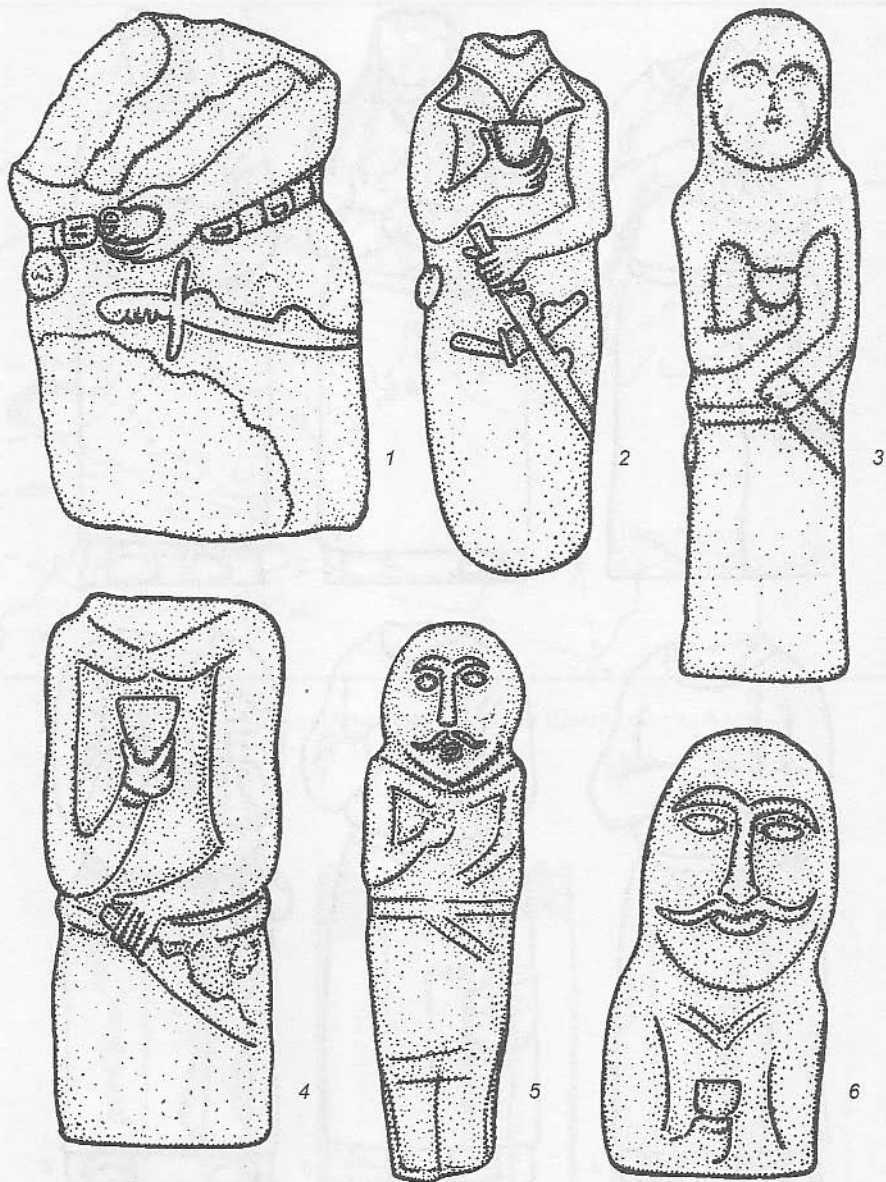

Рис. 109. Каменные изваяния из Восточного Туркестана.

1 – Кяосия; 2, 3, 4 – Хайлутань; 5 – Елаймань; 6 – Куангате.

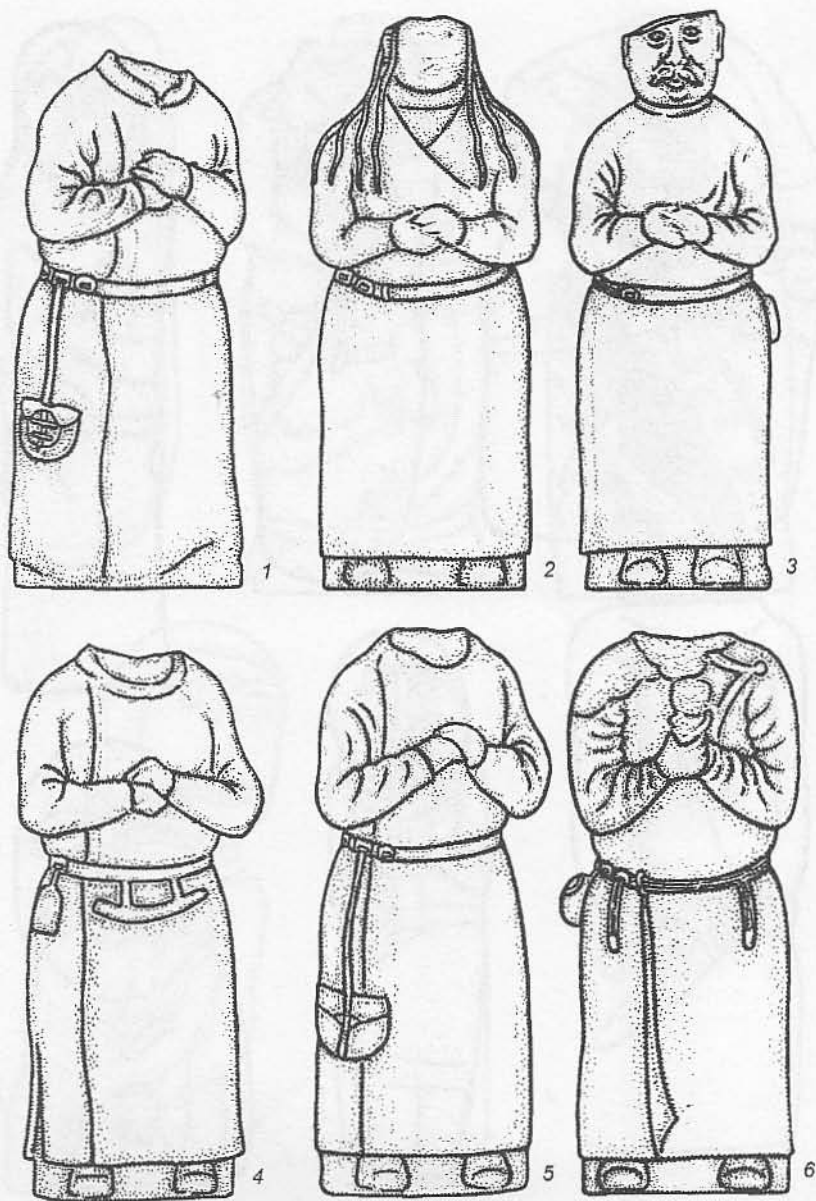

Рис. 110. Китайские статуи, изображающие древних тюрков.
 1-5 - Тяньлинь; 6 - Увэй.

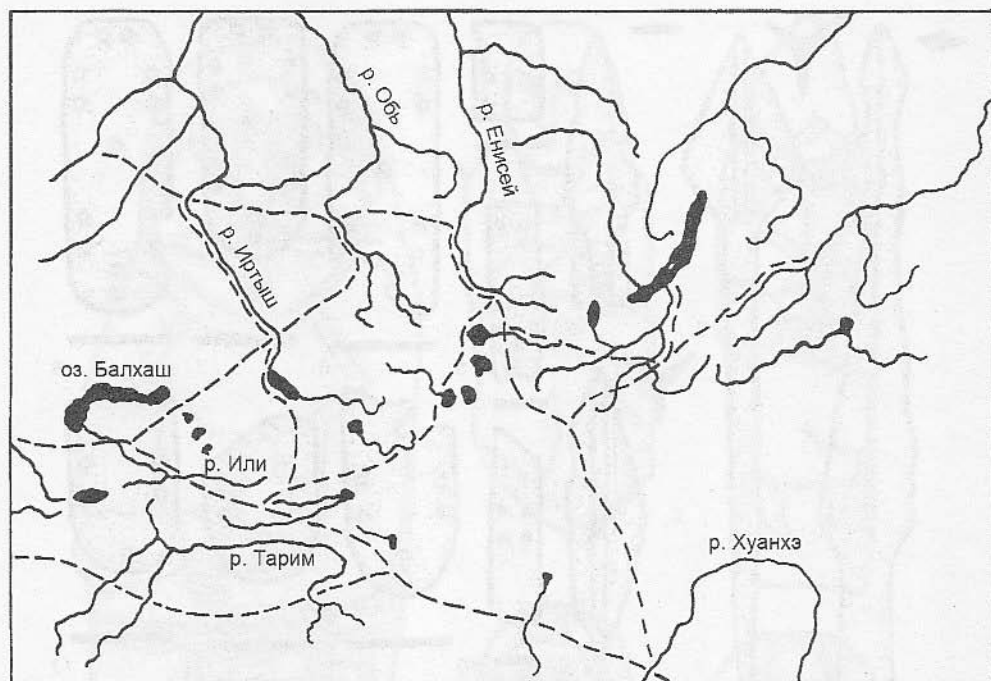

Рис. 111. Карта торговых путей через Центральную Азию.

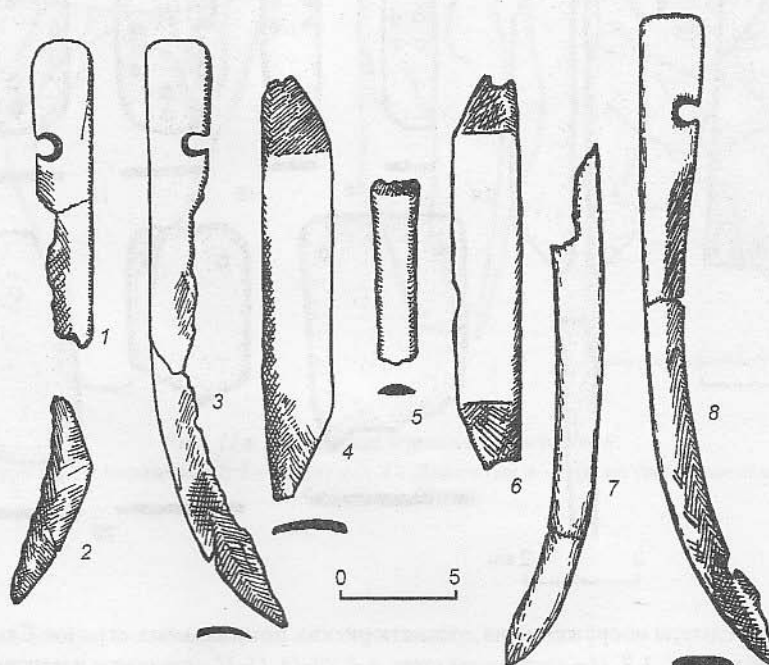

Рис. 112. Накладки лука из древнетюркского погребения Алатау в Семиречье: 1-3, 7, 8 - концевые; 4, 6 - срединные боковые; 5 - срединная фронтальная (по: [Курманкулов, 1980]).

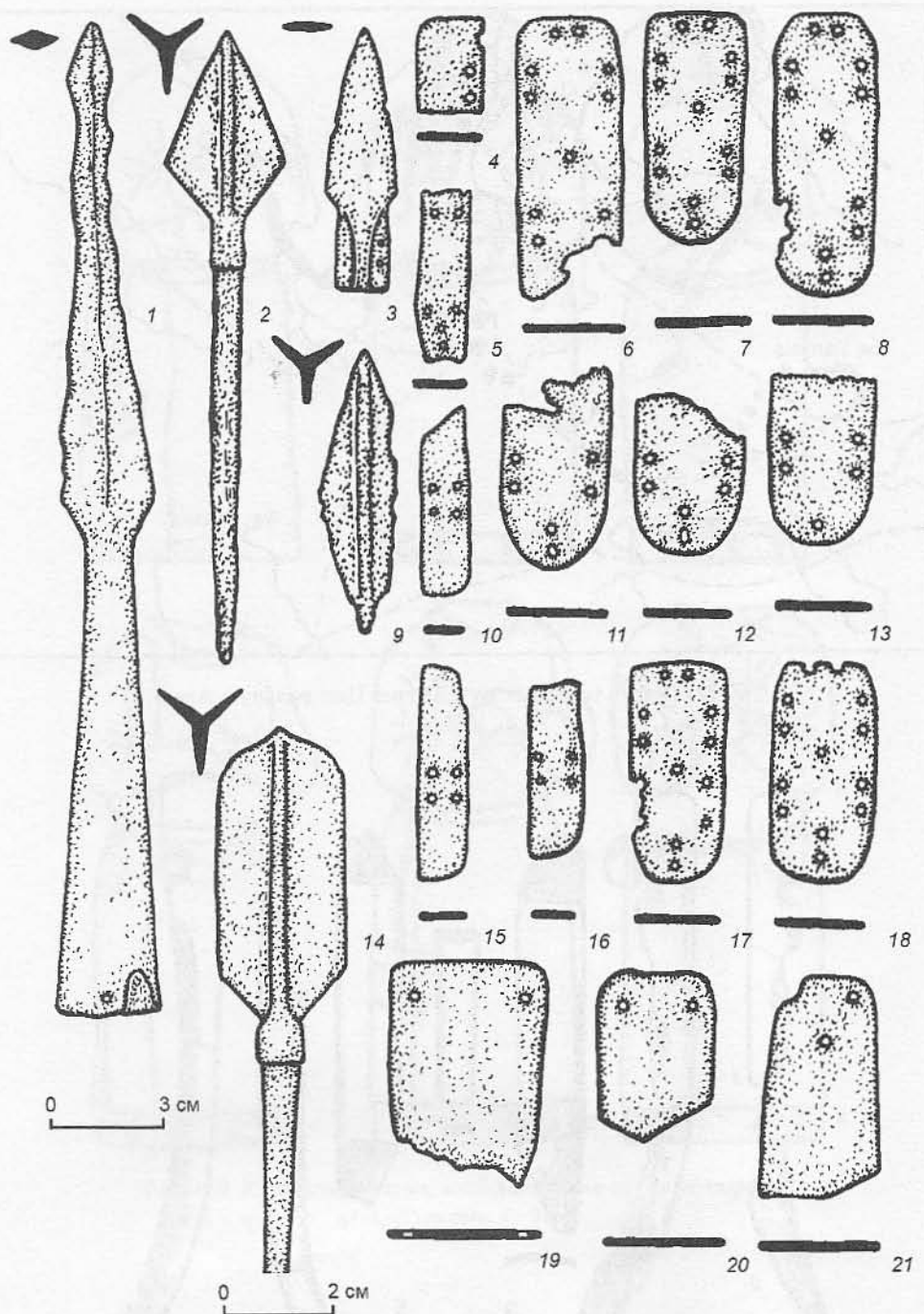

Рис. 113. Предметы вооружения из древнетюркских поминальных оградок Семиречья. 1 – наконечник копья; 2, 3, 9, 14 – наконечники стрел; 4–8, 10–13, 15–21 – панцирные пластины. 1, 19–21 – Иссык, огр. 5; 2 – Жайсан-14; 3, 4 – Жайсан-1; 5–13, 15–18 – Актерек; 14 – Момбай-Сазы (по: [Григорьев, Загородний, 1995; Досымбаева, 2006; Самашев, Григорьев, Жумабекова, 2005; Мотов, 2001]).

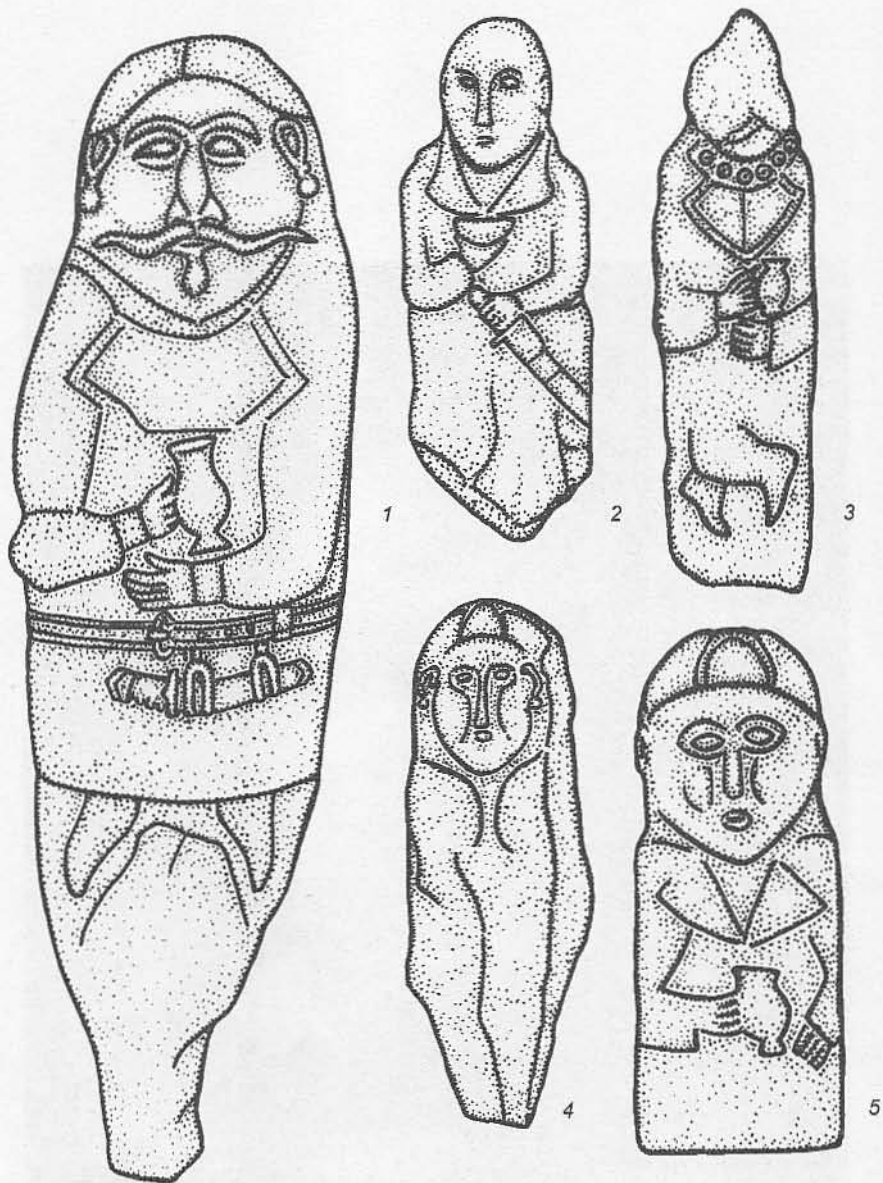

Рис. 114. Каменные изваяния Семиречья.

1 – Жайсан-14; 2 – Коржайляу-7; 3 – Теректы-2; 4 – Жайсан-26; 5 – Балхаш (по: [Досымбаева, 2006; Ермоленко, 2004]).

Рис. 115. Голова каменного изваяния. Центральный Тянь-Шань.

Рис. 116. Костяная пластина с гравированным рисунком. Могильник Суттуу-Булак.

Рис. 117. Костяная пластина с гравированным рисунком. Могильник Суттуу-Булак.

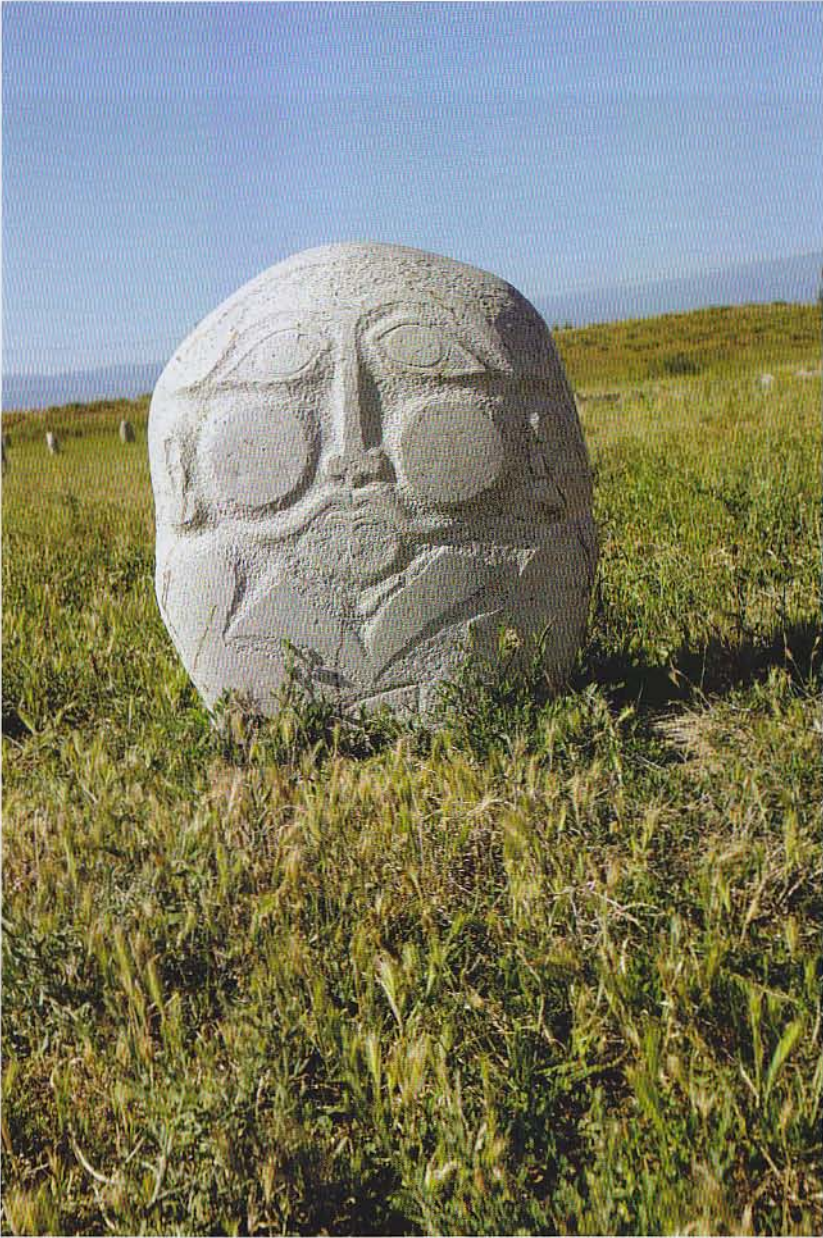

Рис. 118. Каменное изваяние. Центральный Тянь-Шань.

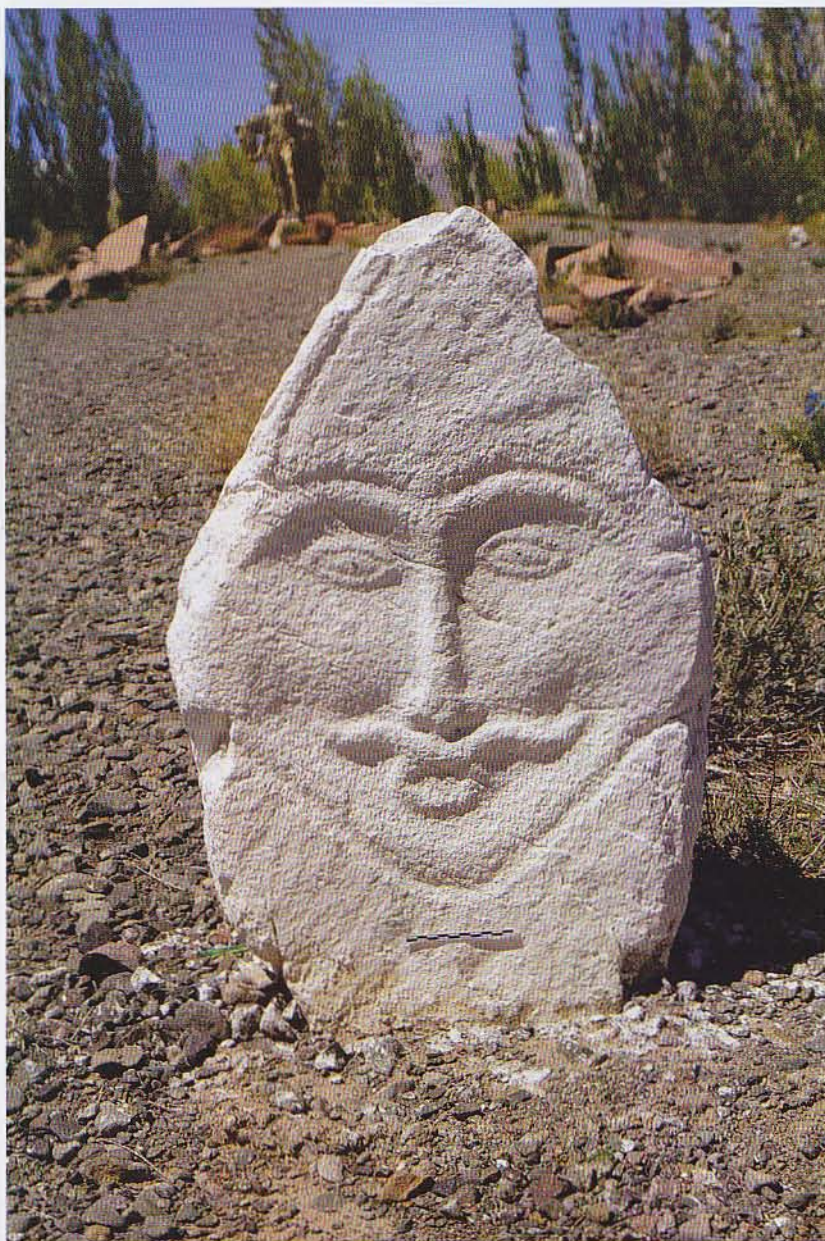

Рис. 119. Каменное изваяние у памятника Н.М. Пржевальскому. Балыкчи.

Рис. 120. Каменное изваяние у памятника Н.М. Пржевальскому, Балыкчи.

Рис. 121. Каменное изваяние. Музей-заповедник Бурана.

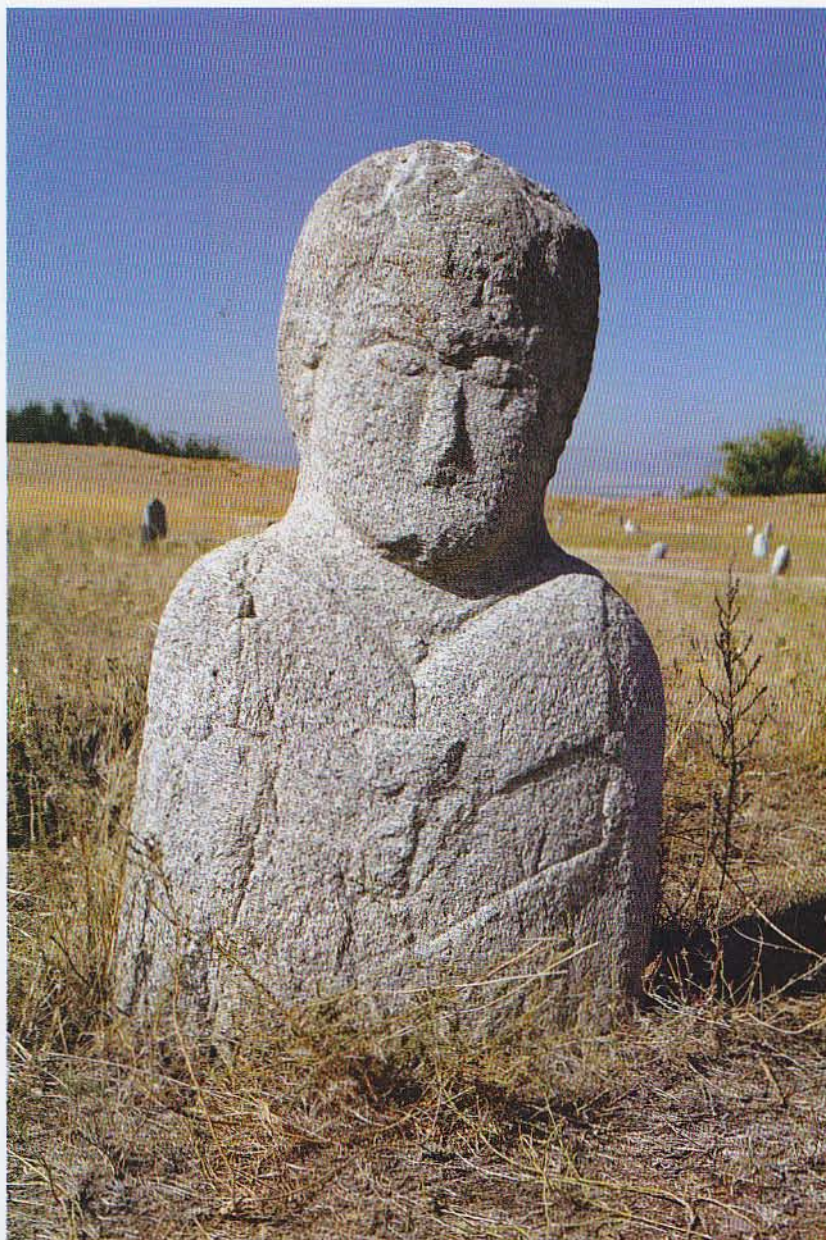

Рис. 122. Каменное изваяние. Музей-заповедник Бурана.

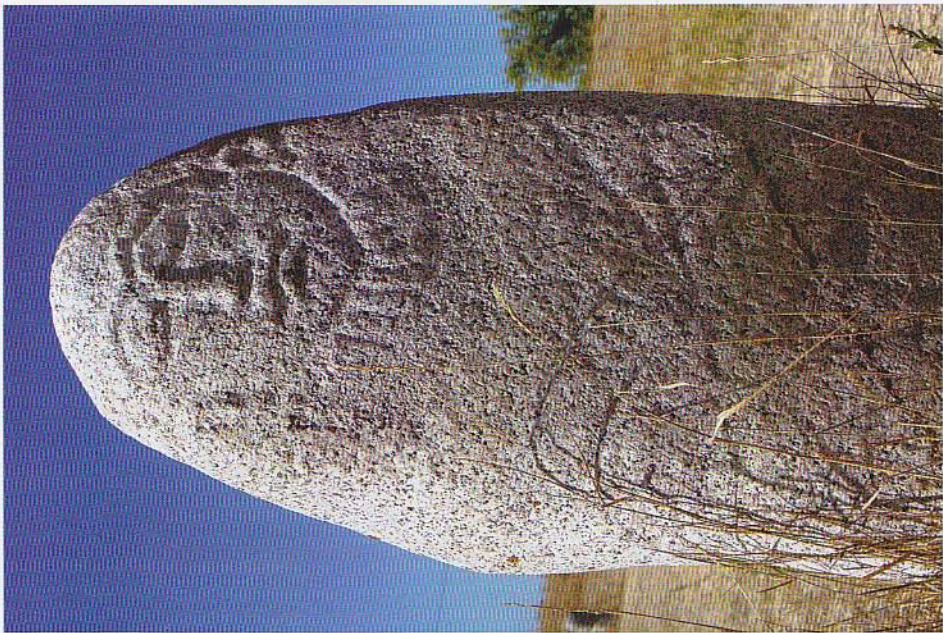

Рис. 123. Каменное изваяние. Музей-заповедник Бурана.

Рис. 124. Каменное изваяние. Музей-заповедник Бурана.

Рис. 125. Каменное изваяние. Музей-заповедник Бурана.

Рис. 126. Каменное изваяние. Музей-заповедник Бурана.

Рис. 127. Каменное изваяние. Музей-заповедник Бурана.

Рис. 128. Каменный валун с древнетюркской рунической надписью.

Рис. 130. Каменное изваяние. Долина р. Талас.

Рис. 129. Каменное изваяние. Долина р. Талас.

Рис. 131. Каменное изваяние. Котловина оз. Иссык-Куль.

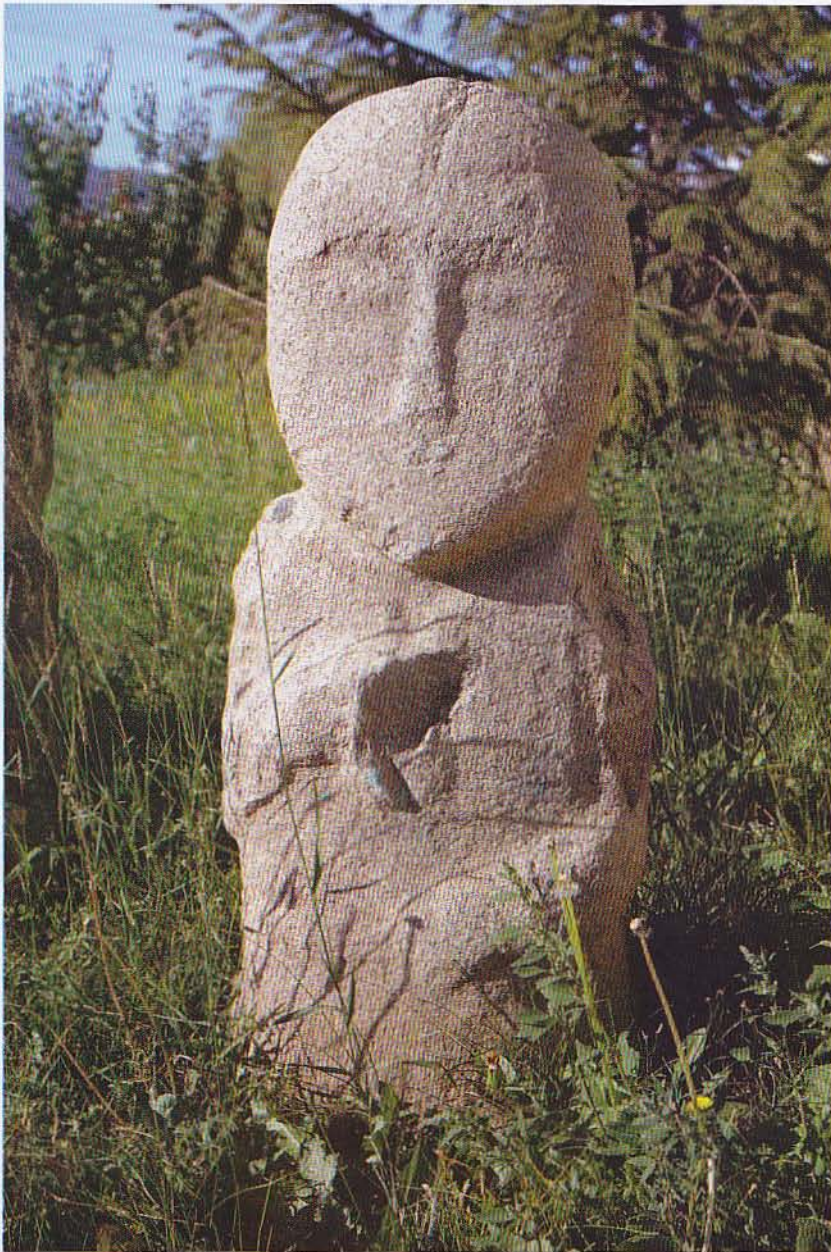

Рис. 132. Каменное изваяние. Котловина оз. Иссык-Куль.

Рис. 133. Каменное изваяние. Котловина оз. Иссык-Куль.

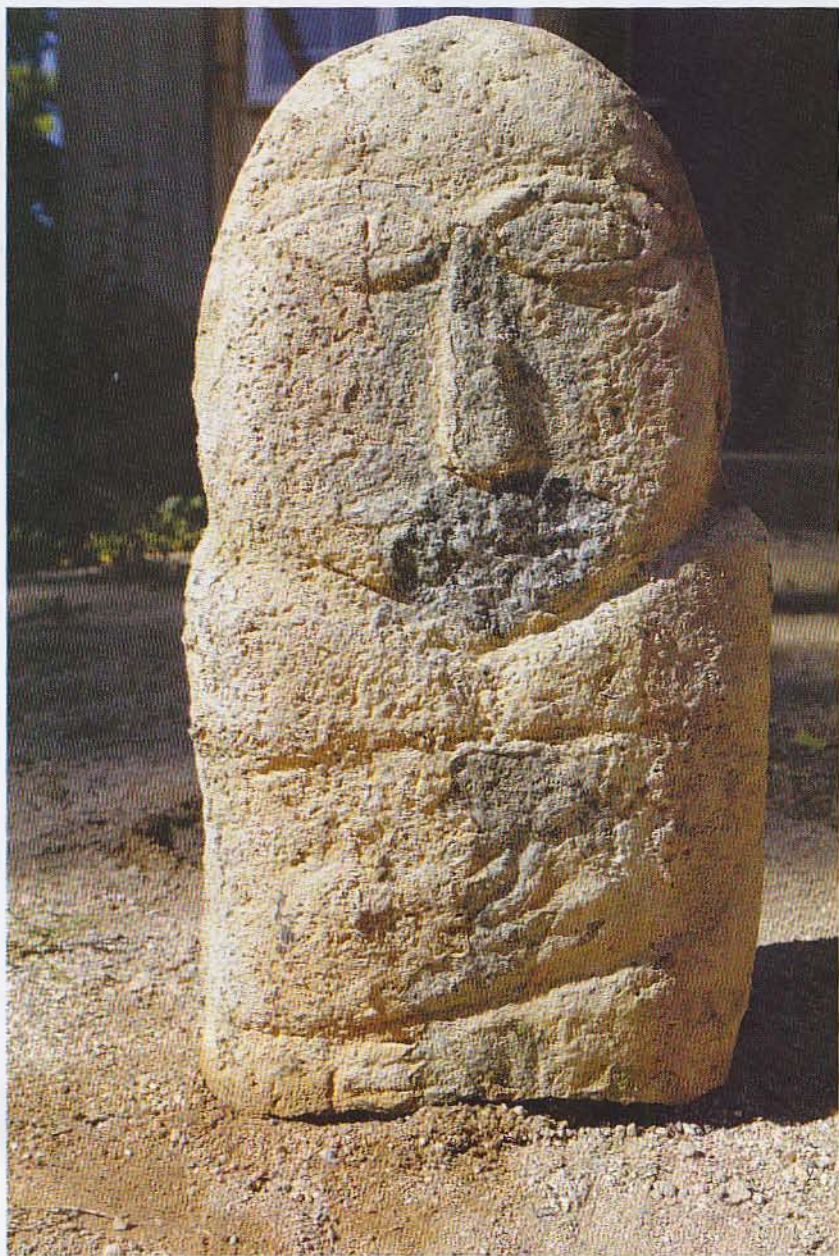

Рис. 134. Каменное изваяние. Котловина оз. Иссык-Куль.

Рис. 135. Бронзовые бляшки. Памятник Май-Чабыр, Кочкорская долина.

Рис. 136. Каменное изваяние. Памятник Ала-Мышик, долина р. Нарын.

Рис. 137. Бронзовые бляшки. Памятник Беш-Таш-Короо, Кочкорская долина.

Рис. 138. Ручка бронзового зеркала. Памятник Бел-Саз II, Кочкорская долина.

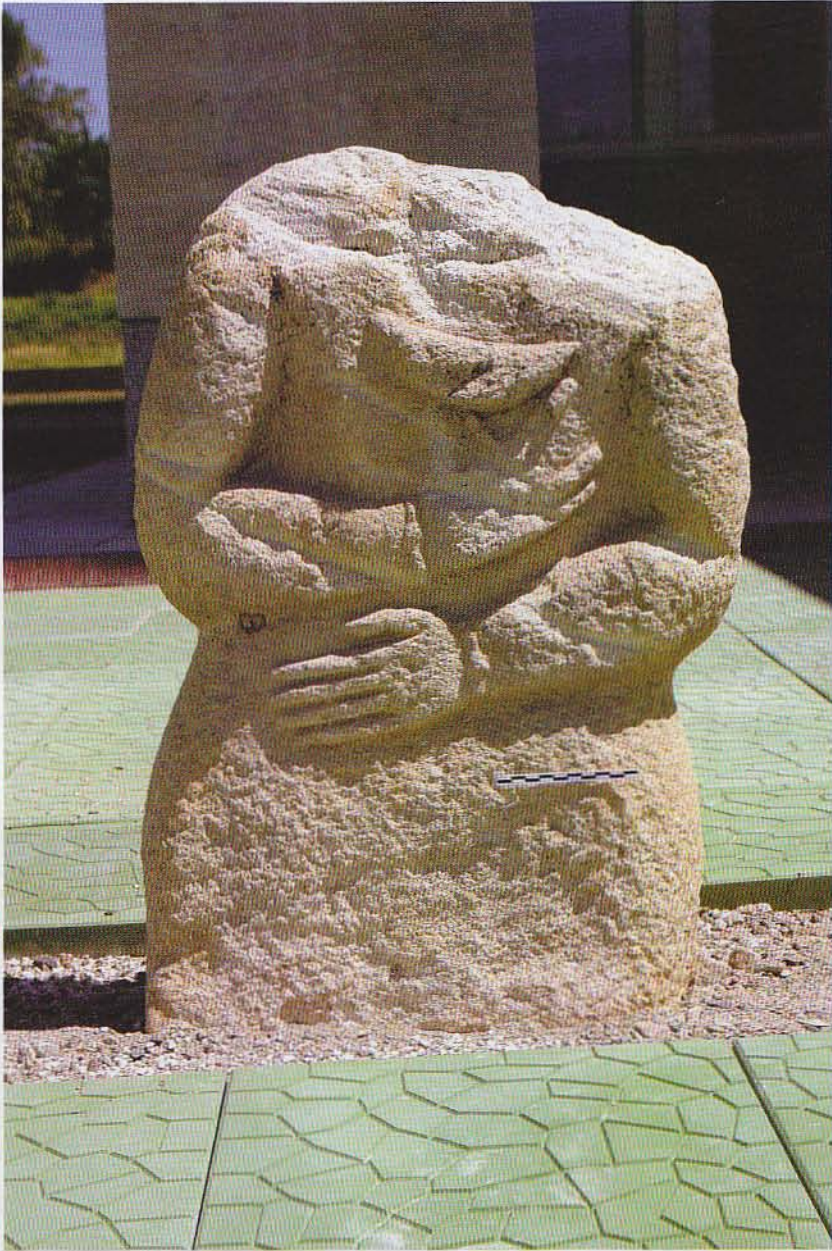

Рис. 139. Каменное изваяние. Долина р. Талас.

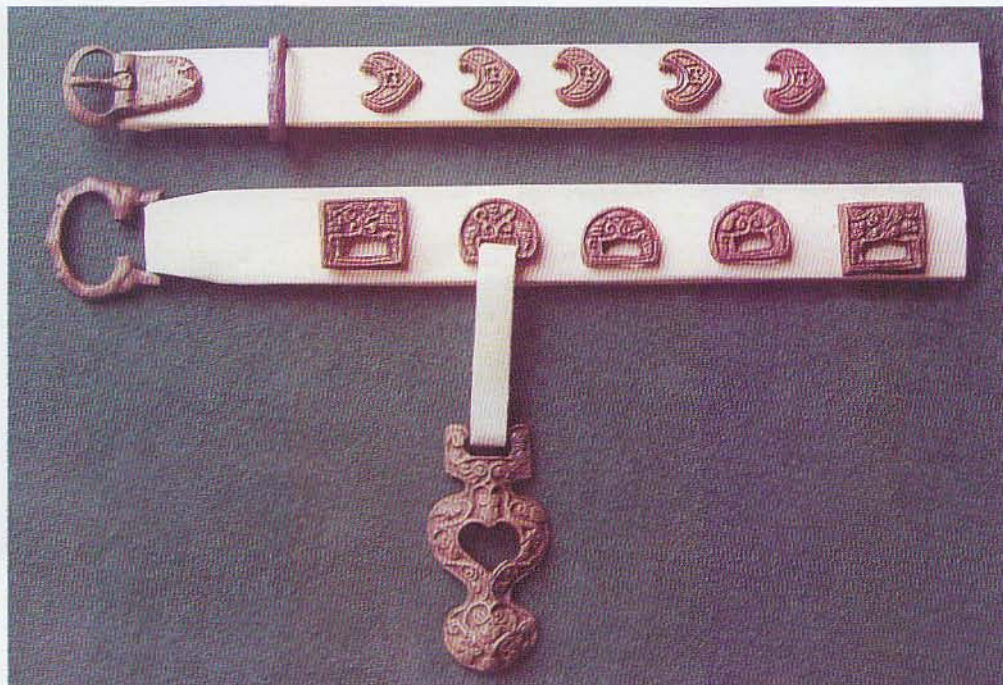

Рис. 140. Наборный пояс. Чуйская долина.

Рис. 141. Каменная скульптура черепахи. Памятник Сын-Таш, Чуйская долина.

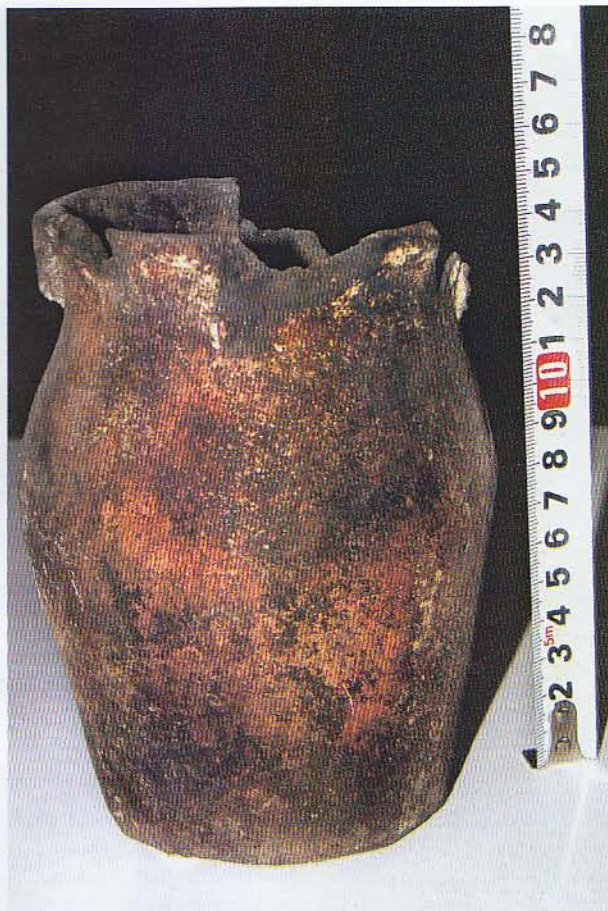

Рис. 142. Керамический сосуд. Памятник Беш-Таш-Короо, Кочкорская долина.

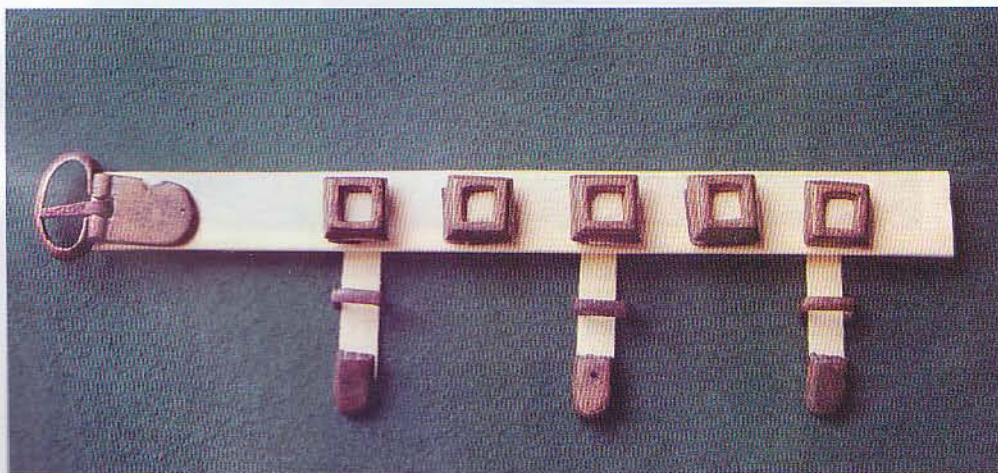

Рис. 143. Наборный пояс. Памятник Боз-Бешик. Котловина оз. Иссык-Куль.

Рис. 144. Каменное изваяние. Чуйская долина.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
Глава 1. ДРЕВНЕТЮРКСКАЯ ЭПОХА В ИСТОРИИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ	10
1.1. Происхождение древних тюрков	10
1.2. Ранняя история древних тюрков	16
1.3. Генезис древнетюркской культуры	21
Глава 2. ТЯНЬ-ШАНЬ В СИСТЕМЕ ДРЕВНЕТЮРКСКИХ ГОСУДАРСТВ	28
2.1. Первый тюркский каганат	35
2.2. Западный тюркский каганат	41
2.3. Тюркешский каганат	45
2.4. Государство карлуков	48
Глава 3. ПАМЯТНИКИ ДРЕВНЕТЮРКСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА ТЯНЬ-ШАНЕ	51
3.1. Погребальные памятники	51
3.2. Поминальные памятники	68
Глава 4. ПРЕДМЕТНЫЙ КОМПЛЕКС ДРЕВНИХ ТЮРКОВ ТЯНЬ-ШАНЯ	88
4.1. Предметы конского убранства	88
4.2. Принадлежности костюма	95
Глава 5. ВООРУЖЕНИЕ И ВОЕННОЕ ДЕЛО ДРЕВНИХ ТЮРКОВ ТЯНЬ-ШАНЯ	107
5.1. Оружие дистанционного боя	108
5.2. Оружие ближнего боя	116
5.3. Защитное вооружение	119
Глава 6. ПАМЯТНИКИ ИСКУССТВА ДРЕВНИХ ТЮРКОВ ТЯНЬ-ШАНЯ	123
6.1. Гравированные рисунки на костяных и роговых предметах.....	126
6.2. Наскальные рисунки эпохи раннего средневековья	128
6.3. Монументальная скульптура	131
6.4. Торевтика древних тюрков Тянь-Шаня	133
Глава 7. ПАМЯТНИКИ ДРЕВНЕТЮРКСКОЙ КУЛЬТУРЫ ВОСТОЧНОГО ТУРКЕСТАНА	135
Глава 8. ТОРГОВЫЕ И КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ КЫРГЫЗСТАНА В VI–X ВЕКАХ	144
Глава 9. ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ТЮРКСКИХ КОЧЕВНИКОВ ТЯНЬ-ШАНЯ	149
9.1. Скотоводство	149
9.2. Охота	151
9.3. Домашние ремесла и промыслы	152
9.4. Земледелие	154
Глава 10. ЗНАЧЕНИЕ ДРЕВНЕТЮРКСКОЙ ЭПОХИ В ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ИСТОРИИ КЫРГЫЗСТАНА	156
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	161
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	165
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	178
РИСУНКИ	179

Научное издание

**Худяков Юлий Сергеевич
Табалдиев Кубатбек Шакиевич**

**ДРЕВНИЕ ТЮРКИ
НА ТЯНЬ-ШАНЕ**

Редакторы *Е.В. Кузьминых, М.А. Коровушкина*
Корректор *Л.Г. Прокопенко*
Технический редактор *Т.А. Клименкова*
Художественный редактор *М.О. Елисева*

Подписано к печати 26.11.09 г. Формат 70 × 100/16. Офсетная печать.
Усл. печ. л. 23,4. Уч.-изд. л. 22. Тираж 500 экз. Заказ № 216.

Издательство Института археологии и этнографии СО РАН
630090, Новосибирск, пр-т Академика Лаврентьева, 17.

